

М. И. АХМЕТЗЯНОВ, Ф. Л. ШАРИФУЛЛИНА

Касимовские татары

(ПО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

КАЗАНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАГАРИФ»
2010

УДК 94(470.41) : 39
ББК 63.5(2Рос=Тат)
А95

Охраняется действующим законодательством об авторских и смежных правах (Гражданский кодекс РФ, ч. 4, гл. 70). Воспроизведение всей книги или ее части на любых видах носителей запрещается без письменного разрешения издательства.

Ахметзянов М. И.

А95 Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам) / М. И. Ахметзянов, Ф. Л. Шарифуллина. — Казань : Магариф, 2010. — 375 с.
ISBN 978-5-7761-2038-1

Книга является комплексным изложением истории касимовских татар. Исследование базируется на впервые созданном обширном своде данных по исторической генеалогии — родословных (шеджере), дополненных эпиграфическими, архивными, историко-этнографическими материалами. В работе рассматриваются хозяйство, поселения, жилище, одежда, пища, праздники, обряды касимовских татар середины XIX — начала XX в.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся вопросами этнокультурной истории и формирования этнического самосознания татарского народа.

ISBN 978-5-7761-2038-1

© Издательство «Магариф», 2010
© Оформление. Издательство
«Магариф», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Касимовские татары проживают компактно, хотя и немногочисленной группой на территории Рязанской области — в городе Касимове и Касимовском районе. Они исповедуют ислам и не утратили чувства национального самосознания и интереса к своей истории и традиционной культуре, несмотря на то что в течение нескольких столетий проживают рядом с русскими. Касимовский говор относится к среднему диалекту татарского языка, но имеет фонетические особенности. Численность касимовских татар, стабильно державшаяся в течение нескольких столетий в пределах 5—6 тысяч человек, к концу XX в. сократилась до 1040 человек. Миграционные процессы среди касимовских татар способствовали тому, что они стали самой урбанизированной группой среди волгоуральских татар. В настоящее время большинство касимовцев проживает в крупных городах России — Санкт-Петербурге, Москве, Рязани, Казани, Челябинске и др., а также в Средней Азии (Ташкенте, Самарканде, Бухаре), Казахстане (Алматы, Петропавловске), Прибалтике (Риге, Таллинне). Статистические материалы последних лет свидетельствуют об усилившемся процессе возвращения касимовцев на родину из Средней Азии, Казахстана. В настоящее время общая численность татар в городе Касимове и Касимовском районе составляет более 2 тысяч человек.

Научный интерес к татарам, расселенным на территории Рязанской области — в городе Касимове и Касимовском районе, обусловлен тем, что они сыграли большую роль в процессе формирования социально-экономической и культурной общности татарского этноса. Кроме того, касимовские татары — потомки ханов, мурз, духовенства, служилых людей — сумели сохранить, вплоть до сегодняшних дней, родословные записи. Родословные (шеджере) являются важным этноисторическим источником для изучения происхождения и родственных связей исторических лиц, родов и фамилий. В данном исследовании основной акцент сделан на анализ родословий (шеджере) касимовских татар. История формирования родословных самым тесным образом связана с политической, социально-экономической, этнической историей, традиционной культурой и этнокультурными связями касимовских татар.

Актуальность исследования исторической генеалогии заключа-

ется в возрождении интереса татар к своей национальной истории. Родословные являются неотъемлемой частью культуры этноса. Традиция ведения родословных записей уходит своими корнями в глубь веков. Одним из главных факторов, лежащих в основе традиции составления родословных, стал культ предков, столь характерный для традиционной культуры татар. Уважение и почитание своих отцов и дедов, сохранение их в исторической памяти до шестого поколения являлось характерным для национального менталитета.

Другим важным фактором, обусловившим появление родословных записей, была экономическая необходимость. Шеджере стали обязательной частью культуры элиты этноса, поскольку, будучи документальным свидетельством принадлежности человека к тому или иному роду, гарантировали последующим поколениям, в случае необходимости, наследственное право на имущество и землю.

В 20—30-е гг. XX в. родословные записи начали терять свое значение. Тяжелые военные годы, разруха, годы индустриализации, массовые миграции, гибель людей привели к исчезновению многих традиций, родственных связей и забвению имен своих предков. Между тем исчезновение одного из звеньев в цепи народных традиций оборачивается потерей чувства родства и единства у представителей этноса. Авторы данного исследования поставили перед собой цель: вернуть народу его утраченное наследие и создать, насколько это возможно, обширный свод татарских родословий. Это было связано со следующими задачами: показать роль и место родословных в национальной культуре сквозь призму объекта исследования — касимовских татар. К числу методов достижения цели и решения задач относятся интервью с информаторами, располагающими материалами по родословным. Существенным моментом в исследовании родословных является методический прием — критическое рассмотрение «родословных источников не «самих по себе», а в комплексе с другими материалами. Полученные данные были существенно пополнены и углублены за счет эпиграфических, архивных, статистических, историко-этнографических материалов. При выявлении общих и специфических сторон в родословных касимовских и других групп татар применялся сравнительно-исторический метод.

Многие данные по родословным, истории, этнографии касимовских татар были впервые введены в научный оборот. Основным источником послужили материалы, собранные авторами в результате многолетних (с 1970-х гг. по настоящее время) археографических и этнографических экспедиций в город Касимов и Касимовский район Рязанской области, Подмосковье, а также в те районы Волго-Уральского региона, население которых было связано родственными узами с территорией Касимовского ханства.

Значительная часть исследования состоит из татарских родо-

словных (шеджер), собранных исследователем доктором филологических наук М. И. Ахметзяновым. Им была проведена огромная текстологическая работа над первоисточниками. Во время работы в экспедициях и архивах он выявил, собрал, обработал и систематизировал ранее неизвестные документы, уточнил их содержание, хронологические рамки, территорию происхождения. В ближайший круг исследований вошли родословные татар-выходцев из Касимова, Темникова, Сергача.

Другим источником для родословных послужили эпитафийные надписи, их стилевые, декоративные особенности и формы надгробных памятников. М. И. Ахметзяновым были обследованы городские и сельские мусульманские кладбища, а также мавзолеи татарских ханов, в том числе и мавзолей Шах-Гали-хана в Касимове. Аналогичная работа проводилась им на татарских кладбищах города Оренбурга и в селе Каргали, где проживали татары-переселенцы из города Касимова. Эпитафийные надписи послужили дополнением к родословным наиболее древних и известных касимовских фамилий, таких как Акчурины, Максутовы, Бурнашевы, Шакуловы, Байбековы, Ширинские, Сююндуковы, Мустафины, Чанышевы, Алишевы и др.

В последующих главах (автор — кандидат исторических наук Ф. Л. Шарифуллина) рассматриваются основные этапы формирования и развития касимовских татар, традиционная материальная и духовная культура середины XIX — начала XX в.: поселения, жилища, одежда, пища, обряды, верования.

Большое значение при написании данной работы имели материалы, содержащиеся в трудах историков, этнографов, языковедов, антропологов: В. В. Вельяминова-Зернова, Г. Н. Ахмарова, В. А. Гордлевского, Л. Т. Махмутовой, Т. А. Трофимовой, М. И. Ахметзянова, Д. М. Исхакова и др.

В результате исследования авторами был собран и проанализирован значительный круг источников — воспоминания, родословные записи, архивные и опубликованные материалы, на основе которых был составлен обширный свод родословных татарского этноса.

РОДОСЛОВНЫЕ КАСИМОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

РОДОСЛОВНАЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ КАСИМОВСКОГО ХАНСТВА*

	<i>I поколение</i>	
1	Чингисхан	
	<i>II поколение</i>	
2	Джучи-хан (? — 1227)	1
	<i>III поколение</i>	
3	Тукай-Тимур	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Урунг-Тимур	3
	<i>V поколение</i>	
5	Сарича	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Кунчек	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Туляк-Ходжа	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Дервиш	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Джанаса	8
10	Учакел-Хасан	8
	<i>X поколение</i>	
11	Таш-Тимур (? — 1395)	9
12	Улуг-Мухаммет, золотоордынский хан (1427—1437) и казанский хан (1437—1445)	10
	<i>XI поколение</i>	
13	Махмутек (Махмуд), казанский хан с 1445 г.	12
14	Касим-хан (Касыйм), основатель Касимовского ханства в 1452 г., умер в 1469 г.	12
15	Якуб	12
16	Юсуф	12
	<i>XII поколение</i>	
17	Данияр (Даниял), касимовский хан с 1469 г., умер в 1486 г.	14

* Цифры справа — индекс отцов. Н-р: Джучи-хан приходится отцом Чингисхану.

Источники: *Шишкин Н. И.* История города Касимова с древнейших времен.— Рязань: Изд-во газеты «Благовест», 1999.— 227 с.; На стыке континентов и цивилизаций. — М.: Инсан, 1996.— 764 с.

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ МАКСУДОВЫХ

Князя Максудовы и их потомки оставили заметный след в истории касимовских и казанских татар. У них сохранились родословные записи о своих предках.

Впервые родословными записями Максудовых стал заниматься с научно-исторической точки зрения известный татарский исламовед, историк-просветитель муфтий Ризаэддин бине Фахрутдин. Он собрал солидную массу архивных документов относительно фамилии Максудовых. Теперь они хранятся в научном архиве Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (личный фонд Ризаэددина бине Фахрутдина, том 20). Объем архивных источников этого фонда по фамилии Максудовых и Акчуриных составляет 180 листов. Они представляют образцы родословных, копий архивных документов, грамот, справок и других источников.

Ризаэддин бине Фахрутдин опубликовал один из списков родословных Максудовых в издаваемом им журнале «Шура» в 1917 г. (№ 6.— С.140—142). Исходя из примечаний данного текста, можно предположить, что она была составлена не позже 1840 г. В Казани у представителей данной фамилии хранится большой старинный рукописный текст шеджере (на арабской графике).

Татарский вариант публикации шеджере Ризаэددина бине Фахрутдина был повторно издан в 1995 г. с переводом текста с арабской графики на кириллицу и обработан по требованиям современных технических правил¹. Данный текст включен в сборник касимовских родословных с переводом на русский язык:

I поколение

1. Максуд углан. Князь Максуд был из поколения султанов Касим-хана. Род князей Максудовых начинается от этой личности. Максуд углан умер в 1554 г.

II поколение

2. Сын князя Максуда — Айдар (Хайдар)

III поколение

3. Сын Айдара бине Максуда — Арслан

¹ *Әхмәтжанов Марсель.* Татар шәжәрәләре.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.— 63—68 б.

IV поколение

4. Сыновья Арслана бине Айдара: Каплан, Ибрагим, Исмаиль, Мустафа — капитан, Гадельша — ротмистр, Хурамшах — убит в Якубовском батальоне, бездетный.

V поколение

Сыновья Каплана бине Арслана: Бикмай (Биктимер), Джанкай — служил кормчим в Ярославле.

Сыновья Ибрагима бине Арслана: Хурамшах, Бадамшах.

Сыновья Исмаиля бине Арслана: Гадишах, Шагбан (Шабай) — бездетный, Даулетмухаммет, Дустмухаммет — бездетный.

Сыновья Мустафы бине Арслана:

Бикмурза, Сулейман, Юсуф.

Сыновья Гадельши бине Арслана: Валишах, Биктимер (после крещения Иван), Жан.

VI поколение

Сын Хурамшаха бине Ибрагима — Бикмай (Бикмурза).

Сыновья Бадамши бине Ибрагима: Акмухаммет, Муканай (Мухаммет).

Сыновья Гадишаха бине Исмаиля: Рамазан, Уразмухаммет.

Сыновья Даулетмухаммета бине Исмаиля: Ихсан — бездетный (после крещения Иван), Батыр (после крещения Иван) — служил переводчиком в департаменте иностранных дел, Платон — бездетный, Канай (Ханафия), Шагбан.

Сыновья Бикмурзы, сына Мустафы: Мухаммет — бездетный, Тангрибирди, Азамат (Газамат) (после крещения Александр).

Сыновья Сулеймана, сына Мустафы:

Абдрахмай (Габдерахман) (после крещения — Михаил), служил прапорщиком в гвардии, Бахтияр.

Сыновья Юсуфа, сына Мустафы: Булат, Рамазан — бездетный, Азамат (Газамат).

Сыновья Валишаха бине Гадельшаха: Юсуф, Мустафа, Ибрагим (жена этого Ибрагима была дочерью турецкого паши).

Сыновья Биктимира (после крещения Ивана) бине Гадельшаха: Мустафа (после крещения Николай, майор), Габдулла.

Сыновья Жан бине Гадельшаха: Мухаммет, Кутлуг-Мухаммет.

VII поколение

Сыновья Бикмая бине Хурамши: Муса, Ибрагим.

Сыновья Акмухаммета бине Бадамшаха:

Ибрагим, Юсуф — бездетный, Габдулла.

Сыновья Муканая (Мухаммета) бине Бадамшаха: Мустафа, Сулейман — бездетный.

Сын Рамазана бине Гадельшаха: Габдерахман.

Сын Уразмета бине Гадельшаха: Газамат (Азамат).

Сыновья Батыра (Ивана) бине Даулетмухаммета: Петр, Федор, Тимерпулат (Тихон), Иван.

Сын Каная бине Даулетмухаммета: Габдулла.

Сыновья Шагбана бине Даулетмухаммета: Нурмухаммет, Ахмет — бездетный.

Сын Тангрибирди бине Бикмурзы: Ибрагим, жил в Чембарском уезде.

Сыновья Азамата (Александра) бине Бикмурзы: Ильяс — прапорщик, Егор — прапорщик, Рахматулла, Габдрахман, Абрахмай.

Сыновья Михаила бине Сулеймана: Иван — майор, Федор — подпоручик.

Сын Бахтияра бине Сулеймана — Гадельшах.

Сыновья Булата бине Юсуфа: Малай (Малик), Мустафа, Муртаза.

Сыновья Азамата (Газамата) бине Юсуфа: Муса, Ибрагим.

Сын Юсуфа бине Валишаха — Габдулла.

Сын Мустафы бине Валишаха — Асфандияр, дослужился до звания майора, его дочь Зулейха.

Сыновья Ибрагима бине Валишаха: Муса, Мустафа, Ахмет.

Сыновья Мустафы (Николай) бине Биктимера (Ивана): Алексей — капитан (бездетный), Василий — прапорщик.

Сын Габдуллы бине Биктимера (Ивана) — Тимерпулат.

Сын Кутлуг-Мухаммета бине Жана — Ильяс.

VIII поколение

Сыновья Ибрагима бине Акмухаммета: Тимерпулат, Абубакир.

Сын Габдуллы бине Акмухаммета — Мухамметрахим.

Сыновья Мустафы бине Муканая: Якуб, Тимерпулат, Аликай (Галикай).

Сыновья Габдрахмана бине Рамазана: Сулейман, Жан.

Сыновья Нурмухаммета бине Шагбана: Исмаиль, Якуб, Тимерпулат.

Сыновья Ибрагима бине Тангрибирди: Якуб, Юсуф — бездетный, Тимерпулат.

Сыновья Мустафы бине Тимерпулата: Салих, Рахматулла.

Сын Мусы бине Азамата — Арслан.

Сыновья Мусы бине Ибрагима: Якуб, Бахтияр, Тимерпулат, Муртаза.

Сын Ахмета бине Ибрагима — Яхья.

Сын Василия бине Мустафы (Николая) — Николай.

Сын Тимерпулата бине Мухаммеда — Хусаин.

Сыновья Ильяса бине Кутлуга-Мухаммеда: Сулейман, Хамза, Ибрагим.

IX поколение

Сын Тимерпулата бине Нурмухаммета — Мухамметгарай.

Сыновья Якуба бине Ибрагима: Рахматулла, Нигматулла, Максуд — бездетный.

Сыновья Тимерпулата бине Ибрагима: Галиакбер, Хамза, Ханафия, Мухамметрахим, Мухамметзян.

Сын Якуба бине Мусы — Габидулла.

Сыновья Бахтияра бине Мусы: Мухаммедзамин, Мухамметамин.

Сыновья Яхьи бине Ахмета: Муса, Ибрагим — фельдфебель, Муртаза, Мухамметрахим.

Сыновья Хамита бине Тимерпулата: Карим — бездетный, Хамза — бездетный, Галиакбер.

X поколение

Сыновья Мухамметгирея бине Тимерпулата: Хамза, Хасан — бездетный.

Дочь Рахматуллы бине Якуба: Биbigайша, замужем за Даулетгильдиевым.

Сыновья Нигматуллы бине Якуба: Рахимгирей, Салимгирей, Габдуллазян.

XI поколение

Дети Хамзы бине Мухамметгирея: Сафа, Хусаин, Шарафельниса, Зулейха (ж.) — бездетная, Бибиджамал (ж.) — бездетная, Хасан, Зугра (ж.), Бурганетдин, Касымхан, Мадина (ж.) — бездетная.

Сыновья Мухамметрахима бине Мухамметгалима (Мухамметамина): Мухамметгали, Мухамметгалим, ныне живущий в Петрограде — Галимухаммет мирза Максудов.

Примечание

В XIV—XVII вв. многие татары, оставив свои родные места, пошли на службу к русским князьям. Они обычно переезжали на московские земли со своими семьями, родственниками, военными, слугами. Из них русские князья составляли военные формирования и, благодаря их помощи, подчиняли земли многих угро-финских, балтийских народов и татарских ханств Казани, Астрахани, Сибири, Крыма, Ногайской Орды. После завершения завоевания татарских государств русские правители продолжали привлекать татар на военную службу. Однако они не составляли отдельные национальные отряды, их размещали среди русского населения, где они со временем теряли свою самобытность, язык, культуру, сталкивались с категоричным требованием царской администрации перейти в православную веру. Процесс обрусения татар можно наблюдать на примере родословной князей Максудовых, проживавших в г. Каси-

мове. Они являлись родственниками одного из касимовских ханов. На кладбище г. Касимова сохранились эпитафийные памятники данной фамилии, материалы которых дают возможность уточнить даты жизни отдельных поколений. Например, согласно данным историка В. В. Вельяминова-Зернова, на Старопосадском кладбище г. Касимова была зафиксирована надпись о смерти женщины по имени Яхшылык ханыш, которая умерла в 1003 г. хиджры, или в 1594 г. по григорианскому календарю. Она являлась дочерью Айда-ра мирзы и внучкой Максуда князя.

РОДОСЛОВНАЯ АЛИША

Родословная рода Алиша начинается с 1-й пол. XVII в. В заветствии от 1639 г. касимовского Галикай аталыка упоминаются Алиш бек и его сын Аль-Мухаммед (Альмет) как здравствующие касимовские вельможи¹.

Далее о них есть упоминание как о жителях села Минг или Шунгат в труде Шигабутдина Марджани². Видимо, Алиш-бек (князь) переехал на берега Волги в качестве начальника отряда служилых татар, так как к середине XVII в. Среднее Поволжье оставалось приграничной областью Московской Руси. Там иногда появлялись отряды ногайских татар и калмыков. Города Алатырь и Тетюши служили приграничными укрепленными пунктами. Алиш-бек и его сын Альмаммет (Альмет), судя по названию населенного пункта, в котором они проживали, принадлежали к татарскому племени «Минг или». Ш. Марджани неправильно определяет их принадлежность к мишарскому этносу. Касимов — это столица в большей степени татар, переселившихся сюда из Большой Орды, Ногайской Орды, Астраханского, Казанского, Крымского, Сибирского ханств — т.е. золотоордынских татар. По мере укрепления власти Московской Руси и строительства военных линий, укрепленных крепостями (Симбирск, Ерыклинск, Билярск, Новошешминск, Заинск, Мензелинск), закамские земли стали более интенсивно осваиваться служилыми людьми. Альмет, сын Алиш-бека, переехал из Шунгаты в Закамье, основав там поселение Альметьево. Его отца уже в то время не было в живых. История Альметьева для науки пока туманна. Альмет, имя которого упоминалось в 1639 г., был в 1670 г. зрелым мужчиной. Он до этого года уже основал свое поселение Альметьево на реке М. Черемшаны. Хотя этот край был весьма беспокойным, потомки Альмета не исчезли и сохранили имя

¹ Источники по истории Татарстана (XVI—XVIII вв.).— Казань, 1993.— С. 109.

² *Марджани Ш.* Мөстәфәдел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар.— Казан, 1900.— 228 б.

своего предка — основателя селения. Возможно, Альметьево не раз горело, не раз меняло свое географическое положение, однако существует и поныне.

Из рода Алиша вышли знаменитые руководители, духовные деятели, ученые, учителя, герои, писатели, художники и т. д.

Таблица родословной

	<i>I поколение</i>	
1	Алиш... (бек — М.А.)	
	<i>II поколение</i>	
2	Альмет (Альмамет, Гали-Мухаммет)	1
	<i>III поколение</i>	
3	Сюрмет-хафиз	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Ибрагим (1694—1744)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Джагфар, умер в 1796 г.	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Губайдулла, учился в Оренбургских Каргалах. Был в медресе с. Курманаево (Кизляв) имамом-хатибом и мудarrisом, умер в 1823 г. в возрасте 72 лет	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Нигматулла, содержал медресе	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Нурулла, из с. Старое Альметьево, затем переехал в с. Куюки (Спасский р-н)	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Габдельбари	8
	<i>X поколение</i>	
10	Абдулла Алиш (1908 — 1944), татарский детский писатель, казнен фашистами в Берлине в тюрьме вместе с Мусой Джалилем и его боевыми товарищами	9
11	Закира (1902 г.р.)	9

Вторая ветвь рода Алиш-бека

	<i>I поколение</i>	
1	Кумач	
	<i>II поколение</i>	
2	Гирей	1
	<i>III поколение</i>	
3	Джиан	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Биккул	3

	<i>V поколение</i>	
5	Судейман	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Нигматулла, из с. Старое Альметьево	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Тухватулла (жил в с. Малые Кайбицы Кайбицкого р-на Татарстана)	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Хикматулла, жил в с. Малые Кайбицы, в 1860 г. был еще жив	7
9	Мутигулла (1846 — 1920), учился в медресе Кышкара, Аль-Азгара (Египет) и т.д. Был наставником Габдуллы Тукая	7
	<i>IX поколение</i>	
10	Камиль Мутыгый (1883—1941), публицист, журналист, артист	9
11	Галия Кайбицкая (1905—1993), артистка	9

Судя по этим двум спискам родословной Алиш-бека, его более подробная генеалогия пока неизвестна.

Первая версия шеджере Алиш-бека, хранившаяся у старшей сестры Абдуллы Алиша Закиры Яруллиной (с. Старые Салманы Алькеевского р-на Татарстана), была скопирована 30 июня 1974 г.

Вторая версия сохранилась на листе рукописной книги второй половины XIX в. (Кол. 39.— Оп. 1.— Ед. хр. 5890). Копии списков родословных Алиш-бека хранятся в хранилище под шифром Кол. 99.— Оп. 1.— Ед. хр. № 138 и др.

Список родословной Алиш-бека, выявленный археографом С. Вахиди

Рукопись является лишь фрагментом центральной части родословной. Текст скопирован с частичными дополнениями в 1-й пол. XIX в. Документ представляет собой рукописный текст, написанный арабскими буквами на пожелтевшей от времени бумаге размером 16х19 см. Здесь упомянуты, помимо имен предков, такие имена, как Килька, Киявли, ранее не встречавшиеся в других списках. Имя Килька (Килька абыз) известно из других источников XVII в. Киявли также был потомком князя — мурзой. Видимо, с его именем связано происхождение населенного пункта станции Клявино. Гатаулла — отец известного во 2-й пол. XIX в. каллиграфа и резчика мраморных эпитафийных плит Лутфуллы, который носил тахалус аль-Альмати.

Текст хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ под шифром: Ф. 53.— Оп. 2.— Д. № 47.— Л. 2.

	<i>I поколение</i>	
1	Алиш	
	<i>II поколение</i>	
2	Альмамет	1
	<i>III поколение</i>	
3	Сюрмет	2
4	Килька	2
	<i>IV поколение</i>	
5	Хасан	3
6	Ибрагим	3
7	Киявли	4
	<i>V поколение</i>	
8	?	5
9	?	5
10	Зайни	6
11	Хусаин	6
12	Джагфар	6
13	Габдрахим	7
	<i>VI поколение</i>	
14	Мустафа	10
15	Мунасиб	10
16	Муртаза	10
17	Габдессалям	11
18	Миннибай	11
19	Губайдулла	12
20	Мулла Зайни	13
	<i>VII поколение</i>	
21	Габдельзалил	17
22	Сайфулла	18
23	Рахматулла	19
24	Нигматулла	19
25	Мулла Закир	20
	<i>VIII поколение</i>	
26	Ахметсагир	23
27	Гали	23
28	Мустафа	23
29	Сибгатулла	24
30	Хайрулла	24
31	Гатаулла	24
32	Сунгатулла	24
33	Ибрагим	25
34	Ишнияз	25

ШЕДЖЕРЕ СЕИДОВ ШАКУЛОВЫХ

В последнее время в татарском обществе стал обсуждаться вопрос о необходимости введения в состав руководства мусульманского духовенства такого духовного лица, как сеид. Эта тема была затронута на внеочередном курултае мусульман Республики Татарстан. На заседании курултая было предложено дать звание сеида одному из самых авторитетных помощников муфтия. По этому поводу в печати появилось несколько статей¹.

Большинство наших современных читателей не осведомлено о сеидах и о том, какое место они занимали в истории татар. Поэтому для того, чтобы понять поднятую на курултае тему — восстановление традиции сеидства в составе религиозного управления, необходимо ознакомиться с историческими источниками.

В истории Золотой Орды, Казанского, Крымского, Астраханского, Касимовского ханств, Ногайской Орды сеиды начинают упоминаться с XIV — XVI вв. Из исторических источников видно, что сеиды в татарских ханствах являлись самыми высшими, религиозными лидерами мусульман.

Немецкий дипломат и путешественник Сигизмунд Герберштейн, посетивший Казань в 1524 г., в своих путевых заметках называет сеида «главным имамом» татар². Сам хан считался с сеидом. В Казанской истории сохранилась информация о следующих сеидах: Сеид Бураш упоминается в 1491—1507 гг³. Сеид Шах Хусаин в 1512—1516 гг. принимал участие в международных отношениях между Казанью и Москвой⁴. Наличие компонента Шах в антропонимах 28, 29, 30 поколения в родословной Шакуловых означает, что Сеид Шах являлся родственником сеидов, живших в I-й пол. XVI в. В родословной его имя не указано, поскольку оно было неполным. Там также не упоминается имя Ак-сеида, находившегося в войске касимовских татар в период взятия Казани.

В 1546 г. сеидом в Казани был Беюрган. После свержения Сафа Гирея с ханского трона в Казани, он возглавил там временное правительство. В октябре 1551 г. сеид Беюрган был мученически умерщвлен по приказанию Шаха Гали.

В 1546 г. Сеид Мансур (прибывший в Казань из Астрахани)

¹ *Исхаков Д.* Татар дәүләтендә сәетләр // Ватаным Татарстан.— 1995.— 21 гыйнвар.

Мөхәррамов А. Бездә сәетләр бармы? // Шәһри Казан.— 1995.— 28 гыйнвар.

² История Татари в материалах и документах.— М., 1937.— С. 99.

³ *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства.— М., 1991.— С. 196—197.

⁴ Там же.— С. 69, 72.

выбыл из Казани в Астрахань вместе с Сафа Гиреем¹. Значит, сеид Мансур какое-то время был в Казани религиозным лидером². Он жил там недолго и, видимо, вскоре умер, поскольку его имя после этого года в источниках не встречается.

В истории Казани 1550-х гг., в частности, сохранилось имя одного сеида — Кул Шариф (Шариф Хажитархани). 2 октября 1552 г. он погиб, защищая до последней капли крови свое отечество³. В Казани, ханской столице, располагалась слобода, известная под названием «Кураишева слобода». Не исключено, что она была связана с казанскими сеидами.

О том, что сеиды Казанского ханства занимали высокое положение, свидетельствует тарханский ярлык, выданный ханом Сахиб Гиреем в 1523 г. В этом ярлыке они назывались «садати гозам»⁴.

В Крымском ханстве сеиды также являлись высшими религиозными лидерами, судя по тексту ярлыка, выданного в 1531 г. Сагадатом Гиреем⁵. В истории наиболее полные материалы имеются о сеидах Касимовского ханства. Источником этих данных служит родословная (шеджере) сеидов Шакуловых. Последнюю родословную (шеджере) привез в 1970 г. из города Касимова доктор искусствоведения Фоат Хасанович Валеев, подаривший ее затем автору этих строк. Родословная Шакуловых написана на трех длинных полосах бумаги, тексты каждой из них стали образцами наиболее полных списков, написанных в XVIII—XIX вв. арабской графикой.

Предлагаем вашему вниманию их краткое описание:

Первый текст написан в конце XVIII в. розовыми и черными чернилами на бумаге голубоватого цвета длиной 112 см и шириной 21 см. Конечная часть оторвана и утеряна. На оборотной стороне имеется автограф Ф. Х. Валеева. Место хранения — Хранилище рукописей Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан в 99 коллекции, 1 описи, под № 209.

Второй текст написан в 1-й четверти XIX в. чернилами арабской графикой на хорошей бумаге длиной 197 см и шириной 18 см. Данная рукопись считается самым поздним текстом. Она хранится в коллекции родословных (шеджере), единица хранения 264-б.

¹ *Атласи Нади*. Себер тарихы. Сөөнбикә. Казан ханлыгы.— Казан, 1993.— 145 б.

² *Әхмәтҗанов М.* Шагыйрь Хажитархани // Шәһри Казан.—1995.— 28 июль.

³ Борынгы татар әдәбияты.— Казан, 1963.— 354—355 б.

⁴ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царицах. Часть вторая.— СПб., 1864.— С. 443.

⁵ Историк М. Г. Худяков отмечает, что Мансур был сеидом Астрахани. (*Худяков М. Г.* Очерки... — С. 105).

Третий текст написан черными чернилами арабской графикой на бумаге длиной 143,5 см и шириной 17,5 см. Находится в Хранилище (единица хранения — 264-а). В первом и третьем текстах даны некоторые примечания на арабском языке.

Кроме того, известно, что списки шеджере Шакуловых имелись у русского историка В. В. Вельяминова-Зернова (1830—1904) и татарского ученого Ризаэддина бине Фахрутдина (1859—1936). Рукописные тексты, составленные ими в XIX в., являлись образцами для многих исторических примечаний, написанных на татарском языке. Материалы родословной, находившейся в пользовании В. В. Вельяминова-Зернова, были частично использованы им в его четырехтомном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах», изданном в 1863—1887 гг.

Ризаэддин бине Фахрутдин, получив присланную ему из Касимова «Родословную Шакуловых», издал ее в журнале «Шура» в 22 номере за 1914 г. Она охватывала 36 поколений и была короче рукописных текстов. Наиболее полным является рукописный текст, хранящийся в Архиве под единицей хранения 264-б. Ниже приведем его полное описание. Первая рукопись (единица хранения 209), является более короткой по количеству поколений, но содержательнее по примечаниям. В тексте рукописи единицы хранения 264-а даны примечания на арабском языке и приводится, начиная с 35 колена, цепь поколений, недостающих в тексте рукописи под шифром 264-б.

Текст, напечатанный в журнале «Шура», не может служить дополнительным материалом для пополнения текста 264-б, поскольку человек, приславший в журнал родословную, выразил сожаление, что в ней не нашли отражение другие поколения и имена татар из многочисленного рода Шакуловых, проживавших в Касимове в 1914 г. В связи с большим объемом статьи предлагаем читателям выборочные, неповторяющиеся в других рукописях материалы.

Текст (рукопись 264-б) родословной Шакуловых

**Во имя милосердного, уважаемого Всевышнего Аллаха¹
Эта родословная шеджере племени Кураиш из рода Хашима**

	<i>I поколение</i>	
1	Габдельманнан	?
	<i>II поколение</i>	
2	Хашим	1
	<i>III поколение</i>	
3	Габдельмуталлап	2

¹ Фразы на арабском языке представлены в переводах.— М. А.

	<i>IV поколение</i>	
4	Абуталип	3
5	Габдулла	3
6	Аббас	3
7	Хамза	3
	<i>V поколение</i>	
8	Али	4
9	Мухаммет-пророк	5
10	Габдулла	6
	<i>VI поколение</i>	
11	Хасан	8
12	Сеид Хусаин	8
13	Святая дочь пророка Мухаммета Фатимаи-Зухра (жена сеида Хусаина)	9
	<i>VII поколение</i>	
14	Имам, сеид Зайнельгабин	12
	<i>VIII поколение</i>	
15	Имам, сеид Мухамметбаки	14
	<i>IX поколение</i>	
16	Имам, сеид Джагфар-ас-Сиддикъ	15
	<i>X поколение</i>	
17	Сеид Идрис	16
18	Имам, сеид Муса	16
19	Сеид Алиансар, последователь пророка в г. Медине	16
	<i>XI поколение</i>	
20	Сеид Мухамметшафиг	18
21	Имам, сеид Муса	18
22	Сеид Джарулла	19
	<i>XII поколение</i>	
23	Имам, сеид Мухамметтакий	21
	<i>XIII поколение</i>	
24	Сеид Галянаки	23
	<i>XIV поколение</i>	
25	Сеид Хасан аль-Гаскари	24
	<i>XV поколение</i>	
26	Сеид Мухаммет Нахдемир	25
	<i>XVI поколение</i>	
27	Сеид Мир-Юнус	26
28	Сеид Мухаммет Сюмгани	26
	<i>XVII поколение</i>	
29	Сеид Мирбаки	27
30	Сеид Юсуф Хамадани	28

	<i>XVIII поколение</i>	
31	Сеид Исмагиль	30
	<i>XIX поколение</i>	
32	Сеид Муддаवेशи	31
	<i>XX поколение</i>	
33	Сеид Ахмет Хисара-и ата	32
	<i>XXI поколение</i>	
34	Сеид Ахмет Рукенеддин султан	33
	<i>XXII поколение</i>	
35	Сеид Али Хакани	34
	<i>XXIII поколение</i>	
36	Сеид Мустафа	35
37	Сеид Мухаммет Бухари	35
38	Сеид Махмут	35
	<i>XXIV поколение</i>	
39	Сеид Йигит Ахмет	37
	<i>XXV поколение</i>	
40	Сеид Шагиахмет	39
	<i>XXVI поколение</i>	
41	Сеид Хильват	40
	<i>XXVII поколение</i>	
42	Сеид Мухаммет	41
	<i>XVIII поколение</i>	
43	Шагинур-сеид	42
44	Сеид Шахбай	42
45	Шаххан-сеид	42
46	Шахджан-сеид	42
	<i>XXIX поколение</i>	
47	Сеид Шахмухаммет	44
	<i>XXX поколение</i>	
48	Сеид Шахкули (фамилия касимовских сеидов Шакуловых начинается от него.— М. А.)	47
	<i>XXXI поколение</i>	
49	Сеид Бурхан	48
	<i>XXXII поколение</i>	
50	Сеид Кашки	49
	<i>XXXIII поколение</i>	
51	Сеид Буляк	50
	<i>XXXIV поколение</i>	
52	Акмухаммет-сеид	51
53	Ишмухаммет-сеид	51
	<i>XXXV поколение</i>	
54	Тинмухаммет-сеид	52

	<i>XXXVI поколение</i>	
55	Ахмет-сеид	54
	<i>XXXVII поколение</i>	
56	Якуб-сеид	55
	<i>XXXVIII поколение</i>	
57	Биктимер-сеид	56
	<i>XXXIX поколение</i>	
58	Ахмет-сеид	57
59	Мустафа-сеид	57
60	Муса-сеид	57
61	Сеид Бурхан	57
62	Акмухаммет-сеид	57
63	Габдулла-сеид	57
	<i>XXXX поколение</i>	
64	Муртаза	59
65	Султан Мухаммет-сеид	60
66	Салих-сеид	61
67	Ибрагим-сеид	62
68	Юсуф-сеид	62
69	Сулейман-сеид	63
	<i>XXXXI поколение</i>	
70	Сейфулла-сеид	64
71	Хамза-сеид	66
	<i>XXXXII поколение</i>	
72	Батыргирей-сеид	71
73	Хусаин-сеид	71
	<i>XXXXIII поколение</i>	
74	Мухамметзян-сеид	72
75	Исмагиль-сеид	72
76	Хасан-сеид	72
77	Кутлумет-сеид	73
78	Касимхан-сеид	73
79	Бурхан-сеид	73
80	Ибрагим-сеид	73
	<i>XXXXIV поколение</i>	
81	Исмагиль-сеид	74
82	Мухаммет-сеид	75
83	Батыргирей-сеид	75
84	Фарит-сеид	75
85	Мустафа-сеид	75
86	Исмагиль-сеид	76
87	Сеид Ахмет	78
88	Мустафа-сеид	78

Отрывок родословной Шакуловых из рукописного текста, отмеченного шифром 264-а

	<i>XXXIII поколение</i>	
1	Буляк-сеид	
	<i>XXXIV поколение</i>	
2	Ишмухаммет-сеид	1
3	Акмухаммет-сеид	1
	<i>XXXV поколение</i>	
4	Пирмухаммет-сеид	2
	<i>XXXVI поколение</i>	
5	Курбанат-сеид	4
	<i>XXXVII поколение</i>	
6	Тимерпулат-сеид	5
	<i>XXXVIII поколение</i>	
7	Мустафа	6
8	Валимухаммет-сеид	6
9	Абубакир-сеид	6
	<i>XXXIX поколение</i>	
10	Мухамметрахим-сеид	7
11	Саетбаттал-сеид	7
12	Шахимардан-сеид	8
13	Ибрагим-сеид	8

Фрагмент рукописного текста родословной Шакуловых, отмеченного шифром 209.

Данный список совпадает с текстом списка 264-а до 36 поколения. Имеет несколько отличий от рукописи 264-б. Начинается с 35 поколения и заканчивается 36 поколением, часть текста, судя по состоянию бумаги рукописи, оторвана и утеряна.

В начальной части текста рукописи 209 имеются некоторые пропуски:

	<i>I поколение</i>	
1	Габдельмуталлап	
	<i>II поколение</i>	
2	Абуталип	1
3	Габдулла	1
4	Габбас	1
	<i>III поколение</i>	
5	Али	2
6	Пророк Мухаммет	3
7	Габдулла	4

В данном тексте (под шифром 209) рядом с некоторыми именами имеется несколько примечаний. Например, согласно примечанию, относящемуся к третьему поколению, Габдулла жил после пророка Мухаммеда на территории государства халифа Гарун ар-Рашида. Как известно, он начал царствовать в 785 г. Получается, составители родословной перепутали исторические периоды.

Второе примечание относится к 11-му поколению, представители которого с 20-го по списку имени сеида Мухамметшафига были расселены в Шаме, Халебе, Багдаде и в других арабских землях.

Около 22 имени 11 поколения есть примечание о проживании потомков сеида Жаруллы на западе.

В 20-м поколении около имени сеида Ахмет Хисара-и ата упоминается о пребывании его в святой Бухаре, о связи с Хакимом ата Сулейманом, о проживании на берегах Жейхун (Аму-Дарьи)...

В 23-м поколении, около имени сеида Мухаммет Бухари (37 имя) написано о расселении его потомков в святой Бухаре, Хиндустане, Синдустане (Пакистане).

В 23-м поколении (38 имя) видно, что потомки сеида Махмуда были расселены в Туркестане, Коканде, Каши и других местностях.

В 28-м поколении (45 имя) есть сведения о проживании потомков Шаххана в Крымском улусе, Кубани, Дагестане.

В 28-м поколении (44 имя) написано о расселении потомков сеида Шахбая в Булгарском улусе, Хан Кирмане, Хаджи Тархане и на берегах Идели.

Последнее примечание говорит о новом редактировании родословной рода Шакуловых в более позднее время, поскольку там совершенно не упоминается период Золотой Орды. В то же время это свидетельствует о распространении в этих коренных татарских государствах представителей потомков одного рода.

Для выяснения исторической хронологии родословной Шакуловых здесь важно вспомнить примечания в экземпляре, которым воспользовался В. В. Вельяминов-Зернов. Из его записи становится известно, что во время взятия в 1552 г. Казани русскими на их стороне принимал участие Ак-сеид, сын сеида Шарифа¹.

В городе Касимове в 1587 г. сеид Кашки был человеком высокого ранга, о чем упоминается в найденном В. В. Вельяминовым-Зерновым ярлыке, данным царем Федором Ивановичем.²

Таким образом, из родословной Шакуловых выясняется, что сеид Кашки из 32-го поколения (50 имя) жил во 2-й пол. XVI в. Во

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование ...Часть вторая.— С. 443.

² Там же.— С. 93.

времена Касимовского ханства сеиды были руководителями полков и имели свои отдельные дворцы (резиденции)¹.

Сыном сеида Кашки был сеид Буляк. Его могила сохранилась на Старом кладбище в Касимове. В родословной о нем написано: «Воочию, есть доказательства. Могила, видимо, на кладбище на Старом Посаде»... «Сеид Буляк-сеид Старого Посада памятник»².

Сеид Ахмет из 36-го поколения (55 имя) жил во 2-й пол. XVII в. Он был сыном сеида Тинмухаммета (сеида Тинеша Шакулова), являвшегося братом последней правительницы Касимова Фатимы-Султан. Его имя также упоминается в завещании Галикея аталыка. Он служил Русскому государству в качестве переводчика. В 1680 г. сеид Ахмет был послан вместе с русскими послами Тяпкиным и Зотовым в Крым и умер там в 1681 г.³

Сеид Ахмет, сын сеида Якуба из 37-го поколения (56 имя), жил во 2-й пол. XVII в. О нем в экземпляре, которым пользовался В. В. Вельяминов-Зернов, написано: «Сеид Якуб умер в Елатье. Был там руководителем (главой)»⁴.

Фатима-Султан была дочерью Акмухаммет-сеида, сына сеида Буляка. В родословной, не дошедшей до нас, о ней сказано: «Арслан-хана привезли из Сибири: он женился на дочери Ак-Мухаммет-сеида Фатиме-Султан. По смерти Арслан-хана сделалась она царицей в Хан Кирмане... После Фатимы-Султан перестали быть ханы».⁵

Вышеприведенный список родословной Шакуловых является первоисточником весьма интересных и ценных исторических материалов. Из них видно, что сеиды, начиная со средневековья, являлись центральными фигурами, принимавшими активное участие в общественно-религиозной жизни татар. Потомки касимовских сеидов дожили до XX в. Одной из наиболее видных личностей из этого рода является Сара ханум Шакулова (1887—1964), окончившая в 1910 г. университет Сорбонна в Париже. Не исключено, что в настоящее время где-то проживают и другие представители рода Шакуловых.

Потомки сеидов проживали в современной России и в городах других государств. Например, об этом свидетельствует интересная надпись на надгробном камне на кладбище в Новотатарской слободе в Казани. Надгробный памятник был сфотографирован в 1961 г. фотожурналистом Ибрагимом Галиевым. В 1970 г. фотоснимок был

¹ Там же.— С. 443.

² Там же.— С. 444.

³ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование ... Часть третья.— СПб., 1866.— С. 498.

⁴ Там же.— С. 497.

⁵ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование ... Часть четвертая.— СПб., 1887.— С. 3; *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен.— Рязань: Изд-во газ. «Благовест», 1999.— С. 140.

подарен Ибрагимом автору этих строк. Привожу текст на лицевой стороне, переписанный современным алфавитом:

«Могила араба
Курайша племени
Хашима рода
Эш-шэйех Габдулла
Бине эш-шэйех Габдес-
Сэлам 1280 сэнэ
Умер, 44 года».

Надпись на камне сделана в 1874 г. Значит, что во 2-й пол. XIX в. и в Казани жили сеиды. Возможно, их потомки, продолжатели рода сеидов, до сих пор проживают в Казани или в Татарстане. Вышеприведенные материалы указывают на то, что сеиды были религиозными деятелями из рода пророка Мухаммеда и один из представителей этой фамилии (рода) был государственным или высшим религиозным руководителем. Сеида не выбирают, он является переходящим по наследству рангом духовенства.

Таким образом, нами был сделан исторический экскурс с целью ознакомления с родословной сеидов начиная с периода Касимовского ханства. Не исключено, что в будущем будут найдены новые материалы, касающиеся истории этого рода. Их сбор, анализ будет одним из замечательных вкладов в освещение источников нашей национальной истории.

Дополнение к родословной Шакуловых

	<i>XXXIX поколение</i>	
1	Сеид Бурхан жил в г. Касимове	
	<i>XXX поколение</i>	
2	Салих-сеид	1
	<i>XXXI поколение</i>	
3	Хаджар (ее муж Асфандияр мурза Девлеткильдиев)	2
4	Хамза	2
5	Бадигульджамал (ее муж Сулейман-мирза Девлеткильдиев)	2
	<i>XXXII поколение</i>	
6	Чингизхан	3
7	Шагингирей	3
8	Гайнельхаят (ее муж Салимгирей-муфти)	3
9	Касымхан	3
10	Хасан	3
11	Хусаин	4
12	Багадиргирей	4
13	Гайнельхаят (ее муж Салих, сын Юсуфа, Ерзин)	4

14	Фатима (ее муж Хамза, сын Мухамметгирея, Максудов)	4
15	Бадигульджамал (ее муж Габдрашит Акчурин)	4
16	Сеидгирей	5
17	Фатима (ее муж Салимгирей-муфти Тевкелев)	5
18	Уммигульсум (ее муж Багадир-мирза Тугиев)	5
	<i>XXXIII поколение</i>	
19	Марьям (ее муж Усман-мирза Еникеев)	9
20	Хадича (ее муж Амир Тимур Султанов)	9
21	Саидкасим	11
22	Гаиша (ее муж Галимзян-дамелла Баруди)	12
23	Бадигульджамал (ее муж Фазулла Карамыш)	12
24	Зухра (ее муж Хасан Акчурин)	12
25	Бадигульхаят (ее муж Юсуф-хаджи Дебердиев)	12
26	Зухра	16
27	Рабига	16
28	Гайнельхаят	16
29	Зухра (ее муж Ахмедсултан Чингиз-хан)	18
30	Ахметмирт...	18
31	Кутлугмухаммет	18
32	Марьям	18
	<i>XXXIV поколение</i>	
33	Амина	21
34	Лейля	21
35	Сара Шакулова (1887—1964)	21

Примечание

Копия списка хранится в Хранилище отдела рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.— Кол. 99.— Оп. 1.— Ед. хр. 114.

РОДОСЛОВНАЯ ТАТАРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ КАЮМА НАСЫРИ (1825—1902)

	<i>I поколение</i>	
1	Габдулла	
	<i>II поколение</i>	
2	Габдразак	1
	<i>III поколение</i>	
3	Юсуф	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Габдельгазиз	3
5	Альмухаммет	3
6	Галькай	3

7	Яхъя	3
	<i>V поколение</i>	
8	Яхъя	4
9	Шагризада	5
10	Мигрибану (ж.)	5
11	Джагфар	5
12	Гульбану (ж.)	5
13	Хасан	5
14	Ишмухаммет	5
15	Динмухаммет	5
16	Хусаин (1805 г.)	5
17	Сафгуль	6
18	Габдулла	6
19	Юсуф	6
	<i>VI поколение</i>	
20	Валит	8
21	Сайфулла	10
22	Нигматулла	10
23	Фатхулла	10
24	Хабибулла	10
25	Губайдулла	10
26	Хафиз	11
27	Габдельлатиф	11
28	Минка	12
29	Габида (ж.)	12
30	Габдельхалик	13
31	Мигирбану (ж.)	13
32	Шамсетдин	14
33	Гафия (ж.)	15
34	Васфия (ж.)	15
35	Фархи (ж.)	15
36	Хуснетдин	16
37	Габденнасыр	16
38	Мухамметгалим	16
39	Зухра (ж.)	17
40	Фазыл	17
41	Ибрай	18
42	Мукмин	19
43	Шадбагида	19
	<i>VII поколение</i>	
44	Мухиб	20
45	Сайфетдин	20

46	Шагида (ж.)	23
47	Сафагуль (ж.)	23
48	Гибадулла	23
49	Гайниджамал	24
50	Гимадетдин	24
51	Гульджамал	24
52	Наджметдин	24
53	Сарвиджамал (ж.)	24
54	Сиразетдин	24
55	Хисаметдин	24
56	Рахматулла	25
57	Гайнулла	25
58	Мухибджамал (ж.)	25
59	Гафия (ж.)	25
60	Бикмулла	27
61	Ахметзян	27
62	Саки	28
63	Сайфи	28
64	Хакима (ж.)	30
65	Магфура (ж.)	30
66	Муса	30
67	Халилулла	30
68	Ахмет	30
69	Васифа (ж.)	31
70	Шафигулла	31
71	Махбүбджамал (ж.)	35
72	Гайниджамал (ж.)	35
73	Габдельхай	35
74	Сарбиджамал (ж.)	35
75	Габделькадир	36
76	Сафия (ж.)	36
77	Нафиса (ж.)	36
78	Хадича (ж.)	36
79	Маймуна (ж.)	36
80	Вакиль	36
81	Джамиля (ж.)	37
82	Габдельвали	37
83	Габдельхай	37
84	Габделькаюм (1825—1902), просветитель, писатель, ученый	37
85	Габделькави	37
86	Джамиля (ж.)	38

87	Бадиг	38
88	Фатима (ж.)	38
89	Марьям (ж.)	38
90	Мухамметкарим	38
91	Асьма (ж.)	38
92	Мухибджамал (ж.)	40
93	Ярулла	40
94	Гайнулла	40
95	Гагаулла	40
96	Джизбика (ж.)	41
97	Султан	41
98	Рамаш	42
99	Замина (ж.)	42
100	Муртаза	42
101	Мустаким	42
102	Джярмяк	42
103	?	43
104	Бикджан	43
<i>VIII поколение</i>		
105	Гиззатулла	47
106	Зиннатулла	47
107	Гюльджамал	47
108	Магикамал	48
109	Габидулла	48
110	Идиатулла	48
111	Сахибкамал (ж.)	48
112	Бибикамал (ж.)	48
113	Нигматулла	48
114	Сайфетдин	52
115	Шамсениса	54
116	Хаерниса	54
117	Шамсетдин	54
118	Гайнетдин	54
119	Гайнетдин	63
120	Мухетдин	63
121	Хуснетдин	63
122	Яхъя	66
123	Гайникамал	66
124	Сафа	68
125	Шакир	68
126	Минслу	69
127	Хуснетдин	69

128	Х...камал	74
129	Садык	76
130	Гайнулла	77
131	Габдрахман	77
132	Факия	78
133	Рахимзян	78
134	Ахметзян	78
135	Сабирзян	78
136	Фатима	80
137	Габделькаюм	82
138	Габдельсафа	82
139	Габдельхай	84
140	Габделькасым	85
141	Габдельхак	85
142	Ман...	85
143	Хабира Насырия (1882—1912), писательница, фольклорист	85
144	Уммугульсум (ж.)	86
145	Рафига (ж.)	86
146	Мухамметкарим	86
147	Ихсан	96
148	Инсан	96
149	Хамит	97
150	Шамбаз	97
151	Фагиля (ж.)	97
152	Рахимкул	99
153	Халитмулла	100
154	Мүэммин	101
155	Мүхиба (ж.)	101
156	Ишук	103
157	Кудайгул	104
158	Сабит	104
159	Сагди	104
	<i>IX поколение</i>	
160	Джамалетдин	107
161	Джалялетдин	107
162	Минледжамал	127
163	Халида (ж.)	147
164	Хамит	147
165	Садык	148
166	Шариф	148
167	Мухаммет	148

168	Хабиба (ж.)	150
169	Гусман	151
170	Мухамметгалим	152
171	Мухамметзян	152
172	Сабит	153
173	Сагди	153
174	Фатима (ж.)	155
175	Нагима (ж.)	155
176	Зухра (ж.)	155
177	Сайфи	155
178	Губай	155
179	Камат	156
180	Вали	156
181	Саттар	156
182	Хабибулла	156
183	Фатхулла	156
184	Нуригуль	150
	<i>X поколение</i>	
185	Хабибулла	163
186	Тухфатулла	163
187	Загидулла	164
188	Хасан	167
189	Хусаин	167
190	Джамия (ж.)	168
191	Муса	169
192	Галиулла	169
193	Гайнан	169
194	Хабибулла	169
195	Сираджи	173
196	Шайхулла	173
197	Зиннатулла	175
198	Латифа	175
199	Мастюра	176
200	Гибадулла	176
201	Джамиль	177
202	Гайнулла	177
203	Рахматулла	177
204	Гадиулла	177
205	Хайрулла	177
206	Гайнулла	177

Примечание

Данное родословное было составлено самим ученым и издано в 1880 г. литографическим способом в типографии Перова. Родословное было составлено в виде растущего дерева и исполнено черными, красными, желтыми, зелеными чернилами. Подлинник текста хранится в Хранилище ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, в фонде К. Насыри (Ф. 11.— Оп. 3.— Ед. хр. 3). Представителем этой фамилии является писательница и фольклорист Хабира Насырия.

РОДОСЛОВНАЯ РОДОВ С. ЧЕРТУШИ НОВОШЕШМИНСКОГО РАЙОНА ТАТАРСТАНА

Родословная выходцев из г. Касимова была обнаружена нами в 1980 г. во время археографических экспедиций. Уроженка с. Чертуши Сара Ибрагимовна Гатауллина (1916 г.р.) передала безвозмездно подлинники этих исторических источников в Хранилище Института языка, литературы и искусства им. Галимджана Ибрагимова АН РТ, где они хранятся под шифром: Кол. 99.— Ед. хр. 132.— Опись 1.

Текст родословной, судя по содержанию, составлен в 1930-х гг. образованным духовным лицом, представителем фамилии изложенного текста. Составитель выражает свои сожаления по поводу того, что у него для составления большой родословной таблицы времени не осталось и что написанный текст есть завещание потомкам.

Родословные записи включают в себя историю двух родов из касимовских татар. Начальные поколения родословной обеих родов проживали в г. Касимове. Например, Хасан, сын Салиха, был в Касимове имам хатибом и мударрисом. Его правнук Габдулкарим также получил образование в Касимовском медресе и стал имамом в с. Чертуши. Надо полагать, что представители этой фамилии не прерывали традиционных связей со своей родиной, г. Касимовым, в течение нескольких поколений. Как и во многих татарских родословиях, в данном памятнике также есть неувязки. Например, зачинатели рода Хасан и его отец Салих, по всей видимости, были потомками сеидов Шакуловых. Салих-сеид Шакулов, сын Бургансеида, умер в г. Касимове в 1839 г. в возрасте 70 лет. В то же время представитель этого рода, известный мулла Габдулла Мачкарави, умер в 1859 г. в возрасте 85 лет. В то же время от сына Салиха до Габдуллы жили до пяти поколений.

Примечателен также тот факт, что, по версии родословной легенды, Габдулла Мачкарави, его шеджере начинается с некоего Сулеймана Кирмани. В генеалогической таблице Шакуловых упоминается сеид Сулейман — ровесник и двоюродный брат Салиха. Видимо, составитель родословной имел весьма приблизительную

информацию о порядке следования своих предков и родственников.

Вторая родословная из Чертушского сборника, по замечанию самого составителя, также по происхождению является касимовской. Она составлена в каллиграфическом исполнении более четко, и не чувствуется нарушения порядка следования поколений. Согласно данным родословной, в ней отражены предки известных татарских литераторов и литературоведов — Габдульгалляма Рашиди (1848—1923), Джавада Алмаза (1916—1979), отца Джавада Алмаза — поэта и имама Нугмана Чертуши (1872—1951) и др.

В родословиях Чертуши упоминается о переселении части их родственников в с. Верхние Стярли Самарской губернии. Во время археографической экспедиции в 1979 г. при посещении с. Верхние Стярли был обнаружен сборник родословий жителей этого села, где описываются фамилии выходцев из с. Чертуши.

Стярлинский сборник составлен жителем села Газизуллой Латифуллиным в 1947 г., завершен 21 апреля 1947 г. на арабской графике. Текст занимает 10 листов самодельной тетради, составленной из желтоватой оберточной бумаги, без переплета (18,5x26 см). Судя по другим записям сборника, составитель был жив еще в конце 1954 г. Сборник получен от дочери составителя Ф. Гариповой.

Судя по заглавию к тексту родословия, переселенцы из с. Чертуши основали конец села Стярли под названием «Кирменский». В тексте упоминается, что они происходят из г. Хан Кирмена, что некоторые из них поселились в с. Урбагары Спасского уезда (теперь Алькеевский район). Текст транскрибирован на татарский язык полностью и занимает 34 листа машинописной бумаги. Часть текста (около половины) при переводе на русский язык была сокращена, поскольку не подходила тематике данной книги.

Ценность рукописей родословий села Верхние Стярли неоспорима. Поскольку до сих пор нельзя считать завершенным определение места и роли касимовского компонента в этногенезе татарского народа сквозь призму автохтонных исторических источников Среднего Поволжья и Приуралья. Разумеется, переселенческое движение татар с запада на восток не ограничивается лишь территорией современного Татарстана. В данной работе приведены факты переселений татар с западных областей до Зауралья. Передвижение шло поэтапно, в зависимости от отторжений территорий Казанского ханства и Ногайской Орды.

РОДОСЛОВНАЯ ХАСАНА, СЫНА САЛИХА,
ИЗ С. ЧЕРТУШИ

	<i>I поколение</i>	
1	Салих Хан Кирмани	
	<i>II поколение</i>	
2	Хасан Хан Кирмани, Кавкази, Касими. Был имамом хатибом и мударрисом в г. Касимове	1
	<i>III поколение</i>	
3	Масгут. Он был богатым мурзой, владел многими землями. Прибыл в с. Ургагары Спасского уезда из г. Касимова	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Максуд, переехал в с. Чертуши (из с. Ургагары ?). Его дом находился за речкой Аркылы Елга, на горке	3
	<i>V поколение</i>	
5	Махмуд жил в Чертушах, в доме, построенном отцом	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Дамелла Габделкарим. Этот предок получил образование в Касимовском медресе, после завершения учебы вернулся в Чертуши. Однако в силу бедственной жизни переехал на жительство в с. Стярли Самарской губернии	5
7	Яхъя	5
	<i>VII поколение</i>	
8	Габдельгафур	6
9	Рахимкул, переехал в Стярли	6
10	Гали	7
11	Гумар	7
12	Рахматулла	7
13	Губайдулла, жил в Чертушах	7
14	Адгам, жил в Стярлах	7
15	Нигматулла, жил в Стярлах	7
16	Дамелла Габдулла Мачкарави, умер в возрасте 85 лет в 1859 г. в с. Мачкара, был там имам хатибом и мударрисом. Согласно данным его биографии, у Ризаэтдина, сына Фахретдина, он был более склонен к торговле, чем наукам*	7
17	Сахибджамал, была выдана замуж за Габдрахим-хазрата (см. второй список в следующей родословной)	7

* Ризаэтдин бине Фэхретдин. Асар. 12 жөзье.— Оренбург, 1907.— 312—319 б.

<i>VIII поколение</i>		
18	Мелла Валиулла (представители рода занимались торговлей, и многие живы и поныне)	8
19	Ризаэтдин	10
20	Маузюда	10
21	Нагим	10
22	Махмут	10
23	Габдель...	13
24	Мухамметгази	16
25	Киваметдин	16
26	Зиятдин	16
27	Газиза	16
28	Фатима	16
29	Габдельнафиг	17
30	Габдельхаким, имам д. Каргали	17
31	? в Каргалах, имена неизвестны	17
32	? в Каргалах, имена неизвестны	17
33	Габдельбадиг	17
<i>IX поколение</i>		
34	Мелла Мияссар	18
35	Садретдин	19
36	Карим	21
37	Разия	21
38	Асгат	21
39	Ахмет	21
40	Мунира	21

Примечание

Текст написан плохими чернилами, трудно читается, много стертых мест, видимо, продолжение рода отражается еще дополнительно в 3—4 поколениях.

Вторая родословная из Чертушского сборника

<i>I поколение</i>		
1	Мелла Мусагит	
<i>II поколение</i>		
2	Мелла Габдерашит	1
<i>III поколение</i>		
3	Мелла Габдерахим	2
<i>IV поколение</i>		
4	Мелла Габдельбадиг	3

5	Исхак	3
6	Габдельхаким	3
7	Габдельгаффар	3
8	Габдельнафик	3
9	Ибрагим	3
	<i>V поколение</i>	
10	Гимран	4
11	Гирфан	4
12	Нури	4
13	Гильман	4
14	Вильдан	4
15	Шараф	4
16	Мелла Салях	4
17	Мелла Фаттах	4
18	Мелла Габдельгаллям Рашиди (1848—1923), поэт	4
19	Габдрахман	6
20	Габдрахман	7
21	Хурамша	7
22	Габдельманиг	8
23	Габделькадир	8
24	Ибрагим	8
25	Исмагиль	8
26	Габдрафик	8
27	Габдулла	8
28	Исмагиль	9
	<i>VI поколение</i>	
29	Саубан	11
30	Сафиан	11
31	Габидулла	13
32	Габдулла	13
33	Нигматша	14
34	Науширван	14
35	Зиннур	14
36	Габдулла	16
37	Фатхерахман	18
38	Фазлирахман	18
39	Халиулла	20
40	Юсуф	20
41	Махмуд	21
42	Якуб	21
43	Мубаракша	21
44	Багман	22
45	Гирфан	22

46	Мелла Нугман (1872—1951), был муллою в Чертушах (умер и похоронен в г. Ташкенте)	22
47	Юнус	23
48	Мухамметзакир	23
49	Юсуф	23
50	Якуб	23
51	Ризван	23
52	Мелла Ахметвали	24
53	Габдулла	24
54	Гайнан	24
55	Киваметдин	25
56	Гимадетдин	25
57	Фассах	25
58	Мухамметгариф	28
59	Зариф	28
60	Закир	28
	<i>VII поколение</i>	
61	Аглиулла	39
62	Набиулла	39
63	Шайхельаббар	40
64	Ибнийабир	41
65	Ибрагим	42
66	Ганбар	44
67	Ибрагим	45
68	Хатиб	45
69	Джавад (видный тюрколог Джавад Алмаз, родился в 1916 г., умер в 1979 г. в г. Ташкенте)*	46
70	Мелла Асгад, жил и умер в г. Ташкенте	46
71	Мугазама, жила и умерла в г. Ташкенте	46

Из текстов сборника родословий с. Верхние Стярли

Родословные сведения о живущих в Кирменьском конце с. Верхние Стярли Тумутукского района (теперь Азнакаевский район Татарстана — М. А.), составленные Газизуллой Латфуллиным:

Наши предки:

1 — Кутлубулат,

2 — Биккина,

3 — Туйгилди,

* *Әхмәтҗанов М.* Галим һәм шагыйрь Жәвад Алмаз // *Мирас.*— 1996.— № 4.— 65—68 б.

4 — Хасангали Тинбеков, мирза из Хан Кирмена (г. Касимов — М. А.)

5 — Сулейман, чудотворец, выходец из с. Ургагары (Алькеевский район Татарстана.— М.А.).

6 — Мулла Зайнельгабидин из с. Чертуши (Чистопольского уезда), переехал в с. Верхние Стярли. У него было 7 сыновей.

	<i>I поколение</i>	
1	Зайнельгабидин	
	<i>II поколение</i>	
2	Габделькарим	1
3	Махмут	1
4	Мансур	1
5	Габдельбаки	1
6	Зубаир	1
7	Максут	1
8	Загида	1
	<i>III поколение</i>	
9	Габдельгафур	2
10	Адгам	3
11	Рахимкул	3
12	Нигматулла	3
13	Габдулла, был муллой в Чертушах	3
	<i>IV поколение</i>	
14	Валиулла	9
15	Садретдин	9
16	Ахсан	10
17	Низаметдин	10
18	Камалетдин	10
19	Джалялетдин	10
20	?	10
	<i>V поколение</i>	
21	Хуззятельислам	14
22	Мияссар-мулла	14
23	Карамулла	14
24	Мухлисулла	14
25	Саляхетдин	14
26	Хади	14
27	Мингазетдин. У Мингазетдина было четыре сына. Все они погибли в войнах 1914—1918 и 1941—1945 гг. В силу этого у них в роду не осталось потомков	14
28	Фаттахетдин. Погиб на войне 1941—1945 гг.	14
29	Бадретдин	15

30	Кашафетдин. У Кашафетдина дети погибли на войне 1941—1945 гг. На этом заканчивается род муллы	15
31	Хабибрахман	16
32	Нагим	16
33	Халиулла	17
34	Хасан	17
35	Исмагиль	17
36	Ягкүб	17
37	Юсеф	17
38	Хуснутдин	18
39	Хайрулла	18
40	Ярулла	18
41	Габдулла	18
42	Равиль	19
43	Хунафия	19
44	Ахунзян	19
	<i>VI поколение</i>	
45	Нургали (1871—1917)	21
46	Мухамметфатих	22
47	Мирзагит (1930)	22
48	Галимзян (1937)	22
49	Салихзян (1933)	22
50	Газизулла (1900)	23
51	Миннимухаммет (1900)	23
52	Заузят (1937)	23
53	Миннивагиз (1890 — ?)	24
54	Гирфанетдин (1888—1948)	25
55	Насретдин (1895—1953)	29
56	Сайфутдин (1899—1941). Погиб на войне	29
57	Исхак	31
58	Ибрагим, бездетный	31
59	Закир	31
60	Миннитаип (1880— ?)	32
61	Сулейман (? — 1918)	33
62	Садык	33
63	Марданша (? — 1918)	34
64	Миннигали (1865—1948)	34
65	Мустаким	35
66	Сагутдин	36
67	Исмагиль (? — 1923)	38
68	Ибрагим (? — 1922)	38

69	Шакирзян	43
70	Габдельгали	44
71	Минлегали (его сыновья живут в с. Габдрахман)	44
	<i>VII поколение</i>	
72	Султангали (1905—1942)	45
73	Мирза Габдерахман (1912)	45
74	Мухамметрашит (1911—1941)	46
75	Галимзян	47
76	Шарифзян	49
77	Махасин (1913), дети живут в г. Челябинске	53
78	Сахибетдин (1924)	54
79	Рахимзян (1930)	54
80	Газизджан (1933)	54
81	Хади, в 1948 г. утонул во время весеннего паводка	54
82	Зарифулла	54
83	Тазетдин (1924—1950)	55
84	Минлеахмет (1932)	55
85	Ахиятдин (1924)	56
86	Инсафетдин (1927)	56
87	Анвар (1929)	56
88	Низаметдин (1931)	56
89	Рафкат (1937)	56
90	Ягкуб (1864—1949)	57
91	Гарык	59
92	Харис	59
93	Яхъя (? — 1941/45)	60
94	Салихзян (? — 1941/45)	60
95	Кашаф (? — 1943)	60
96	Назиф (1928)	60
97	Бадретдин (1866—1921)	61
98	Шамсетдин (1877—1919)	61
99	Аглетдин	61
100	Хабибулла	62
101	Хаджи (? — 1921)	63
102	Хади (? — 1921)	63
103	Музагит (1888—1957)	63
104	Булат (1890—1944)	63
105	Минлегирфан (1902—1941/45)	64
106	Усман (1905)	64
107	Хакимзян (? — 1941/45)	64

108	Мирхаджи (1884—1962)	65
109	Шакур (1894—1950)	66
110	Мирзагит (1905—1941/45)	67
111	Яхъя	68
112	Гирфан	68
113	Хаджи	68
114	Султангали	70
	<i>VIII поколение</i>	
115	Ахбар (1932)	72
116	Фает (1939)	73
117	Рахат (1951)	73
118	Рамазан (1949)	73
119	Ильдар (1937)	74
120	Асгат (1931)	75
121	Гариф (1929)	82
122	Азат (1930)	82
123	Габдуллазян (1897)	90
124	Тимерзян (1930)	92
125	Ильгизар	92
126	Дуфар (Анвар?)	93
127	Фаррахетдин (1905)	98
128	Акмалетдин (1914)	99
129	Шамсетдин (1920—1941/45)	99
130	Валиулла (1915—1941/45)	100
131	Гафур (1908—1941/45)	100
132	Мирхатим (1920—1963)	100
133	Мунир	100
134	Мияссар	102
135	Габдерахман	102
136	Шакур (1924)	104
137	Салават (1931)	104
138	Юсуф	104
139	Магфур	106
140	Раис	106
141	Магданур	106
142	Мирхайдар (1906—1941/45)	108
143	Искандар (? —1941/45)	108
144	Ахрар	109
145	Магсум (1928—1947)	111
146	Дулькарнай	111
147	Салих	111

148	Марс	114
149	Ленар	114
	<i>IX поколение</i>	
150	Гильметдин (1930)	127
151	Гаязетдин	127
152	Раис	130
153	Джаудат	130

РОДОСЛОВНАЯ СУЛЕЙМАНА КИРМАНИ

Род Сулеймана Кирмани по своему происхождению связан с Касимовым (Хан Кирманом). Сохранилось несколько письменных списков родословной в краткой и пространной редакции с двумя версиями легенды о происхождении рода. По первой версии легенды, прародиной рода является Хан Кирман, а по другой, более поздней — г. Булгар.

Первая версия о происхождении рода в системе сведений татарских генеалогических преданий не противоречит истории. Вторая легенда, видимо, лишь дополняет историю движения рода от Касимова на Восток.

Татарский историк XIX в. Шигабетдин Марджани скрупулезно собирал все исторические сведения по истории рода и включил их в свой труд. Согласно данным Ш. Марджани, фамилия Сулеймана Кирмани первоначально упоминается в связи с селениями Бурбаша и Мачкара, затем отдельные представители фамилии в XIX в. оказываются в г. Орске и других местах.

Достоверность сведений историка Ш. Марджани подтверждается археографическими находками последних лет. Например, в с. Мачкара (Кукморский район Республики Татарстан) обнаружены два списка родословной Сулеймана Кирмани, составленных на арабской графике и кириллице. Также выявлены списки, составленные в 1-й четверти XX в. Для всех этих письменных версий характерна одна особенность — чувствуется какая-то холодность в отношении к самым древним предкам и желание связать происхождение своего рода только с городом Булгаром, куда первоначально они переселились в 1-й пол. XVII в. Думается, что составителям нужно было установить порядок и степень родства лишь между поколениями фамилий последних 100 — 150 лет. При этом смущает присутствие рукописных старинных кратких версий, порядок следования антропонимов предков, которые являются следствием позднего закрепления генеалогического материала в письме. Родословная Сулеймана Кирмани составлена усилиями нескольких поколений, поэтому не исключено наличие путаниц в отражении системы сме-

ны поколений; такие недостатки, как выпадение отдельных имен, нарушение последовательности имен, также некоторые искажения (сокращение сложных в правописании древних антропонимов). К последнему случаю можно привести такой пример: антропоним пятого предка от Сулеймана Кирмани в отдельных списках отражается в письме в форме Туктар-Гали, а в других просто Туктар и т. д. Ш. Марджани в своем историческом труде использовал наиболее древние письменные версии родословной, которые особо ценны для историков и исторической науки. Он извлекал их из колофонов рукописных книг, переписанных правнуками Сулеймана Кирмани.

РОДОСЛОВНАЯ СУЛЕЙМАНА КИРМАНИ (по Ш. Марджани)

Ишман Или — так называлось прежде с. Мачкара. Оно находилось в соседстве с арскими поселениями, было известно среди мусульман (татар. — М. А.) прежде всего своим медресе, учеными и талибами. Основано выходцем из с. Бурбаши Ишманом, сыном Туктар-Гали. Ишман в Бурбашах не смог ужиться с неким Ишимкой (видимо, старшим братом) и переехал со своей семьей и талибами на новое место, где основал новое село Мачкару.

<i>I поколение</i>		
1	Сулейман Кирмани. Во время насильственного крещения татар Хан Кирмана, один солдат из аров зашел в один дом, где обнаружил оставленного там маленького ребенка и взял его с собой, усыновил, так как у него не было детей. Вырастил, затем женил на девушке из мишарского селения близ Елабуги. В конце своей жизни он их поселил в татарском с. Ядгар (Кукморский район Татарстана — М. А.). Говорят, оттуда пошел род Сулеймана Кирмани. Ш. Марджани критикует эту версию-легенду, поскольку русские никогда не завоевывали г. Хан Кирман, т. е. Касимов, и поэтому считает легенду о происхождении рода неубедительным. Однако Ш. Марджани пишет о наличии мишарских селений в районе города Елабуга. (Историк, видимо, не был знаком с фактами переселения под угрозой христианизации части касимовских мусульман в Заказанье. — М. А.)	
<i>II поколение</i>		
2	Кудаш	1
<i>III поколение</i>		
3	Табач	2

	<i>IV поколение</i>	
4	Кучук	3
	<i>V поколение</i>	
5	Туктаргали, торговец, торговал в Каргалах, Оренбурге. Жил в Бурбашах и там умер. Имеется эпитафийный памятник, где указана история его жизни	
	<i>VI поколение</i>	
6	Мамет, в Бурбашах его род продолжается	5
7	Ишман, жил в Мачкарах	5
8	Ишкай, жил в Мачкарах	5
	<i>VII поколение</i>	
9	Юсуф	7
10	Гаид	7
11	Габдессалям	7
12	Габдельманнан	7
13	Сагит	7
14	Башир	7
15	Назир	7
16	Утямиш	7
	<i>VIII поколение</i>	
17	Габдессалям	16
	<i>IX поколение</i>	
18	Мухамметрахим	17
19	Габдулла Утямишев, умер 1 декабря 1832 г., в пятницу. Похоронен на кладбище с. Мачкара. В последние годы археографы Р. Марданов и И. Хадиев обследовали кладбище с. Мачкара и часть результатов исследований опубликовали. По этой публикации родословную можно на документальной основе дополнить историями следующих поколений:	17
	<i>X поколение</i>	
20	Муса	19
	<i>XI поколение</i>	
21	Мустафа (1793—1841, 26 марта) Утямишев, торговец	20
22	Исхак Утямишев	20

Примечание

Текст составлен на основе следующих книг: *Мәржани Ш.* Местәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар.— Казан, 1900.— 157—158 б.; *Мәрдәнов Р., Хадиев И.* «Таш архив» серләре // Гасырлар авазы.— 2002.— №3/4.— 68 б.

Судя по датам эпитафийных материалов, Туктаргали в 5-м поколении занимает не свое место в родословной. Торговые центры Каргала и Оренбург возникли только в 1745 г. Деятельность Тук-

таргали не связывается с указанными торговыми центрами, или он является представителем более поздних поколений.

II версия родословной по Ш. Марджани

	<i>I поколение</i>	
1	Туктаргали	
	<i>II поколение</i>	
2	Мамет, жил в Бурбашах	1
	<i>III поколение</i>	
3	Бигеш	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Курбанай	3
	<i>V поколение</i>	
5	Ишман	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Ишмурат	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Баймурат	6

Примечание

Текст взят из упомянутой книги Ш. Марджани (С. 157).

РОДОСЛОВНАЯ СУЛЕЙМАНА КИРМАНИ

(*Мачкаринская пространная версия, дополненная в 1970-х гг. силами учителей и учащихся сельской школы*)

	<i>I поколение</i>	
1	Туктар	
	<i>II поколение</i>	
2	Сын Туктара Ишман. Выехав из с. Бурбаш, поставил себе дом в Мачкарах	1
	<i>III поколение</i>	
3	Биктимир	2
4	Сагет	2
5	Юсуф	2
6	Ает	2
7	Ишмурат	2
	<i>IV поколение</i>	
8	Габделькарим	3
9	Исмагиль	3
10	Мухамметгали	3
11	Мурадым	4
12	Сагит	4
13	Башир	5

14	Халиль	5
15	Габдельман	5
16	Абубакир	5
17	Габдессалям	5
18	Габдулла-бай в г. Орске	7
19	Шафи	7
20	Исхак	7
	<i>V поколение</i>	
21	Габдельхалик	8
22	Закир	8
23	Тагир	8
24	Габдельхабир	8
25	Хусаин	9
26	Фаез	10
27	Исхак	?
28	Хамидулла	11
29	Мухамметьяр	12
30	Ихсан	12
31	Габидулла	12
32	Искандер	12
33	Сүлейман	12
34	Фахрибану	12
35	Тагир	13
36	Мунасип	13
37	Габдерашит	14
38	Габдерафик	14
39	Габдельвали	15
40	Нигматулла	16
41	Ибрагим	16
42	Рахматулла	16
43	Файзулла	16
44	Сахиба	17
45	Мухамметрахим Утямишев	17
46	Габдулла-бай Утямишев	17
47	Назир	17
48	Мухамметшариф	18
49	Гумар	19
50	Хасан	19
51	Исмагиль	19
52	Мустафа	19
	<i>VI поколение</i>	
53	Мухамметвали	54

54	Биккина	21
55	Гайса	22
56	Хамит	25
57	Хамит	25
58	Валит	25
59	Мустафа	25
60	Гумар-муэдзин	26
61	Мухамметкамал	27
62	?	28
63	Муса-мулла	28
64	Сайфулла	28
65	Габдельлатиф	28
66	Сулейман	28
67	Файзулла	29
68	Сайфулла	29
69	Гали	30
70	Мухамметзян	30
71	Фатхулла	30
72	Наджиб	30
73	Вали	30
74	Ахметзян	32
75	Сафа	35
76	Сулейман-Сабир	35
77	Мухамметлатип	36
78	Вахит	37
79	Гайса	37
80	Мустафа	38
81	Исмагиль	38
82	Габдельхалик	39
83	Мустафа	41
84	Садык	41
85	Исмагиль	41
86	Габденнасыр	42
87	Фатхулла	43
88	Мухамметзян Кари	43
89	?	43
90	Мухамметхади	44
91	Рабига	44
92	Зиятдин	44
93	?	44
94	Муса-бай	46
95	Мухамметзян	46

96	Губайдулла	46
97	Ахметшах	46
98	Кашшаф	47
99	Сайфетдин	47
100	Баязит	47
101	Мухамметшариф	51
102	Ахметшах	52
103	Мухамметлатип	52
104	Хасан	52
105	Мухаммет	52
	<i>VII поколение</i>	
106	Хусаин	53
107	Юсуф	53
108	Габдельгаллям	54
109	Габдельфаттах	54
110	Габдельманнаф	54
111	Габдельгалим	54
112	Мухаммади	55
113	Шарафи	60
114	Гусман	60
115	Низаметдин-муэдзин	60
116	Заляли	60
117	Сагдетдин	60
118	Хусаин	60
119	Гирей	60
120	Мухамметгариф	61
121	Махмут	61
122	?	61
123	Габидулла	61
124	Шакир Саран	65
125	Габдельгани Саран	65
126	Мухамметхади-хаджи	66
127	Мемек (Камалетдин)-хаджи	66
128	Ахмет	67
129	Юсуф	68
130	Ибрагим	68
131	Садык	68
132	Габидулла	68
133	Закир	72
134	Мухамметгали	73
135	Закир	73
136	Мухамметзян	74

137	Мухамметхасан	74
138	Мухамметьюсуф	74
139	Тимиргали	75
140	Мухамметгали	75
141	Мухамметсадык	76
142	Ахметлатиф	77
143	Габдельвали	79
144	Галлям	79
145	Муса	79
146	Фаттах	79
147	Хусаин Галава	80
148	Габдулла	81
149	Юнус	82
150	Исмагиль	82
151	Мухамметзян	86
152	Сагдеваккас	86
153	Ахметзян	86
154	Сафа	86
155	Карим	88
156	Ахметзян	88
157	Тавабель	88
158	Ахметшах	88
159	Ваккас	88
160	Ахмет	89
161	Латыф	89
162	Гараф	89
163	Зыят	91
164	Бадретдин	91
165	Исмагиль-хазрат в Кышкарах	94
166	Ибрагим	94
167	Мустафа	94
168	Муртаза	94
169	Исхак	94
170	Мухамметшакир	97
171	Сафа	98
172	Сагдеваккас	98
173	Мухамметзян	98
174	Ахметзян	98
175	Шариф	100
176	Халяф	100
177	Сафа	100
178	Губайдулла	100

179	Мухамметлатыф	100
180	Фархизямал	101
181	Бибиасма	101
182	Махбуза	101
183	Бибигазиза	101
184	Мухамметшакир	101
185	Ахметфатых	102
186	Ахметфатых	102
187	Габдрахман	103
188	Габдельгали	103
189	Муса	103
190	Идрис	103
191	Габдрахим	105
192	Габделькадыр	105
<i>VIII поколение</i>		
193	Мухамметгали	106
194	Габдулла	106
195	Мухамметхасан	106
196	Габдерахман	106
197	Габидулла	106
198	Исмагиль	106
199	Габдерахим	106
200	Габдельхак	106
201	Габдельгаллям	106
202	Гирей	107
203	Хасанзян	107
204	Закир	108
205	Габделькадыр	108
206	(порвано)	110
207	Файзерахман	110
208	Исхак	112
209	Ибрагим	112
210	Габдельбари	114
211	Габдельхат	114
212	Хаджи	114
213	Закир	124
214	Наджип	124
215	Фатых	124
216	Хаджи	124
217	Ахметфатых	126
218	Хаджи	126
219	Ахметгариф	126

220	Мулла Мухамметшариф	126
221	Зариф	126
222	Мухамметгариф	126
223	Габдрахман	126
224	Хасан	127
225	Ибрагим	127
226	Закир	128
227	Шакир	128
228	Юсуф	128
229	Галимзян	132
230	Юсуфзян	132
231	Хаким	135
232	Касым	135
233	Ширияздан	135
234	Фатыма	136
235	Нигматулла	137
236	Сабирзян	138
237	Габдельзяббар	138
238	Габдрахман	138
239	Шакирзян	138
240	Габдулла	138
241	Габидулла	138
242	Мулла Тагир	138
243	Габденнасыр	141
244	Габдельхак	141
245	Габдельгалим	141
246	Мухамметгали	141
247	Габделькарим	141
248	Юсуф	142
249	Хусаин	142
250	Хасан (в г. Ленинграде)	142
251	Исхак	143
252	Сулейман	143
253	Бибигарифа	143
254	Ибрагим	143
255	Хасан-хаджи	143
256	Исмагиль	143
257	Хусаин	144
258	Галим	145
259	Юсуфзян	145
260	Мухаммет	146
261	Хуснетдин	147

262	Исмагиль	147
263	Вали	148
264	Хакимзян	149
265	Гатаулла	150
266	Ахметгариф	150
267	Габдрахман	150
268	Файзерахман	150
269	Ибрагим	150
270	Исхак	152
271	Сабирзян	152
272	Гатаулла	152
273	Ахметшах	156
274	Газизджан	156
275	Муталлап	156
276	Хасанзян	156
277	Сагдетдин	163
278	Садрелислам	163
279	Хасан	164
280	Габдрахман	165
281	Габделькарим	165
282	Мухамметгариф	166
283	Габдельвали	166
284	Мухамметзариф	166
285	Хасанбай	166
286	Юсуф	168
287	Габдулла	169
288	Ахметзян	169
289	Мухамметгали	170
290	Зариф	175
291	Мухамметфатых	179
292	Газиза	185
293	?	185
294	Габдельхак	189
295	Габделхай	189
296	Садык	189
297	Габдельбари	189
298	Мубаракшах	189
299	Шамсемухаммет	192
300	Габдельгали	192
301	Габдельбари	192
302	Габдельхалик	192
303	Шакирзян	192

304	Закирзян	192
	<i>IX поколение</i>	
305	Мухлисулла	194
306	Габдельхамит	194
307	Наиль	198
308	Мазит	199
309	Хамит	199
310	Габдельхалик	203
311	Габделхай	204
312	Шакир	204
313	Исхак	205
314	Минлемулла	205
315	Мухетдин	205
316	Мубаракша	205
317	Хабибрахман	205
318	Габдельхак	205
319	Габдулла	205
320	Исмагиль	205
321	Сабир	208
322	Исмагиль	208
323	Муса	208
324	Накип	210
325	Кашшаф	210
326	Рашит	210
327	Зариф (Такия)	213
328	Мухамметшариф	213
329	Хусаин	221
330	Габдерахман	221
331	Гариф	225
332	Зариф	225
333	Гариф	240
334	Хади	242
335	Гумар	243
336	Габдельзяббар	244
337	Габдесаттар	244
338	Габдрахман	244
339	Габдельхак	248
340	Мулла Юсуф	248
341	Габделькутдус	248
342	Габдрауф	248
343	Ахметгали	252
344	Хамза	252

345	Исмагиль	252
346	Мустафа	252
347	Ахметгани	252
348	Мухамметгали	254
349	Ахметгали	254
350	Габдрахман	254
351	Габдельахат	256
352	Файзрахман	256
353	Габдуллазян	256
354	Хасанзян	257
355	Исхак	259
356	Мухамметшариф	259
357	Хуснетдин	260
358	Вали	260
359	Тимергали	260
360	Назиба	261
361	Марьям	261
362	Нигматулла	262
363	Гумар	263
364	Галимзян	264
365	Исмагиль	269
366	Габдельбар	275
367	Шамсетдин	275
368	Шакир	279
369	Исмагиль	279
370	Губайдулла	279
371	Габдулла	286
372	Исмагиль	286
373	Ахметзия	287
374	Габдулла	287
375	Бари	287
376	Ибрагим	287
377	Исмагиль	287
378	Мухамметшариф	287
379	Гумар	288
380	Габдрахман	288
381	Хашим	292
382	Касим	292
383	Сүфия	292
384	Махмут	295
	<i>Х поколение</i>	
385	Галимулла	321

386	Мустафа	321
387	Мустафа	321
388	Фатих	339
389	Фоат	339
390	Хадича	341
391	Касим	341
392	Гумар	341
393	Рахимзян	341
394	Рахимзян	341
395	Галимзян	342
396	Сабирзян	342
397	Мухамметзян	342
398	Шарифзян	342
399	Габдулла	342
400	Салимзян	346
401	Хамит	347
402	Рашит	347
403	Исмагиль	348
404	Габдельбар	348
405	Габдрауф	348
406	Мухаммет	348
407	Фатима	350
408	Сабирзян	352
409	Шакирзян	352
410	Харис	353
411	Хабиб	353
412	Касим	353
413	Яхъя	354
414	Исмагиль	357
415	Габдулла	357
416	Шамиль	363
417	Камиль, погиб в 1941 г. в Великой Отечественной войне	363
418	?	364
419	?	364
420	?	369
421	?	369
422	?	396
423	Наиль	380
424	Гамбар	387
425	Альфрия	408
426	Альфрит	408
427	Фаиль	408

428	Наиль	408
429	Ирек	409
430	Альфия	409
431	Камиль	412
432	Фаиль	412
	<i>XI поколение</i>	
433	Фарида	420

РОДОСЛОВНАЯ ДЕВЛЕТКИЛЬДЕЕВЫХ

Сын Девлеткильди — Байбарс. Сын Байбарса — Мухамметгали. Сын Мухамметгали — Биги. Сыновья Биги — Исмагиль, Алексей.

В пятом поколении: сын Исмагила — Муртаза. Сын Алексея — Григорий.

В шестом поколении: сыновья Муртазы — Асфандияр, Саётбаттал. Сын Алексея — Афанасий.

В седьмом поколении: сыновья Асфандияра — Касимхан, Шагингирей, Чингисхан, Хасан. Сыновья Саётбаттала — Саргаскар, Саётгаскар, Шагингирей, Гадельгирей.

Комментарии составителя родословной

В формулярном списке Саётбаттала Муртазовича Девлеткильдеева, составленного 1 января 1815 г., есть следующие официальные сведения биографического характера:

1. Ротмистр Савиль (Саётбаттал), сын Мартина (Муртазы) Девлеткильдеева, 31 лет (исходя из этого можно утверждать, что он родился в 1784 г. и из рода татарских мурз. Участвовал в войнах).

2. Умеет читать и писать по-русски.

3. Холст.

В другом официальном документе содержится следующее сведение:

Комитетом Высочайшего учреждения майор князь Девлеткильдеев (определен) назначен городничим в г. Сингелей Симбирской губернии 2 августа 1816 г.

Заседатель — мелла Мухаметгариф, сын меллы Габбаса.

Заседатель — мелла Исмагиль, сын Тагира.

Заседатель — мелла Гайнетдин, сын меллы Галиакбера.

Еще во втором документе есть следующие данные:

Саргаскар — родился 4 декабря 1824 г.

Саётгаскар — родился 10 июля 1830 г.

Шагбазгирей — родился 20 декабря 1831 г.

Гадельгирей — родился 29 марта 1836 г.

Касымхан — родился 24 июня 1826 г.
 Шагингирей — родился 1 июля 1830 г.
 Чингисхан — родился 2 февраля 1833 г.
 Хасан — родился 18 января 1836 г.

Примечание

Родословная извлечена из личного архива татарского ученого Ризаэдина Фахретдинова (Ф.131. — Оп.1. — Ед.хр.50.— Л.31—32), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения Академии наук России.

Упоминания об известном в татарском мире роде Девлеткильдеевых появляются в исторических источниках начиная с XVI в. Этот княжеский род, происходящий от мурзы Байбарса Девлеткильдеева, был пожалован поместьями в XVI в.¹ Его дети в грамоте царя Михаила Федоровича от 23 февраля 1638 г. были названы князьями². Их потомки во всех официальных актах также именовались князьями.

К 1878 г. было известно 9 веток фамилий Девлеткильдеевых³. Из них две ветки были татарскими, семь — обрусевшими. Эти княжеские представители проживали в Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Уфимской и Нижегородской губерниях⁴.

РОДОСЛОВНАЯ БАЙБЕКОВЫХ

	<i>I поколение</i>	
1	Байбек, в 1618 г. получил документ на землю, о чем свидетельствует архивная копия. Жил в с. Татарбай	
	<i>II поколение</i>	
2	Кадрали	1
3	Таригул	1
4	Байкай	1
	<i>III поколение</i>	
5	Кадир	2
6	Мамат, умер бездетным	2
7	Дярбий	3
8	Дамин	4
9	Бакбулак, умер бездетным	4
10	Курамша	4
	<i>IV поколение</i>	
11	Бималай	5
12	Ахмалай	5
13	Сыпай	7

¹ Дворянские роды Российской империи 1721—1917 гг. Т. 3. Князья.— М.: Ликоинвест, 1996.— С. 135.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

14	Бахтмин	8
15	Курмай (Ирмай)	10
	<i>V поколение</i>	
16	Ишай	11
17	Рамазан	12
18	Курак	13
19	Бадай	13
20	Рахмай	14
21	Ахмай	14
22	Сулейман	15
	<i>VI поколение</i>	
23	Мухаммет	16
24	Абдурахман	19
25	Ахмет	19
26	Салих	20
27	Рамазан	20
28	Абдулвахит	22
29	Ахмемат	22
	<i>VII поколение</i>	
30	Муртаза	24
31	Мурсалим	24
32	Муса	24
33	Максуд	24
34	Махмуд	25
	<i>VIII поколение</i>	
35	Муса	33
36	Якуб	33
37	Яхъя	33
38	Искандер	33
39	Файзулла	34
40	Фатхулла	34
	<i>IX поколение</i>	
41	Хабибулла, житель с. Торбаево Касимовского района	40
	<i>X поколение</i>	
42	Гани Хабибуллович Байбеков, родился в 1901 г. в с. Торбаево, получил высшее юридическое образование, подвергся репрессиям в 1939 г. Умер в Казани в 1974 г.	41

Примечание

Представители рода Байбека жили в с. Торбеево (Татарбай), теперь Касимовского района Рязанской области. Родословная Байбека была составлена в XVII в., дополнена в XVIII — в 1-й пол. XIX вв. Текст написан почерком, характерным для документов XVII и XVIII вв. Документ

хранился в Казани у представителя десятого поколения Байбека — Гани Хабибулловича Байбекова (1901 г. р.). К родословной прилагаются активные документы XVII—XVIII вв., купчие бумаги, которые еще не описаны. Эти документы в 1973 г. Г. Х. Байбеков отдал по просьбе М. И. Ахметзянова для хранения в Архив ИЯЛИ. Текст родословной хранится в Хранилище рукописей: — Кол. 99.— Оп. 1.— Ед.хр. 11, 43. Текст составлен на листке бумаги размером 22х35 см.

РОДОСЛОВНАЯ ДЕБЕРДИЕВЫХ

Фамилия Дебердиевых, владельцев суконных фабрик со 2-й пол. XIX в. по 1918 г., также принадлежит по происхождению касимовским татарам. Они были в родственных отношениях с касимовским купцом Карамышевым, фабрикантом Тимербулатом Акчуриным и знаменитым мусульманским богословом Галимджаном Баруди.

Из этой фамилии известен владелец суконных фабрик в селах Верхозим и Пендельки Саратовской губернии Мухаммед-Юсуф, сын Мухаммед-Амина Дебердиева, дата и место рождения которого пока не определены. Умер он 15 мая 1926 г. в Казани и похоронен на Новотатарском кладбище Казани. По всей видимости, Мухаммед-Юсуф дожил до преклонного возраста. В 1899 г. он совершил паломничество в Мекку. Мухаммед-Юсуф был человеком философского склада ума, сочинял стихи о потустороннем мире, собрал очень богатую коллекцию из старинных вещей, относящихся к татарской истории. Особенно отличалась коллекция старинных татарских монет. К сожалению, в годы Гражданской войны все коллекции были разграблены.

Мухаммед-Юсуф Дебердиев сдал свои суконные мануфактуры без колебания советской власти, говоря при этом: «Конечно, фабрики можете отбирать, но в них еще нужно наладить работу, попробуйте, пожалуйста, это!».

Родословная Дебердиевых была составлена где-то в начале 1920 г. на татарском языке. Подлинник текста хранится в г. Москве (у Акчуриных). Также историком Н. Таировым был обнаружен текст на арабской графике, переведенный на русский язык после публикации на татарском языке¹.

**Родословная Дебердиевых из села Пендельки
Кузнецкого уезда Саратовской губернии.
Из татар мишарей, мусульмане ханифитского толка**

<i>I поколение</i>	
1	Йуванаш

¹ Ахметзянов М., Таиров Н. Дебердиевләр шәжәрәсе // Татарстан.— 1997.— № 12.— 22—24 б.

	<i>II поколение</i>	
2	Алмакай	1
	<i>III поколение</i>	
3	Адкай	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Тимербулат	3
5	Субханкулый	3
	<i>V поколение</i>	
6	Фатима	5
7	Хабибулла	5
8	Муса-хаджи	5
9	Габдельгазиз	5
10	Габдельгани	5
11	Фатима	5
12	Фахретдин	5
13	Габдельманнан	5
14	Габденнасыр	5
	<i>VI поколение</i>	
15	Фатима	8
16	Мизрахельбат	8
17	Мухамметсафа	8
18	Бибихадича	8
19	Бибихадича	8
20	Маргубджамал	8
21	Ибрагим	8
22	Бадигульджамал	11
23	Бибихадича	11
24	Мухамметшариф	11
25	Мухаммедамин	11
26	Бибигазиза	13
27	Хадича	13
28	Мухамметрахим	13
29	Бибилатифа	13
30	Бибихалифа	13
31	Хаджи Ишмухаммет	13
32	Махмуд	13
33	Бадигульджамал	13
34	Ахметзян	13
35	Габдулла эфэнди	13
36	Гайнутдин	14
37	Мухамметамин	14
38	Яхъя	14

39	Мустафа	14
40	Мустафа	14
41	Сагид	14
42	Габдулла	14
43	Гайша	14
<i>VII поколение</i>		
44	Бибифатима	36
45	Хусаин	36
46	Мухаммет-Юсуф (? — 1926)	37
47	Хусаин	37
48	Шарифджамал	37
49	Биктимер	37
50	Загир	37
51	Гайнульхаят	39
52	Бадрульхаят	39
53	Ибрагим	39
54	Гайнетдин	39

Примечание

Родиной фабрикантов Дебердиевых являлось, по-видимому, село Пендельки Кузнецкого района Пензенской области. Там сохранились развалины кирпичных сооружений, принадлежавших Дебердиевым. На сельском кладбище у них был свой уголок, на котором в 2006 г. еще сохранилось семь гранитных эпитафийных плит со сложными арабографическими надписями, в том числе Яхъя, сына Габденнасыра, умершего 14 февраля 1907 г. в возрасте 86 лет; Габденнасыра, сына Субханкула Дебердиева; Махмуда бине Габделманнана бине Субханкула Дебердиева, умершего в 1903 г. в возрасте 6 лет и др. К сожалению, несколько гранитных эпитафийных плит, принадлежащих фамилии Дебердиевых, в последние годы были кем-то вывезены в неизвестном направлении.

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАТАР СЕЛА АЗЕЕВО

Историю возникновения села Азеево связывают с именем татарского мурзы Бурнашева. Известно, что этот мурза Бурнашев прибыл сюда откуда-то со стороны. О прародине Бурнашева есть две версии древнего сказания.

По одной версии, Бурнашев пришел со своим отрядом из Азии в годы распада Золотой Орды. Он прибыл на эти земли, воевал с мордвой, вытеснил их и поселился там со своим родом. Связывая случай появления в этих краях Бурнашева с Азией, название села нарекали будто бы Азием, по-русски — Азеево. Это название через многие годы стали произносить несколько в измененной форме — Әжи/Аджи.

По другой версии, Бурнашев был выходцем из Казанского ханства, из села Бурнаш. Его назначили наместником на правобережье

реки Оки в пределах Касимовского ханства. Он правил мишарями, мордвой и русскими. У наместника была прекрасная и умная жена. Она родила ему сына и умерла. Этот наместник решил жениться повторно. Один мордовский купец был его должником. У купца была красивая дочь. Наместник женился на его дочери. Вторая жена также родила ему сына.

У нынешних Бурнашевых в Азеево самым дальним предком считают Альмухаммета. У этого Альмухаммета было два сына: одного звали Раджаб, другого — Исянгильди. От рода Раджаба Бурнашева происходят семьи, известные в селе по прозвищам Пултари, Пирай, Шамрай, Муртаза. Потомками Исянгильди являются семьи, носящие прозвища Тимай, Чимай, Васыйг, Симай, Бахти, Сафиян, Сусыр, Марджи, Сапук, Ходжа. Представитель Азеевского общества Ибрагим Бурнашев является потомком Альмухаммета через его сына Исянгильди: Ибрагим, его отец Рахматулла, его отец Абушахман, его отец Бахтияр, его отец Халим, его отец Муса, его отец Исянбай, его отец Буранбай, его отец Исянгильди, его отец Альмухаммет. Московский писатель Гариф Бурнашев, автор нескольких книг, написанных для татарских детей, также является потомком Альмухаммета через его сына Исянгильди.

Единственным письменным документом по истории с. Азеево является грамота русского царя Алексея Михайловича, пожалованная Раджабу Бурнашеву.

Из другого предания известно, что в Азеево переселился Худуйбаба Биришев из местечка Украу. Он бежал со своей семьей, спасаясь от насильственного крещения в период царствования Ивана Грозного. Исходя из этих фактов можно прийти к заключению, что Азеево было основано не позднее чем 350 лет тому назад.

Азеево первоначально было очень маленьким поселением. Его жители из-за отсутствия своего сельского кладбища в течение многих лет хоронили своих покойников на татарском кладбище г. Касимова.

Рост поселения Азеево был связан с усилением насильственного крещения татар из близлежащих селений. Многие жители были крещены и со временем обрусели. Известно, что нынешние русские деревни Исляй, Украй, Саура, Кушаба, Амач, Мухен-Поляне, Бидиш, Ирмеш, Пинках, Тимгин, Новоселка, Канау и другие прежде были татарскими селениями. По причине таких событий многие татары, бросив свои дома и земли, были вынуждены устроиться в Азеево. Некоторые, скрываясь от насилия, жили в полуземлянках в лесу.

В Азеево поселились беженцы Бадраковы, Байчуговы из с. Янга Сала, Байсаровы из с. Такмак, Худуй Биришев и Урмановы со своими домочадцами пришли из с. Украу. Урмановы до переезда

в Азеево еще жили и в с. Сурка. Прежняя родина Ярмаковых до поселения в Азееве неизвестна. Есть предположение, что до Азеева Ярмаковы проживали в селении Ярмаков пустошь.

Род Канчуровых до их прихода в Азеево жил на берегу реки Крутуй, там есть местность, называемая «Подъем Канчуры». Хотя очень редко, но известен переход некоторых представителей мордвы в ислам. Один человек из мордовского рода эрзя, приняв мусульманство, поселился на постоянное жительство в Азееве. От него происходит фамилия татар Ерзиных. Известно, что представители этой фамилии проживают до сих пор в селениях касимовских татар.

Вот из таких разных родов сложилось село Азеево, ставшее крупным татарским поселением по всей губернии. 251 год назад в Азееве не было ни школ, ни медресе. Народ тогда еще не нуждался в них. Желающие обучать своих детей посылали их в г. Касимов или в другие города.

Лет 270 назад был у Исянбая Бурнашева очень смысленный сын, который увлекался чтением книг. Отец послал его учиться в Уфу. Сын, обучаясь в медресе, составлял конспекты, переписывал книги. Одна его рукописная книга хранится в музее Азеева. Эта книга «Мухтасар аль-вакая» (сокращенное изложение «Основ веры») написана довольно красивым почерком. Книги Мусы, переписанные во время учебы, еще не отличались изяществом почерка, но легко читаемы.

В народе говорят, что у Мусы были рукописные хронологические записи. Однако они до сих пор не обнаружены. Видимо, они сгорели во время частых больших пожаров в деревне. Муса Бурнашев после завершения учебы в Уфе вернулся в деревню и был избран муллой в мечеть, почитаемую как ахуновская. Он, кроме исполнения своих каждодневных обязанностей имама, занимался также торговлей, по этой причине очень часто отлучался из деревни. Прихожане выражали свои недовольства этим занятием имама и однажды публично ему объявили: «Или будь имамом, или купцом. Если хочешь быть купцом, то оставь мечеть». После этого случая Муса Бурнашев решил оставить свою должность имама. Он пригласил на место имама своего знакомого Тимергали Сафарова из с. Чумбали Симбирской губернии Алатырского уезда. Тимергали был избран муллой, и Муса, таким образом, оставил мечеть.

До прихода Тимергали Сафарова в Азееве не было школы. Первая школа в селе была открыта благодаря ему в 1673 г. Эта школа находилась на площади нынешнего дома Нургазиза. После одного большого пожара в селе, школу не стали восстанавливать на старом месте.

В настоящее время люди, носящие фамилию Сафаров, и род

Тухватуллы имама Сафарова в Костроме имеют одного общего предка.

Много лет тому назад один русский миссионер-богослов со своим отрядом солдат насильственно, устрашая или подкупом, крестил татар в расположенных вблизи Азеева мишарских селениях. Затем миссионер разузнал через продажных людей о месте расположения с. Азеево и пошел со своим отрядом по указанной дороге крестить мусульман. Это было время весеннего паводка. Азеево почти со всех сторон окружала вода. Увидев это зрелище, миссионер стал придираться к нанятым проводникам, подозревая в них злоумышленников. Те клялись, что посреди потопа стоит с. Азеево, село мусульман. Проводники-татары так и не сумели объяснить миссионеру свою невинность. Миссионер повелел всех обезглавить и повернул обратно, в сторону Темникова. По пути он силой крестил татар с. Янга Сала. Эта деревня сейчас называется Новоселовка, т. е. татарское название переведено на русский язык. Село со временем стало русским. В те тревожные дни Бадраковы — жители Янга Сала, спасаясь от насилия миссионера, переселились в Азеево. Из села Янга Сала бегством спаслись от крещения и некоторые представители древней фамилии Байчыговых. Обрусевших родственников Байчыговых насчитывается в Новоселовке 11 семей. Рассказывают, что в минувшие годы женщины обрусевших Байчыговых ездили собирать грибы в азеевский лес, заходили в Азеево в гости к своим мусульманским родственникам. Мусульмане Байчыговы в свою очередь ездили в гости к своим православным родственникам в Новоселовке. Теперь у них такой традиции не наблюдается. Постепенно они забыли о своих родственных связях.

Миссионер-богослов во время стоянки возле с. Темниково был заколот ножом жителем с. Янгураз. После гибели главаря ватага крестоносцев разбежалась.

Указом императора Петра I от 1682 г. все татарские мурзы должны были перейти в христианскую веру в течение 25 дней, в противном случае они лишались земельных угодий, крепостных крестьян и всех привилегий. После публикации такого указа многие татарские мурзы — Енгальчевы, Кильдишевы, Моисовы, Кугушевы, Кудашевы, Мирлины, Мамаевы, Балашовы, Шакуровы и др., не желая расставаться с нажитыми богатствами, крестились, вследствие чего потеряли язык, культуру и традиции предков.

Есть факты, что предки этих крестившихся мурз были выходцами из Крыма. Сохранились народные предания с. Азеево, которые сообщают, что предки мурз являются выходцами из Крыма. Представители фамилий Каиповы, Бигишевы являются выходцами из Крыма.

Примечание

Материал извлечен из редкостного издания книги А. Блашева «История с. Азеево», изданной в Казани в 1924 г. А. Блашев — автор уникальной книги по истории татар Рязанского края. Кроме него, мы не можем отметить другого автора из среды касимовских татар. Он собрал в своей сравнительно маленькой книге такие ценные факты из этнической истории татар в XVII—XVIII вв., о которых умалчивается в русских письменных источниках¹.

РОДОСЛОВНАЯ ДЭРДМЕНДА (ЗАКИРА РАМИЕВА)

	<i>I поколение</i>	
1	Ихсан	
	<i>II поколение</i>	
2	Рами	1
	<i>III поколение</i>	
3	Тимри, служил переводчиком у князя Ивана III. Среди русских был известен как Митри Рамиев. Потомки Рами поселились на берегах р. Зая	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Сулейман	3
	<i>V поколение</i>	
5	Кулай	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Юлай	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Капкай	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Урман	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Рахимкул	8
	<i>X поколение</i>	
10	Исмагиль	9
11	Салим-ахун учился в Кундрау-Ногаях у Мухаммета, сына Гали Дагистани. После завершения учебы был имамом и мударрисом в д. Арслан на реке Тетер в Уфимской стороне. Через некоторое время, после основания Оренбурга, был имамом в с. Каргали-Тамак под Оренбургом. После основания г. Эстарлитамак служил имамом в соборной мечети. Дослужился до сана ахуна-мударриса. Умер в 1234 г. в возрасте 85 лет. На надгробной плите написано: «Покойный ахун Салим, сын Рахманкули, 1819/1234 г.»	9

¹ Блашев А. История Азеева.— Казань, 1924.

<i>XI поколение</i>		
12	Габделькарим, по преданию Габделькарим, сын Исмагиля (—1851), переехав из с. Сарайлы, жил и умер в д. Зиргянах	10
13	Ахметзян	11
14	Халим	11
15	Габдельгалим	11
16	Мирзакай	11
17	Ибрагим	11
18	Ахмади	11
19	Мухамметзян	11
20	Фахретдин	11
21	Хусаин	11
22	Фазылзян	11
23	Маймуна	11
24	Сагида	11
25	Муслима	11
26	Шарифа	11
27	Халида	11
28	Шафига	11
29	Фатима	11
<i>XII поколение</i>		
30	Мухамметсадык, родился в 1829 г., умер в 1310 г. (1892/1893) в селе Юлук Орского уезда	12
31	Бахитгирей, имам города Эстарлитамак, умер в возрасте 78 лет в 1312 г. (1894/95)	12
32	Бахитгани	12
33	Бахтияр	12
34	Гимран, имам с. Мустафа	13
35	Габдельхалик	14
<i>XIII поколение</i>		
36	Мухамметшакир (1857—1912)	30
37	Мухамметзакир (1859—1921), поэт Закир Рамиев (Дэрдменд)	30
38	Мухамметгариф	31
39	Габдулла	35
<i>XIV поколение</i>		
40	Уммегульсум (1883 — 1921)	37
41	Искандер (1886 — 1943)	37
42	Рауза (? — 1938)	37
43	Зейнаб (1891 — 1977)	37
44	Гариф (1893 — 1971)	37
45	Ягфар (1895 — 1976)	37

46	Мурат (1898 — 1922)	37
47	Фоат (1903)	37
48	Исмагиль Рами (1895 — 1969), журналист	39
	<i>XV поколение</i>	
49	Башир, конструктор (1918 — 1994)	41

(Родословная составлена М.И. Ахметзяновым на основе печатных источников.)

Источники

Ризаэтдин бине нәселеннән берәү // Казан утлары.—1989.— №12.— 176—177 б.

Ризаэтдин бине Фәхретдин. Асар. Кыскача конспект-аннотация.— Казан: Иман, 2003/1423.— 52 б.

Дәрдемәнд.— Казан: Татар. кит. нәшр., 2003, 516 б.

Рәмиевләр шәжәрәсе // Хранилище отдела рукописей и текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.— Кол. 99.— Опись. 1.— Ед. хр. 39.

Татар энциклопедик сүзлеге.— Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.— 239 б.

Дополнительная литература

Рәмиевләр затыннан // Шәһри Казан.—1992.—15 гыйнвар.

Ибраһимова Фатыйма. Рәмиевләр шәжәрәсе // Шәһри Казан.— 1994.— 15 июль.

Хәмидуллин Лерон. Рәмиевләр шәжәрәсе // Шәһри Казан.—1994.— 16 декабрь.

Рәхимкулова М. Искәндәр һәм Бәшир Рәмиевләр.— Оренбург, 1995.— 149 б.

Рәхимкулова М. Рәмиевләр.— Оренбург, 1995.— 141 б.

РОДОСЛОВНАЯ МИРЗЫ КАПКАЯ (КАПКАЙ) УРАЗГИЛЬДИЕВА

Список родословной сохранился только в рукописи. Пока известно лишь об одном тексте. Однако, по некоторым сведениям, подлинник родословной в конце 1960 г. находился у одного профессора КГУ. Публикуемый в данном случае текст был дополнен в 1946 г. жителем села Малая Цильна Дрожжановского р-на Татарстана Шакуром Сулеймановым (1869—1949).

	<i>I поколение</i>	
1	Капкай-мирза Уразгильдиев	
	<i>II поколение</i>	
2	Кулмакай	1
3	Альмакай	1
	<i>III поколение</i>	
4	Бикчура	2
5	Амушка	3

6	Алып	3
7	Сабукай	3
	<i>IV поколение</i>	
8	Баттал	4
9	Кутлумет	4
10	Гибадулла	4
11	Бикбау, житель г.Буа, мещанин	4
12	Исмагиль	7
13	Габдрахман	7
14	Габдулла	7
15	Рахманкул	7
16	Габдельфаиз	7
17	Габдельгазиз	7
	<i>V поколение</i>	
18	Халилулла	10
19	Ибрай	11
20	Хусаин	11
21	Сулейман	16
	<i>VI поколение</i>	
22	Мухамметзакир (1877— ?)	21
23	Габдешакур (1869—1949)	21
24	Сабирзян	21
	<i>VII поколение</i>	
25	Шакирзян	22
26	Хасанзян	22
27	Шагизян	22
28	Зиятдин	23
29	Загит	23
30	Фатих	23
31	Зарифзян	23
	<i>VIII поколение</i>	
32	Мубарак	25
33	Амирзян	26
34	Алимзян	26
35	Вазих	26
36	Шафик	26
37	Джаудат	27
38	Шаукат	27
39	Рифкат	27
40	Кням	28
41	Радик	28
42	Равиль	28
43	Раис	29

44	Рустам	29
45	Расих	30
46	Вазих	30
47	Гуляндам	31
48	Анвар	31
49	Гульшат	31
	<i>IX поколение</i>	
50	Асхат	32
51	Радик	32
52	Фидаиль	32
53	Асхат	37
54	Фархат	38
55	Ильсур	39
56	Альберт	39
57	Марат	40
58	Айрат	41
59	Ильдус	44
60	Рахим	44
61	Ильдар	44
62	Рамис	45
63	Фанис	46
64	Гульнара	47
65	Рустам	48
66	Альфия	48
67	Алсу	49
68	Раис	49
	<i>X поколение</i>	
69	Айдар	64
70	Алина	65
71	Артур	67
72	Тимур	67
73	Лилия	68
74	Рамис	68

Примечание

В приписке к родословной сообщается о поселении в 1697—1701 гг. в Цильнах 37 семей (43 хозяйств татар).

Другим ценным источником истории фамилии являются надписи эпитафического памятника 1909 г., вырезанные на камне резчиком Хайруллой, сыном Гиззатуллы (с. Большие Цильны). В них сообщается о переезде предков села со стороны г. Темникова и Рязани¹. Этот эпитафийный памятник в свое время был обследован до нас еще академиком

¹ *Әхмәтҗанов М.* Ташларда тарих эзләре // *Мирас.*— 2002. № 7.— 41—42 б.

М. Усмановым¹. Данные этой эпитафийной надписи несколько перекликаются по содержанию с опубликованными краеведами К. Минлебаевым и З. Алимовым² родословиями, например, имеющиеся антропонимы Байтимер и Хибатулла в работе этих авторов указываются как основатели определенных фамилий с. Большие Цильна.

Данные эпитафийной надписи перекликаются и с фактами одного исторического документа, который был использован в сборнике «Истории Новой Тинчали Касима Биккулова».

РОДОСЛОВНАЯ ТУЙГИЛЬДИ
ИЗ СЕЛА ЭНТУГАНОВО (ЯНТУГАН)
БУИНСКОГО Р-НА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

	<i>I поколение</i>	
1	Туйгильди	
	<i>II поколение</i>	
2	Бурнай	1
	<i>III поколение</i>	
3	Уйбак	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Байбак	3
	<i>V поколение</i>	
5	Мелла Бикмет	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Мелла ...	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Мелла Забир	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Мелла Мухаммет	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Мелла Якуб	8
	<i>X поколение</i>	
10	Мелла ... газый	9
	<i>XI поколение</i>	
11	Гыйлазетдин	10

¹ Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв.— Казань, 1972.— С. 192. Предлагаемый текст родословной Капкая Уразгильдиева сохранился у внучки составителя Габдешакура Сулейманова — Гуляндям Сулеймановой-Якуповой. Она передала эту реликвию 4 ноября 2000 г. в дар в Хранилище отдела рукописей и текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Документ хранится под шифром: Кол. 99.— Оп. 1.— Ед. хр. 385.

² Миңлебаев Кыям, Алимов Зөфәр. Чынлы чишмэләре.— Казан, Татар. кит. нәшр., 2002.— 148—161 б.

	<i>XII поколение</i>	
12	Мелла Гусман	11
	<i>XIII поколение</i>	
13	Мелла Лукман	12
	<i>XIV поколение</i>	
14	Сагид	13
	<i>XV поколение</i>	
15	Сагадат	14

Примечание

Плохо сохранившийся подлинник был обнаружен археографом С. Вахиди. Некоторые места текста искажены под влиянием плохих микроклиматических условий. Рукопись хранится среди материалов фонда С. Вахиди (Академия наук Татарстана, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова РТ. Отдел рукописей и текстологии — Ф. 53.— Оп. 2.— Ед.хр. 47.— Л. 8).

РОДОСЛОВНАЯ АКЧУРИНЫХ (Первый список)

Коренной наш предок Казан-бик — выходец из города Казани. Его сыновья — Аксары-бик, Куксары-бик.

Сын Аксары-бика — Мурат-бик.

Сын Мурат-бика — наш предок Акчура-бик.

Сын Акчуры-бика — Булаш-бик (у Акчуры были дети — Буран-бик, Кудаш-бик).

Сын Булаш-бика — Исугай-бик.

Сын Исугай-бика — Бикбулат-бик.

Сын Бикбулата — Байбек.

Сын Байбека — Гали-бик.

Сын Гали-бика — Асан-мирза.

Сын Асан-мирзы — Муртаза (Муртаза поселился в селе Бигиево и там стал жить с родом Биги-бабая). Теперь потомство Муртазы в Бигиеве довольно большое. У Асан-мирзы, кроме Муртазы, были сыновья — Аюп, Муса, Якуп, Ибрагим, Габдеразак, Даут. Сын Муртазы — Хурамша-мирза (один из детей Муртазы — Тимуш, переселился в Карнавар, поэтому его потомство должно быть там). Сын Хурамшы — Гайд-мелла. Сын Гайд-меллы — Шамсутдин-мелла (стал указным имамом и скончался во время поездки в хадж).

Сын Шамсутдин-меллы — Мухаметзян-мелла (наговорил на станového, за что был сослан в Самарскую губернию. Отбыв три года наказания, вернулся в с. Бигиево и там умер).

Сын Мухаметзяна-меллы — Муса-мелла, умер 16 февраля 1911 г.

Муса-мелла, благодаря своей смышленности и тонкому чутью, освоил медицину и исцелил многих страдающих разными недугами.

гами. Благодаря его лечению, более ста человек были спасены от сибирской язвы.

У Мусы-меллы было четыре сына.

Двое из них — Исхак и Касим — преподают в русско-татарских школах, двое — Даут и Мухаммет — служат имамами в селе Бигиево.

Историю рода до Асана-мирзы установил, расспрашивая у стариков, и не сомневаюсь в достоверности. Однако о более древних предках ничего не могу сказать. Мелла Мухаммет Акчурун.

Примечание

Текст родословной был опубликован в журнале «Шура» (1915.— № 7). Данный текст был переведен на современную татарскую графику и опубликован в журнале «Сөембикә» (1992.— № 6.— С. 2 — 3). Перевод был сделан на основе этой публикации.

РОДОСЛОВНАЯ АКЧУРИНЫХ

(Второй список)

Тимербулат, сын меллы Хурамшы, сына Габдуллы, сына Сафы, сына Шагали, сына Гадельшы, сына Мурата, сына Асауна (Хусайна?), сына Нугая, сына Байбека, сына Бикбулата, сына Ирмаяка, сына Булаша, сына Акчуры, сына Адаша. В 1504 г. Адаш стал мирзой. Прожил 80 лет.

В году 1324 по хиджре, в месяце 15-го шаабана, в 1906 г. по христианскому...

Примечание

Данный вариант родословной написан на мраморной эпитафийной плите. Плита была обнаружена кандидатом исторических наук Наилем Таировым.

Мраморная эпитафийная плита была установлена на могиле татарского промышленника Тимербулата Хурамшовича Акчурина (кладбище с. Гурьевка Ульяновской обл.).

РОДОСЛОВНАЯ АКЧУРИНЫХ

(Третий список)

	<i>I поколение</i>	
1	Адаш	
	<i>II поколение</i>	
2	Акчура	1
	<i>III поколение</i>	
3	Булаш	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Ирмаяк	3

	<i>V поколение</i>	
5	Бикбулат	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Байбик	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Нугай	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Усеин	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Мурат	8
	<i>X поколение</i>	
10	Гадельша	9
	<i>XI поколение</i>	
11	Шигали	10
	<i>XII поколение</i>	
12	Сафа	11
	<i>XIII поколение</i>	
13	Габдулла	12
	<i>XIV поколение</i>	
14	Сулейман (1802—1864), (первая жена — Махмуб-джамал, вторая жена — Садафбану)	13
15	Курамша (1796—1868), (первая жена — Хабиба, вторая жена — Бибигайша Исакова)	13
16	Ильяс	13
17	Яхъя	13
	<i>XV поколение</i>	
18	?	14
19	?	14
20	Бахрельхаят (Бахруш), ее муж сеид Батыргирей Шакулов	14
21	Хасан, его жена Бибихалифа Тимербулатовна Акчурина	14
22	Зухра, ее муж Хасан Тимербулатович Акчурин	14
23	Айша, ее муж Галимджан Баруди (1859—1921)	14
24	Бадрельхаят, ее муж фабрикант Мухаммед-Юсуф Дебердиев	14
25	Ариф, ее муж Айнетдин Дебердиев	14
26	Абдрашит	14
27	Юсуп (1852 — умер после 1922 г.)	14
28	Якуб	14
29	Хасан (? — 1878), жена Фахрибану Юнусова	14
30	Тимербулат (1826—1906). Был женат трижды: 1 — ?; 2 — Халифа Маннановна Дебердиева, 3 — Зухра Гиреевна Султанова	

	<i>XVI поколение</i>	
31	Бадигульджамал, ее муж Фазлулла Карамышев	20
32	Фатима, ее муж Касым Хусаинович Сеид Шакулов	25
33	Юсуф Акчүра (1876—1935). Умер в Турции	29
34	Хасан, его жена Зухра Шакулова	30
35	Бибихалифа, ее муж Хасан Б. Г. Сеид Шакулов	30
36	Маргуба-Джемаль, ее муж Якуб Сулейманович Акчүрин	30
37	Якуб, его жена Василиса Семеновна Рождественна	30
38	Абдулла, его жена Уммегульсум Мухамметзакировна Камалова, дочь Чистопольского хазрата	30
39	Махруй (Маргуба ?)	30
40	Хамза, его жена Марьям Хаджаева	30
41	Гульсум, ее муж Хусаин Хамзеевич Максүтов	30
42	Айша, ее муж Мухаммет Шакирович Казаков	30
43	Иагбирус	30
44	Мадина	30
45	Асфандияр	30
46	Абуталип	30
47	Исмаил	30
48	Ибрагим	30
	<i>XVII поколение</i>	
49	Асия (1904—2004, г. Касимов), ее муж Ахмет Вергазов	31
50	Сара	32
51	Лейля	32
52	Амина, ее муж Хаджиев	32
	<i>XVIII поколение</i>	
53	Фатима (1929, живет в г. Касимове), ее муж Умар Тугеев	49
	<i>XIX поколение</i>	
54	Эльдар (врач, живет в г. Касимове), его жена Елена	53
55	Сафия, ее муж Марат Бикуев	53
	<i>XX поколение</i>	
56	Элина	54
57	Тимур	54
58	Руслан	54
59	Динара	55

Примечание

Подлинник родословной хранится у Фатимы Ахмедовны Тугеевой в г. Касимове. Копия для этой публикации была снята в 2005 г. в г. Касимове М. И. Ахметзяновым.

История рода Акчүриных более подробно изложена в монографии кан-

дидата исторических наук Наиля Таирова «Акчурины» (Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.— С. 100). При подготовке текста родословной Акчуриных он был сверен с фактами, изложенными в монографии Н. Таирова с согласия автора, за что выражаем ему свою благодарность.

Кроме перечисленных трех списков, родословная имеет еще и четвертый список, который составлен русскими историками. Легенда четвертого списка возводит историю рода к золотоордынскому периоду, согласно которой основатель рода Бехан являлся последним владельцем города Сараклыч, у него был сын Ханубек, у него Худайберди, у него сыновья Касим, Кутай, Мурат. У Кутая родились сыновья Адаш и Седехмет, у Адаша — сын Акчура, у Акчуры — сыновья Булаш, Кулай, Бараш и др. (Князья Акчурины // Дворянские роды Российской империи. 1721—1917. Том 3. Князья.— М.: Ликоинвест, 1996.— С. 125—127). Наличие татарской и русской версий списков представляет интерес для исследователей исторической памяти татарского народа 600—700-летней давности.

Носители фамилии Акчурины проживают и в наше время в тех же местах, где когда-то были хозяевами их предки. Например, Акчурины являются жителями городов Кузнецка (Пензенская область), Ульяновска и селений Ульяновской области. Эпитафийные плиты рода Акчуриных встречаются на кладбищах Москвы, Петербурга (Волковское кладбище).

РОДОСЛОВНАЯ МУРЗ ШИРИНСКИХ

(Первый список)

Выписка из книги № 713, выданная из Касимовского уездного суда, от 10 апреля 1858 г. о выходе предков Ширинских из Крыма в Россию.

	<i>I поколение</i>	
1	Ишмухаммет-мурза, умер	
	<i>II поколение</i>	
2	Хальмухаммет-мурза, умер	1
	<i>III поколение</i>	
3	Чумай-мурза, умер	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Шабай-мурза, умер	3
	<i>V поколение</i>	
5	Рязап-мурза, умер	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Бикмурза-мурза, умер	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Мухамметрахим-мурза, умер в д. Шырын	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Шагингарай-мурза, умер в д. Шырын	7
9	Ибрагим-мурза, умер в д. Шырын	7

10	Нигматулла-мурза, умер в д. Шырын	7
11	Шагиахмет-мурза, умер в д. Шырын	7
	<i>IX поколение</i>	
12	Ахматгали-мурза, умер в г. Петропавловске	11
13	Хамза-мурза, умер в д. Шырын	11
14	Фатхулла-мурза, умер в д. Шырын, бездетный	
	<i>X поколение</i>	
15	От Ахматгали-мурзы родился сын Газизулла в д. Шырын	12
	<i>XI поколение</i>	
16	От Газизуллы в 1896 г. в д. Шырын родилась дочь Найма — жена Г. Х. Байбекова. В последние годы она жила в Казани, дата смерти — после 1972 г.	15

Примечание

Перевод текста сделан на основе публикации сборника М. Ахметзянова «Татар шәжәрәләре». — Казан: Татар. кн. изд-во, 1995. Подлинный текст хранился у Наймы Ширинской. Копия на арабской графике хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ АН РТ: Кол.99.— Оп.1.— Ед.хр. № 40.

РОДОСЛОВНАЯ ШИРИНСКИХ (Второй список)

Эти дети Эрдин-мирзы Крымского: мирза Мурали, мирза Мустафа, мирза Кулмет, Василий. Последний из них крестился. Известно, что у него был сын Федор.

Второе поколение: Бибай, Бикбай — сыновья Мурали, сыновья Мустафы: Сюнчали, Нихаруш (видимо, искаженный антропоним).

Третье поколение: Дети Бикбая, сына Мурали, — Раджаб, Петр, Михаил. У Бибая, сына Мурали, — сын Лука (Лукьян). У Сунчала, сына Мустафы, — сын Бахтияр. У Нихаруша, сына Мустафы, — сын Арслан. (В этом поколении только Раджаб и Арслан не передали веру предков, остальные крестились.)

Четвертое поколение: сын Раджаба бине Бикбая — Ислам. Арслана, сына Нихаруша, — сын Федор.

Пятое поколение: у Ислама, сына Раджаба, — сын Ураз, его жена Зайнаб, дочь Алтынбая. Сыновья — Давлетшах, Валишах. У Валишаха жена Алтынбика, дочь Кадергали: их сын Муртаза. Жена Муртазы, сына Валишаха, — Хадича, их сын Бахти. Жена Бахтия, сына Муртазы, — Тутья, дочь Якуба: сын — Джагфар. Жена Джагфара, сына Бахтия, — Алтынай, дочь Якуба: их сын — Хусаин. Хусаин, сын Бахтия (Ширинский), сейчас живет в Москве.

Примечание

Это второй список родословной Крымских-Ширинских. Текст скопирован Ризаэдином Фахрутдиновым. Рукопись хранится в Санкт-Петербурге.

ском филиале Института востоковедения АН РФ, в архиве востоковедов (Ф. 131.— Оп. 1.— Ед. хр. 50.— Л. 5—7).

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ КУДАШЕВЫХ

Фамилия князей Кудашевых тесно связана с г. Касимовым и касимовскими татарами. История рода Кудашевых сложилась так, что большинство представителей данной фамилии, не желая терять свои имущественные права, в XVIII в. крестились и обрусели, оставив при этом свою княжескую фамилию.

Часть Кудашевых сохранила веру предков и осталась татарами-мусульманами.

История фамилии и рода в какой-то мере изучена, но в основном обрусевших Кудашевых, а мусульмане-татары Кудашевы как разорившиеся и бедные мурзы не привлекали внимание исследователей. Литература по истории рода Кудашевых в последние годы дана в монографическом труде «Дворянские роды Российской империи. 1721—1917» Том 3. Князья. (М.: Ликоинвест, 1996.— С. 165—171.)

Судя по материалам, представленным на страницах этой книги, история князей Кудашевых начинается с 1-й пол. XVI в. Основателем фамилии был темниковский мирза Ефай. От его сыновей Кудаша и Булуша и пошел род Ефаевых, Булушевых и Кудашевых.

Ефаевы, Кудашевы, Булушевы проживали в Темниковском, Краснослободском, Пензенском уездах Пензенской губернии.

В 1760 г. Абдюк и Якуп, дети Илюка Кудашева, переехали из Темниковского уезда в Оренбургскую губернию. Приезжие, судя по документам, оказались в д. Ахуново Белебеевского округа Уфимской провинции.

Монография Саида-мурзы князя Еникеева «Очерк истории татарского дворянства» (Уфа: Гилем, 1999) более глубоко и подробнее освещает историю рода Кудашевых.

Приведем фрагмент родословной таблицы Кудашевых, переселившихся в 1766 г. в Приуралье¹.

	<i>I поколение</i>		
1	Ефай		
	<i>II поколение</i>		
2	Кудаш		1
	<i>III поколение</i>		
3	Булай		2
	<i>IV поколение</i>		

¹ Еникеев Саид мурза князь. Очерки истории татарского дворянства.— Уфа, 1999.— С. 251—253; Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья.— М., 1996.— С. 166—167.

4	Бикбулат	3
5	Досай	3
6	Ураз	3
	<i>V поколение</i>	
7	Сафар	4
	<i>VI поколение</i>	
8	Бикмурза	7
9	Ханей-мурза (1670 — ?)	7
	<i>VII поколение</i>	
10	Илюк	8
11	Адельша (1698 — ?)	9
	<i>VIII поколение</i>	
12	Абдюк (1718/19—1769)	10
13	Якуп (1739/40— ?)	10
14	Абдюк (1730— ?)	11
15	Тимербулат (1740—1774)	11
	<i>IX поколение</i>	
16	Юскей (1739/40 — ?)	12
17	Шабай	13
18	Бахты	13
19	Усман	13
20	Халиль	13
21	Смаиль (1753— ?)	14
22	Янук (1755— ?)	14
23	Аюкай (1761— ?)	14
24	Байбек (1767— ?)	15
25	Яфар (1772 — ?)	15
	<i>X поколение</i>	
26	Юнус (1771— ?)	16
27	Муса (1781— ?)	16
28	Арслангирей	16
29	Аюп	16
30	Давлетгирей	16
31	Ибрагим	16
32	Салих	16

Родина Кудашевых — д. Ахун, находится на территории Давлекановского р-на Башкортостана. В Чишминском р-не Башкортостана в с. Кляш родился известный поэт и писатель, татарин по национальности Сайфи Кудаш. Двоюродный брат поэта Афзал Кудаш 15 июня 1978 г. сообщил о том, что их предки переехали в Приуралье с берегов Волги, из с. Кляш (ныне Тетюшский р-н).

ВЕРСИЯ РОДОСЛОВНОЙ КУДАШЕВЫХ
ПО СПИСКУ АФЗАЛА КУДАША:

	<i>I поколение</i>	
1	Кляш	
	<i>II поколение</i>	
2	Нигяш	1
	<i>III поколение</i>	
3	Заёт	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Бикташ	3
	<i>V поколение</i>	
5	Кудаш	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Бадретдин	5
7	Шарафетдин	5
	<i>VII поколение</i>	
8	Фахретдин	
9	Низаметдин	7
10	Фаттахетдин	7
	<i>VIII поколение</i>	
11	Сайфи Бадриев	8
12	Галляметдин	9
13	Ягуда	10
14	Сайфи Кудаш (1894—1993)	10
	<i>IX поколение</i>	
15	Афзалетдин Кудаш (1912—1981)	12
16	Хуршида	13
17	Фарида Кудашева (1920 г.р.)	13

Д. Ахун, где обосновались Кудашевы, была, видимо, родным домом не только им, но и другим татарским князьям из Касимова и Темникова. Поэтому другое большое татарское село Ахуново (Учалинский р-н Башкортостана), основанное где-то в 1770 г. также выходцами из Касимовского края, позволяет судить о родстве населения этих двух Ахунов Приуралья.

РОДОСЛОВНЫЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КАСИМОВСКОГО КРАЯ
В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ С. АХУНОВО
УЧАЛИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Родословная Даушевых

Род Даушевых имеет многовековую историю. Их предки были связаны с Золотой Ордой, Ногайской Ордой, Касимовским хан-

ством и Московским княжеством. Имя основателя фамилии Дауш восходит к золотоордынскому периоду. Древнее татарское сказание о Дауш-мергене, видимо, повествует о нем. Во 2-й пол. XVI в. представители одного рода из Ногайской Орды поступили на службу Московскому княжеству. Один из них называл себя фамилией-этнонимом Давыш. По социальному происхождению он принадлежал к мирзам, т.е. потомкам Едигея мангыта (1352—1419). В начале XVII в. в одном из документов главы народного ополчения Дмитрия Пожарского упоминаются князя (1612 г.) Дашка (Дауш) и его сын Сюнчилей. Татарские имена в русских документах XVI—XVIII вв. отражаются в несколько искаженном виде с добавлением уменьшительного суффикса *-ка*, например, Яналей — Яналейка, Богдан — Богданка, Мамадали — Мамадалейка и др.

В русской генеалогической науке антропоним Дашка и фамилию Дашковых пытаются связать с Рюриковичами, однако достоверный случай упоминания Дашка (например, Роман Дашков) относится только к 1541 г.¹, т.е. к тому периоду, когда Московское княжество было переполнено многочисленными служилыми татарами. И поэтому русское происхождение Дашковых весьма сомнительно.

Наличие княжеского рода Дашкиных, происходящих из татарского народа, подкрепляет данную догадку. История изучения генеалогии Дашкиных в России русскими исследователями начинается с XIX в. Татарские исследователи стали интересоваться историей данной фамилии с начала XX в. Например, в 1911 г. в Оренбурге был издан на татарском языке труд меллы Мутагара Сюнчилея «История села Старые Кыешки», где много внимания уделяется фамилии Даушевых (Сюнчилеевых)². По этому поводу интересны также высказывания археолога-историка А. Х. Халикова³.

Обнаруженный в недавнем прошлом рукописный труд жителя д. Ахуново Учалинского р-на Республики Башкортостан, состоящий из более 30 родословных списков, открывается очень ценным генеалогическим памятником князей Дашкиных, доведенным до 30-х гг. XX в. Данная рукописная книга написана на татарском языке арабской графикой. Источниками для сборника послужили рукописные татарские генеалогические памятники XIX в. Генеалогическая часть этой рукописи с добавлением эпитафийных надписей, извлеченных из кладбищ с. Ахуново, была опубликована в

¹ Дворянские роды Российской империи. 1721 — 1917. Том 3. Князья... — С. 256.

² Иске Кыешки тарихы. Бабамызның ушбу қарийәгә килеб тәғлим гомри шәрғийә идә башлауының йөз йыл булуының тәзқирәседер.— Оренбург: Типография журналы «Дин вә мәғыйшәт», 1911.— 47 б.

³ Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения.— Казань, 1992.— С. 77—78.

2004 г.¹ В данной родословной насчитывается 14 поколений и 389 антропонимов мужчин и женщин, содержатся краткие факты из жизни отдельных представителей рода. В татарской версии родословной Дашкиных мало затрагивается история фамилий Темниковского и Касимовского периода. Описание начинается со времени поселения рода в татарском селе Юкали Куль, где они были подвергнуты разбойному нападению сословных башкир.

Но все из рода Даушевых разбрелись по разным уголкам земли. По материалам А. Б. Беляева, представители их еще долго, до 1940 г., проживали в д. Шилино под Касимовым. Правда, фамилия произносится несколько иначе — Девешевы. На татарском языке антропонимическая основа фамилий Даушевых и Девешевых произносится мягко — Дәвеш. И только под влиянием русского языка на письме стали использовать современное звуковое оформление этого древнего имени. Данная мысль подтверждается древними топонимическими и фольклорными материалами (например: с. Дәвеш в Апастовском р-не Республики Татарстан, дастан «Дәвеш мәргән»). В татарской версии Дауш читается как Дәвеш, весьма близко по звуковому оформлению фамилии Девиш(ев). Потомки Дауша расселены в Приуралье — в селениях и городах: Ахун, Иски Кыешки, Яна Кыешки, Балякай Ахун (Башкортостан), Мюслим, Карабулак, Худжайли, Верхнеуральск, Троицк, Учали, Златоуст (Челябинск. обл.). Селения Карабулак и Мюслим в 1957 г. подверглись радиации, жители были брошены на произвол судьбы и в течение почти 50 лет лишены компенсаций и медицинской помощи.

2. Родословная рода Девиша (Даушевых)

	<i>I поколение</i>	
1	Девиш-мирза	
	<i>II поколение</i>	
2	Сюнчилей-мирза	1
	<i>III поколение</i>	
3	Альмухаммет-мирза (имел прозвище Альмуш)	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Лукман	3
5	Гайса	3
6	Гали (известен как Гали-хаджи. Умер в с. Юкали Куль)	3
	<i>V поколение</i>	
7	Зайнульгабидин (Известен по прозвищу Зайка)	5
8	Мюслим (умер в д. Мюслимово возле г. Челябинска)	6

¹ Әхмәтҗанов М., Солтанов В. Ахун авылының нәсел тарихы.— Казан: Gumanitarya, 2004.— 180 б.

9	Габдрашит (Габдюш)	6
10	Шаех Сагди	6
	<i>VI поколение</i>	
11	Магди	7
12	Муса	7
13	Мелла Мухаммади (вернее, наверно, мелла Мухаммет)	7
14	Габдельхалик	7
15	Габдулла-ахун (был ахуном и депутатом «Законоведческой комиссии императрицы Екатерины II в 1767—1768 гг.». Умер в 1791 г. и похоронен в с. Ахун Учалинского р-на РБ).	8
16	Мухаммет	8
17	Габбас	9
18	Хамза	9
19	Габдельгазиз	9
20	Гумар	10
	<i>VII поколение</i>	
21	Фахрелислам	11
22	Мирхаджи	11
23	Гали (печник Гали)	12
24	Ахметвали	12
25	Шахгали	12
26	Якуп-хазрат	13
27	Билал-мелла	13
28	Исхак	13
29	?	13
30	?	13
31	Даут	14
32	Габдельмуджип (описана биография в работе Ризаэддина сына Фахрутдина «Асар» в ч. III, в биографии №113)	15
33	Мухаммедьяр (известен как хаджи)	15
34	Джарулла-муэдзин	15
35	Мелла Асгар	15
36	Ибрагим-ишан	15
37	Нигматулла	16
38	Мухамметвали	17
39	Рахматулла	18
40	Хамза	19
41	Хисаметдин (по прозвищу Кисай)	20
42	Ибрагим	20

<i>VIII поколение</i>		
43	Маджит	21
44	Шахкамал	21
45	Камалетдин	21
46	Габдулла	22
47	Габдрахман	22
48	Хабибулла	24
49	Гайнулла	24
50	Шагвали	24
51	Хайбулла	24
52	Нигматулла	24
53	Джигангир-махдум	26
54	Шагикамал-ишан	26
55	Шайхайдар	27
56	Самигулла	27
57	Мухаммет (хромой)	27
58	Харис	27
59	Шарафутдин	28
60	Мухаммади	28
61	Фаттах	28
62	Гильман	28
63	Габдельманнан	31
64	Шагидулла	31
65	Мухамметшариф	31
66	Исмагиль	31
67	Халит	31
68	Магфур-хазрат	32
69	Мухамметша	35
70	Ахметкарим	35
71	Мухамметзариф	35
72	Ахметша (известен по прозвищу Беззубый)	35
73	Мухамметгариф	35
74	Мухамметшариф (староста, впервые устроил в Ахунове базар)	35
75	Мухамметхабиб	35
76	Мухамметхабиб	36
77	Мухамметсафа	36
78	Мансур	36
79	Тагир	36
80	Махмут	36
81	Мухаммет	36
82	Макбуль	36

83	Мухамметсафа	36
84	Мюслим	36
85	Мухамметюсуп	36
86	Мухамметшафик	36
87	Мухамметкамал	36
88	Ильяс	37
89	Фазулла	37
90	Халилулла	37
91	Ибатулла	37
92	Габдрашит	37
93	Хамза	38
94	Мухамметша	38
95	Габдельвахит	38
96	Мухамметзариф	39
97	Мухамметгариф	39
98	Магаз	40
99	Исмагиль	41
100	Мухамметкарим	41
101	Мухамметъяр	41
102	Мухамметзариф	42
103	Мухамметша (по прозвищу Кугеркай)	42
104	Мухамметгалим	42
	<i>IX поколение</i>	
105	Валимухаммет (по прозвищу Атукай)	43
106	Хаджимухаммет	43
107	Рахимулла	44
108	Габдельбари (из грамотных людей, участник движения за реформу обучения в 1905 г.)	53
109	Фатих	53
110	Харис	53
111	Мелла Мухаммет	54
112	Габдулла	54
113	Ахмет	57
114	Габдулла	58
115	Шагимардан	58
116	Шагиджиган	58
117	Габдулла	59
118	Габдерауф	59
119	Габдельхай	59
120	Зиятдин	59
121	Мингали	60
122	Габдрахман	61

123	Шагвали	62
124	Шахгали	62
125	Муллагали	62
126	Хузиахмет	63
127	Гайфулла	64
128	Иргали	64
129	Сагдулла	64
130	Насибулла	65
131	Хабибулла	65
132	Хуснулла	65
133	Такиулла	65
134	Габдулла	68
135	Габдрахман	68
136	Ахмади-муэдзин (о нем написано в работе Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар» и в книге Ризаэддина бине Фахрутдина «Асар», часть 3, 139 с.)	68
137	Зайнетдин	71
138	Сайфетдин-муэдзин	71
139	Галаятдин-Гаттар (по прозвищу Галаяу)	71
140	Габдельвали	72
141	Габдельбари	72
142	Хаджимухаммет	72
143	Валимухаммет	72
144	Шагвали	74
145	Ахметвали	74
146	Мухамметшакир	76
147	Загир	79
148	Габделахат	80
149	Байдавлет	80
150	Мухамметзян	81
151	Карим	82
152	Габдулла	83
153	Мазит	83
154	Хасан	88
155	Исмагиль	89
156	Габдельнафик	89
157	Магсум	89
158	Магфур	89
159	Галиасгар	90
160	Габдельлатиф	90
161	Габдулла (прозвище Ыргак)	90
162	Фазылгаффар	90

163	Хазиахмет	91
164	Садыйк-хазрат	91
165	Гали-харунжи	91
166	Сабир	91
167	Габдрахман	92
168	Мухамметфана	92
169	Мухамметшариф	92
170	Габдулла	92
171	Вильдан	93
172	Ахмет	94
173	Закир	95
174	Шакир	95
175	Габбас	95
176	Мухамметша (известен по прозвищу Йылан)	95
177	Закирзян	96
178	Ахтямзян	96
179	Рахимьян	97
180	Сабирзян	97
181	Шагвали	97
182	Шахгали	97
183	Габдельгазиз	98
184	Габдулла	100
185	Мухамметшариф	100
186	Шамсетдин	100
187	Мухамметгалим	100
188	Хаджи	100
189	Шарафутдин	100
190	Мухамметрахим	100
191	Шакир	101
192	Мухаммади	101
193	Ибрагим	101
194	Ахмади	101
195	Ауди	101
196	Гали	101
197	Ахметкарим	102
198	Ахметзян	102
199	Хакимзян	103
200	Ахметвали	103
201	Ахметшах	103
202	Магфур	103
203	Ахметзян	103
204	Нигметзян	103

205	Закир (известен по прозвищу Кутагай)	104
	<i>X поколение</i>	
206	Ахмет	114
207	Ахметзян	114
208	Рахматулла	114
209	Рахимзян	114
210	Мухамметгариф	115
211	Галиакрам	115
212	Гарун	116
213	Искандер	116
214	Билал	116
215	Ислам	116
216	Шагикамал	116
217	Габдельхай	116
218	Габдельгани	116
219	Минлевали	121
220	Рашит	126
221	Халиллулла	127
222	Минлегали	127
223	Габдельвакиль	136
224	Мухибулла	137
225	Ахмет-Зятдин	138
226	Губайдулла	138
227	Гарифулла	138
228	Габдулла	139
229	Ахмет	139
230	Рифкат	139
231	Шагисултан	144
232	Шагимардан	144
233	Шагиджиган	144
234	Шагирахман	144
235	Мухамметгали	145
236	Ахметзян, староста	145
237	Аухади	145
238	Сабир	147
239	Ахметкарим (по прозвищу Бутай)	150
240	Ахметкамал	151
241	Шагикамал	151
242	Магсум	154
243	Фаттахетдин	154
244	Хайрулла	154
245	Шакир	154
246	Фазылджан	155

247	Нигметзян (по прозвищу Тапай. В 1918 г. расстрелян красногвардейцами)	156
248	Шакирзян	157
249	Галимзян	157
250	Аухади	157
251	Сабирзян	157
252	Шагимардан	158
253	Шагикамал	158
254	Ахметкамал	158
255	Шайхислам	158
256	Закирзян	159
257	Марджан	159
258	Хакимзян	159
259	Ахтямзян	159
260	Габдельфарук	160
261	Габдрахим	160
262	Габдельвагаб	160
263	Габделькави	160
264	Габдельхалик	160
265	Габдельхат	160
266	?	160
267	Мухаррям	161
268	Минлебай	161
269	Ахметтарик	162
270	Ахметсафа	162
271	Тухватулла	163
272	Зайнулла	163
273	Галимулла	163
274	Гүмер-хаджи	164
275	Сафа-ишан	164
276	Мухаммет	164
277	Ахметкамал	165
278	Шагикамал	165
279	Шагивали	165
280	Валиулла	167
281	Галиулла	167
282	Хакимзян	169
283	Мелла Мухаммет	169
284	Шаймардан	170
285	Шагивали	170
286	Шахгали	170
287	Галиасгар	170

288	Альтаф	171
289	Гирфан	171
290	Гатаулла	171
291	Рахматулла-мулла (в 1921 г., спасаясь от холеры, ушел в Мачу, там и умер от холеры)	172
292	Минлегали	173
293	Минлевали	173
294	Ахметвали	173
295	Габидулла	175
296	Габдулла	176
297	Мирджан	177
298	Салимзян	177
299	Шагимардан	181
300	Шагикамал	181
301	Ахметкамал	181
302	Габдельвали	181
303	Кара Нугман	183
304	Кара Гильман	183
305	Хамматдин	186
306	Хамит	186
307	Саляхетдин	186
308	Гайфулла	187
309	Закирзян	191
310	Ахтямзян	191
311	Галимзян	191
312	Мустафа	192
313	Габдулла	192
314	Исхак, учитель	193
315	Исмагиль	193
316	Ахметзян	194
317	Мустафа	194
318	Хади	195
319	Файзрахман	195
320	Хаджи	196
321	...ша	196
322	Гатаулла	197
323	Мухетдин	198
324	Мустафа	198
325	Габдельвали	200
326	Ахмади	200
327	Зиганша	201
328	Хисаметдин	201

329	Асгар	202
330	Магсум	202
331	Нигматулла	202
332	Шагиджиган	202
333	Минлегали	203
334	Гариф	205
335	Джигангир	205
	<i>XI поколение</i>	
336	Анвар	229
337	Галимзян	238
338	Зайнетдин	242
339	Ахметвали	242
340	Ханафия	242
341	Фахретдин	243
342	Габдулла	244
343	Хабибулла	244
344	Хакимзян	244
345	Нигметзян	244
346	Рахимзян	244
347	Валиахмет	244
348	Хасан	247
349	Рахимзян	248
350	Лутфулла	251
351	Галимулла	253
352	Фатхерахман	258
253	Талгат	261
354	Габдельнафик	261
355	Гайфулла	268
356	Мухамметзян (в 1921 г. убит грабителями-разбойниками)	277
357	Ярулла	277
358	Хайрулла	277
359	Мухамметвали (убит колчаковцами за симпатию к большевикам в тюрьме Верхнеуральска)	277
360	Габдельяхат	277
361	Закир	278
262	Шаймардан	278
363	Мухамметзян	278
364	Муллагали	285
365	Курбангали	286
366	Гайнан	288
367	Гайнулла	288

368	Мелла Мухаммет	288
369	Мухамметвали	288
370	Гайса	289
371	Калимулла	297
372	Шагивали	304
373	Фоат	314
374	Нурджамал	314
375	Камиль	314
376	Ильяс	314
377	Мелла Якуп	315
378	Габдулла	315
379	Муртаза	323
380	Минлегали	329
381	Вали	334
	<i>XII поколение</i>	
382	Динис	336
383	Гарифулла	342
384	Ингель	354
385	Тарик	354
386	Эдик	354
387	Тауфик	361
	<i>XIII поколение</i>	
388	Расим	387
	<i>XIV поколение</i>	
389	Рамиль	388

Родословная рода Ибни-хана

Род Ибни-хана по числу своих членов занимает третье место в обществе с. Ахуново. По преданиям, сохранившимся от предков, род прибыл из Касимовского ханства. Однако неизвестно, кто из них первоначально прибыл в Ахуново. Лишь есть догадки, что Юсуф бине Ирджикай бине Ирай бине Султан бине Ибни хан, возможно, со своими сыновьями Субханкулом, Рахимкулом, Абуль-хасаном, Рафиком и также его родным братом Мустаем бине Ирджикаем и его сыновьями пришли в одно время.

Они во время основания с. Ахуново в 1770-х гг. находились здесь, прибыв из Мюслюмова вместе с Габдулла-ахуном Даушевым.

	<i>I поколение</i>		
1	Ибни-хан		
	<i>II поколение</i>		
2	Султан		1
	<i>III поколение</i>		

3	Ирай	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Ирджикай	3
	<i>V поколение</i>	
5	Юсуф	4
6	Мустай	4
	<i>VI поколение</i>	
7	Рафик	5
8	Абдульхасан	5
9	Рахимкул	5
10	Субханкул	5
	<i>VII поколение</i>	
11	Валишах	7
12	Аюп	8
13	Габдессамат	8
14	Габдельмуджиб	9
15	Ахмет	9
16	Габдрахим	9
17	Габдельгазиз	10
18	Гайса	10
	<i>VIII поколение</i>	
19	Ахмет (был имамом, писарем)	11
20	Джиганшах	11
21	Мухамметшах	11
22	Камалетдин (по прозвищу Камай)	12
23	Габдельвали	13
24	Мухамметсадик	13
25	Габдельгазиз	13
26	Мухаммет	13
27	Габдельхафиз	13
28	Габдельханнан	14
29	Габдельхади	14
30	Габдельвахит	14
31	Ильгам	14
32	Искандер	16
33	Мубарак	17
34	Ихсан	17
35	Габбас	17
36	Фазулла	17
37	Фазыл	17
38	Габденнасыр	18
39	Габдельбасыр	18

40	Габдулла	18
	<i>IX поколение</i>	
41	Хаджи Мухаммет	19
42	Мухамметьяр	20
43	Мухамметхан-мулла	20
44	Мухамметмагсум	20
45	Фасхетдин (по прозвищу Фаскый)	21
46	Загретдин (обувщик, шил национальную обувь <i>ка-веш</i>)	22
47	Багаветдин	23
48	Гайнетдин	23
49	Фархи	23
50	Фаткай	23
51	Мухамметшариф	24
52	Мухамметгариф	24
53	Габдельгафур	25
54	Мухамметгали	25
55	Габдельлатиф	25
56	Закир	26
57	Фазылджан	26
58	Хакимзян	26
59	Вафа	26
60	Мухамметсадык	27
61	Шафик	27
62	Закария (по прозвищу Заки)	28
63	Габдельманнан (Габдельман)	28
64	Мухамметгариф	29
65	Габдракип	30
66	Ахметхади	31
67	Мухамметхади	31
68	Ахмади	31
69	Мубашшар	33
70	Хаммас	35
71	Габдельджамиль	36
72	Валимухаммет	36
73	Мухамметриза	36
74	Габдрахман	39
75	Фазлытдин	40
76	Муджип	40
77	Маджит	40
	<i>X поколение</i>	
78	Агзам (портной)	41
79	Шамсекамал	41
80	Ахметкамал	41

81	Хамматсафа	42
82	Хамматзакир	42
83	Мухамметзян (мулла)	43
84	Загит	44
85	Исмагиль	45
86	Мухамметзариф	45
87	Ибрагим (пропал без вести во время русско-японской войны 1904/05 гг.)	45
88	Шангарай	45
89	Максут	45
90	Мухамметситдык	46
91	Джалялетдин	48
92	Габдельмавля	49
93	Ахмади	49
94	Хаммади	49
95	Валиулла	51
96	Галиулла	51
97	Гали	52
98	Мавлют	53
99	Ахмадишах	55
100	Джиганшах (погиб от голода при добыче соли на озере Тозлы куль)	55
101	Давлетшах	55
102	Мухамметзян	55
103	Минлегали	56
104	Шакирзян	56
105	Минлезян	56
106	Тагирзян	57
107	Галиаскар	58
108	Габдрахим	58
109	Габдельгани	59
110	Габдельвали	59
111	Минлегали	59
112	Ахметхан	60
113	Габдрахман	60
114	Ахметшах	61
115	Габдельманнан	62
116	Габидулла	62
117	Мусалим	62
118	Галимулла	62
119	Сулейман	64
120	Габидулла	69

121	Гатаулла	69
122	Исмагиль	69
123	Нигматулла (учитель)	69
124	Ибрагим	69
125	Габидулла	69
126	Камалетдин	70
127	Джалялетдин	70
128	Фахретдин	70
129	Сайфетдин	70
130	Габдельджамиль	71
131	Карим	71
132	Мухамметмагсум	72
133	Мухамметшах	72
134	Нурмухаммет	73
135	Динмухаммет	73
136	Нургали	73
137	Иргали	73
138	Ахметдавли	73
139	Фахретдин	73
140	Латиф	74
141	Гариф	74
142	Габдрахим	74
143	Габдельгафур	74
144	Музаффар	75
145	Маджит	75
146	Габдерафик	76
	<i>XI поколение</i>	
147	Айрат	78
148	Ахметзян	81
149	Габдельбари	81
150	Сулейман	82
151	Сулейман	82
152	Шарифулла	82
153	Гарифулла	82
154	Сабирзян мулла	83
155	Мухаммади	84
	Габдельгафар	84
156	Магфур Загиди (был учителем и библиотекарем, расстрелян красногвардейцами 21 апреля 1918 г.)	84
157	Исмагиль (по прозвищу Кулмәксез (Без рубашки))	84
158	Габдулла	85
159	Мухамметшариф	86

160	Габдельгани	86
161	Гильмевафа (супруга Вали Султанова)	87
162	Шаймардан	88
163	Шавкат	88
164	Хамматвали	88
165	Муллагали	89
166	Гүмер	89
167	Рахимзян	89
168	Джамалетдин	90
169	Галяветдин (пропал в 1921 г. в селе Ахуново)	90
170	Габдульвали (известен в народе и по документам как Вали Султанов)	90
171	Гайша	90
172	Фатиха	90
173	Габдельхалик	91
174	Минлегали	91
175	Джамалетдин	91
176	Галиулла	92
177	Галимулла	92
178	Насибулла	92
179	Ибрагим	93
180	Галимзян	93
181	Ахметзян	93
182	Ахметкарим	94
183	Хамматвали	94
184	Мухамметшариф	97
185	Мухамметвасим	97
186	Мухаметкаюм	97
187	Мухамметзян	97
188	Хамматшах	101
189	Рахимзян	102
190	Сабирзян	102
191	Тагирзян	102
192	Муллагали	111
193	Байрамгали	111
194	Музагит	113
195	Джиганшах	114
196	Даут	115
197	Тагирзян	115
198	Гильметдин	115
199	Габдельбари	115

200	Габдельгани	115
201	Габдулла	115
202	Валиулла	117
203	?	118
204	Идрис	122
205	Мифтах	130
<i>XII поколение</i>		
206	Адгам	147
207	Аслям	147
208	Амир	147
209	Мухамметвали	155
210	Мардан	170
211	Атлас	170
212	Марат	173
213	Флюра	173
214	Клара	173
215	Рашит	173
216	Муса	182
217	Тарик	182
218	Калимулла	202

Родословная рода Джантугар-бия

<i>I поколение</i>		
1	Джантугар-би	
<i>II поколение</i>		
2	Ханмирза	1
<i>III поколение</i>		
3	Дусали	2
<i>IV поколение</i>		
4	Синсали	3
<i>V поколение</i>		
5	Девеш	4
<i>VI поколение</i>		
6	Мухамметгирей	5
<i>VII поколение</i>		
7	Альмухаммет	6
<i>VIII поколение</i>		
8	Мухамметшариф	7
<i>IX поколение</i>		
9	Габдульбаки	8
<i>X поколение</i>		
10	Нигматулла	9

**Версия родословной Джантугар-бия
по записям Мусы-хаджи Фатхуллина**

	<i>I поколение</i>	
1	?	
	<i>II поколение</i>	
2	?	1
	<i>III поколение</i>	
3	Джантугар-би	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Ханмирза	3
	<i>V поколение</i>	
5	Сиюнчали	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Дусали	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Альмухаммет	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Мухамметшариф	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Габдельбаки	8
	<i>X поколение</i>	
10	Нигматулла	9
11	Рахматулла	9
	<i>XI поколение</i>	
12	Габдельманнан	10
13	Калимулла	10
14	Хуснетдин	11
15	Хамидулла	10
16	Фазлулла	10
17	Галиулла	10
18	Рахматулла	11
	<i>XII поколение</i>	
19	Ахмади	12
20	Мухамметвали	12
21	Габдрахман	13
22	Габдулла	14
23	Сунгатулла	14
24	Салахетдин	14
25	Гирфан	14
26	?	15
27	Мухаммет	15
28	Музаффар	15

29	Зулькарнаен	15
30	Файзулла (известен как Урядник)	16
31	Махмут-Хусаин	17
32	Мелла Ахметзян (умер в 1921 г. от чумы)	17
33	Хасан-мелла	17
34	Мударрис	18
	<i>XIII поколение</i>	
35	Мухаммади	19
36	Шакир	21
37	Бадрутдин	21
38	Гирфан	22
39	Хади	23
40	Хабибулла	23
41	Габидулла	23
42	Галимулла	23
43	Ибатулла	24
44	Шарафетдин	24
45	Зухра	27
46	Зулейха	27
47	Ахтямзян	27
48	Нигметзян	27
49	Исмагиль	27
50	Марфуга	27
51	Сафура	27
52	Ибатулла	29
53	Галиулла	29
54	Зайнулла	29
55	Джиганшах	29
56	Сафиулла	29
57	Гайфулла	29
58	Зульфар	29
59	Ахмадулла	30
60	Габделькарим	30
61	Нигматулла (пропал в 1921/22 гг. зимой)	31
62	Шарафетдин	31
63	Садретдин	31
64	Махмутджан	32
65	Нигметзян	32
66	Мухаметзян	32
67	Мухибулла	32
68	Галимзян-мелла	32
69	Мударрис	33

70	Сунгатулла	33
71	Хисматулла	33
72	Гиззатулла	33
73	Юсуп	34
74	Музаффар	34
75	Кутлузаман	34
	<i>XIV поколение</i>	
76	Шамсетдин	36
77	Гумербек	38
78	Шагали	39
79	Валиулла	40
80	Мустафа	43
81	Насибулла	43
82	Минлегали	43
83	Нигметзян	48
84	Гайнулла	49
85	Губайдулла	49
86	Шахбал	52
87	Сибгатулла	52
88	Гиззатулла	52
89	Газизулла	52
90	Гайса	52
91	Яхъя	55
92	Гарифулла	57
93	Галиулла	59
94	Габдрахман	60
95	Фуат	60
96	Рашит	60
97	Гафиятулла	61
98	Фазылджан	61
99	Сабирзян	61
100	Галимзян	61
101	Тагирзян	61
102	Исмагилзян	61
103	Габдулла	61
104	Юсуфджан	61
105	Гиниятулла	61
106	Сайфетдин	62
107	Минлевали	62
108	Джаудат	64
109	Абубакир	69
110	Гиниятулла	70

111	Гатаулла	70
112	Минлевали	70
113	Минлегали	70
114	Гатиятулла	70
115	Тухватулла	71
116	Нигматулла	71
117	Минлевафа	73
118	Аглиулла	74
119	Фатхулла	74
120	Мутагар	74
121	Хайрезаман	75
<i>XV поколение</i>		
122	Загретдин	76
123	Салихзян	101
124	Исмагиль	101
125	Калимулла	105
126	Саетгали	112
127	Гайнан	119
128	Нигматулла	119
129	Габдельбари	119
130	Муртаза	120
131	Гильмияр	120
132	Ибрагим	120

ЭПИТАФИЙНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАСИМОВСКИХ ТАТАР

Эпитафийные памятники всегда служили значительным источником по истории культуры, этногенеза каждого этноса. В период шестисотлетней этнической истории у касимовских татар, как и других этнических групп народа, шел процесс сложения культуры эпитафийных памятников.

Субэтнос касимовских татар как определенная этническая группа начал формироваться на территории Мещерского края со 2-й пол. XV в.¹ С тех пор определенная часть их потомков продолжает проживать на исторической территории этнического сложения. Как и у других групп татар-мусульман, у касимовских татар имелось богатое наследие в виде памятников духовной и материальной культуры², в том числе традиция установки эпитафийных памятников на могилах предков.

Однако эпитафийные памятники касимовских татар долгое вре-

¹ Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона.— Казань, 1993.— С. 145.

² Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары.— Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.— С. 3.

мя оставались вне поля зрения исследователей данной сферы культуры.

Первым, кто проявил научный интерес к эпитафийным памятникам как к презентативным источникам по истории духовной и материальной культуры касимовских татар, был татарский просветитель Хусаин Фаизханов¹ (1828—1866) — последователь историка Шигабутдина Марджани.

В 1860 г. Хусаин Фаизханов занимался изучением эпитафических памятников на старопосадском кладбище г. Касимова и также на ханском кладбище в центре города. Он зафиксировал, дешифровал и скопировал десятки эпитафийных текстов XVI—XVII вв. кладбищ города Касимова. Но мы не располагаем точным числом памятников, изученных им, так как он не успел при жизни опубликовать их тексты. Определенную часть его находок использовал в своем ценном труде русский историк В. В. Вельяминов-Зернов².

Он отмечал, что Хусаин Фаизханов в мавзолее (текие) Шах-Гали-хана обследовал 9 эпитафийных надгробий. После него В. В. Вельяминов-Зернов в 1863 г. повторно обследовал мавзолей и выявил там еще два неизученных памятника. Он также отметил, что за короткий срок после первого обследования мавзолеей Шах-Гали-хана был немного приведен в порядок. Видимо, две эпитафии, отсутствующие в записях Хусаина Фаизханова, обнаружили после него и поместили в мавзолей.

Как отмечает В. В. Вельяминов-Зернов, в мавзолее не сохранилось ни одного целого надгробия, все они были разбиты, и лишь позже была сделана грубая попытка сложения каждого памятника из разбитых кусков. Однако «реставраторы» работали не профессионально, камни были собраны из кусков разных памятников. Наблюдения над эпитафиями текие Шах-Гали-хана в 2004 г. свидетельствуют о сохранении такого явления и поныне, как было в 1863 г.

Судя по источникам публикаций В. В. Вельяминова-Зернова, самые ранние датированные эпитафийные памятники касимовских татар относятся ко 2-й пол. XVI в. Эти эпитафии в основном принадлежат семье Шах-Гали-хана и его окружению.

¹ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть вторая.— СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869.— С. 2.

² *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Части 1—4.— СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863—1887.

Таблица хронологической последовательности эпитафийных памятников из мавзолея (текие) Шах-Гали-хана

№№	Имя покойного	Дата смерти по хиджре	Дата смерти по григорианскому стилю
1	Буляк-шад бикем, юджунь сеида Джуруджия, 37 лет от роду	964 г., месяц зюльхиджы, 7 день	1557 г., 1 октября
2	Мухаммет, сын Дервиша, 55 лет от роду	968 г., в месяце зюльхиджы	1561 г., март
3	Фатима-султан бикем	96 (?) г.	1554—1562 гг.
4	Шах-Гали-хан, сын Шейха Авлияр-султана, 61 год от роду	974 г., в месяце шауваль 10-го дня	1567 г., 20 апреля
5	Юджунь Тимрук бика ?	979 г.	1571 г., февраль
6	Сын Габдуллы-султана Будагали-султан, 25 лет от роду (брат Мустафы Гали-хана)	990 г., в месяц зюльхиджы в конце	1583 г., начало января
7	Юджунь Такыль султан бики		
8	Султан-хан ике бикем, 27 лет от роду		
9	Габдулла-султан		
10	Алтынджан (Алтынсач?)		
11	... бикеш, 37 лет от роду		

В 1860 г. на Старопосадском татарском кладбище г. Касимова Хусаином Фаизхановым были обнаружены следующие эпитафийные надписи:

Таблица эпитафийных памятников из Старопосадского кладбища

№№	Имя покойного	Дата смерти по хиджре	Дата смерти по григорианскому стилю
1	Яхшылык ханыш, 17 лет от роду	1003 г.	1594 г.
2	Сын крымского Сулеш бика Джиганшах-мирза, 83 лет от роду	1009 г.	1600 г.

3	Сын Сулеш Хабит-мирза	?	
4	Дочь Мустафы-хана Такбилди, 17 лет от роду	1017 г.	1608 г.
5	Сын Ундан-султана Уразмухаммет-хан	1019 г., рамазан 16-го	1610 г., 22 ноября
6	Сын Юсуф бика мирза Ваил, от роду 84 года	1019 г.	1610 г.
7	Сын Айдар-мирзы хан Гали-мирза, от роду 25 лет	1019 г.	1610 г.
8	Ак Мухаммет-мирза	1019 г.	1610 г.

Памятники из мавзолея Авган-хана¹

1	Сын Араб-Мухаммет-Кана Авган-Мухаммет-султан, от роду 37 лет	1058 г., рамазан 9-го числа	1648 г., 11 сентября
2	Сын Ишим-султана Тюге-султан	1059 г., год Коровы	1649 г.
3	?	1062 г., год Дракона	1651 г.
4	Ай ханым	1062 г., год Дракона	1651 г.

Эпитафийные тексты из мавзолея Авган-хана были прочитаны профессором Московского университета Ф. Е. Коршем.

Как видно из приведенных таблиц периода Касимовского ханства, эпитафийных памятников сохранилось очень мало. Судя по содержанию эпитафийных текстов, их ставили родственники ханов, биков, сеидов, мурз, уланов. Состав касимовского феодального класса в количественном отношении был немалым. По некоторым данным, только под Казанью в 1552 г. количество касимовских татар-воинов Шах-Гали было 60 тысяч².

Как известно, много эпитафийных памятников касимовского ханства сохранилось в сельских местностях. Однако сельские кладбища в этом регионе пока почти не обследованы, по крайней мере, в научной литературе отсутствуют публикации. Необходимо подчеркнуть, что в Касимове и его окрестностях пока самый известный ранний памятник относится лишь к 1557 г., тогда как в окрестностях Казани известны памятники даже конца XIII в. и в наши дни. Следует отметить, что в столице Казани от ханского

¹ Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен.— Рязань: Изд-во газ. «Благовест», 1999.— С. 192—193.

² Атласи Гади. Себер тарихы. Сөнбикә. Казан ханлыгы.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1993.— 391 б.

периода сохранилось всего три памятника, хотя в Казани проживало мусульманское население и после 1552 г. Есть сведения об использовании мусульманских эпитафий в г. Казани в качестве строительного материала для церквей и монастырей¹ и т.д.

Выявленные эпитафийные тексты г. Касимова интересны еще тем, что они проливают свет на те проблемы истории культуры, которые плохо прослеживаются по письменным актовым материалам автохтонного характера. Например, мы не располагаем автохтонными татарскими родословными надписями ранних веков вплоть до конца XVIII в., а имеющиеся поздние списки нуждаются в проверке на достоверность. Сохранившиеся эпитафийные памятники из городских кладбищ Касимова дополняют наши познания в исследовании генеалогий касимовских ханов, сеидов Шакуловых, князей Сулешевых, Мустафиных и др. При совокупности с эпиграфическими материалами действующего татарского кладбища г. Касимова значение эпитафий татар в качестве исторических источников еще более возрастает.

Действующее татарское кладбище г. Касимова со своими памятниками свидетельствует о том, что традиция татарского народа сооружать надгробные памятники, не взирая ни на что, не заглохла в мрачные средневековые годы. Сохранились, несмотря на большие потери даже при советском и постсоветском периодах, три традиционных мавзолея, построенных из обработанных белокаменных плит, и белокаменные надгробные эпитафии с каллиграфическими надписями. Некоторые эпитафийные тексты содержат в себе поэтические строки, традиция которых в крае уходит в глубь XVI в.²

В июне 2004 г. нами было обследовано татарское мусульманское кладбище с. Подлипки (Шырын) Касимовского района, где также были обнаружены развалины возведенного из обожженного крупного кирпича мавзолея и эпитафийные памятники XIX—XX вв.

Конечно, материалы лишь г. Касимова и с. Подлипки не позволяют представить содержание мусульманских эпитафий региона в целом, однако их обзор в какой-то мере дает возможность ознакомиться с сохранившимися памятниками этой части татарской культуры, имеющей древние корни.

Изучение касимовских эпитафий и надгробных сооружений помогает познать особенности и общие черты этого региона по отношению к общенациональной культуре татар Поволжья и Приуралья.

¹ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.— С. 9; *Мәрҗани Ш. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар.*— Казан, 1897.— 26—27 б. и др.

² Полевой дневник эпиграфической экспедиции 2004 г. в г. Касимов М. И. Ахметзянова. Хранится у автора.

О МАВЗОЛЕЯХ КАСИМОВСКИХ ТАТАР

Касимовские татары унаследовали от большой золотоордынской культуры, как и татары других обширных районов их проживания, традицию строительства культовых зданий: мечетей с минаретами, дворцов, мавзолеев на кладбищах. Например, единственный каменный минарет мечети, сохранившийся в Касимове, очень схож с аналогичными памятниками, обнаруженными на развалинах золотоордынских городов XIII—XIV вв. — в Булгаре, Биляре, Маджаре и др.

Традиция строительства мавзолеев также нашла отражение в касимовских памятниках. Татарские мавзолеи XIV—XV вв. были более изящны и богаты в архитектурно-декоративном решении. Золотоордынские татарские мавзолеи представляют строения квадратные, восьмигранные ярусы с куполами, схожие с среднеазиатскими, а касимовские мавзолеи — одноярусные прямоугольники. Касимовские мавзолеи по архитектурному стилю более просты и скромны. Они в своем большинстве, как и другие татарские памятники XIV—XV вв., построены в основном из больших каменных плит. Однако сохранился мавзолей Авган-хана, сооруженный в XVII в. из красного обожженного кирпича. Обычай строительства таких мавзолеев свидетельствует об изменении традиций. По древним татарским обычаям, в могильных и надмогильных сооружениях запрещалось применять материалы, добытые с применением огня, — гвозди, обожженные кирпичи, металлические ограды. Поэтому даже при закрытии подобя могилы татары употребляли лишь сырой кирпич.

В г. Касимове от ханского периода сохранились три мавзолея (текие):

1. Мавзолей Шах-Гали-хана и членов его семьи (построен в 1555 г.);
2. Мавзолей Авган-Мухаммед-султана (построен в 1648 г.);
3. Мавзолей Арслан-хана и его жены Фатимы-султана (построен в 1627г.).

Первые два из них в XIX в. были реставрированы, а третий уже в начале XIX в. был разрушен. На сегодняшний день от этого памятника остались лишь следы фундамента. Сохранился его план, снятый в XIX в.

Мавзолеи касимовских ханов в XIX в. были обследованы филологами, историками — Хусаином Фаизхановым, Владимиром Владимировичем Вельяминовым-Зерновым, Николаем Ивановичем Шишкиным, профессором Московского университета Федором Евгеньевичем Коршем. Мавзолеи являются уникальными культовыми и архитектурными памятниками XVI—XVII вв. как г. Касимова, так и всего татарского народа. Под их влиянием пошла традиция

сооружения татарских мавзолеев XVIII — начала XX в. по всему региону поселения татар Поволжья и Приуралья.

Благодаря раскопкам археологов, проведенным на территории Казанского кремля в 2004 г., история татарского народа обогатилась новыми и интересными открытиями. Был обнаружен фундамент мавзолея казанских ханов. Размеры и планировка фундамента мавзолея (16х5 м) позволяют представить это сооружение как текие Шах-Гали-хана в Касимове¹.

Мавзолей Шах-Гали — двухкамерное, белокаменное сооружение с большим подвалом, низкой плоской крышей. Есть предания о прохождении подземных туннелей под ханскими мавзолеем г. Касимова.

Данные о размерах мавзолеев

Мавзолей	Длина	Ширина	Высота
Шах-Гали-хана	1350 см	853 см	500 см
Авган-хана	1000 см	570 см	430 см

Внутри этих текие расположены могилы членов семей ханов и их эпитафийные памятники.

В мавзолее Шах-Гали-хана находятся 11 могил с эпитафиями², а в текие Авган-хана — четыре могилы и надгробия³ над ними (построены из красного обожженного кирпича). Его архитектурное оформление богаче, чем у предыдущих памятников. В текие Шах-Гали все надгробия были установлены на высоких подставках, что редко встречается в Казанском крае. Например, надгробия на высоких подставках из обожженного кирпича, установленные в XIX в., встречаются на кладбищах с. Служилая Ура Арского р-на и других мест Татарстана. Низкие подставки, сделанные из обработанных белых камней, встречаются в Татарстане вплоть до конца XX в.

Данные о размерах эпитафийных памятников из текие Шах-Гали-хана

№	Высота	Ширина	Толщина
1	77,8 см	55 см	17,8 см
2	80 см	35,5 см	17,8 см
3	104 см	53 см	9 см
4	106 см	53 см	11 см

¹ Салихжан И. Ханнар зиратында хатын-кыз кабере // Шәһри Казан.—2004.— 29 декабрь.— № 248 (3495).

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть вторая.— С. 6—16.

³ Шишкин Н. И. История города Касимова... — С. 189—193.

5	107 см	53 см	9 см
6	111 см	53 см	13 см
7	114 см	53 см	13 см
8	115 см	58 см	13 см
9	122 см	58 см	13 см
10	130 см	56 см	17,8 см
11	164 см	60 см	17,8 см

Средние размеры касимовского эпитафийного памятника составляют 114x53x13 см. По сравнению с памятниками Казанского ханства в среднем они несколько уступают по величине. В Касимовском районе начиная со 2-й пол. XVII до конца XVIII в. обычай установления эпитафийных памятников исчезает.

С 1680 г. памятники появляются на территории Среднего Поволжья и Приуралья, начиная с восточных районов Чувашии до поймы реки Демы и г. Белорецка. Большинство этих памятников на новых местах совпадают по размерам с касимовскими эпитафиями и исполненные на них надписи по величине близки к касимовским. Нередко в календарной системе употребляется двенадцатилетний животный цикл наряду с мусульманским лунным календарем (например: «год Коровы», «год Дракона»). Однако в их текстах происходят большие изменения. Например, в первых строках надписей текстов касимовских эпитафий на первое место поклонения ставится образ Христа, что неприемлемо для мусульман. Следует подчеркнуть, что эпитафийные надписи Авган хана не включали в себя цитаты из христианской философии о Христе.

Так, касимовские эпитафийные тексты из текии Шах-Гали-хана начинаются выражениями:

1. Сказал господь преблагословенный и всевышний:

Пред Богом Иисус то же, что Адам.

2. Адама он создал из праха, потом сказал ему «будь», и тот был. (Исследование о Касимовских царях и царевичах В. В. Вельяминова-Зернова. Часть первая.— СПб., 1863.— С. 511).

В татарских эпитафиях XVI в. в основном тексты начинаются следующими словами:

1. Сказал Бог преславный и всевышний:

2. Все, что на ней (на земле), — бrenно, и останется вечно (лишь) лицо

3. Господа твоего, обладателя величия и почтения.

(Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.— Таблица № 9.— С. 320.)

Татарские эпитафийные тексты Среднего Поволжья конца XVII в. начинаются в основном следующими кораническими формулами:

1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет. Сказал пророк, —

2. да будет мир нам,— мир есть час, так используй его в богоугодных делах.

(Юсупов Г. В. Введение... — С. 322.)

Приведенные примеры из мусульманских эпитафий Среднего Поволжья свидетельствуют о том, что татары из Касимовского региона, прибыв на новые земли, избавились от позорной для мусульман попытки замены их веры учением Христа, т. е. веры «русского ислама».

Данная проблема как факт привлекательна для исследователей средневековой татарской литературы. В татарских рукописных книгах сохранилось немало сюжетов, связанных с Христом (Иисусом). Видимо, на указанные сюжеты следует обратить внимание литературоведам, чтобы показать идейные мотивы средневековых татарских литературных произведений. При этом раскрываются идейная борьба в самом средневековом татарском обществе и определенные исторические события. Например, известно о случаях репрессий со стороны московских властей в отношении к отдельным группам касимовских татар в XVI в. Шах-Гали в январе 1533 г. был заподозрен в тайных связях с Казанью и заключен в тюрьму. Из его окружения 153 татарина со своими семьями подверглись страшным пыткам и многие из них были казнены. Их жен, окрестив, выдали замуж за русских, детей их также крестили. Из 153 человек только Хасан спасся от смерти, согласившись на крещение.¹

Впоследствии, из-за постоянной политики принудительного крещения путем запугивания, подкупов и шантажа, часть татар-мусульман в Касимовском царстве перешла в православие и обрусела, в отличие от казанских татар, подвергшихся массовому принужденному крещению, в результате которого образовалась этноконфессиональная группа татар-кряшен.

Касимовские эпитафийные надписи XVI—XVII вв. содержат интересные факты по истории знаменитых исторических фамилий татар, конкретные даты относительно отдельных личностей, что немаловажно для реставрации утерянных фамильных родословий. По касимовским эпитафиям можно установить места дислокаций древних исторических родов.

Структура расположения эпитафийного текста на лицевой стороне надгробия схожа с казанскими памятниками. Каждая строчка текста расположена в прямоугольной рельефной рамке. Текст отделяется от бордюрных орнаментов также рельефной рамкой. Первая строка текста сверху обрамляется килевидной рамкой. Цветочно-декоративные орнаменты обрамляют всю лицевую сторону между

¹ *Атласи Хади*. Указ. соч.— С. 322.

двумя рельефными зазорами, расстояние между которыми составляет 5—6 см. Узоры на бордюрах и тимпанах производились рельефным способом. Изредка первая строка текста имеет трапециевидную форму.

Памятник в верхней части завершается стрельчатой аркой. Бордюры и тимпаны украшаются растительно-цветочным орнаментом. Это сочетание цветов-розеток и листьев. Орнаменты касимовских эпитафий, хотя и близки к казанским памятникам, в своем стиле и компоновке заметно отличаются. Эпитафийные тексты касимовских татар-мусульман XVI—XVII вв. представляют 8—9 строк надписей. Обычно из 9 или 8 строк 5—6 — это арабские коранические изречения, последние три строчки на татарском — имя, дата (год, месяц), социальное положение и благие пожелания. На обратной стороне эпитафийного памятника накладывается рельефным способом отдельный текст — штамп, также исполненный почерком сулье арабского письма. Эта надпись сообщает, кому и за счет кого был изготовлен данный памятник. Надписи представляют научно-филологический интерес, т. к. в таких каменных надписях встречаются редкие родственные, социальные, календарные сведения, антропонимы, топонимы, псевдонимы и др.

Завершая предварительный обзор надгробий и надгробных сооружений касимовских татар XVI—XVII вв., приступим к исследованию памятников ныне действующих татарских кладбищ Касимовского района.

После установления мирных отношений в последней четверти XVIII в. между русскими и татарами покоренный народ стал возрождать свою разрушенную экономику и традиционную культуру. В городе Касимове и в немногочисленных татарских селениях, сохранившихся на территории некогда большого и многолюдного царства, стали открываться мечети, медресе. Во время гонений на мусульман в крае часть образованных касимовских татар осела в казанских селениях. Например, были исторические связи медресе с. Алаты Заказанья с Касимовским краем. Несколько касимовских ученых поселились в Сеитовском посаде под Оренбургом. На кладбище этого татарского городка сохранились эпитафии и полуразрушенные текие ученых касимовцев, известных под псевдонимами, или, по-другому, тахаллусами «ал-Хан Кирмани».

Однако в XVIII в. нельзя было еще утверждать о восстановлении обычая установки надгробий с письменами. Для этого нужно было время и накопление определенной меры капитала в руках мусульман. Судя по результатам археологическо-эпиграфической экспедиции, организованной летом 2004 г. Академией наук Республики Татарстан, можно утверждать, что возрождение в полном смысле древней традиции начинается со 2-й пол. XIX в.

Касимовское городское татарское кладбище

Татарское кладбище является памятником городской культуры цивилизованного народа, потерявшего свою государственную самостоятельность в XVII в. Это относится прежде всего к духовной и материальной культуре. Площадь кладбища охватывает семь гектаров земли, оно ограждено прекрасной кирпичной стеной и имеет некоторые подсобные строения. На кладбище покоятся в могилах сотни, тысячи касимовских татар, для которых оно является последним домом на родной земле. Здесь сохранились сотни надгробных памятников, мавзолеев (текие), установленных в XVIII—XX вв.

Процессы глобализации, бурно разрушающие культурные ценности человечества, особенно опасны для малочисленных народов. Для культуры немногочисленных касимовских татар глобализация является угрозой, которая может привести к их полному исчезновению с лица земли. Поэтому проблема сохранения элементов их духовной культуры очень остро стоит перед учеными, прежде всего татароведами.

Мусульманское кладбище г. Касимова является выдающимся памятником городской культуры касимовских татар. Этот памятник уникален тем, что там сохранился дух истории трех эпох — полуфеодального, капиталистического и социалистического. Каждая эпоха оставила свои памятники. Например, к феодальному периоду относятся мавзолеи, к капиталистическому периоду — многочисленные, искусно сделанные из белого камня, известняка, мрамора надгробные плиты с грамотно написанными текстами на арабском, персидском, татарском языках, образцами эпитафийной поэзии. Социалистический период отличается небрежно сделанными в художественном отношении, неграмотно написанными татарскими именами, фамилиями, скупыми, холодными, краткими, бездуховными эпитафийными текстами. Это показатель духовного падения человека XX в., разрушения общества. На кладбище также прослеживается процесс разрушения, уничтожения всего, что было создано в течение многих веков. Разрушаются мавзолеи более двухсотлетней давности, теряются ценные эпиграфические памятники, тексты на них. Конечно, хороши были и эти редкие сооружения, пока их материалы не растаскали городские мародеры. Имеются и положительные явления: территория кладбища убрана от мусора, упавших деревьев, ненужных кустарников. Плиты разрушенных мавзолеев сложены в штабеля. За порядок на кладбище ответственны отделы культуры и охраны памятников районов Рязанской области.

Касимовские татары приложили много сил и пролили немало крови для создания централизованного русского государства. Без их участия вряд ли Русь смогла бы превратиться в Россию, заво-

евать татарские государства Европы и Сибири. Судьба Руси могла бы быть совсем иной, даже можно было бы сказать — трагичной. Касимовские татары участвовали в создании самой русской нации, ее армии, государственности и т.д. Поэтому этот народ должен иметь в России о себе добрую память, как одном из основоположников русского централизованного государства.

Касимовское городское татарское кладбище специально изучалось в июне 2004 г. Однако за краткий период исследования (всего 3—4 дня) окончательных выводов о значении и культурной ценности его сооружений сделать невозможно. Здесь еще стоит поработать.

На кладбище сохранились три мавзолея, построенных из белых обработанных каменных плит. Размеры четырехгранных плит в среднем составляют такие величины:

Длина:	68 см	60 см
Ширина:	35 см	34 см
Толщина:	14 см	14 см

Касимовские татары называют мавзолеи термином «текие». На действующем кладбище Касимова пока сохранились три таких текие:

1. Текие рода Шакуловых;
2. Текие рода князей Ширинских;
3. Текие Янбаевых.

Все мавзолеи отличаются друг от друга размерами стен и некоторыми архитектурными деталями.

Мавзолеем рода Шакуловых имеет четырехугольную форму: длина — 870 см, ширина — 437 см, высота стен — 186 см. Здание без перекрытия, открытое, без дверных проемов, внутри нет надгробных памятников. Стены сложены из двухрядных плит, покрыты толстым слоем известкового раствора, в некоторых местах разбиты, а верхние части стен несколько повреждены, местами оголены.

На стенах имеются квадратные оконные проемы для вентиляции внутренней части мавзолея. Ширина проемов составляет — 37 см, высота — 41 см. Стена поставлена на высокий фундамент. Над стенами возвышаются карнизные ряды с продольными выступами. На стенах Шакуловского мавзолея с парадной стороны устроены мемориальные плиты с надписями на арабской графике. Надписи сделаны почерком сулье арабского письма.

В мавзолее, судя по надписям, находятся следующие могилы:

1. Имама Шарифа, умершего в 1210 г. хиджры (1796 г.);
2. Сына Салиха Сеит Бурган-хаджи, умершего в возрасте 73 лет в 1254 г. хиджры (1839 г.) и др.

Надписи на плитах свидетельствуют о некоторых фактах из истории происхождения фамилии Шакуловых. Вокруг здания мав-

золея находятся уцелевшие надгробные плиты, поставленные на могилах представителей фамилии Шакуловых. Например: «Эта могила из потомков сеидов Бахадир-Гирея, сына сеида Хамзы Хусаини. Умер в возрасте 73 лет в 1323 году хиджры второго числа месяца мухарряма, по григорианскому стилю 5 марта 1905-го. Да покроет его благословление Аллаха».

Мавзолей фамилии Ширинских также выстроен из белого каменных обработанных плит. Длина текие — 458 см, ширина — 456 см, высота — 180 см. Мавзолей пуст, надгробные памятники отсутствуют. Сооружение находится недалеко от текие Шакуловых, но по сравнению с ним имеет более простой вид и меньше по размерам. Принадлежность мавзолея роду Ширинских подтвердили сотрудницы краеведческого музея г. Касимова — Татьяна Александровна Пронина и Надежда Владимировна Гиоева, которые сопроводили нас до самого кладбища.

Мавзолей Янбаевых выстроен из белого камня, имеет форму четырехугольника, без крыши. По внешнему виду особенно не отличается от текие Ширинских. В прошлом на действующем татарском кладбище г. Касимова, видимо, было несколько подобных текие, о чем свидетельствуют сложенные каменные плиты из разобранных могильных сооружений текие (четырёхугольные плиты обработанные, целые, но есть и разбитые). Из расспросов местных жителей и по устным данным исследователей, посетивших в недавнем прошлом Касимовский район, стало ясно, что почти во всех сельских кладбищах касимовских татар есть или были в прошлом каменные или кирпичные мавзолеи.

Один из этих мавзолеев, хотя и сильно разрушенный, заросший кустарником, был обнаружен на кладбище с. Подлипки (Шырын). Он был построен из крупного красного кирпича, из трех кирпичных венцов, размером примерно 220x300 см. Надгробный памятник в настоящее время отсутствует.

При сравнении касимовских мавзолеев XVI—XVII вв. с более поздними памятниками, сохранившимися в действующих татарских кладбищах г. Касимова и района, можно прийти к следующим заключениям: мавзолеи этого периода являются продолжением золотоордынских культурных традиций. По форме они также четырехстенные, прямоугольные. По архитектурно-декоративному убранству мавзолеи несколько уступают памятникам XVI—XVII вв. Однако они лишены верхних покрытий, более низкие, меньше в размерах, имеют более упрощенные оконные проемы для вентиляции.

В более поздних мавзолеех эпитафийные надписи известны только в текие Шакуловых. Надписи эти сделаны на каменных плитах, прикрепленных к парадной стене текие. Наличие мавзо-

леев, построенных из кирпича, свидетельствует об исчезновении некоторых основных традиций. Уничтожение эпитафийных памятников внутри поздних касимовских мавзолеев можно объяснить вандализмом, вызванным отсутствием веротерпимости у некоторых экстремистски настроенных элементов общества.

Политика насильственного крещения касимовских татар в XVII—XVIII вв. отрицательно отразилась в развитии традиционных видов национальной культуры. Указы Петра I запрещали татарам заниматься кузнечными, каменно-строительными делами и т.д. Лишь более гибкая политика императрицы Екатерины II ограничила грубый произвол воинствующей православной церкви.

В последней четверти XVIII в. у касимовских татар стала возрождаться культура сооружения мавзолеев. Например, наличие эпитафийных надписей на стенах текие Шакуловых позволяет определить дату их возрождения. Однако периодом расцвета строительства мавзолеев в Касимовском крае следует считать XIX в. В настоящее время наиболее актуальной является проблема скорейшей постановки на учет всех сохранившихся или известных развалин текие.

Возрождение традиций касимовских мавзолеев идет одновременно и с появлением аналогичных сооружений на татарских кладбищах Поволжья и Приуралья.¹ Например, известны типологически близкие касимовским текие мавзолеи на татарском кладбище с. Т. Каргали под Оренбургом (1756 г.), сел В. Берески (1780 г.), Байкал (XIX в.), Уля-Казаклар (1756, 1763 гг.), г. Чистополь (XIX в.), сел Чупаево (XIX в.), Кичучатово (XIX в.) и др. в Республике Татарстан, в г. Троицке на Урале, в г. Костроме, в с. Ст. Тимошкино (XIX в.) Симбирской губернии.

С XVIII в. татарские мавзолеи стали строиться как из белого камня, так и из красного кирпича и необработанного известняка, песчаника. Строительство мавзолеев из красного обожженного кирпича свидетельствует о нарушении древних обычаев, запрещающих применение материалов, изготовленных с помощью огня.

Появление текие касимовского типа на татарских кладбищах Поволжья и Приуралья непосредственно связано с миграцией мусульман в новые районы. Например, текие Заказанья, Агрызского и Альметьевского районов, Оренбуржья построены над могилами выходцев из Касимовского района: Тевкелевых, Бурнаевых, Алькеевых, Акчуриных и др., что подкрепляется косвенно родословными сведениями.

¹ *Ахметзянов М.* К истории татарских мавзолеев // Татарская археология.— 2002—2003.— № 1—2 (10—11).— С. 137—167; *Әхмәтҗанов М.* Үлгәннәрнең каберен бел.— Казан: Мәгариф, 2000.— 138—146 б.

*Эпитафийные памятники татарского городского
кладбища г. Касимова*

Надгробия XIX—XX вв. у касимовских татар по своим формам несколько отличаются от надгробий XVI—XVII вв.

Они представляют собой вертикально установленные четырехсторонние плиты с полусферическими завершениями, которые по бокам ограничены плоскими плечиками. Надписи произведены как традиционно рельефными, так и врезными способами. На бордюры нанесены способом выреза узоры елочного типа. В тимпане занимает место стилизованное кораническое изречение. По боковым стенкам иногда наносили рельефные растительно-цветочные узоры и надписи на арабской графике. Тексты на лицевой стороне эпитафий по традиции делятся на строки, количество их в зависимости от текста может быть от 8 до 10 строк. На памятниках конца XIX — начала XX в. касимовские эпитафии до 1940 г. исполнялись на арабской графике — почерками насх и таглик. Язык текстов сложный, преобладают коранические формулы на арабском. Информация относительно памяти покойного написана на татарском языке. На некоторых памятниках изучаемого периода встречаются тексты образцов эпитафической поэзии на старотатарском языке. Эпитафийные надписи на арабском и старотатарском языках исполнены грамотно — без грамматических и орфографических ошибок.

Во 2-й пол. XX в. эпитафийные памятники касимовских татар претерпевают значительные изменения в области формы и содержания текстов.

Появляются мраморные прямоугольные плиты, лишенные традиционных растительных и геометрических орнаментов. Надписи в большинстве случаев имеются только на лицевой стороне. Тексты исполняются лишь на русской графике, иногда наносятся портреты покойных. Символы ислама — полумесяц со звездой — встречаются на эпитафиях редко. Совсем исчезает техника рельефного нанесения текста. По размерам памятники 2-й пол. XX в. были весьма малых размеров по сравнению с предыдущими эпохами.

Традиционный национальный тип эпиграфического памятника у касимовских городских татар был утрачен в конце XX в. Национальное в них пока еще выражают фамилии, имена и отчества, и то, что кладбище является татаро-мусульманским. Находящиеся наряду с этими упрощенными по содержанию памятниками старинные эпитафии XIX — 1-й пол. XX вв. также привносят национальный элемент.

На кладбище мало могильных оград, а имеющиеся сделаны из арматуры.

*Таблица размеров обследованных памятников
XIX — 1-й пол. XX вв.*

№	Высота (см)	Ширина (см)	Толщина (см)	Дата (гг.)
1	140	40	17	1886
2	115	43	13	1896
3	108	37	14	1902
4	68	34	14	XIX / XX
5	60	35	?	XIX / XX
6	82	33	13/33	1923
7	120	40	14	1926

Некоторые образцы касимовских эпитафий

- № 1 На лицевой стороне плиты имеется обращение в стихотворной форме на татарском языке к посетителям данной могилы.
Эпитафийная плита принадлежит Хаджи Халиду, сыну Муртазы, Сиендюкову, умершему 6 апреля 1886 г. Дата смерти покойного указана на правом боку плиты, на оборотной стороне стенки надгробия — имя, имя отца и фамилия покойного.
- № 2 Эпитафийная плита хаджи Ахметзяна, сына... ..лиева, умершего в 1923 г. в возрасте 73 лет. На лицевой стороне, в верхней части — поэтическое пожелание от имени покойного, просьба читать Коран в память об усопшем.
- № 3 Эпитафийный текст на татарском и арабском языках. Памятник покойного Давлетьяра, сына Максуда Хусаинова, умершего в возрасте 72 лет в 1896 г. Конец текста завершается просьбой прочесть суру «Фатиха» из Корана.
- № 4 Эпитафийный памятник Сеид Бургана, сына Салиха-хаджи, умершего в возрасте 73 лет 21 сентября 1890 г.
- № 5 Эпитафийный памятник сеида Бахадир-Гирея, сына сеида Хамзы Хусаини, умершего в возрасте 73 лет 5 марта 1905 г. Дата смерти приводится и по мусульманскому лунному календарю.
- № 6 Эпитафийная надпись Ишимбаева Ахмеда, сына Муртазашаха, 28.IX.1906 — 04.IX.1998. На тимпане нарисован силуэт луны, символ ислама.
- № 7 Эпитафийная надпись Гульчахры, дочери Муртазашаха Ишимбаева, (16.X.1897— 09.VI.1980).

- № 8 Эпитафийная надпись Мафтухы, дочери Муртазашаха Ишимбаева (1894 — 1977).
- № 9 Синдюков Шаукат Валеевич (30.III.1912 — 27.II.1984).
- № 10 Синдюков Мирсаит Валеевич (1906 — 1976).
- № 11 Синдюков Валея Ракушевич.
- № 12 Синдюкова Маршида Ахметзяновна (1886 — 1949).

Кроме перечисленных фамилий, на эпитафийных надписях встречаются десятки, сотни памятников, принадлежащих родам Агжитовых, Акмаевых, Апаковых, Арслановых, Байбековых, Бастамовых, Башировых, Баюшевых, Вергазовых, Йамачевых, Карамышевых, Канчуриных, Кутуевых, Мусаевых, Мусиных, Надиевых, Тукузовых, Юнусовых и других (по результатам эпитафических обследований нового татарского кладбища г. Касимова в 2005 г.).

Кладбище с. Подлипки (ограды, мавзолей, эпитафийные памятники) находится в стороне, примерно в полукилометрах от села. Место упокоения спрятано среди лиственных деревьев, его размеры — примерно 500 м в длину и 50—60 м в ширину. Вокруг кладбища тянется низкий земляной вал с канавой вместо ограды. Такая ограда, видимо, была сделана давно, так как канавы сейчас совсем неглубокие. Захоронения на кладбище не имеют определенного порядка. Они разбросаны по полянам, и могильные холмики сконцентрированы в них группами.

В одной из таких полянок расположены могилы умерших в последние десятилетия XX в. Несколько в стороне, среди старых больших деревьев, находится текие, представляющий четырехстенный прямоугольник из крупного красного кирпича. Текие сильно разрушен, от него на земле осталось три ряда из кирпича, надгробной плиты нет.

На полянке установлено несколько могильных оград, сделанных из труб и металлической арматуры, выкрашенных в синий, зеленый, черный цвета. В каждой ограде имеется дверца, сделанная также из арматуры. Изредка встречаются ограждения для двух, трех могил. Они бедны в декоративном отношении (орнаменты сделаны из железных прутьев). В элементах орнамента преобладают круг, полукруг, ромб. Ограды стали ставить в основном с конца XX столетия. Они ничем не отличаются от аналогичных памятников в Татарстане.

Надгробные памятники с. Подлипки изготавливали из белого камня до 80-х гг. XX в., позже появились металлические, двухъярусные тумбы из железных пластин. Позднее их стали вытеснять пластины из нержавеющей стали. Единичный экземпляр представляет собой надгробие, сделанное из деревянной пластины. К стенкам железных оград обычно прикрепляются пластины с эпитафийными

надписями размерами: от 25х25 см и до 30х40 см. Аналогичные пластины-эпитафии встречаются и на кладбищах Татарстана.

Возникновение и художественно-декоративное усовершенствование надгробных памятников тесно связаны с экономическим положением населения. Национальный и религиозный гнет, особенно в XVII—XVIII вв., истощил духовные силы татарского народа. Были утеряны некоторые традиции. У касимовских татар в многовековой борьбе за выживание исчезла традиция резьбы художественных каменных надгробий, особенно развивавшаяся в XVI и I-й четверти XVII вв. Успешное экономическое развитие России в XIX в. оказало благотворное влияние и на татар, несмотря на многочисленные ущемления их прав. Многие начали заниматься торговлей, предпринимательской деятельностью. В руках татарских торговцев, фабрикантов, владельцев мелких предприятий стал сосредоточиваться значительный капитал. Экономические возможности дали толчок к возрождению национальных традиций в культуре, просвещении, религии. Более качественным стало оформление могил и надгробных памятников.

Восстановление утраченных духовных ценностей в Поволжье и Приуралье началось уже с последней четверти XVIII в. Например, в крупных татарских населенных пунктах уже с 1780 г. повсеместно стали воздвигать искусно сделанные эпитафийные памятники. Мы находим их образцы в Заказанье, Восточном Закамье, на Южном Урале и других местах.

В силу ограниченности материалов и слабоизученности эпиграфики касимовских татар, пока мы не включаем район бывшего Касимовского ханства в регион возрождения татарской культуры эпитафий в конце XVIII в., хотя имеется один достоверный образец из мавзолея Шакуловых.

Материалы из татарского кладбища с. Подлипки (Шырын), обследованного в июне 2004 года, свидетельствуют о начале установления эпитафий с 1906 г. Однако это не говорит об отсутствии до этого года традиции установления надгробий. Известно, что в 1930 г. повсеместно разрушались самые лучшие надгробные сооружения, считавшиеся памятниками классовым врагам.

В с. Подлипки, судя по прекрасным кирпичным двух- и трехэтажным домам, жили состоятельные люди. Развалины их надгробных памятников вызывают чувство досады и недоумения. Но все же даже в обнаруженных памятниках начала XX в. можно выявить жемчужины богатой культуры прошлого. Например, в 4 памятниках сохранились образцы классической эпитафийной поэзии начала XX в. О высоких эстетических вкусах татарских мастеров Касимовского края свидетельствуют надписи религиозно-духовного и фамильно-генеалогического характера, декоративные орнаменты, каллиграфически выполненные татарскими резчиками по камню.

*Размеры каменных надгробий кладбища
с. Подлипки (Шырын)*

№	Высота (см)	Шири- на (см)	Толщи- на (см)	Дата установ- ления	Техника исполнения	
					Лицевая надпись	Боковая надпись
1				1906	Рельеф	
2	110	32	12	1909	Рельеф	Рельеф
3	40	40	13	нет	Рельеф	нет
4	90	40	12	1909	Рельеф	Рельеф
5	96	35	12	1914		
6	90	40	14		Рельеф	нет
7	85	35	17	1916	Рельеф	
8	90	24	4	1983	Памятник из древесины, текст написан краской	

Эпитафийные надписи XX в. кладбища с. Подлипки имеют, по сравнению с общетатарскими памятниками, некоторые особенности. Например, там редко встречаются коранические формулы и реже употребляется мусульманская календарная система.

В советский период истории татарская духовная культура в Касимовском крае находилась под запретом. С 1980 г. татарская эпитафия переживает свое новое возрождение, хотя и с многочисленными утратами. Надгробия периода нового возрождения утратили эстетику, родной язык, поэзию, духовный календарь, даже грамотность в написании антропонимов и мусульманских символов. Они напоминают судебные документы: фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти. Из этих скурых данных невозможно представить личность умершего, его социальный статус. В них не чувствуется горечь утраты близкого человека, что является косвенным отражением духовной смерти общества за последние 60—70 лет. Однако касимовские исторические фамилии на надгробных памятниках связывают конкретно каждого татарского жителя с. Подлипки с 600-летней историей данной местности.

Список исторических фамилий, встречающихся на каменных эпитафийных памятниках кладбища с. Подлипки

1. Апуев Хасан, сын Хайрутдина,
умер 29 ноября 1916 г.
2. Бигешева Гафифа бинте Гариф, умерла в возрасте 17 лет
18 апреля 1914 г., родом из с. Субак
3. Габдрахман, сын Исмагиля
(без даты и фамилии)

4. Гатуф, сын Хабибуллы, умер
5. Миниев Гатаулла, умер в возрасте
36 лет, *(без даты)*
6. Миниев Хабибулла бине Хусаин,
умер в 1909 г.
7. Миниев Хасан, сын Гатауллы,
1898—1983
8. Николаева Адиля Абдуловна,
1941—2000

Список исторических фамилий, встречающихся на эпитафийных пластинах из нержавеющей стали (с. Подлипки).

1. Минеев Амир Сафиевич
1937—1993
2. Минеев Ариф Мустафеевич
1896—1976
3. Минеева Захида Баниаминовна
1893—1969
4. Минеева Маршида Ахмедовна
1904—1991
5. Сакаева Муршида Музиповна
1909—1988
6. Таканаев Абдул-Азиз Азизович
1910—1983
7. Хушбахтиев Рустам Абдурахманович
(без даты)
8. Хушбахтиева Халида Ибрагимовна
1930—2001
9. Челдыкаев Мир-Якуб Ганиевич
1927—1994
10. Ялымова Нафиса Аббасовна
1906—1996

Список информаторов из с. Подлипки (19 июня 2004 г.)

1. Канцеров Радик
2. Котлумабетов Юсоф Фуатович
3. Кушбахтеев Габдрахман Шарипович
4. Исмагилова Джаухар Закиевна
5. Минеева Зулейха Раимовна
6. Минеева Муршида Хасановна
7. Минеев Рашид Закариевич
8. Минеев Руслан Рашидович
9. Сакаева Найля Шакировна
10. Сапуков Тауфик
11. Челдыкаева Рафиля

ВЫХОДЦЫ ИЗ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В КАСИМОВСКОМ ХАНСТВЕ

ДИНАСТИЯ ХАНОВ КРЫМСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В Г. КАСИМОВЕ

История выходцев из Крыма, владевших престолом в Касимове, изучена довольно полно. Они являются представителями второй династии после потомков Улуг-Мухаммет-хана. В истории их деятельность освещается в первом томе знаменитого труда русского историка В. В. Вельяминова-Зернова и в сжатом изложении истории г. Касимова краеведа Николая Шишкина. Разумеется, имеются некоторые сведения в источниках немецких, голландских авторов XVI—XVII вв.— Сигизмунда Герберштейна, Адама Олеария, Яна Стрейса и др.

Исследованию истории крымской династии посвящена содержательная научная статья казанского исследователя Б. Р. Рахимзянова. Он открыл новые материалы и дополнил интересными фактами некоторые гипотезы предшествующих исследователей.

Данная родословная таблица крымской династии составлена нами на основе шеджере татар-выходцев из Крыма.

Краткая родословная крымских ханов-чингизидов, правивших в Касимовском ханстве

	<i>I поколение</i>	
1	Чингисхан (1155—1227)	
	<i>II поколение</i>	
2	Джучи (? —1227)	1
	<i>III поколение</i>	
3	Тукай-Тимур	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Урунг-Тимур	3
	<i>V поколение</i>	
5	Сарича	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Кунчек	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Тулук-Ходжа	6

	<i>VIII поколение</i>	
8	Дервиш	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Джанаса	8
10	Учакел-Хасан	8
	<i>X поколение</i>	
11	Таш-Тимур	9
12	Улуг-Мухаммед (? —1445), с 1437 года хан казанский	10
	<i>XI поколение</i>	
13	Гиасэддин	11
14	Давлет-Берди	11
15	Махмутек, хан казанский (? —1461)	12
16	Касым (? —1469), хан Касимовский	12
17	Якуб	12
18	Юсуф	12
	<i>XII поколение</i>	
19	Хаджи-Гирей (? —1466), в 1433—1443 гг. правил Крымом	13
20	Ибрагим (? —1479), хан казанский	15
21	Халил (? —1467), хан казанский	15
22	Даниар (? —1486) хан касимовский	16
	<i>XIII поколение</i>	
23	Нур-Давлет, второй сын Хаджи-Гирея, был свергнут с крымского трона своим братом Мингли-Гиреем в первый раз в 1466 г., вторично в 1475 г., третий раз в 1478 г. После третьего свержения Нур-Давлет вместе со своим младшим братом Айдаром уехал в Литву, далее в 1479 г. их принял на службу московский князь Иван III и в 1486 г. Нур-Давлет был назначен ханом в Касимове. Нур-Давлет в 1480 г. участвовал на стороне Москвы в нападении на столицу Золотой Орды. Он умер 16 мая 1503 г. и был похоронен в Крыму, куда его останки перевезли зимой 1504—1505 гг.	19
24	Айдар, третий сын крымского хана Хаджи-Гирея. В 1479 г. выехал вместе с братом Нур-Давлетом на службу к Ивану III. В 1480 г. после какого-то инцидента был сослан в ссылку в Вологду. Возможно, приблизительно в 1487 г. там и умер	19
25	Али, был казанским ханом в 1480—1484, 1485—1487 гг. Противники Али, после низложения с престола, передали его с женами, сестрами и родными братьями Мелик-Тагиром и Худай-Кулом московским властям. Хан Али умер в Вологде	20

26	Мелик-Тагир, в 1487 г. был отправлен пленником в Москву. Умер в ссылке в Каргополе	20
27	Худай-Кул, в 1487 г. был отправлен в качестве пленника в Москву, в 1505 г. был освобожден из-под ареста и крещен под именем Петр Ибрагимович. Умер в 1523 г.	20
28	Мухаммет-Эмин, казанским престолом владел в первый раз в 1484 г., вторично — в 1487—1496 гг., в третий раз — с января 1502 г. и до кончины в декабре 1518 г. Его мать Нур-Салтан была замужем за крымским ханом	20
29	Абдул-Латиф, восседал на казанском троне в 1497 (апрель) — 1502 гг. С казанского престола был низложен московским князем Иваном III и заточен в Белоозерский монастырь. В 1516 г. он был помилован, и князь передал ему во владение г. Каширу. Абдул-Латиф хан умер 19 ноября 1517 г. в Кашире	20
<i>XIV поколение</i>		
30	Бир-Давлет, сын Нур-Давлет-хана, был убит весной 1480 г. одним из слуг его отца в Москве.	23
31	Сатылган, в 1490 г. после отца стал ханом Касимовского ханства. Выступал со своими подчиненными в союзе с московскими войсками против других татарских ханств — Большой Орды на Волге и Казанского ханства. Умер в конце 1506 г.	23
32	Джанай-султан, после смерти Сатылгана стал владельцем Касимовского ханства. В 1508 г. он участвовал со своим войском в войнах московского князя против литовского князя Михаила Глинского. Умер Джанай-султан в 1512 г.	23

Вместе с потомками крымских Гиреев поступали на службу Московскому княжеству мирзы и князя татарского происхождения. Данный процесс продолжался почти до конца XVIII в. Выявлены родословные князей Ширинских, Сулешевых и какого-то мирзы из Крыма — Гирея. Ниже они будут представлены в определенной последовательности.

Данная родословная составлена на основе материалов монографий историков М. Г. Худякова, М. Г. Сафаргалиева и Н. И. Шишкина.

Литература

Атласи Ғади. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлығы.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1993.— 448 б.

Гайворанский А. Созвездие героев. Краткие биографии крымских ханов.— Симферополь: Доля, 2003.—107 с.

На стыке континентов и цивилизаций.— М.: Исан, 1996.— 768 с.

Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен.— Рязань: Изд-во газеты «Благовест», 1999.— 217 с.

Рахимзянов Б.Р. Крымская династия в Крымском царстве // Точка зрения. Сборник научно-исследовательских статей. Выпуск третий.— Казань: Мастер-Лайн, 2000.— С. 69 — 88.

РОДОСЛОВНАЯ ГИРЕЙ-МИРЗЫ

(По преданиям, Гирей-мирза был из рода крымских ханов)

	<i>I поколение</i>	
1	Гирей-мирза	
	<i>II поколение</i>	
2	Зюльмет	1
	<i>III поколение</i>	
3	Кагермет	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Мурат-хазрет Похоронен на кладбище с. Шентала	3
	<i>V поколение</i>	
5	Исмагиль	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Сайфулла	5
7	Сафар-хазрет	5
8	Габдельманнан	5
	<i>VII поколение</i>	
9	Бекмухаммет	6
10	Амир	8
11	Ахмет	8
12	Амирхан (1771—1827)	8
	<i>VIII поколение</i>	
13	Мухамметкарим	9
14	Мухамметлатиф	10
15	Мухамметкарим	10
16	Мухамметьяр	10
17	Хасан	11
18	Хайрулла	11
19	Мустафа	11
20	Хусаин (1816—1893)	12
21	Ибрагим	12
22	Хасан	12
	<i>IX поколение</i>	
23	Гали	13

24	Гусман	13
25	Гумар	13
26	Абубакер	13
27	Мирсаяф	13
28	Ахметвалиша	13
29	Ахметвали	13
30	Мухамметюсуф	14
31	Загидулла	14
32	Минфагиль	14
33	Юнус	18
34	Гатаулла	18
35	Габдрахман	19
36	Магсум	19
37	Исмагиль	19
38	Габдельмуэмин	19
39	Габдельмиргасим	19
40	Габдельнажип	19
41	Мухамметнажип (1859—1921)	20
42	Гариф	20
43	Мухамметхарис	20
44	Аухадетдин	20
45	Мухамметзариф (1853—1921)	20
46	Исхак	21
	<i>X поколение</i>	
47	Мухамметгата	30
48	Вильдан	30
49	Гирфан	30
50	Зайнаб аз-Зухра-и	39
51	Габделькадыр	39
52	Гумер-Багаветдин абель-Насыр	39
53	Мухаммет-Бурганетдин абель-Фазыл	39
54	Сагадат (1882—1911)	45
55	Ибрагим (1889—1938)	45
56	Фатих (1886 — 1926), татарский писатель	45
	<i>XI поколение</i>	
57	Гусман	52

Родословная составлена 8 мая 1903 г. Составителем, видимо, является Мухамметзариф Амирхан. Подлинник текста хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова: Ф. 16.— Оп. 1.— Ед.хр. 6.— Л. 1.

Представитель этого рода Равиль Усманович Амирханов 22 сентября 1992 г. составил новый список со многими дополнениями и комментариями. Список рукописей Р. У. Амирханова, подаренный М. И. Ахметзянову, хранится также в Хранилище.— Кол. 99.— Оп. 1.— Ед. хр. 305.

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ АПАКОВЫХ (СУЛЕШЕВЫХ)
(Касимовская версия)

Сулешевы (Апаковы) принадлежали к числу известнейших дворянских домов в Крыму. Русские актыые документы XVIII в. свидетельствуют: «А крымские честные пяти родов: Ширинские, Сулешевы, Аргинские, Мансуровы, Куликовы и с ними беи и карачеи все ближние люди...»¹.

	<i>I поколение</i>	
1	Сулейман-ишан Апаков, мурза, посол Крымского ханства в Москве. В 1533 г. он отправился из Москвы в Крым.	
	<i>II поколение</i>	
2	Арслан-мурза Сулешев, также был послан послом из Крыма в Москву. Он прибыл в 1578 г.	1
	<i>III поколение</i>	
3	Джиган-шах-мурза Сулешев, переехал из Крыма в Москву, с 1590 г. жил там. Крымский хан в 1590 г. послал запрос о нем в Москву	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Юрий Яншеевич Сулешев, боярин и князь при царе Михаиле Федоровиче Романове	

Из эпитафийной надписи, обнаруженной на Старопосадском кладбище: «В ... 9 году Хабит, сын Сулеша отошел от мира сего в мир вечный».

(По материалам В. В. Вельяминова-Зернова².)

РОДОСЛОВНАЯ АПАКОВЫХ (СУЛЕШЕВЫХ)
(Казанская версия)

	<i>I поколение</i>	
1	Мухаммет аль-Казани Апак	
	<i>II поколение</i>	
2	Юсуф	1
	<i>III поколение</i>	
3	Дауд	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Муртаза	3

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— Часть вторая.— СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864.— С. 490.

² Там же. — С. 491 — 492.

	<i>V поколение</i>	
5	Муса Апаков (1765 — 1825), его жена Махбуба Рафиковна (? — 1827)	7
	<i>VI поколение</i>	
6	Исхак Апаков (1787—1854), его жена Халида Мусиевна (1790 — ?)	5
7	Насыр	5
8	Хусаин	5
9	Хасан	5
10	Мустафа	5
11	Ахметгирей	5
	<i>VII поколение</i>	
12	Абдурашид Апаков (1808— ?), его жена Шаргигайша Абдуллина	6
13	Мустафа	6
14	Ибрагим (1822—1885)	6
15	Исмагиль (1823—1885)	6
16	Шаехгаттар	6
17	Бахтигирей	6
	<i>VIII поколение</i>	
18	Ибрагим Апаков (1831—1885), его жена Гайниджамал Ибрагимовна Бикбова	12
19	Измаил	12
20	Муртаза	12
21	Якуп	12
22	Юсуп	12
	<i>IX поколение</i>	
23	Ахмаджан Апаков (1852—1910), его жена Шарги Гайша Искандерова (1854 — ?)	18
24	Муртаза	18
25	Фахриджихан	18
	<i>X поколение</i>	
26	Исмагиль Апаков (1875—1934), его жена Уммегульсум Беляева (1887 — 1968)	23
27	Исхак	23
28	Хасан	23
	<i>XI поколение</i>	
29	Усман Исмагилович Апаков (1909—1983), его жена Асия Абдрахмановна Каримова (1915—1991)	26
30	Гумар (1907 — ?), его жена Нажия Каримовна Ямашева	26
31	Рабига (1914 — ?), ее муж Анас Галиев	26

<i>XII поколение</i>		
32	Рашид Усманович Апаков (1946 г. р.), его жена Ради-фа Саматовна Хуснутдинова (1946 г. р.)	29
33	Фарида Усмановна Апакова (1939 г. р.), ее муж Васил Минахметович Минахметов	29
34	Наиля Рашидовна Апакова (1972 г. р.), ее муж Вадим Фартович Ахметзянов (1970 г. р.)	32
35	Айрат	33
36	Лилия	33
<i>XIII поколение</i>		
37	Талгат (1998 г. р.)	34
38	Диана (2000 г. р.)	34

Примечание

Род Апаковых (Сулешевых) восходит к крымскому послу в Москве Сулейман-ишан Апакову, который был мурзой. Его сын Сулешев Арслан-мурза также был послом в Москве¹.

Среди русских актовых документов 7042 г. (1533 г.) упоминается об отправке из Москвы на родину крымского посла Сулеш-мурзы Опакова (Апаков). В посольской книге 7086—7087 гг. (по-новому стилю 1577—1578 гг.), отмечается приезд из Крыма посла хана Арслан-мурзы Сулешева². В 7090—7093 гг. (1581 — 1584 гг.) упоминается имя крымского посла Янши-мурзы Сулешева³.

На Касимовском Новотатарском кладбище были обнаружены эпитафийные памятники мурз Апаковых, живших в XIX в. Например: «Эта могила Хусниджамала, дочери Габдельхалика, супруги Шагингирея Апакова, умершей в 1909 г. в возрасте 70 лет» и др.

Примечателен тот факт, что родственники касимовских мурз Апаковых проживают в Казани до настоящего времени. Они также были мурзами, однако в XIX и в начале XX вв. стали купцами: казанский купец Муса Апаков (? — 1824), его сын Исхак, сын Мусы, потомственный почетный гражданин Казани, владелец мануфактурной фабрики (умер примерно в 1854 г.), Ибрагим Исхакович Апаков (1822—1880), потомственный почетный гражданин, владелец доходных домов и др.⁴ Апаковы имеют родственные связи с классиком татарской литературы Фатихом Амирханом.

Из архивных источников известно о проживании служилых татар Апаковых в Казани уже в конце XVIII в. Например, казанский служилый татарин Махмед Апаков сумел защитить землю мусульманского кладбища Казани от посягательства властей⁵. В 1699 г. Махмед (Мамед) Апаков

¹ Описи царского архива XVI в. и Архива посольского приказа 1614 г.— М.: Изд-во вост. лит., 1960.— С. 102—103.

² Там же.— С. 104.

³ Там же.— С. 104.

⁴ Татар энциклопедия сүзлеге.— Казан: Татар энциклопедия институты, 2002.— 41 б.

⁵ *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI—XVIII вв.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.— С. 232.

(Апатов) «дал челобитье на женитьбу с Кентейкой, Ирмухамет-Темерову дочь»¹. Судя по указанным фактам, Апаковы поселились в Казани уже в 1-й пол. XVII в. Родословная Казанской версии Апаковых составлена представителями данного рода, проживающими в Казани,— Апаковым Рашидом Усмановичем (1946 г.р.), Апаковым Рустамом Якубовичем (1944 г.р.), Апаковой Фаридой Усмановной (1939 г.р.) и др. Копия родословной хранится в Отделе рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

РОД КРЫМА

из с. Новые Урагары Алькеевского района
Республики Татарстан

(Род Крыма переселился из с. Петракса Нижегородского края)

	<i>I поколение</i>	
1	Исак	
	<i>II поколение</i>	
2	Дусак	1
	<i>III поколение</i>	
3	Янгинай	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Кыркыл	3
	<i>V поколение</i>	
5	Абрук	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Крым	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Биктимер	6
8	Госман	6
9	Габделькарим	6
10	Габдерразак	6
	<i>VIII поколение</i>	
11	Рзулла	7
12	Хабибкул	8
13	Ибрагим	8
14	Галиулла	8
15	Габденнасыр	9
16	Габдельвали	9
17	Динис	9
18	Абубакир	9
19	Сайфулла	10
20	Бикбау	10

¹ *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI—XVIII вв.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.— С. 235.

21	Вагап	10
22	Салих	10
	<i>IX поколение</i>	
23	Рахматулла	11
24	Шакүл	11
25	Исмагиль	12
26	Насретдин	12
27	Фахретдин	12
28	Даут	13
29	Халиулла	14
30	Габдесаттар	15
31	Минлехафиз	15
32	Заялетдин	15
33	Мухамметзян	15
34	Музаффар	16
35	Сагдетдин	17
36	Мухамметрахим	17
37	Шафигулла	17
38	Мухаммади	18
39	Ахмади	18
40	Фазулла	19
41	Хисаметдин	19
42	Назметдин	19
43	Сайфетдин	20
44	Гусман	21
45	Гиззат	21
46	Садык	22
	<i>X поколение</i>	
47	Хайрулла	23
48	Габдулла	23
49	Ахмет	23
50	Ахтям	23
51	Муса	25
52	Заялетдин	25
53	Нугман	27
54	Мустафа	28
55	Зиганша	28
56	Габдерашит	29
57	Мургаза	29
58	Зигангир	30
59	Габделькадыр	30
60	Мухаммет	31

61	Минлевали	32
62	Сабирзян	33
63	Ахметгирей	33
64	Мухамметгирей	33
65	Валиахмет	33
66	Аглиулла	34
67	Шагидулла	34
68	Гайнетдин	35
69	Гильметдин	35
70	Шарафетдин	35
71	Замалетдин	35
72	Мухамметгали	36
73	Аглиулла	38
74	Хайрулла	38
75	Ахметша	39
76	Юсуф	40
77	Хабибулла	40
78	Хисаметдин	40
79	Рахматулла	41
80	Ахметсафа	42
81	Ахметзян	42
82	Гатаулла	43
83	Мухамметзян	43
84	Валиулла	44
85	Хасан	45
86	Хусаин	45
87	Зайнулла	45
88	Гарифулла	45
89	Шагит	45
90	Шариф	45
91	Зарифулла	45
92	Гата	46
93	Галиулла	46
	<i>XI поколение</i>	
94	Гайфулла	47
95	Зайнулла	47
96	Зиннатулла	47
97	Хабибулла	48
98	Фаттахетдин	49
99	Фардетдин	49
100	Нургали	50
101	Махмүт	50

102	Хуснетдин	51
103	Шайхетдин	51
104	Гимадетдин	51
105	Шигабетдин	52
106	Халиулла	53
107	Минетдин	53
108	Гимран	53
109	Мутыгетдин	53
110	Мухамметсафа	54
111	Хасанша	55
112	Бурган	56
113	Габдельхат	57
114	Габдулла	57
115	Габдерауф	57
116	Минлегариф	58
117	Мингаз	59
118	Закир	63
119	Карим	63
120	Нургали	64
121	Хайдар	64
122	Шакирзян	65
123	Нагимулла	66
124	Халиулла	66
125	Гарафетдин	66
126	Шарифулла	66
127	Насыбулла	66
128	Имаметдин	68
129	Фазулла	69
130	?	69
131	?	69
132	Гимадетдин	70
133	Садретдин	70
134	Мухамметгата	72
135	Ахметзян	75
136	Ахметсафа	75
137	Мухамметгата	75
138	Мухамметша	75
139	Хайрулла	76
140	Садретдин	79
141	Хайретдин	79
142	Шайхетдин	79
143	Гиниятулла	79

144	Ахметгирей	80
145	Ахметгата	81
146	Садык	82
147	Абубакир	83
148	Валиахмет	83
149	Муратгали	84
150	Шарифулла	84
151	Мухамметсафа	92
	<i>XII поколение</i>	93
152	Шарифулла	94
153	Габдулла	102
154	Салих	102
155	Бурган	103
156	Мингаз	104
157	Кашшафетдин	104
158	Фасахетдин	104
159	Загретдин	107
160	Мухамметзакир	108
161	Бадретдин	109
162	Хайдар	128
163	Ахтям	135
164	Салихзян	135
165	Галимзян	135
166	Хасанзян	135
167	Нигматзян	135
168	Валиахмет	135
169	Нагимулла	136
170	Сафиулла	136
171	?	136
172	Хуснелгата	137
173	Билалетдин	137
174	Гимадетдин	137
175	Габдулла	137
176	Халиулла	137
177	Мухамметвали	138
178	Ахметгата	139
179	Загретдин	140
180	Галим	140
181	Бадретдин	141
182 тдин	142
183	Гилязетдин	142
184	Загидулла	143

185	Халиулла	143
186	Хади	143
187	Мухамметгирей	144
188	Габдрахман	144
189	?	144
190	Салих	146
191	Заки	146
192	Галимзян	146
193	Хузя	147
194	Шагиахмет	148
195	Шагит	149
	<i>XIII поколение</i>	
196	Касим	167
197	Мирзаян	167
198	Зиннат	168
199	Ибрагим	168
200	Сунгат	168
201	Нагим	170
202	Харрас	170
203	Зайнулла	171
204	Кашфулла	171
205	Нуретдин	172
206	Ибрагим	173
207	Исмагиль	173
208	Нуретдин	173
209	Хилалетдин	174
210	Шарафетдин	174
211	Зямиль	175
212	Габделькасым	175
213	Гарифулла	175
214	Шафигулла	175
215	Калимулла	176
216	Хуснулла	176
217	Курбангали	177
218	Мухаммет	177
219	Галим	177
220	Ахметкасым	178
221	Халиулла	195

Примечание

Список данной родословной был обнаружен во время археографической экспедиции в с. Новые Ургары Алькеевского района Татарстана. Список выполнен на арабской графике, переписан 23 января 1923 г. Мухамметахнафом Асадуллоевичем Мусиным. Он копировал текст, составленный Халиуллой, сыном Ахматшаха.

Копия, снятая М. А. Мусиным, хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ под шифром: Кол. 99.— Оп. 1.— Д. № 133; транскрибированный М. И. Ахметзяновым текст: Кол. 99.— Оп. 1.— Д. № 134.

РОД БЕБИША ИЗ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Даут-баба был помещиком и переселился из села Шалтавыч (Шелдаис), расположенного в Керенском уезде Пензенской губернии, оставив там свое имущество. Взял с собой двух дочерей — молодых, незамужних. Он не предал свою веру. У него был младший брат Гирей, также помещик. Гирей принял русскую веру. Ишкой (Ишмухаммет) переселился в село Барката.

	<i>I поколение</i>	
1	Бебиш	
	<i>II поколение</i>	
2	Ишмаммет Бебишев	1
	<i>III поколение</i>	
3	Альмаммет Бебишев	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Даут, переселился из Пензенского края в село Миннибаево (Альметьевский р-н РТ.— М. А.)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Максуд Даутов	4
6	Азамат Даутов	4
	<i>VI поколение</i>	
7	Мухетдин	6
8	Габетдин	6
9	Камалетдин	6
	<i>VII поколение</i>	
10	Хуснетдин	7
11	Шаяхмет	7
12	Хайретдин	7
13	Ризаэтдин	7
14	Сарваризиган (? — 1873)	7
15	Гимадетдин	8
16	Нуретдин Азаматов (? — 1912)	8
17	Илалетдин	8
18	Ризван	8
19	Бадыхшан	9
20	Науширван	9
21	Ширияздан	9

<i>VIII поколение</i>		
22	Валиахмет-мулла	10
23	Гайша	10
24	Нурдида	10
25	Магсума	10
26	Нуриахмет	11
27	Габдерауф	11
28	Нургали	11
29	Нурзиган	11
30	Махмудельзиган	11
31	Гайнизиган	11
32	Якутязиган	11
33	Ахметзия (1890—1919)	12
34	Габдельбари	12
35	Габдельгади	12
36	Фахира	12
37	Хусаин	13
38	Садретдин	14
39	Насретдин	14
40	Гасима	14
41	Галяметдин	15
42	Ямалетдин	15
43	Кашиф	15
44	Бибигалима (? — 1882)	16
45	Зиятдин	16
46	Габдельхак (мулла)	16
47	Хафиз	16
48	Сабирзян	17
49	Закирзян	17
50	Саубан	17
51	Зиган	18
52	Зулятьельзиган	18
53	Тайба	18
54	Фахрази	20
55	Габдельгади	20
56	Нурияздан	20
57	Шайхрази	20
58	Зулькарнай	20
59	Зямиль	20
60	Амина	20
61	Хатима	20
<i>IX поколение</i>		
62	Фархисурур	21
63	Мукаррама	21

64	Сытдика	21
65	Нурмухаммет	25
66	Анвар	25
67	Фатыма	25
68	Зайтуна	25
69	Расиха	25
70	Уммегульсум	25
71	Фахризиган	26
72	Азгар	27
73	Гадиля	27
74	Махсуда	27
75	Тагира	27
76	Анвар	27
77	Фаузия	27
78	Магира	30
79	Мушбика	30
80	Минкамал	30
81	Ярулла	30
82	Якут	30
83	Хуршида	30
84	Расиля	54
85	Равиля	54
86	Барс	54
87	Суфия	53
88	Лилия	53
89	Алмаз (старший)	53
90	Алмаз (младший)	53
91	Шак..... ма	54
92	Ильбарс	55
93	Ямбек	55
94	Булат	55
95	Талгат	55
96	Роза	55
97	Рашит	55
98	Фаима	55
99	Венера	57
100	Барлас	58
101	Бату	58
102	Зуфар	58
103	Рафаэль	58
104	Насима	58
105	Суфия	58

106	Найма	59
107	Марат	60
108	Лилия	60
109	Ринат	60
	<i>X поколение</i>	
110	Нил	63
111	Хабибулла	63
112	Акрам	64
113	Шаукат	64
114	Энже	64

Примечание

Таблица родословной составлена Даутовой Энже Нурмухамметовной. Копия-автограф хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ: — Кол. 99.—Оп. 1.— Ед. хр. 361.

ВЫХОДЦЫ ИЗ АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА НА КАСИМОВСКОЙ ЗЕМЛЕ¹

РОДОСЛОВНАЯ АСТРАХАНСКИХ ХАНОВ В Г. КАСИМОВЕ

	<i>I поколение</i>	
1	Чингисхан (1155—1227 г.)	
	<i>II поколение</i>	
2	Джучи-хан (? —1227 г.)	1
	<i>III поколение</i>	
3	Орда-Ичен	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Сартакай	3
5	Кутуку	3
	<i>V поколение</i>	
6	Коничек	4
7	Тимур Тука	5
	<i>VI поколение</i>	
8	Баян	6
9	Кублюк	7
	<i>VII поколение</i>	
10	Сасы Бука	8
	<i>VIII поколение</i>	
11	Хыдир-хан правил в Сарай ал-Джедиде, убит в 1361 г. Чеканил монеты от своего имени в городах Сарай ал-Джедиде, Булгаре, Гюлистане... в 1360—1361 гг.	10
12	Эрзен	10
13	Хальфин	10
	<i>IX поколение</i>	
14	Тимур Ходжа (в 1361 г. в городе Сарай ал-Джедид убит вместе с отцом)	11
15	Мубарак	12
16	Ходжа (Черкес), в 1375 г. был владельцем Астраханского улуса (удел)	12
17	Чимтай	12

¹ Данная родословная составлена М. И. Ахметзяновым по материалам русского историка В. В. Вельяминова-Зернова.

18	Орда Шейх	12
	<i>X поколение</i>	
19	Азиз (? —1364 г.)	14
20	Урус	17
21	Мурат	18
22	Булат Ходжа (? —1364 г.)	18
	<i>XI поколение</i>	
23	Токтакия (? —1377 г.) — хан Золотой Орды	20
24	Тимур-Мелик (? —1377 г.), в 1375 г. был ханом Золотой Орды	20
25	Күюрчак (? —1396 г.)	20
	<i>XII поколение</i>	
26	Тимур Кутлук, в 1397 — 1399 гг. был ханом Золотой Орды	24
27	Кучак	24
28	Барак, был претендентом на золотоордынский престол	25
29	Дервиш (? —1417)	25
	<i>XIII поколение</i>	
30	Тимур (в 1411 — 1412 гг. претендовал на ханский престол)	26
31	Шадебек (в 1400 — 1407 гг. претендовал на ханский престол)	27
32	Гирей, казахский хан	28
33	Джанибек, казахский хан	28
	<i>XIV поколение</i>	
34	Кичи Мухаммет, хан Большой Орды (1433—1459 гг.)	30
35	Пулад (в 1407—1411 гг. претендовал на ханский престол Золотой Орды)	31
	<i>XV поколение</i>	
36	Махмуд, хан астраханский в 1459 г.	34
37	Ахмат (? — 1481), хан Большой Орды	34
38	Якуб	34
	<i>XVI поколение</i>	
39	Касым//Касай	36
40	Джанибек	36
41	Шейх Ахмет, хан астраханский в 1525 и 1528 гг.	37
42	Саид-Ахмет	37
43	Муртаза	37
44	Бахтияр, царевич астраханский, в 1502 г. поступил на службу к великому князю московскому	37

<i>XVII поколение</i>		
45	Касым, астраханский хан (1525—1532)	42
46	Ак-Кубек, астраханский хан (1532—1533, 1545—1546 гг.)	43
47	Шейх-Аулиар-султан, из Астрахани выехал в 1502 г. на службу в Москву, князем Василием был посажен на касимовский престол, где правил до смерти в 1516 г. Он был женат на Шаг-Султан, дочери ногайского князя Ибрагима, сына Юсуфа. Шейх-Аулиар со своим отрядом участвовал в походах, предпринятых Василием III против Польши (1512 г.)	44
<i>XVIII поколение</i>		
48	Ядгар Касаевич, сын астраханского хана, в 1552 г. во время осады Казани московским князем Иваном IV стал казанским ханом. Был пленен русскими 2 октября 1552 г., позже в Москве крещен под именем Симеон Касаевич. Умер в 1565 г., похоронен в московском Кремле	45
49	Кайбулла-Абдуллах, Ак-Кубеков сын (Царевич Кайбулла). Он в 1540 — 1542 гг. по поручению астраханского хана Абдурахмана два раза был отправлен в качестве посла в Москву. После захвата в 1546 г. престола Астрахани Ямгурчи ханом выехал в Ногайскую Орду. Московское правительство, с дальнейшим политическим прицелом, предложило Кайбулле выехать на службу в Москву. Кайбулла принял это приглашение и в мае 1552 г. выехал в Москву. Летом того же года его быстро женили на дочери покойного Джан-Али (брата касимовского хана Шах-Гали). Джан-Али был женат на дочери ногайского правителя Юсуфа — Сююмбике. От этого брака, видимо, родилась супруга Кайбуллы. Нет сведений о других женах и детях Джан-Али. По признанию самого Шах-Гали хана, у него самого и его брата других детей не было. Девушка после гибели отца росла во дворце касимовского хана. Кайбулле Иван IV дал в правление город Юрьев. Он участвовал в войнах царя против Польши, Литвы, Ливонии. В Касимове Кайбуллой-царевичем была поставлена мечеть. Умер Кайбулла в феврале 1570 г. На его могиле установлен памятник. У него было несколько детей	46

50	Шах-Гали-хан (Шах-Али), правитель Касимовского ханства. Родился в 1505 г. в Касимове. Правил в Касимове с перерывами с 1519 по 1567 гг. Три раза был посажен ханом в Казани. Однако его там не приняли. Был женат несколько раз, но детей не имел	47
<i>XIX поколение</i>		
51	Мустафа-Али-хан, сын султана Кайбуллы. Впервые его имя упоминается в 1577 г., когда он участвовал со своим родным братом в походе русских войск против Ливонии. После смерти Саин-Булата он унаследовал касимовский трон. В 1584 г. в русских источниках упоминается уже как хан царства. В последний раз его имя встречается в письменных источниках 1586 г. Однако достоверно известно, что он еще был жив в 1590 г.	49
52	Саин-Булат-султан Кайбуллович. О нем сведения отсутствуют	49
53	Будали (Бода-Гали) Кайбуллович, умер в возрасте 25 лет в январе 1583 г. Участвовал в войнах Ивана IV против Ливонии (1577 г.)	49
54	Арслан-Али-царевич Кайбуллович, участник войн 1578—1579 гг. с Польшей, Ливонией. Был жив в годы правления в Касимове Ураз-Мухаммет-хана (1585—1610 гг.). Этот хан был убит Лжедмитрием II	49
55	Муртаза-Али-султан Кайбуллович, крестился в 1570 г. После крещения звался Михаилом. Был женат на боярышне Шереметьевой, детей у них не было. Она на многие годы пережила своего мужа. Известно, что в 1581 г. она была инокиней под именем Агафия. Умерла 27 ноября 1613 г.	49
56	Даулетли Кайбулловна, жена Сейдтяк-бека. Сохранились обломки эпитафийной плиты с ее могилы	49
<i>XX поколение</i>		
57	Так-Бильды-ханьш, умерла в возрасте 17 лет в 1017 г. (1608 г.). В Касимове сохранилась эпитафийная плита с ее могилы	

Этими данными, относящимися к периоду Касимовского ханства, завершается родословная Кайбуллы Ак-Кубекова. Как известно из исторических источников, с конца XVI и начала XVII в. татары начинают покидать территории Касимовского ханства. Царские указы, повелевавшие татарам перейти в христианскую веру, вынуждали многих креститься или переезжать на захваченные Москвой земли Казанского, Астраханского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. В указанный период татары уходили

со своими родами под руководством мурз. О них сохранились разные генеалогические предания, родословные записи. По некоторым сведениям, они являлись родственниками касимовских ханов астраханской династии.

В работе краеведов К. Миннибаева и З. Алимова «Цильнинские истоки», посвященной истории села Малая Цильна Дрожжановского района Республики Татарстан, приводится текст шеджере мурзы Будади. Данное шеджере на основе списка XVIII в., составленного мурзой Уразгильдиевым и муллою Гумаром Кулумкаевым, было дополнено в 1953 г. Шакуром Сулеймановым.

ПОТОМКИ ХАНА ШАХ-ГАЛИ В ЗАКАЗАНЬЕ

Хан Шах-Гали в 1519—1521, 1546, 1551—1552 гг. занимал казанский трон и одновременно с 1516 по 1567 гг. являлся правителем Касимовского ханства. Имя Шах-Гали-хана упоминается в татарских исторических песнях. Сохранились предания, повествующие о его бытии в Казани и Заказанье. Сведения о жизни Шах-Гали-хана встречаются во многих исторических трудах. Наиболее подробно жизнь хана освещена в труде татарского историка Хади Атласова¹.

По историческим сведениям, Шах-Гали правил в Казани как московский ставленник, и казанцы были вынуждены терпеть его правление. В Казанском ханстве он имел несколько вотчинных владений. Эти селения сохранились как населенные пункты до настоящего времени, например с. Шигали (Буинский район) и с. Шигали (Высокогорский район) в Республике Татарстан. В прошлом, особенно в XVI в., их число не ограничивалось лишь вышеперечисленными селениями, что подтверждается татарскими письменными источниками и топонимическими названиями.

На берегу р. Ашит в Заказанье (Атнинский район Татарстана) сохранилось место старинного провала, известного под названием «Шыгалы асты» (дословно в переводе означает «место деревни Шах-Гали»). По преданиям местных жителей, на месте этого провала когда-то стояла деревня Шах-Гали-хана (Шыгалы-хан).

Легенда гласит, что в той деревне находился дворец хана с золотыми воротами, чугунными запорами, столбами. Грохот, когда открывали ворота, был слышен на 3—4 км. За греховные дела Шах-Гали-хана в один прекрасный день его дворец с золотыми воротами провалился вглубь земли и исчез под глубокими водами. Оставшееся население ханского дворца, в том числе родственники хана, после этой трагедии перебрались в с. Большой Менгер,

¹ *Атласи Хади. Себер тарихы. Сөнбикэ. Казан ханлыгы.*— Казан: Татар. кит. нәшр., 1993.— 271—273, 320—327, 358—374 б.; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть первая.— СПб., 1863.— С. 277—558.

и улица, на которой они жили, стала называться «Шыгалы очы» («Шигалиев конец»).

В Большом Менгере сохранился рукописный сборник, куда были включены родословные около 50 родов. Данный сборник, составленный примерно во 2-й пол. XIX в., в 1913 г. был скопирован с дополнениями муэдзином Гади Галиевым¹.

Во время археографической экспедиции, проведенной в Заказанье в 1971 г., удалось снять копию рукописи, переписанной Гади Галиевым. Она написана арабской графикой. Тексты родословных потомков Шах-Гали-хана помещены в № 34, 37, 41, 42, 47, 49, 53, 57, 58, 59—61, 63². Составители сборника преподнесли представителей фамилии этих родословных в качестве потомков Шах-Гали-хана³.

Родословные ведут начало не от самого хана, однако легенда как заглавие памятника причисляет их к роду этой исторической личности. Основными зачинателями родословных Шах-Гали-хана являются Арслан-баба, Юртук-баба, Апай. Количество колен родословных таблиц колеблется от 8 до 10 поколений. По приблизительным подсчетам относительно 1910 г., основатели этих родов жили где-то в середине XVII века. Значит, между ними, с одной стороны, и Шах-Гали-ханом — с другой, в родословной должны были отразиться имена еще 4—5 поколений.

На связь с личностью Шах-Гали-хана проливает свет еще одна эпиграфическая надпись на эпитафии XVI в. на заброшенном кладбище д. Старый Менгер. Этот памятник впервые был обследован в 1928 г. видным татарским писателем и литературоведом Гали Рахимовым и опубликован в 1930 г.⁴:

«Жена Бикбау, сына Аджима,
Акбикэч Шах бикэч Шах-Гали из
мира бренности в мир вечности переселилась».

Предание о связи Шах-Гали с селом Менгер в свое время записал татарский просветитель XIX в. Каюм Насыри (1825—1902).⁵ Он располагал сведениями из сборника «Родословная книга с. Большой Менгер».

Данный документальный сборник впервые нами был проана-

¹ «Сборник с. Большой Менгер» теперь хранится в Хранилище рукописей Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.— Кол. 99.— Оп.1.— Ед.хр.141.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Рахим Али. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. Т. 1.— Казань, 1930.— С. 165.

⁵ Насыри Каюм. Сайланма эсэрләр: 2 томда. — Т. 1.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1974.— 67—68 б.

лизирован как источник по истории татарского языка¹. Протограф этого ценного исторического материала был найден во время археографической экспедиции советскими востоковедами в 1932 г.², однако дальнейшая судьба этой находки пока неизвестна.

В целом сведения, извлеченные из рукописного сборника родословных с. Большой Менгер, уникальны, так как они являются единственным источником по генеалогии касимовских ханов, связанных с Заказаньем. Их достоверность или тенденциозность трудно отрицать.

В пользу генетической связи некоторых родов современного села Большой Менгер с Шах-Гали-ханом говорят и другие исторические факты. Например, происхождение фамилии князей Яушевых, наличие мокшанского топонима в Атнинском районе Татарстана.

Упоминание темниковского мурзы Еникея из д. Старый Менгер во 2-й пол. XVI в.³ как владельца больших земельных угодий свидетельствует об оседании подчиненных поблизости места, известного как «Шигалиев починок» («Шыгалы асты»).

Ниже будут представлены родословные таблицы потомков Шах-Гали-хана. Сами таблицы составлены в виде типичных татарских шеджере-родословных⁴. Они в данном случае приведены в форме новейших европейских фамильных генеалогий.

РОДОСЛОВНАЯ ПОТОМКОВ ХАНА ШАХ-ГАЛИ ИЗ С. БОЛЬШОЙ МЕНГЕР

Юртук из Шигалиева починка

Порядковый номер	Поколения и имена предков	Номер отца
1	<i>II поколение</i>	
2	Кутуй	1
	<i>III поколение</i>	
3	Абубакир	2
4	Гусман	2
5	Гумар	2

¹ Ахметзянов М. И. Общинные шеджере // Источниковедение и история тюркских языков.— Казань, 1978.— С. 45—50.

² Забиров В. А. Предварительное сообщение о работе археографической экспедиции Академии наук // Исторический сборник. — М.-Л., 1935.— № 4.— С. 269—272.

³ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов.— Казань: Изд-во Казан. ун-та., 1978.— С. 164.

⁴ «Сборник с. Большой Менгер»... — Л. 17 и др.

	<i>IV поколение</i>	
6	Ибрагим, его жена Минка	4
7	Гали-муэдзин	5
8	Хадича	5
	<i>V поколение</i>	
9	Нафиса	7
10	Хадича	7
11	Мулла Гали	7
12	Фатиха	7
	<i>VI поколение</i>	
13	Амина	11
14	Мухамметгали	11
15	Фатима	11
16	Габдельгазиз	11
17	Зайнаб	11
18	?	11
19	Магизиган	11
	<i>VII поколение</i>	
20	Рафгат (родился 2 марта 1934 г. — умер 30 декабря 1935 г.)	16
21	Магинур	16
22	Рушан	17
23	Гаяз	17
24	?	18
25	Венера	19
	<i>VIII поколение</i>	
26	Вансит	24
27	Фуат	24

Мухаммади, Хуснегата, Мухамматгата — об этих личностях вспоминала наша бабушка, нам рассказывал наш отец — муэдзин Гали, сын Гумера. Написал муэдзин Гади.

Примечание

Текст взят из рукописной книги «Сборник с. Большой Менгер» (ксерокопия), переписан из старинного родословного списка и дополнен муэдзином Гади Галиевым в 1913 г.

Родословная таблица дочерей муэдзина Гали, сына Гумера

	<i>IV поколение</i>	
7	Муэдзин Гали	
	<i>V поколение</i>	
8	Хадича-бика (жила в д. Верх. Ура)	7

9	Нафиса-бика, жена Габдрахмана, сына Садика из д. Новые Юльби	7
10	Фатиха, жена Идриса, сына Мухамметшарифа	7
	<i>VI поколение</i>	
11	Разия	9
12	Кафия	9
13	Габдрауф	9
14	Мухамметзабир	10
15	Шагиахмет	10

Родство фамилии Юртука с родом Фахретдина

	<i>I поколение</i>	
1	Фахретдин	
	<i>II поколение</i>	
2	Фатима, жена Закира, сына Шакира	1
3	Садык	2
4	Зариф	2
5	Сабир	2
	<i>III поколение</i>	
6	Сибгатулла	3
7	Габдулла	3
8	Габдельвали	3
9	Габдрахман	3
	<i>IV поколение</i>	
10	Кафия	9
11	Разия	9

Продолжение родословной таблицы рода Юртука из Шигалиева починка

	<i>I поколение</i>	
1	Юртук	
	<i>II поколение</i>	
2	Кутуй	1
	<i>III поколение</i>	
3	Гумар	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Муэдзин Гали	3
5	Хадича, вторая жена Шамсетдина из с. Новый Кырлай	
	<i>V поколение</i>	
6	Ахмади, умер на военной службе	5
7	Загиди	5

8	Сабир	5
9	Шакир	5
	Дети Шамсетдина от покойной первой жены	
10	Хисаметдин	5
11	Багаветдин	5
12	Аухади	5
	<i>VI поколение</i>	
13	Магисурур	7
14	Гарифулла	7
15	Хафизулла	7
16	Муэмин	7
17	Хаджи Ахметзян, жил в Казани в районе Сенного базара	10
18	Галиулла	10
19	Аглиулла	10
20	Шафигулла	10
	<i>VII поколение</i>	
21	Габдрахман	16
22	Хасан	16
23	Мухамметзян	16
24	Калимулла	17
	<i>VIII поколение</i>	
25	Нигметзян	20
26	Мухамметзян	21

**Продолжение родословной таблицы
рода Юртука из Шигалиева починка
из потомков Шигали-хана**

	<i>I поколение</i>		
1	Юртук		
	<i>II поколение</i>		
2	Исмагиль	1	
3	Кутуй	1	
	<i>III поколение</i>		
4	Якуб	2	
5	Исхак	2	
	<i>IV поколение</i>		
6	Хамит	4	
7	Сагит	4	
8	Габдерашит	5	
	<i>V поколение</i>		
9	Тазетдин	7	

10	Фахретдин	7
11	Валит	7
12	Ибатулла, его потомки живут в Семипалатинске	8
13	Ибрагим	8
14	Исмагиль	8
15	Яхъя	8
	<i>VI поколение</i>	
16	Хуснетдин	9
17	Шарафетдин	9
18	Тухватулла	9
19	Назметдин	10
20	Гафифа	10
21	Латифа	10
22	Нафиса	10
23	Исхак	13
24	Ахметзян	13
25	Зулейха	14
26	Захиди	14
27	Камал (дочь)	15
	<i>VII поколение</i>	
28	Шамсебану	16
29	Зиннатбану	16
30	Гафифабану	16
31	Факиха	16
32	Сафаргали	19
33	Низаметдин	19
34	Фатима	19
35	Рабига	19
36	Гайникамал, супруга Баймухаммета, сына Курбанбека	23
37	Лутфикамал	24
38	Газбикамал	24
39	Афтаб	24
40	Ахметша	24
41	Сабир	26
42	Халиулла	26
43	Хайрулла (нет потомства)	26
44	Габдрахман	27
45	Ахметзян	27
	<i>VIII поколение</i>	
46	Мухамметгали	32
47	Габдельбари	32

48	Габдельгани	32
49	Марьям	32
50	Бибигайша	32
51	Латифа	32
52	Сабир	33
53	Шакир	33
54	Рахим	33
55	Галяу	33
56	Закир	33
57	Нафиса	33
58	Юнус	34
59	Валиахмет	36
60	Файзерахман	36
61	Валит (незаконнорожденный)	39
62	Минулла	41
63	Лутфулла	41
64	Сажид	41
65	Гатаулла (погиб на германском фронте)	41
66	Хабибулла (живет в Иргизах)	42
67	Ярулла (живет в Иргизах)	42
68	Гадиулла (живет в Иргизах)	42
	<i>IX поколение</i>	
69	Габдельвали	46
70	Тагир	46
71	Равиль	46
72	Рафгат	46
73	Гумар	46
74	Гусман	46
75	Габдельфард	48
76	Габдельбар	48
77	Идиатулла	61
78	Гатиятулла	61
79	Гариф	61
80	Факиха	61
81	Габдельнур	61
82	Сунгатулла	62
	<i>X поколение</i>	
83	Октябрист	68

Род Арслана из Шигалиева починка

	<i>I поколение</i>		
1	Арслан		

	<i>II поколение</i>	
2	Шибали (у него было четыре дочери)	1
3	Туруш	1
4	Ибрагим	1
5	Гумар	1
6	Назир	1
7	Хамид	1
	<i>III поколение</i>	
8	Шарифа, супруга Шафия, сына Кисами	2
9	Салиха, супруга Музаффара	2
10	Ханифа (вышла замуж в с. Ура)	2
11	Габида, супруга Габдельлатифа	2
12	Хамид (по прозвищу Митыр)	4
13	Мунасиб	5
14	Хаким	5
15	Исхак	6
	<i>IV поколение</i>	
16	Гулямза	12
17	Валиша	12
18	Габид	12
19	Губайдулла	13
20	Гусман	14
21	Биби	15
22	Фатима	15
23	Гафифа	15
24	Газиза	15
	<i>V поколение</i>	
25	Биби	16
26	Муса	16
27	Мустафа	16
28	Халид	16
29	Мургаза	16
30	Мухамметгали	16
31	Гайша	17
32	Байрам	18
33	Зулейха	18
34	Сабит	18
35	Галиулла	19
36	Валиулла	19
37	Ардаш	19
38	Биби (супруга Мухаммета из с. Зильгильди)	19
39	Нигматулла	20

40	Фатиха	21
41	Вали	22
42	Ибрагим	22
43	Габдулла	23
44	Ахметзян	24
45	Мухаммади	24
46	Юсуфзян	24
	<i>VI поколение</i>	
47	Муллагали	28
48	Нагима	29
49	Халид	31
50	Шакир	31
51	Галимхан	32
52	Ахметхан	32
53	Гарифзян	32
54	Сабирзян	32
55	Ибатулла	36
56	Ахметша	37
57	Шагиахмет	37
58	Муллахмет	37
59	Гайнельджамал	37
60	Гаджибелькамал	37
61	Шарифельджамал	37
	<i>VII поколение</i>	
62	Ахметсафа	56
63	Зиганша	56
64	Габдрахман	56
65	Галиахмет	57
66	Ходжахмет	57
67	Габдельвали	57
68	Магисарвар (в д. Юльбах)	57
69	Нурмухаммет	58
70	Гафифа	58
71	Ибрагим	58
72	Исмагиль (умер в младенчестве)	58

Дополнение к шеджере рода Арслана

	<i>I поколение</i>		
1	Арслан		
	<i>II поколение</i>		
2	Гумар		1
3	Назир		1

	<i>III поколение</i>	
4	Мунасиб	2
5	Хаким	2
6	Исхак	3
	<i>IV поколение</i>	
7	Губайдулла	4
8	Гусман	5
9	Махуба	6
10	Биби	6
11	Фатима	6
12	Гафифа	6
13	Газиза	6
	<i>V поколение</i>	
14	Аккуш	7
15	Батый	7
16	Фахридзамал	8
17	Шамсельниса	8
18	Камар	8
19	Нигматулла-Атнаки	8
20	Бибкай (супруга Гатауллы из Ст. Менгер)	9
21	Фатиха	10
23	Вали	11
24	Ибрагим	11
25	Габдулла	12
26	Ахметзян	13
27	Мухаммади	13
28	Юсуфджамал	13
	<i>VI поколение</i>	
29	Газиза	19
	<i>VII поколение</i>	
30	Нагима	

Родословная Арслана из Шигалиева починка

	<i>I поколение</i>	
1	Арслан	
	<i>II поколение</i>	
2	Шибали, у него было четыре дочери	1
	<i>III поколение</i>	
3	Шарифа	2
4	Салиха, супруга Музаффара	2
5	Ханифа, в Уфе	2
6	Габида, супруга Габдельлатифа	2

	<i>IV поколение</i>	
7	Шафи, супруга Кисали	3
8	Исмагиль (живет в г. Верхнеуральске)	4
9	Гумар (живет в г. Верхнеуральске)	5
10	Тагир (живет в г. Семипалатинске)	6
	<i>V поколение</i>	
11	Магрифа	7
12	Фархана	7
13	Хафизулла	7

Родословная Габдуллы по прозвищу Апай из Шигалиева починка

	<i>I поколение</i>	
1	Габдулла (Апай)	
	<i>II поколение</i>	
2	Тупи	1
3	Рахматулла	1
	<i>III поколение</i>	
4	Губайдулла	2
5	Фазулла	3
	<i>IV поколение</i>	
6	Биби, супруга Загида	4
7	Сагида	5
8	Хабибулла	5
	<i>V поколение</i>	
9	Сабир	6
10	Хайрулла	6
11	Халиль	6
12	Латифа	8
13	Назметдин	8
14	Насибулла	8
15	Ахмадулла	8
16	Сунгатулла	8
	<i>VI поколение</i>	
17	Минлешай (в д. Новая Юльба)	12
18	Латифа	15
19	Магитаб	15
20	Сафиулла	15
21	Губайдулла	15
	<i>VII поколение</i>	
22	Гатаулла	21
23	Хайрулла	21
24	Хабибджамал	21
25	Нафиса	21

ШЕДЖЕРЕ КНЯЗЕЙ МУСТАФИНЫХ

Составителем данной родословной является представитель рода Мустафиных в 11-м поколении — Минлегали, Хамматгалиев сын, 1889 года рождения. Он родился, жил и умер в с. Новые Челны (Алькеевский р-н, Татарстан). Родословная была написана на татарском языке арабской графикой.

Данный труд Минлегали Хамматгалиева был скопирован в 1945 г., затем переложен на современную татарскую графику Сабиром Фатиховым (1912 г.р.), также представителем рода Мустафиных. Текст, составленный Сабиром Фатиховым, был скопирован во время археографической экспедиции в с. Новые Челны в июне 1974 г. М. И. Ахметзяновым. Родословная состоит из четырнадцати поколений и была дополнена в 1958 г. Копия, сделанная М. И. Ахметзяновым, находится в Хранилище рукописей Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹.

Род князей Мустафиных, судя по их титулатуре, восходит к Мустафе-хану. Исследователи истории дворянских родов Российской империи пишут: «Мустафины — княжеский род, возводящий свою родословную к казанскому царевичу Муртазе Мустафичу, жившему в конце XVI в.»². Видимо, здесь допущена ошибка. Казанского царевича под именем Мустафа, жившего во 2-й пол. XVI в., быть не могло, а в Касимовском ханстве с 1578 г. было известно о правлении Мустафы-Али-хана, сына султана Кайбуллы (касимовского хана Абдуллаха Аккубекова, который умер в Касимове в феврале 1570 г.).

У Мустафы-Али-хана был родной брат Муртаза-Али, который крестился добровольно в 1570 г. Он был женат на боярышне Агафии Шереметьевой. Муртаза-Али после крещения стал называться Михаилом и не имел права быть ханом. Ранняя смерть Муртазы (Михаила) не исключает его убийства. Далее у Муртазы, по русским источникам, был сын князь Аип Мустафин. В писцовых книгах 1624—1626 гг. упоминается имя князя Мамета Аипова, сына Мустафина³. По родословной русского происхождения имя Мамета отражена в форме «Акмамет князь». У Акмамета был крещеный брат — князь Федор Мустафин, который умер до 1686 г. Сын Акмамета также носил христианское имя и т. д. Род крещеных Мустафиных жил в Нижегородской губернии.

Данный род был признан, по определениям правительствующего Сената от 25 ноября 1802 г., 26 марта 1847 г. и 17 мая 1855 г., в

¹ Кол. 99.— Оп.1.— Ед. хр. 130.

² Дворянские роды Российской империи. 1721—1917. Т. 3. Князья.— М.: Ликоинвест, 1996.— С. 188.

³ Там же.

достоинстве князей татарских с внесением в V часть родословной книги¹. Однако не все представители фамилии Мустафиных меняли свою веру. Некоторые из них, чтобы не креститься, были вынуждены оставить свои поместья и уехать. Например, из с. Камкино Алатырского уезда во 2-й пол. XVII в. мусульманская ветвь князей Мустафиных переселилась в Закамье. Известно, что часть представителей рода князей Мустафиных, владевших землями в Алатырском уезде, так и осталась там. Так, новокрещенные Семен и Иван Алмашевы, дети Мустафина, Александр Мамателеев, сын Мустафина, Родион Уваров, сын Мустафина, в 1682 году написали челобитную о даче им за крещение земель их родственникам². Потомки Мустафиных, владевших землями в окрестностях Курмыша, в XVIII в. совершенно обрусели. Из их среды вышли земские исправники, военные³.

Род князей Мустафиных-мусульман поселился в татарских деревнях: Старый Адам, Тахтала Аксубаевского района, Старые Челны, Новые Челны Алькеевского района, Исляйкино Чистопольского района и в других селениях Закамья. В закамских селениях в XVIII—XIX вв. были известны мурзы Мустафины — Мухаммет, Денюк, Сайка, Саэт Рахманкул, Субханкул, Файзулла и др.⁴ Часть Мустафиных носила фамилию Булаев (Бунаев).

ТАТАРСКИЙ СПИСОК РОДОСЛОВНОЙ КНЯЗЕЙ МУСТАФИНЫХ

	<i>I поколение</i>	
1	Юнали-князь Мустафин, выходец из с. Камкино Алатырского уезда	
	<i>II поколение</i>	
2	Баймуш, сын Юнали	1
	<i>III поколение</i>	
3	Тугуш, сын Баймуша	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Сюнчелей, князь Мустафин	3
	<i>V поколение</i>	
5	Махмут, сын Сюнчеляя, умер в с. Новые Челны	4

¹ Дворянские роды Российской империи. 1721—1917. Т. 3. Князья.— М.: Ликоминвест, 1996.— С. 188.

² История Татарии в материалах и документах.— М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.— С. 176—177.

³ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца.— Т. 5.— Симбирск, 1912.— С. 227.

⁴ Материалы по истории народов СССР.— Вып. 6. Татарская АССР. Материалы по истории Татарии 2-й пол. XIX в.— Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х гг. XIX в.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.— С. 501.

<i>VI поколение</i>		
6	Муган, сын Махмута	5
7	Амир, сын Махмута	5
8	Хамза, сын Махмута	5
9	Муллавали, сын Махмута	5
10	Минади, сын Махмута	5
11	Гимран, сын Махмута	5
12	Масгуда, мать Шаяхмета, умерла в Чистополе	5
<i>VII поколение</i>		
13	Габдельмазит, сын Мугина	6
14	Абдельвагап, сын Мугина	6
15	Магди, сын Мугина	6
16	Башир, сын Амира	7
17	Назир, сын Амира	7
18	Гафур, сын Хамзы	8
19	Абдельзаббар, сын Хамзы	8
20	Мардигаллям, сын Хамзы	8
21	Абрар, сын Хамзы	8
22	Габдесаттар, сын Хамзы	8
23	Фахрутдин, сын Минади	10
24	Фатхулла, сын Минади	10
<i>VIII поколение</i>		
25	Ахмади, сын Габдельмазита	13
26	Нигматулла, сын Габдельмазита	13
27	Гиззатулла, сын Габдельмазита	13
28	Хисматулла, сын Габдельмазита	13
29	Садык, сын Абдельвагаба	14
30	Мухамметгамин, сын Абдельвагаба	14
31	Хамматъяр, сын Магдия	15
32	Файзетдин, сын Башира	16
33	Хуснетдин, сын Назира	17
34	Мифтахетдин, сын Назира	17
35	Зариф, сын Гафура	18
36	Хамди, сын Абдельзаббара	19
37	Хамматгали, сын Абдельзаббара	19
38	Хамматсадык, сын Абдельзаббара	19
39	Замалетдин, сын Абдельзаббара	19
40	Сагир, сын Мардигалляма	20
41	Гирфан, сын Мардигалляма	20
42	Гирей, сын Абрара	21
43	Зиганша, сын Абрара	21
44	Саляхи, сын Габдесаттара	22

45	Нурулла, сын Фатхуллы	24
46	Гимадетдин, сын Фатхуллы	24
	<i>IX поколение</i>	
47	Исхак, сын Ахмади	25
48	Гатаулла, сын Нигматуллы	26
49	Губайдулла, сын Гиззатуллы	27
50	Нигматулла, сын Гиззатуллы	27
51	Замалетдин, сын Хисматуллы	28
52	Низаметдин, сын Хисматуллы	28
53	Дочь Садыка, вышла замуж за муллу Ахметгату	29
54	Вафа, сын Садыка	29
55	Фазулла, сын Мухамметамина	30
56	Аглиулла, сын Мухамметамина	30
57	Хабибулла, сын Мухамметамина	30
58	Имаметдин, сын Хамматъяра	31
59	Хамматрахим, сын Хамматъяра	31
60	Хамматхан, сын Хамматъяра	31
61	Шангирей, сын Файзетдина	32
62	Садретдин, сын Файзетдина	33
63	Нугман, сын Хуснетдина	33
64	Хади, сын Мифтахетдина	34
65	Фатих, сын Зарифа	35
66	Киям, сын Хамматситдика	38
67	Наджиб, сын Замалетдина	39
68	Карим, сын Замалетдина	39
69	Хайрутдин, сын Замалетдина	39
70	Нургаяз, сын Сагира	40
71	Ахметвали, сын Сагира	40
72	Хасият, сын Гирфана	41
73	Сафа, сын Зиганшы	43
74	Зигангир, сын Зиганшы	43
75	Мирзаян, сын Зиганшы	43
76	Нуретдин, сын Саляхи	44
77	Нургаяз, сын Саляхи	44
78	Шайхулла, сын Нуруллы	45
79	Мустафа, сын Гимадетдина	46
80	Минлегирей, сын Гимадетдина	46
	<i>X поколение</i>	
81	Исмагиль, сын Исхака	47
82	Садык, сын Гатауллы	48
83	Гарифулла, сын Гатауллы	48

84	Замалетдин, сын Нигматуллы	50
85	Гафиятулла, сын Нигматуллы	50
86	Хабибулла, сын Нигматуллы	50
87	Газиза, дочь Нигматуллы	50
88	Кадича, дочь Нигматуллы	50
89	Зиннатулла, сын Нигматуллы	50
90	Минлегали, сын Низаметдина	52
91	Гирей, сын Низаметдина	52
92	Габдулла, сын Фазуллы	55
93	Нурулла, сын Фазуллы	55
94	Насрулла, сын Фазуллы	55
95	Аглиулла, сын Мухамметамина	56
96	Хасан, сын Имаметдина	58
97	Нугман, сын Хамматрахима	59
98	Нурми, сын Хамматрахима	59
99	Калимулла, сын Шангирея	61
100	Хабибулла, сын Шангирея	61
101	Гарифулла, сын Шангирея	61
102	Минфатих, сын Шангирея	61
103	Халиулла, сын Шангирея	61
104	Хатип, сын Шангирея	61
105	Харис, сын Садретдина	62
106	Гариф, сын Садретдина	62
107	Бадретдин, сын Садретдина	62
108	Шайхетдин, сын Садретдина	62
109	Гирфан, сын Нугмана	63
110	Сабир, сын Хади	64
111	Харис, сын Наджиба	67
112	Габдулла, сын Карима	68
113	Мирза, сын Хайретдина	69
114	Нургали, сын Ахметвали	71
115	Бари, сын Ахметвали	71
116	Тагир, сын Зигангира	74
117	Сабирзян, сын Мирзаяна	75
118	Нурмухаммет, сын Нуретдина	76
119	Нургали, сын Нуретдина	76
120	Мударрис, сын Нургаяза	77
121	Мугаллим, сын Нургаяза	77
122	Габдулла, сын Нургаяза	77
123	Минлегаяз, сын Минлегирея	80
	<i>XI поколение</i>	

124	Гимадетдин, сын Исмагиля	81
125	Галяветдин, сын Исмагиля	81
126	Сиразетдин, сын Исмагиля	81
127	Гумар, сын Габдуллы	92
128	Хабибулла, сын Нуруллы	93
129	Габдрахман, сын Насруллы	94
130	Габдельвахат, сын Насруллы	94
131	Габбас, сын Насруллы	94
132	Анвар, сын Насруллы	94
133	Газиза, дочь Аглиуллы, умерла в с. Новые Челны	95
134	Ярулла, сын Аглиуллы, умер в 1956 г. в городе Иваново	95
135	Минлегали, сын Аглиуллы, умер в 1941 г. в возрасте 82 лет	95
136	Минлезямал, дочь Хабибуллы, умерла в с. Баллыкуль	100
137	Сафиулла, сын Хабибуллы, умер в с. Новые Челны	100
138	Хайрулла, сын Хабибуллы, умер в с. Новые Челны	100
139	Фатих, сын Хабибуллы, умер в Казани в 1956 г. в возрасте 85 лет	100
140	Кайма, дочь Хамматгали, родилась в 1937 г.	?
141	Салихзян, сын Гирфана	109
142	Сабирзян, сын Гирфана	109
143	Хави, сын Сабира	110
144	Габдрахман, сын Сабира	110
	<i>XII поколение</i>	
145	Зялалетдин, сын Сиразетдина, умер в г. Казани в возрасте 56 лет	126
146	Минхаят, дочь Яруллы	134
147	Габдулла, сын Яруллы, погиб в 1942 г.	134
148	Шайдулла, сын Яруллы	134
149	Халиулла, сын Яруллы, погиб в 1944 г.	134
150	Минхатип, сын Фатиха, умер в 1908 г. в с. Новые Челны	139
151	Хафиз, сын Фатиха (1910 — 1942 гг.), погиб на фронте во время Великой Отечественной войны	139
152	Минлесайда, дочь Фатиха	139
153	Сайда, дочь Фатиха	139
154	Минлехарис, сын Фатиха	139
155	Сабир, сын Фатиха, род. в 1912 г.	139

156	Минлегалия, дочь Фатиха	139
157	Сара, дочь Фатиха	139
158	Вакиф, сын Фатиха	139
159	Азяль, сын Габдрахмана	144
	<i>XIII поколение</i>	
160	Султан, сын Габдуллы	147
161	Ахат, сын Габдуллы	147
162	Насрулла, сын Шайдуллы	148
163	Рушания, дочь Шайдуллы	148
164	Исламия, дочь Шайдуллы	148
165	Агзам, сын Халилуллы	149
166	Шарифулла, сын Халилуллы	149
167	Миннулла, сын Халилуллы	149
168	Альфия, дочь Хафиза	151
169	Рауза, дочь Хафиза	151
170	Минзюгра, дочь Хафиза	151
171	Флюра, дочь Сайди	153
172	Фарит, сын Сайди	153
173	Юрис, сын Сабира (1940 г. р.)	155
174	Уркия, дочь Сабира (1946 г. р.)	155
175	Идрис, сын Сабира (1949 г. р.)	155
176	Мунавара, дочь Сары	157
	<i>XIV поколение</i>	
177	Азат, сын Насруллы (1958 г. р.)	162
178	Ришат, сын Насруллы (1965 г. р.)	162
179	Ринат, сын Насруллы (1960 г. р.)	162

РОДОСЛОВНАЯ ОБРУСЕВШЕЙ ВЕТВИ КНЯЗЕЙ МУСТАФИНЫХ¹

	<i>I поколение</i>	
1	Князь Аип Мустафин	
	<i>II поколение</i>	
2	Князь Акмамет (Мамет Аипович) Мустафин	1
3	Федор Мустафин, князь до 1686 г.	1
	<i>III поколение</i>	
4	Князь Федор Акмаметович Мустафин	2
	<i>IV поколение</i>	
5	Иван (? — ок. 1730 г.)	4
	<i>V поколение</i>	
6	Иван (ок. 1727— ?)	5

¹ Дворянские роды Российской империи. 1721—1917.— Т. 3. Князья.— М.: Ликоминвест, 1996.— С. 189. (Текст несколько сокращен и представлен в другой форме в отличие от источника).— Примеч. М. А.

	<i>VI поколение</i>	
7	Василий (ок. 1750— ?)	6
8	Екатерина (ок. 1760— ?)	6
	<i>VII поколение</i>	
9	Олимпиада (ок. 1772— ?)	7
10	Федор (ок. 1775—1845)	7
11	Николай (ок. 1781— ?)	7
12	Екатерина (ок. 1782— ?)	7
13	Алексей (ок. 1783— ?)	7
14	Иван (ок. 1786— ?)	7
15	Александр (1787— до 1847)	7
	<i>VIII поколение</i>	
16	Александр (? — 1853)	10
17	Николай	11
18	Дмитрий	11
19	Александр (1811— ?)	13
20	Василий (1813— ?)	13
21	Иван (1816— ?)	13
22	Александр	14
23	Екатерина (1821—1896)	14
24	Дмитрий	15
25	Надежда (1833— ?)	15
26	Олимпиада (1834— ?)	15
27	Сарра (1836— ?)	15
28	Василий (1837 —1883)	15
29	Александр (1838— ?)	15
	<i>IX поколение</i>	
30	Александр (1883— ?)	15

РОДОСЛОВНАЯ С. КРАСНАЯ ГОРКА

Согласно преданиям, записанным жителем с. Красная Горка Габдельхатом, сыном Хусаина (Хусаинов) в 1974 г., в основании с. Красная Горка участвовали семь родов. Они, оставив свои дома во время нашествий войск Ивана Грозного и Ермака в XVI в., укрывались в лесах и устраивались сперва на неудобных для ведения хозяйства и жизни местах. Потом они переселились в село Красный Остров, где были подчинены князю мурзе Мустафину. Однако жители Красного Острова плохо служили мурзе, и он от них отказался. Они стали удельными крестьянами.

Письменная история (видимо, она являлась родословной) пропала во время пожара. Но сохранился фрагмент родословной, составленной Биккиней, сыном Раджаба, дополненный в более позднее время неизвестным лицом.

	<i>I поколение</i>	
1	Пелди	
	<i>II поколение</i>	
2	Тансар	1
	<i>III поколение</i>	
3	Танатмыш	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Тулбай	3
	<i>V поколение</i>	
5	Бикбулат	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Раджаб	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Биккиня	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Фатхулла	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Хамидулла	8
	<i>X поколение</i>	
10	Шайхулла	9
11	Фазылзян Хамидуллин (1891—1984), языковед, умер в Казани, бездетный	9
	<i>XI поколение</i>	
12	Хайдар	10
13	Вадут	10
14	Харис	10

Примечание

Текст родословной написан трудно читаемым почерком на арабском языке. Поэтому боковые линии родословной сокращены. Подлинник хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ под шифром: Кол. 99.— Оп. 1.— Ед. хр. 218.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ С. БАСТАНОВО

Из преданий, сохранившихся в селе, известно, что жители с. Бастаново являются выходцами из Астрахани, а жители с. Азеево — потомками переселенцев из г. Ургенч. Переселение было связано с назначением в Касимов ханом сына крымского хана (видимо, сына Мингли Гирей-хана) Девлет-хана (или, по другой версии, Девлет Гирей-хана). Он, прибыв в Касимов, был разочарован увиденным и отправился паломником в Мекку. Обратного пути он не вернулся, а направился в г. Астрахань. Крымский Мингли Гирей-хан, узнав о случившемся, обратился к сыну с вопросом, почему, мол, тот забро-

сил Касимов. Девлет-хан ответил, что быть ханом в Касимове очень скучно — мало мусульман. Мингли Гирей-хан дал понять сыну, что Касимов нельзя бросать, что нужно собрать в Астрахани добровольцев с семьями, желающих переехать в г. Касимов, перевезти их и создать доброе Касимовское ханство. Девлет-хан собрал более двух тысяч семей, поселил их в г. Касимове и основал ханство.

После смерти Девлет-хана некоторое время правил Дуси (Дусмухаммет). Однако он, в связи с отдельными неприятными событиями в Касимовском ханстве, отрекся от престола и с населением, выходцами из г. Астрахани, переехал в с. Бастаново, служил там имамом. Теперешние имамы Бастана и есть потомки Девлет хана. Они первоначально носили фамилию Девлетханов, позже трансформированную как Дивликамов. Престол прежнего хана Дусмухаммета заняла Фатыйма из рода Шахкула. Она правила Касимовским ханством до его самых последних дней, т. е. до его окончательной ликвидации. Есть некоторые факты, подтверждающие достоверность вышеизложенных событий: язык бастановских татар весьма близок к языку астраханцев. Даже одежда бастанцев лет 40 назад была схожа с одеяниями астраханских татар.

Относительно происхождения населения с. Азеево есть следующие предания: сын ургенчского хана (кажется, под именем Габдульгазиз) был построен против своего отца и с двумя тысячами своих воинов убежал на Русь¹. Тогдашний правитель Москвы царь Василий² принял их к себе и поселил на довольно просторные земли возле г. Касимова, где позже возникло с. Азеево. Царь приказал им освоить эти пустующие земли. Однако здесь мусульман было мало, больше было представителей народа мордва (мокша). По приказу царя Василия, азеевцы, мусульманизовав мордовских женщин, женились на них, создали семьи, остались подданными Руси.

¹ В тексте повествования по истории с. Бастаново упоминается имя сына ургенчского хана Габдульгазиза, бежавшего в Московскую Русь. На самом деле подобный факт встречается в истории Ургенча: «В 1537 году в Хорезм был посажен в качестве шейбанидского наместника сын Убайдуллы — Абдулазиз. В 1538 г. туркменский хан Дин-Мухаммет вторгся в Хорезм. Абдулазиз, бросив Ургенч, бежал к отцу Убайдулле в Бухару. Однако присланное Убайдуллой войско было разгромлено Дин-Мухаммет-ханом». (История Узбекской ССР.— Т. 1.— Ташкент, 1967.— С. 591—592). Позже имя Абдулазиза в письменных исторических источниках не встречается. Поэтому данная публикация, видимо, служит дополнительным источником по истории шейбанидов.

² Василий — можно предположить, что под этим именем подразумевается московский великий князь Василий III Иванович (1479—1533). Видимо, уже в Хорезме были осведомлены о личности московского князя. Так или иначе, татарский источник намекает на интересные политические связи в начале XVI в. между Москвой и шейбанидами.

Этот факт также близок к истине. Внешность и язык жителей села Азеево очень сходны с внешностью узбеков Ургенча. Разумеется, в языке есть некоторые заимствования из мокшанского наречия. Например, конь на их языке «алаша». Они употребляют звук, схожий с мокшанским, стоящим по произношению между «з» и «к». Их женщины в прошлом носили сходные с мокшанскими белые платья с красными каймами. Мать моя родом из с. Азеево. Лет сорок тому назад я увидел ее мать, мою бабушку. Ей было около 90 лет. Она нам показала платья, сшитые по мордовскому образцу. И в труде великого ученого Ш. Марджани «История булгар» есть ссылки на подобные факты.

Далее, в те далекие времена, призвали из Крыма уважаемого и знаменитого человека Тимгена. Говорили, что он проложил канал из Крыма до Бастана, может быть до хана Кирмана (Касимова). Этот канал сохранился до наших дней. Разрушение канала было запрещено указом царя. Канал назывался «Крымской дорогой». По ней, во времена отсутствия железных дорог, многие ездили в Крым. Упомянутый Тимген проживал в Крыму. Его сын Чаныш со своим родом переехал на жительство в г. Белебей. От этого предка пошли дворяне по фамилии Чанышевы. Князья с фамилией Чанышев — православные.

Первоначальное место Бастана было на юго-западной стороне реки Чна в Тимгени. Позже, в силу определенных трудностей и притеснений, поселение перенесли на другую сторону и стали называть «Бастан»ом. В Тимгени остались лишь татары, принявшие христианство, до сих пор это село называется Тимгенью. Однако их земли принадлежат Бастанскому обществу. Имеется также лес под названием Чаныш. Этот лес также является собственностью «Бастана». Мулла Мухамметзян Дивликамов // (Журнал «Шура». — 1915. — № 14).

Примечание

В касимовском Новотатарском городском кладбище сохранилось несколько эпитафийных памятников, относящихся к фамилии Бастамов. Эта фамилия, по всей вероятности, принадлежит роду выходцев из с. Бастаново.

Нами зафиксировано несколько эпитафийных текстов, относящихся к фамилии Бастамов:

1. Биби-Кашифа, дочь Габдуллы Бастамова, умерла 26 января 1909 г.
2. Мухаммет-Амин, сын Габдуллы Бастамова, умер 6 ноября 1905 г. в возрасте 4 мес.
3. Гаиша, дочь Мухаммед-Шарифа, жена Фатиха Бастамова, умерла в возрасте 35 лет.
4. Ахмет, сын Габбаса Бастамова, умер 17 октября 1913 г. в 39 лет.

О РОДОСЛОВНОЙ РИЗАЭДДИНА БИНЕ ФАХРЕТДИНА

Фамилия имеет длинную историю и довольно много версий легенд, исходя из которых ясно, что они связаны с территориями г. Симбирска, а также Тетюшского, Апастовского, Зеленодольского, Лениногорского, Альметьевского районов Республики Татарстан. Кроме того, основателем данного рода, по одной письменной версии, является царевич, обнаруженный после бегства ханской семьи на берегу реки Волги. Эта легенда по содержанию очень схожа с татарским дастаном золотоордынского периода «Амет, сын Гайси» о судьбе внука Джанибек-хана, заброшенного в лесные заросли на берегу Волги около с. Большие Тарханы (Тетюшский район Республики Татарстан). Известно, что царевич позже жил в г. Астрахани.

Среди древних предков рода есть сведения о некоем Кайбул(л)е, имя которого очень напоминает имя известного астраханского царевича Кайбуллы//Абдуллаха.

Потомки Кайбуллы были известны среди служилых татар, приехавших из Касимовского царства на Горную сторону Волги. Они владели территорией заброшенного древнего татарского городища Симбирска. Правители Руси отобрали эти земли у Кайбуллы и взамен дали служилым татарам вотчины среди горных черемис. Предки Ризаэддина Фахретдинова были состоятельными и образованными людьми. Они не захотели принять православие в обмен на благополучную жизнь и остались мусульманами. Впоследствии они перебрались в Закамье, где пути рабства в 1-й четверти XVIII в. были слабее, чем в Свияжском и Казанском уездах. Родословная предков Ризаэддина Фахретдинова дошла до него лишь в устной форме. В письменном виде родословная была изложена, видимо, самим ученым. Приведенный ниже текст этого шеджере скопирован с автографа на арабской графике. В тексте есть ошибки, присущие памятникам позднего закрепления на письме.

	<i>I поколение</i>	
1	Тансар	
	<i>II поколение</i>	
2	Кармыш	1
	<i>III поколение</i>	
3	Бахшанды	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Кайбулла (? — 1570, февраль)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Джангильди	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Тумякай	5
7	Тюмень	5

8	Кильмет	5
9	Бурдук	5
10	Джанджигит (В с. Ширданы Свияжского уезда и в наши дни помнят о том, что на землях Джанджигита русские построили г. Симбирск)	5
	<i>VII поколение</i>	
11	Бигай	6
12	Ишкай	6
13	Уразай	6
14	Алькай	6
15	Вали	6
16	Байрели	7
17	Биймет	8
18	Джансай	9
19	Сюки	10
20	Сабира	10
	<i>VIII поколение</i>	
21	Муртаза	11
22	Юлдаш (В 1747 г. приехал в д. Кичучаты на постоянное жительство, был из тептярского сословия. В 1762 г. ему было 72 года.— М. А.)	12
23	Субханкул	13
24	Байряка	13
25	Муэмин	13
26	Мухсин	13
27	Хасан	14
28	Муслим	16
29	Баки	16
30	Ишметь	16
31	Ишметь	17
32	Дженис	17
33	Метри	19
34	Бигай, дочь Тумякая. (Здесь, видимо, есть какая-то ошибка.— М. А.)	20
	<i>IX поколение</i>	
35	Габдрашит (Имам д. Новый Иштиряк Бугульминского уезда. Сын Ишкай Юлдаш — выходец из с. Ширданы. Переселившись на берег реки Кичуй, основал там поселение под названием Кичучаты.)	21
	<i>X поколение</i>	
36	Биккул	22

37	Бикмет	22
38	Мурат (Подъем «Гора Мурата», находящийся между селами Кульшарип и Кичучат, носит его имя.— М. А.)	22
39	Бикбау	23
40	Курмыш	24
41	Ишай	25
42	Габдрашит	27
43	Салиха	28
44	Мулла Салих	29
45	Габди	29
46	Габдессалям	29
47	Габдерахим	29
48	Хамит	29
49	Сагид	29
50	Габбас	30
51	Габдрашит	30
52	Файзулла	31
53	Гадельша	32
54	Шиги	34
55	Мургаза	34
<i>XI поколение</i>		
56	Таджетдин аль-Иштиряки	35
57	Субханкул	37
58	Суби	41
59	Абиш	44
60	Маргуба	44
61	Махбуба	44
62	Маннур	45
63	Бикбау	45
64	Бадри	45
65	Габдельгазиз	46
66	Габдельгафур	47
67	Ахтям	47
68	Хабибулла	48
69	Габдельджалил	51
70	Габделькарим	51
71	Ягуда	52
72	Курамша	53
73	Ахмади	54
74	Габдрашит аль-Иштиряки	55

РОДОСЛОВНАЯ ЧУРАША
ИЗ С. КАРГОПОЛЬ АЛЬКЕЕВСКОГО Р-НА ТАТАРСТАНА

Данная родословная была скопирована в 1972 г. с рукописи Бану Чурашовой (1903 г. р.), проживающей в г. Казани (ул. Луковского, д. 3).

Чураш-баба со своим сыном Исанбирди переехал в Закамье из г. Алатырь.

	<i>I поколение</i>	
1	Чураш	
	<i>II поколение</i>	
2	Исанбирди	1
	<i>III поколение</i>	
3	Юсуф	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Хамит	3
	<i>V поколение</i>	
5	Вахит	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Шабан	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Наджми	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Мифтахетдин, умер в с. Карга в 1904 г., жену звали Рауза	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Мигризямал	8
10	Минслу	8
11	Мавлявизян	8
12	Рахимзян (1872—1951)	8
	<i>X поколение</i>	
13	Бану, 1903 г. р.	12
14	Галимзян	12
15	Ливадия	12
16	Гульсум	12
17	Кадрия	12
18	Габдельшакур	12
19	Джаудат	12
20	Уркия	12
21	Газизджан	
22	Нурсабах	12
23	Минленафа	12

Примечание

Касимовские татары в XVI—XVIII вв. служили дозорными на границах Московского княжества. Одним из опорных пунктов на границе

Ногайской Орды в те века был древний татарский город Алатырь. Многие служилые касимовцы получали вокруг Алатыря земельные угодья и оставались там на постоянное жительство. В 1650-х гг. служилые татары, в связи с ослаблением Ногайской Орды, стали проникать на ее заброшенные земли и осваивать их. Движение служилых татар и других народов Среднего Поволжья с Алатыря и Темникова было направлено в сторону Приуралья. Родословная Чураша является одним из частных фактов данного явления.

Копия родословной хранится в Хранилище рукописей под шифром: Кол. 99. — Оп. 1.— Ед.хр.136.

РОДОСЛОВНАЯ СИБИРСКОГО ЦАРЕВИЧА УРАЗ-МУХАММЕТ-ХАНА

Как видно из исторических сочинений, на троне Касимовского ханства с конца XVI в. восседали сибирские татарские царицы. Историк Шигабутдин Марджани в своем историческом труде изложил прямою родословную Ураз-Мухаммет-хана. Его истории посвящено немало страниц в труде русского ученого В. В. Вельяминова-Зернова¹.

Ураз-Мухаммет-султан в 1588 г. поступил на службу к московскому князю Федору Ивановичу. Он участвовал в войнах, которые вело Московское правительство против Швеции (1590 г.) и Крыма (1598 г.). За усердную службу на благо московского государства царь Борис Годунов пожаловал ему 20 марта 1600 г. город Касимов. Ураз-Мухаммет имел ограниченные права на владение марионеточным Касимовским ханством. Он правил Касимовским ханством до 1610 г. (22 ноября), вплоть до гибели от руки Лжедмитрия II.

Потомки Ураз-Мухаммета до начала XX в. добросовестно служили Русской империи, и благодаря им Россия сравнительно легко подчинила казахские орды во 2-й пол. XVIII в.

	<i>I поколение</i>	
1	Урус-хан ал-Чингизи	
	<i>II поколение</i>	
2	Куюрчук-хан	1
	<i>III поколение</i>	
3	Бурак-хан	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Джанибек-хан (Абу-Сагид)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Джадик-хан	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Шигай-хан	5

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царицах.— Часть третья.— СПб., 1867.

	<i>VII поколение</i>	
7	Ундан-султан	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Ураз-Мухаммет-хан (1572 — 22.II. 1610). Сибирский царевич, в 1588 г. был захвачен в плен. С 1590 г. служил в русской армии, воевал со шведами и т.д.	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Девлет-Мухаммет	8
	<i>X поколение</i>	
10	Мамыш	9
11	Больш	9
12	Сафар	9
13	Мамат	9
	<i>XI поколение</i>	
14	Тевкель	10
	<i>XII поколение*</i>	
15	Кутлуг-Мухаммет Тевкелев (1674—13.IV.1766). Служил переводчиком во время войны с турками в 1711 г. В 1716 г. по приказу Петра I был послан в Среднюю Азию под командование князя Александра Бековича-Черкасского. Участник похода Петра I в 1722 г. на Иран, был переводчиком. В 1734 г. стал полковником, в 1735—1742 гг. подавлял восстание Акая. В 1755 г. за подавление движения Батырши был удостоен звания генерал-майора. Кутлуг-Мухаммет Тевкелев умер в возрасте 91 года 13 апреля 1766 г., похоронен на кладбище д. Тирса (Агрызский район Татарстана). Его жена Хадича умерла в 1752 г. (похоронена на Сеитовом посаде, сохранился эпитафийный памятник)	14
	<i>XIII поколение</i>	
16	Зулейха, дочь, умерла в 1771 г. в возрасте 47 лет	15
17	Юсуф, родился в Москве, военный секунд-майор, его жена Зухрабика (Дарья Алексеевна). Юсуф был убит восставшими татарами 6 декабря 1773 г. в д. Акбаш. Похоронен на кладбище с. Байряка (Ютазинский р-н Татарстана)	15
	<i>XIV поколение</i>	
18	Шагин-Гирей (Петр Осипович), родился примерно в 1771 г., служил поручиком, умер в 1821 г. в возрасте 49 лет. Похоронен на кладбище татарского села	17

* Шеджере с XII поколения дополнен материалами историка И. Гильзова (Морза Тэвкилевлэр.— Казан.— Мирас.— 2001.— № 2.— 26—35 б.).

	Килим Белебеевского уезда. Его жена Зулейха, дочь князя Мустафы Максудова, умерла 28 марта 1842 г. в возрасте 56 лет в с. Килим	
19	Салима, добровольно крестилась	17
20	Кутлузаман-Банат, после смерти сестры вышла замуж за князя Мухаммет-Гирея Бекович-Черкасского	17
21	Сара-Банат, первая жена князя Мухаммед-Гирея Бекович-Черкасского	17
22	Суфия, вышла замуж за Юсуфа Алкина	17
	<i>XV поколение</i>	
23	Гайша, в молодости крестилась, потом покаялась и приняла ислам, похоронена на кладбище с. Атнакул	18
24	Фатима, жена Ибниамина Мухамметшаеховича Бикмаева, умерла 3 мая 1867 г.	18
25	Зухра, вышла замуж за черкесского князя полковника Пидисова	18
26	Селим-Гирей Тевкелев (1805—1885), военный, с 1865 г. муфтий Оренбургского духовного собрания	18
27	Сает-Гирей (Алексей Петрович), полковник, родился в 1809 г., совершил паломничество в Мекку в 1853 г. Умер 5 марта 1891 г. в возрасте 82 лет. Первая жена Хадича была дочерью казахского хана Зигангира. Имя второй жены — Хадича	18
28	Багадир-Гирей, майор, умер 13 мая 1891 г. Его жена Уммегульсум из г. Касимова, дочь Сулеймана-мирзы Девлеткильдеева. Умерла в 1905 г. в возрасте 77 лет	18
29	Бикмирза	20
30	Рустемхан	20
31	Марьям	20
32	Арсланбик	21
33	Магитап	21
34	Сахиб-Гирей	22
35	Шагин-Гирей	22
36	Мухаммет-Гирей	22
37	Хадича	22
	<i>XVI поколение</i>	
38	Кутлуг-Мухаммед Ибниаминович Бикмаев (1838—1908)	24
39	Ахмет, крестился, стал Владимиром, женился на русской	28
40	Зухра	28

НОГАЙСКО-КАСИМОВСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ АРИСТОКРАТИИ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ В КАСИМОВСКОМ ХАНСТВЕ

Ногайская Орда в 1-й пол. XVI в. была одним из самых сильных и больших государств Европы. Она имела тесные политические и экономические связи с Московским княжеством, Крымским ханством, Астраханью, Сибирью, Средней Азией, Кавказом.

Со 2-й пол. XVI в., после потери самостоятельности Казанского и Астраханского ханств, Ногайская Орда вступила в эпоху распада. Многие представители аристократии и верхушки этого общества, особенно в период междоусобиц и голода, оставляли свои родные земли и поступали на службу к московским князьям и Крымскому ханству, часто целыми родами и своими военными отрядами. Московские князья использовали их для укрепления своей власти как внутри государства, так и для ведения войн с соседями.

В Московском княжестве выходцев из Ногайской Орды поселяли на постоянное проживание в таких городках, как Романов, Ярославль, Касимов, Темников, Елатьма, Кадом и др. Потомки выходцев из Ногайской Орды в большинстве своем обрусели и христианизировались, но часть из них, проживающая на территории бывшего Касимовского ханства и в г. Костроме, сохранила свое национальное самосознание.

Многие выходцы из Ногайской Орды, будучи представителями военного сословия, были депортированы московскими правителями обратно в Поволжье, Приуралье и Сибирь. На новых местах они также сильно подвергались русификации и ассимиляции со стороны русского населения. Часть депортированного с территории Касимовского ханства и подмосковных земель населения проживает теперь между Волгой и Уралом, в Сибири, Средней Азии, в Москве, Петербурге, Костроме. Они до настоящего времени сохранили свой язык, культуру и самосознание и остались, по существу, татарами. К таковым относятся мурзы Сююндуковы, Еникеевы и др.

РОД КНЯЗЕЙ УРУСОВЫХ

	<i>I поколение</i>	
1	Едигей Мангит (1352 — 1419)	
	<i>II поколение</i>	
2	Мурадин (Нурадын)-мурза	1
3	Мансыр-мурза	1
	<i>III поколение</i>	
4	Акас (Окас)-мурза	2
5	Темсубуй-мурза	3
6	Темир-мурза	3
	<i>IV поколение</i>	
7	Муса-мурза (? — 1502)	4
8	Ямгурчей-мурза	4
9	Аслан-мурза	4
10	Азикеи	5
11	Замамет-мурза	5
12	Ибрагим-мурза	5
13	Мамалай-мурза	5
14	Ахмет-мурза	5
	<i>V поколение</i>	
15	Шихим-мурза	7
16	Ших Мамай-мурза	7
17	Кутум-мурза	7
18	Досум-мурза	7
19	Юсуф-мурза (? — 1556), родоначальник князей Юсуповых	7
20	Ак-мурза	7
21	Шейдяк-мурза, родоначальник князей Шейдяковых	7
22	Измаил (Исмагиль)-мурза (? — 1563, сентябрь)	7
23	Утеш-мурза	12
24	Салтыш-мурза	12
25	Бибей-мурза, после крещения князь Владимир Ибрагимович	12
26	Тевкиш-мурза	12
27	Исаап-мурза	12
	<i>VI поколение</i>	
28	Урус-мурза (? — 1610), родоначальник князей Урусовых	22
29	Нехош-мурза	23
30	Дослей-мурза, после крещения князь Семеон Владимирович	25
31	Мавлеш-мурза	26

<i>VII поколение</i>		
32	Кан-мурза	28
33	Яр-Араслан-мурза	28
34	Сатый-мурза	28
35	Байтерьяк-мурза	28
36	Касим-мурза	28
37	Кобеш-мурза	28
<i>VIII поколение</i>		
38	Кумыш-мурза	32
39	Яндан-мурза, князь Борис Канмурзич (? — 1610)	32
40	Бий-мурза	32
41	Аслан-мурза	32
42	Урак-мурза, после крещения Петр Арасланович	33
43	Зарбек-мурза, после крещения князь Александр Арасланович	33
44	Сафук-мурза	33
45	Янсох-мурза, после крещения Иван Арасланович	33
46	Сулеш-мурза	33
47	Бирюч-мурза	33
48	Ботырга-мурза	33
49	Одильша-мурза	33
50	Казий-мурза	34
51	Касим-мурза, после крещения князь Андрей Сатыевич Урусов (1585—1647)	34
52	Алхан-мурза	34
53	Юнум-мурза	34
<i>IX поколение</i>		
54	Князь Василий Петрович	42
55	Князь Семен Андреевич (1610—1657)	51

Примечание

Текст родословной составлен на основе материалов из следующих публикаций: Дворянские роды Российской империи. 1721—1917.— Т. 3. Князья.— М.: Ликоинвест, 1996.— С. 111—115.

РОД КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ

<i>I поколение</i>		
1	Юсуф, владыка и князь (Был убит своим братом Исмагиль-мирзой в междоусобной войне 1556 г.— М. А.)	

<i>II поколение</i>		
2	Юнус-мурза (? — 1561(?) 10 мая) (Жил в Казанском ханстве, по всей видимости, в крепости Юнусова на реке Меша, ныне села Юнусовка Пестречинского р-на РТ.— М. А.). Умер в Москве, похоронен в Сарайчуге	1
3	Иль-мурза	1
4	Ибрагим-мурза	1
5	Сююнбека (Сююмбике), царица казанская	1
6	Ак-мурза	1
7	(Неизвестная)	1
<i>III поколение</i>		
8	Чинь-мурза	3
9	Сеюш-мурза, умер в 1656 г.	3
10	(Неизвестная)	3
11	Сеюш-мурза	4
12	Утемиш-Гирей (1546—1566 гг., 11 июня), в 1553 г. малолетний мальчик-хан был насильно крещен в Москве и получил имя Александр Сафа-Гиреевич.— М. А.)	5
<i>IV поколение</i>		
13	Кореп-мурза	8
14	Иштерек-мурза	9
15	Джан или Ждан-мурза	9
16	Акас-мурза	9
17	Абдулла-мурза, в св. крещении князь Дмитрий Сеюшевич, умер в 1694 г. Жена Катерина Яковлевна Сумарокова	9
18	Ислам или Слам-мурза	9
19	(Неизвестная)	9
20	Ибрагим-мурза, в крещении князь Никита Сеюшевич	11
<i>V поколение</i>		
21	Би-мурза, в св. крещении князь Иван Корепович	13
22	Хан-мурза, в св. крещении Иван	15
23	Бай-мурза	15
24	Сендег-мурза, в св. крещении князь Петр	16
25	Ай-мурза	16
26	Князь Иван Дмитриевич	17
27	Князь Матвей Дмитриевич	17
28	Князь Григорий Дмитриевич, умер в сентябре 1731 г. Его жена Анна Никитична	17

29	Князь Шань	20
30	Князь Василий Большой	20
31	Князь Леонтий, бездетный	20
32	Князь Федор	20
33	Князь Андрей	20
34	Князь Василий Меньший	20
	<i>VI поколение</i>	
35	Князь Семен, бездетный	21
36	Князь Михаил Матвеевич	27
37	Князь Борис Григорьевич (? —1759). Его жена Ирина Михайловна Зиновьева	28
38	Князь Сергей Григорьевич	28
39	Прасковья Григорьевна	28
40	Князь Григорий Григорьевич, его первая жена — княжна Евдокия Никитична Шаховская, вторая супруга — княжна Мария Петровна Коркодинова	28
41	Князь Василий	30
42	Князь Борис	30
43	Князь Петр	30
44	Князь Иван	30
45	Князь Иван	34
	<i>VII поколение</i>	
46	Елизавета	37
47	Александра	37
48	Анна	37
49	Князь Николай Борисович. Его жена Татьяна Васильевна Потемкина, принцесса Энгельгардская, умерла в 1841 г.	37
50	Евдокия Борисовна (бездетная, скончалась в 1780 г.). Герцогиня Курляндская, ее муж Петр Владетельный, герцог Курляндский	37
51	Князь Александр	41
52	Князь Стефан	41
53	Князь Алексей	41
	<i>VIII поколение</i>	
54	Князь Николай Николаевич (умер в младенчестве)	49
55	Князь Борис Николаевич (умер в октябре 1825 г.). Первая жена — княжна Прасковья Павловна Щербатова, вторая жена — Зинаида Ивановна Нарышкина.	49

ШЕДЖЕРЕ ПОТОМКОВ СЮЮНДЮК-МИРЗЫ

Выходцы из рода мурзы (мирзы) по имени Сююндюк дисперсно проживают среди татарского народа на широких просторах Волго-Уральского региона. В советский период иметь исторически известную фамилию было опасным, и многие ее представители, желая скрыть принадлежность к ней, стали носить фамилии, производные от имени других предков. До сих пор еще встречаются носители фамилии Сююндюк в трансформированной форме — Сундуковы, в том числе ветеран Великой Отечественной войны Габдельбари-ага, проживающий в Казани.

В русских документах XVI–X вв. представителей из рода мирзы Сююндюка под фамилиями Сююндуков, Хозяшев, Аширов встречается достаточно много. Из материалов исследователя истории татарских мурз Ильдуса Габдуллина следует, что в документах 1700—1730 гг. в документах аулов Каргалы, Бакай, Усман вдоль реки Урал (относящихся, соответственно, к Белебеевскому, Бугульминскому, Чистопольскому уездам) и вдоль Сибирской дороги Олыгыш, в д. Элшай (Элчэй) на берегу реки Дим в Уфимском уезде упоминалось о представителях рода Сююндюк-мирзы¹.

Историю шеджере Сююндюк-мирзы можно считать в некоторой степени изученной². Однако в опубликованном труде история рода ограничивается Мэскэу-мирзой, проживавшим в середине XVII в. в деревне Хаерби. Более ранние сведения отсутствуют.

В последние годы краевед Р. Залялиев (1927—2004) провел большую исследовательскую работу и собрал материал из архивов о роде Сююндюка и его потомках. Разумеется, документ о шеджере с указанием более ранних предков рода существовал и раньше, но был потерян среди документов, сданных в 1840 г. в судебные инстанции³. О роде Сююндюк-мирзы имеются богатые письменные документальные источники. Они были опубликованы в Москве и в Казани в отдельных сборниках исторических документов конца XVI, XVII, XIX вв., собранных из государственных архивов. Текст шеджере был составлен в результате их изучения.

Судя по документам, самый дальний предок рода Сююндюк-мирза, жил в середине XVI в. У потомков рода Сююндюк-мирзы, проживающих в д. Тау Иле (Тат. Ходяш) Пестречинского района Татарстана, сохранилось предание, что их далекие предки жили в

¹ Габдуллин Ильдус. Татар морзалары // Идел.— 1996.— № 8.— 37 б.

² Зәбиров Габделхак. Максуд баба һәм Максудилар.— Казан: Татар. кит. нәшр., 2000.— 159 б.

³ Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. Татарская АССР. Материалы по истории Татарии 2-й пол. XIX в. Часть первая.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.— С. 73.

ауле Ботак. О достоверности данного факта можно судить по найденным Ильдусом Габдуллиным письменным документам, свидетельствующим о переселении Сюндюковых, проживающих в Уфимской губернии, из аула Ботак Темниковского уезда. Сейчас Темников является административным центром в Мордовской республике. Его татарское название — Тюмень. Основали Тюмень татары Золотой Орды. Бесспорно и то, что они также основали известный в Тюменском уезде д. Бутак. Эта мысль обосновывается в некоторых исторических документах. В настоящее время в Мордовии деревни с названием Ботак не существуют, однако в Темниковском районе известна русская деревня под названием Сюндюк (Сюндюково).

Сохранились документы о связях в 1489—1549 гг. между мурзами Ногайской Орды и Московским княжеством¹.

Послы из Ногайской Орды прибыли в Москву 24 октября 1535 г.² Среди них упоминаются имена Сюндюк-мурзы и Бутак-мурзы, происходивших из рода Идегея. Сам Сюндюк был сыном Саид-Ахмета (Шейдяк) и внуком мурзы Мусь³. В том, что Сюндюковы были мурзами и принадлежали к роду Идегея, нет сомнения, поскольку звание мурзы наследовалось, а не передавалось как тарханство со стороны правителей (Сюндюк-мурза ехал для выполнения поручений брата отца Султанай-мирзы. Надо отметить, что Шейдяк-мирза был братом Юсуфа-мирзы, погибшего в 1556 г.).

В старинных документах зафиксированы факты, свидетельствующие о службе Сюндюк-мирзы. Видимо, он был посредником в делах, касающихся Москвы и Ногайской Орды⁴. В одном из документов 1535 г. говорится о распространении среди народа известия, что он якобы был убит на дороге казаками из г. Городца (Касимова), возможно, при исполнении служебных обязанностей. Сохранилось письмо Сюндюка, в котором он называет своего отца Саид-Ахмета (Шейдека) «князем» и просит у правительства Ивана IV, по старой традиции, подарков⁵. После завоевания в 1552 г. Казанского ханства, часть его земель была также передана татарам, находившимся на службе в Москве. Среди них был сын Сюндюк-мирзы — Хузяш на Нагорной стороне Волги. В этих краях Хузяш поселился в основанном им ауле, назвав его своим именем. В настоящее время там проживают русские, объединившие общины двух деревень — Б. Ходяш и М. Ходяш (Зеленодольский район).

¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489—1549 гг.— Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995.

² Там же.— С. 162 — 163с.

³ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды.— М.: Вост. лит-ра РАН, 2001.— 656 с.

⁴ Посольские книги...— С. 129.

⁵ Там же.— С. 205.

Рядом с ними находится небольшая татарская деревня Тау Иле. Воевода Свияжского уезда отобрал (в 1572—1574 гг.) земли, принадлежавшие Хузяш-мирзе и татарам деревень Хузяш и Бишбатман в пользу Богородицкого монастыря и выгнал из них татарское население¹. Из фактов видно, что на Нагорной стороне основался не Сююндюк, а его сын Хузяш Сююндюков.

Хузяшу, после изъятия его земель, было разрешено в 1592 г. на дороге вдоль Лаиша держать кабак (винный магазин)². Сам он до 1602 г. проживал в д. Малая Сия (сейчас, видимо, д. Малая Сая в Высокогорском районе)³. Сын Хузяша Сююндюкова Ишэй в 1602 г. проживал в д. Тау Иле, основанной на месте ранее исчезнувшего поселения⁴. У него была жалованная земля также в д. Насыр. Деревня Тау Иле по-русски именовалась Тат. Ходяш. Это название говорит в пользу владельца и основателя деревни (отца Ишэя, Хузяша Сююндюкова). Ишэй-мирза также владел кабаком по Ногайской дороге (Лаеш), доставшимся ему от отца⁵. Есть свидетельство, что он имел право владения кабаком в 1596 г. (По видимому, Московское государство старалось постоянно менять владельцев жалованных мурзам земель.) В 1619 г. он был феодалом в д. Казак Чаллысы, ныне относящейся к Рыбнослободскому району Республики Татарстан⁶. Второй сын Хузяша Мэскэу-мирза также получил документы о том, что он является владельцем большого имущества.

По документу, выданному ему, он в 1636 г. держал мельницу, построенную на берегу реки Норма⁷, по дороге в д. Зюри. Также известно, что он имел кабак в 1641 г. на берегу речки Коркачык (ныне д. Куркачи Высокогорского района). В том же году он владел землями в д. Княжа (ныне Пестречинский район), доставшимися по наследству от его покойного дяди. Третий сын Хузяша Йэмэй, будучи мурзой, стал «служилым татаринном». Он сдал русскому воеводе своего брата, богатыря Янгали — руководителя освободительного движения татар в 1609—1618 гг., связав ему руки и ноги⁸. Йэмэй, сын Хузяша, в 1633 г., будучи на службе у царя, скончался

¹ *Ермолаев И. П.* Казанский край во второй половине XVI—XVII вв.— Изд-во Казан. ун-та, 1980.— С. 20, 21, 23.

² Там же.— С. 39.

³ Писцовая книга Казанского уезда 1602 — 1603 годов.— Изд-во Казан. ун-та, 1978.— С. 87.

⁴ Там же.

⁵ *Ермолаев И. П.* Казанский край...— С. 82.

⁶ Там же.

⁷ Документы по истории Казанского края. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990.— С. 113.

⁸ Там же.— С. 109.

недалеко от города Смоленска. Дети батыра Янгали — Урэкай, Ижбулат и Айтуган, умолчав о судьбе своего отца, возвратили себе в административном порядке земли-усадыбы, данные Йэмэю их отцом¹. Однако оба сына Йэмэя — Уразгилде и Чируче — отобрали их земли обратно. Власти арестовали Ижбулата и Айтугана и отправили в Великий Новгород. Другой сын Янгали, Урэкай, остался на родине. Сохранилось также шеджере потомков Урэкайя. Поэтому их шеджере должно рассматриваться как принадлежность рода Сююндюковых. Из числа детей Хузяша в истории более широко известно имя Мэскэу-мирзы. Он прожил длинную жизнь и был известной личностью в округе Казани и среди татар. К примеру, в воззвании 1670 г. Степана Разина и Хасана Карачурина к татарам среди самых уважаемых людей упоминалось также и имя Мэскэу-мирзы². Во времена Петра I началась борьба за ликвидацию класса татарских дворян — мурз. Класс татарских дворян-мурз, владевших определенным имуществом, являлся основным препятствием на пути разрушения традиционной культуры и социальной структуры татар и служил опорой, оберегающей нацию от уничтожения. Русская администрация на пути к своей цели начала борьбу с классом татарских дворян. Мурзам предстояли тяжелые испытания — насильственная христианизация, экономические ущемления, самоуправство административной и юридической власти.

В татарском обществе в условиях беззакония появились люди с проснувшимися хищническими амбициями, что вызвало и усилило противоречия внутри общины. Становится очевидным явление обращения в рабство беззащитных людей, их свободная продажа. Один из таких случаев приводится в судебном документе 1797 г. по поводу служилого татарина Нияза Шигаева из деревни Тау Иле (Тат. Ходяш)³. Данный документ считается в настоящее время уникальным, достоверным документом по последовательности изложения поколений XVII, XIX вв. в шеджере рода Сююндюковых. Татарские метрические записи XIX в. служат источником, связующим поколения, проживавшие в более ранние периоды, с их современными представителями. На основе данной системы источников было восстановлено почти утерянное наследственное шеджере татар. Шеджере, как и другие татарские старинные родословные, раскрывают связь с народом Ногайской Орды и являются частью общенациональной этнической истории.

¹ Документы по истории Казанского края. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. — С. 109.

² Источники по истории Татарстана (XVI—XVIII вв.). — Казань, 1994. — С. 23—24.

³ Научная библиотека Казан. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Отдел редких книг и рукописей. — Ед. хр. № 1314 (док. 1797 г.).

Из рода Сююндюк-мирзы в XIX—XX вв. вышли такие известные не только татарскому народу, но и всему тюркскому миру видные деятели, как Ахметхади Максуди, Садри Максуди, Адила Аида.

**Сводная таблица родословной Сююндюк-мирзы,
составленная Рашитом Залялиевым
на основе опубликованных источников
и архивных материалов¹**

	<i>I поколение</i>	
1	Идегей-мангыт (1352—1419)	
	<i>II поколение</i>	
2	Морадын-мирза (? —1440)	1
3	Мансыр-мирза	1
	<i>III поколение</i>	
4	Вакказ-мирза	2
	<i>IV поколение</i>	
5	Муса-мирза	4
6	Ямгурчи-мирза	4
7	Аслан-мирза	4
	<i>V поколение</i>	
8	Шихим (Шаех-Мухеммет)-мирза	5
9	Шаех-Мамай-мирза (? —1549)	5
10	Кутум-мирза	5
11	Дусуб-мирза	5
12	Йусуф-мирза (? —1556)	5
13	Ак-мирза	5
14	Шайдак (Саид-Ахмет)-мирза	5
15	Исмагиль-мирза (? —1563)	5
16	Султанай-мирза	5
	<i>VI поколение</i>	
17	Юнус-мирза	12
18	Ибрагим-мирза	12
19	Сююндюк-мирза	14
20	Джаукачти-мирза	14
21	Мамай-мирза	14

¹ О роде князей Юсуповых. Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним Российских государей... Часть первая.— СПб., 1866; Часть вторая.— СПб., 1867; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды.— М.: Изд-во вост. лит., 2001.

	<i>VII поколение</i>	
22	Хузьяш-мирза (1572, 1592, 1602)	19
	<i>VIII поколение</i>	
23	Ишай-мирза (1596, 1602, 1619)	22
24	Бальш-мирза	22
25	Йамай-мирза (? — 1633)	22
26	Ахман-мирза	22
27	Мэскэу-мирза (1636, 1670)	22
28	Килмамет-мирза	22
	<i>IX поколение</i>	
29	Кулбай	23
30	Тулбай	23
31	Уразгильди (1638)	25
32	Чиручи (1638)	25
33	Урмамет	26
34	Агиш (1646)	26
35	Иштиряк (1646)	26
36	Ишкай (1648)	26
37	Абраим (1653)	27
38	Габдельфарук (1653)	27
39	Ахмамет (1653)	27
40	Ярмак (1685)	27
41	Узмамет	28
42	Шаехмамет	28
43	Туктагул (1648)	?
44	Смаил (1648)	?
	<i>X поколение</i>	
45	Бегин	34
46	Сагит	35
47	Биктимер (1707)	40
48	Иштиряк (1685)	40
49	Урмамет	40
50	Мамет	40
51	Баки Измайлов (1690)	44
52	Кильмамет	47
53	Сулейман (1763)	47
54	Аит (1763)	47
55	Кашка	47
	<i>XI поколение (по данным III ревизии)</i>	
56	Ибрай (1763)	52
57	Мургаза (1727— ?)	52

58	Максут	53
59	Кази-хаджи	54
60	Смаиль	55
	<i>XII поколение</i>	
61	Биктимер (1780 — 1852)	57
62	Ашир	60
	<i>XIII поколение</i>	
63	Габдрахим (1805—1865)	61
64	Хайбулла (1813— ?)	61
65	Салих (? —1798)	62
66	Мухамметамин (1797)	62
67	Ахмер	62
68	Юсип	62
	<i>XIV поколение</i>	
69	Исмагиль (1829— ?)	63
70	Исхак (1831 — ?)	63
71	Фахретдин (1838 — 1908)	63
72	Гайнулла (1849 — ?)	63
	<i>XV поколение</i>	
73	Гайнетдин	71
74	Гарафетдин	71
75	Мингазетдин	71
76	Багаветдин (1879—1956)	71
77	Саляхетдин (1880—1937)	71
78	Залялетдин (1890—1963)	71
	<i>XVI поколение</i>	
79	Ахметвали	76
80	Гильметдин	76
81	Хазиахмет	76
82	Гусман	76
83	Загретдин	77
84	Нуретдин	77
85	Аюп	77
86	Гумер (1921—1945)	78
87	Рашит (1927—2004)	78
	<i>XVII поколение</i>	
88	Василь	82
89	Ибрагим	83
90	Рим	83
91	Ринат	83
92	Наиль	84
93	Ильдар	84

94	Равиль	84
95	Рафис	87
	<i>XVIII поколение</i>	
96	Ибрагим	90
97	Рамиль	92
98	Ринат	94
99	Рустем	94
100	Булат	95
	<i>XIX поколение</i>	
101	Айдар	97

**Родословная потомков Сююндюк-мирзы по списку,
составленному Габдельхаком Забировым¹**

	<i>I поколение</i>	
1	Мэскэу	
	<i>II поколение</i>	
2	Булат	1
	<i>III поколение</i>	
3	Атнагул	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Курбангали	3
	<i>V поколение</i>	
5	Мансур	4
6	Мансур	4
7	Максуд, жил в д. Кульбаши, умер в 1740 г.	4
8	Мамдух	4
9	Махуб	4
	<i>VI поколение</i>	
10	Заялетдин, жил в д. Уразлы, затем уехал в г. Уфу	7
11	Шамсетдин, жил в д. Шипшык	7
12	Гайнетдин, жил в д. Ташсу	7
13	Тазетдин, был имамом и кази в д. Кульбаш	7
14	Шарафетдин, жил в д. Караужа	7
	<i>VII поколение</i>	
15	Низаметдин, имам д. Ташсу	12
16	Сарвизямал (1849—1932), жила в д. Шипшык	12
17	Бадриямал (1852—1899), жила в д. Сая	12

¹ Национальный архив Республики Татарстан: — Ф. 1061.— Оп. 1.— Ед.хр. 1; Ревизские сказки 1834 г.: Ф. 3.— Оп. 2.— Ед.хр. 48.— Л. 250—268; Ревизские сказки 1850 г.: Ф. 3.— Оп. 1.— Ед.хр. 14838.— Л. 13—17, 20—550.

18	Хуснетдин (1854—1917), жил в д. Ташсу	12
19	Мухамметзян (1856—1919), жил в д. Ташсу	12
	<i>VIII поколение</i>	
20	Ахмет Хади (1868—1941)	15
21	Саляхетдин (1868—1849)	15
22	Масфуфа (1872—1932), жила в д. Асана, переехала туда из г. Казани	15
23	Садретдин (1879—1957)	15
24	Маншуря (1885—1940), жила в д. Алаты	15
25	Кашифа (1880—1918), жила в Алатах	17
26	Шарафкудес (1889 — 1972)	17
	<i>IX поколение</i>	
27	Фатыма и Галия (1897—1992)	20
28	Харун (1899—1981)	20
29	Шафика (1903—1989)	20
30	Хашим (1905—1988)	20
31	Бахрамия (1920— ?)	20
32	Бадретдин (1897—1976)	21
33	Фахира (1901—1983)	21
34	Сабира (1906—1987)	21
35	Разия (1910—1991)	21
36	Амина (1896—1932)	22
37	Габдельбар (1901—1984)	22
38	Халима (1905)	22
39	Габдельхак (1908)	22
40	Гадиля (1910—1993), жила в г. Анкаре, историк	23
41	Наиля (1914—1990), жила в г. Истамбуле	23
42	Набиха (1913—1914)	24
43	Галлям (1919— ?)	24
44	Галия (1901— ?)	25
45	Габдрахим (1906—1942), г. Казань	25
46	Габдрахман (1911), г. Казань	25
47	Марзия (1914), г. Казань	25
48	Рауза (1909—1977), г. Казань	26
49	Лукман (1911—1941), г. Казань	26
50	Фаридун (1913—1978), г. Казань	26
51	Харун-Рашит (1922)	26
	<i>X поколение</i>	
52	Бахрамия (1925), г. Зеленодольск	44
53	Шавкат (1929), г. Зеленодольск	44
54	Фуат (1936, г. Зеленодольск	44

55	Гульшат (1939), г. Казань	46
56	Асия (1979), г. Казань	46
57	Рустем (1952), г. Казань	46
58	Роберт (1937), г. Казань	47
59	Равиль (1948), г. Казань	47
60	Ринат (1948), г. Йошкар-Ола	48
61	Фардана (1936), г. Казань	48
62	Лейля (1938), г. Казань	48
63	Равиль (1945), г. Казань	48
64	Шамиль (1957—1969), г. Казань	48
65	Флюра (1937), г. Казань	50
66	Фарит (1939), г. Казань	50
67	Гузель (1951), г. Казань	50
68	Алсу (1951), г. Казань	50
69	Рамиль (1951), г. Казань	51
70	Равиль (1956), г. Казань	51
	<i>XI поколение</i>	
71	Рафаэль (1956)	53
72	Гузель (1959)	54
73	Леля (1964)	54
74	Эльмира (1958)	55
75	Луиза (1961)	55
76	Зулейха (1971)	55
77	Раушания	56
78	?	56
79	Эдвард (1970)	58
80	Руслан (1972)	58
81	Зульфифа (1956)	61
82	Бари (1958)	61
83	Шамиль	61
84	Гульнара (1966)	62
85	Гузель (1966)	63
86	Эльмира (1972)	63
87	Альбина (1974)	67
88	Руслан (1956)	69
89	Ринат (1956)	69
	<i>XII поколение</i>	
90	Элина (1987)	81
91	Альбина (1987)	82
92	Диана	85

**Родословная потомков Сююндюк-мирзы
по списку профессора Габдрахмана Тагирджанова¹**

	<i>I поколение</i>	
1	Урэки (Урэкай)	
	<i>II поколение</i>	
2	Юлбарс	1
	<i>III поколение</i>	
3	Багдан	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Султан	3
	<i>V поколение</i>	
5	Габдрафик	4
6	Гумар	4
	<i>VI поколение</i>	
7	Бикташ	5
8	Амир	6
	<i>VII поколение</i>	
9	Биктахир	7
10	Мирзабик	7
11	Назир	8
12	Ахтям	8
	<i>VIII поколение</i>	
13	Гимадетдин	9
14	Вагаб	10
15	Мухаммадиша (Мадыш), его жена Бадри	10
16	Фахри	11
17	Наджми	11
18	Садик, у него были две жены: Хабиба татай и Бадри татай	12
19	Шамсия (жила в Починках)	12
20	Биби	12
21	Гафифа (жена Батырши)	12
22	Фагила (с. Биябаш)	12
23	Фархана (с. Шемяк)	12
24	Зиннур	12
25	Сафа	12
	<i>IX поколение</i>	
26	Габдрахман	13
27	Мэннаф	14
28	Габдельхалик	14

¹ Хранится в отделе рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Хранилище: Ф. 99.— Оп. 1.— Ед. хр. 273.

29	Ахмадиша	15
30	Шавали	15
31	Зиганша (его жена Асма)	15
32	Садри (его жена Фахерниса)	16
33	Васифа (с. Ябалаково)	17
	Дети Садика, рожденные от Хабибы	
34	Сахибджамал	18
35	Нургали	18
36	Насих	18
	Дети Садика, рожденные от Бадри	
37	Тахирзян	18
38	Шакирзян	18
39	Хаербанат	18
40	Гыйматдин	19
41	Фаттах	19
42	Шахгаллям	19
43	Махикамал	19
44	Захида	19
45	Шамсенур	19
46	Закира	20
47	Хамматрахим	20
48	Хаерниса	20
49	Камария	20
50	Майсуфа	21
51	Махмуда	21
52	Зыятдин	22
53	Хабибулла	23
54	(дочь)	23
55	(дочь)	23
56	(дочь)	23
57	(дочь)	23
58	Гимадетдин	24
59	Хайрулла (его жена Махмуда)	25
	<i>X поколение</i>	
60	Халим	26
61	Каюм	26
62	Габдельхак	26
63	Самат	26
64	Ибрагим	27
65	Исхак	28
66	Наиля	28
67	Рахматулла	29

68	Халилулла	29
69	Фахрельниса	29
70	Кашшаф	29
71	Джалаялетдин (его жена Бадрижиган)	32
72	Камалетдин	32
73	Бахаветдин	32
74	Фатих	33
75	Маузюда	34
76	Минлевали	34
77	Хаялетдин	34
78	Марвар	36
79	Хатип	36
80	Габдулла	37
81	Габдрахман Тахирджанов (1907—1983)	37
82	Хуснуруй	37
83	Рабига (ее муж Нурулла)	37
84	Заки (его жена Гульсум)	37
85	Талха (его жена Асма)	37
86	Газимзян (его жена Мафруза)	38
87	Нурзида	38
88	Галимзян	38
89	Гульсум (ее муж Сабирджан)	39
90	Габдулла	41
91	Габдельяхат	41
92	(дочь)	43
93	(дочь)	43
94	Бари	46
95	Салих	47
96	Каюм	50
97	Мафтуха	52
98	Гайфулла	59
99	Мунира	59
100	Халиулла	59
101	Хабибулла (его жена Галия)	59
	<i>XI поколение</i>	
102	Халиса (с. Ябалак)	71
103	Латифа (с. Ябалак)	71
104	Фарит	71
105	Рузания	71
106	Мунир	71
107	Гульджихан	72
108	Саляхетдин	73

109	Камаретдин	73
110	Хусниджан	74
111	Джиханша	74
112	Фарит	80
113	Галия	80
114	Мухаммет	81
115	Асия	81
116	Хинд	82
117	Масгуда	82
118	Дильбар	83
119	Наджия	84
120	Сания	84
121	Равия	84
122	Равиль	84
123	Нурия	85
124	Рузия	85
125	Альфия	85
126	Наиля	85
127	Рушания	86
128	?	89
129	Султания	101
130	Муршида	101
131	Мукаррама	101
132	Сабира	101
	<i>XII поколение</i>	
133	?	103
134	Руслан	112
135	Галия	112
136	Айтуган	116
137	Гузель	116
138	Фарит	117
139	Светлана	118
140	Василя	118
141	Люция	118
142	Рустем	120
143	Оксана	121
144	Гульнара	121
145	Анжела	1222
146	Эльфир	125
147	Гульшат	129
148	Миляуша	131
149	Ренат	131

Примечание

Урэки (Урэкай)-мирза был сыном Йанали (Янгали)-мирзы Илмамета, руководителя национально-освободительной борьбы в 1609—1618 гг., начавшейся на Нагорной стороне и охватившей территорию расселения татарского народа от Казани до Нижнего Новгорода. В Нагорной стороне и в Заказанье род Йанали-мирзы Сююндюкова известен широко. Он занимал земли д. Урмат. В 1617 г. Йанали-мирза был схвачен Йэмэй-мирзой Хужашевым и привезен в Казань. Царь Михаил Федорович отнял у Йанали-мирзы его усадьбу, земли и передал их Уразгилде и Чиручи, сыновьям Йэмэй-мирзы, выдавшего ему Йанали, и закрепил этот факт грамотой от 14 декабря 1638 г. Йанали (Янгали), как было уже отмечено, имел трех сыновей, которых звали Урэкай (Урэки), Ижбулат, Айтуган (Битуган?). Сам Йэмэй-мирза Хужашев погиб в 1633 г. во время военных сражений в период службы в Смоленске.

Основной экземпляр шеджере хранится в семье профессора Габдрахмана Тагирджанова. Список с его рукописи, выполненный в арабской графике, был скопирован 1 июня 1986 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Родословная, судя по тексту документа, была переписана или составлена отцом профессора Г. Тагирджанова — Тагирджаном Садыковичем Эхтэми в начале XX в.

В его рукописи приводится следующее примечание:

«Родословная

Раньше наш аул назывался Починок Урэки (починок — по-русски маленькая деревня). Позже стали называть Мирзалар (подразумевая Урэкай-мирзу).

Урэки-мирза, испугавшись насильственного крещения, бежал из аула Макыл и поселился здесь.» В этом примечании есть еще одна ценная информация, свидетельствующая о бегстве Урэкай-мирзы из аула Макыл. Насколько нам известно, Макыл является старинным названием современных деревень Татарское Макулово и Русское Макулово в Верхнеуслонском районе Татарстана. Эти деревни расположены недалеко от сел Большое Ходяшево и Малое Ходяшево Зеленодольского района Татарстана.

О проживании в д. Татар Макылы мурз из рода Идегея упоминается в тексте статьи К. Галимова и Ф. Бадретдиновой «Макыл ауылы», опубликованной на страницах журнала «Мирас». В частности, в д. Макыл в 1682 г. были приобретены земли для Туйма (Туйкэ?) и Ибрагима, детей Гали-мирзы из д. Макыл, сына Ишэй-мирзы¹.

Известно, что в д. Макыл еще с XVI в. проживал род мурз Макыл. Крещеные мурзы по фамилии Макуловы жили в Краснослободском уезде Пензенской губернии, Свияжском уезде Казанской губернии, в Белебеевском уезде Уфимской губернии². Представители рода Макуловых, сохра-

¹ Галимов К., Бадретдинова Ф. Макыл ауылы // Мирас.— 2001.— № 8.— С. 153—155; Бадретдинова Ф., Галимов К. Авылларыбыз тарихыннан. Татар Макылы шәжәрәсе // Дин вә әдәп.— Казан.— 1999.— Октябрь.— 18—23 б.

² Габдуллин Илдус. Татар морзалары // Идел.— 1996.— № 4.— 52 б.

нивших мусульманскую веру, проживали в Свяжском уезде. В дальнейшем необходимо продолжить изучение и составление родословной ветви мирзы Макыла из рода Сююндюка, представляющей научный интерес.

История рода Сююндюк-мирзы, продолжающаяся 600 столетий, отражает жизнь татар на широком пространстве — от Темникова до Урала. Материалы по роду Сююндюка (Идегей би) являются одним из наиболее интересных источников по истории татарского народа.

РОДОСЛОВНАЯ ТЮМЕНЬ-БАБЫ

Родословная татар из с. Азимова Апастовского р-на Республики Татарстан связана (по нашему мнению — М. А.) с выходцами из Темникова. Родословная впервые была издана в 1996 г. в журнале «Мирас» (№ 10. С. 143—144). Позже эта родословная вошла в книгу Г. Хафизова «Деревня Азимова. Историческая страница» (Казань, 2003). В этой публикации есть сведения о 9 поколениях:

	<i>I поколение</i>	
1	Тюмень (1490—1553)	
	<i>II поколение</i>	
2	Алька (Альмухаммет) (1532—1599)	1
	<i>III поколение</i>	
3	Ямки (Ярмухаммет) (1562—1629)	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Ибрай (Ибрагим) (1600—1671)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Абдуррахим-мулла (1635—1700)	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Мурадым-мулла (1776—1845)	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Салих-мулла (1800—1879)	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Сагетдин-мулла (1830—1900)	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Хафиз	8
10	Кави	8
11	Бадридзамал	8
12	Фахерли	8
13	Гимади	8
14	Галяү	8

Примечание

В своей публикации Г. Хафизов придерживается болгарской точки зрения происхождения этой фамилии, однако текст документа не выдерживает испытания на критику.

Во-первых, родословная с болгарских времен, как видно из истории текста, дошла до нас лишь в устной форме, и если бы была в письменной форме, то требовалось бы наличие в тексте не менее 40 поколений, а их всего 9. Девять поколений отражают хронологический период лишь с конца XVII в.

Основателем рода является Тюмень-баба. По нашему глубокому убеждению это не антропоним. Тюмень-баба указывает на прародину, откуда появился данный род в селе Азимово. Эта точка зрения убедительна тем, что во многих районах между Волгой и Уралом проживало немало людей, связанных с Темниковым, в том числе и в районах Горной стороны правобережья Волги, где были расселены многие выходцы из Темникова и Касимовского района.

Фамилии, образованные от антропонима Тюмень, встречаются и поныне у касимовских татар Рязанской области. Тюменевы до сих пор проживают в Казани, Средней Азии, Казахстане. В первой четверти XVIII в. в починке Янгильдина жили служилые татары — братья Улкей, Исмаил и Абдурахманко Тимофеевы, дети Янадеревы. При оформлении документа о продаже земли они подписались как Улки Тюменев, Смаил Абдрахмен, Тюменевы дети¹. Налицо использование двух фамилий одновременно — Тимофеевы и Тюменевы, причем последняя из них является явно родовой. Тем более, что деревни Азимово и Янгильдино расположены по соседству (Апастовский район Татарстана).

Кроме того, потомки Тюменевых представлены более обширными и документальными описаниями в работе доктора экономических наук Касима Юсупова².

	<i>I поколение</i>	
1	Тюмень-би (1484)	
	<i>II поколение</i>	
2	Майкы-би (1520)	1
	<i>III поколение</i>	
3	Султан-би (1556)	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Ахсан-би (1592)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Арслан-би (1628)	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Тангрибирди (1664)	5

¹ История Татарии в материалах и документах.— Москва, 1937.— С. 179.

² *Йосыпов Касыим*. Тамырлар.— Уфа, 2006.— 70—74 б.

	<i>VII поколение</i>	
7	Исмагиль (Исай)	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Якуп (1736)	7
	<i>IX поколение</i>	
9	Сафаргали	8
10	Шагали	8
	<i>X поколение</i>	
11	Бикбай (1804)	9
12	Хабибулла (1805)	9
13	Асфандияр (1808)	9
14	Шаймухаммет	10
	<i>XI поколение</i>	
15	Салих (1831)	11
16	Ризван (1832)	11
17	Хусаин	11
18	Байбик	11
19	Бикмухаммет (1858)	11
20	Валимухаммет	11
21	Хасан	11
	<i>XII поколение</i>	
22	Низаметдин	15
23	Гамбара (1894—1980)	19
	<i>XIII поколение</i>	
24	Габдельбари (1907—1982)	22
25	Касим (1935)	23
	<i>XIV поколение</i>	
26	Гали	24
27	Ильдар	25
	<i>XV поколение</i>	
28	Гумер	26
29	Айдар (1989)	27

Согласно примечанию, предки этого рода переехали в Приуралье из селений Бутак и Гумница Тамбовской губернии Темниковского уезда¹. Из с. Бутак переехали на Восток и потомки Идея — мурзы Сююндуковы (т. е. выходцы из Ногайской Орды). Имя предка Майкы-бия встречается в татарских родословных несколько раз. До поступления на службу к московскому князю татары Ногайской Орды проживали между Волгой и Уралом. Следовательно, они перемещались лишь внутри своей родины.

¹ Йосыпов Касыйм. Тамырлар.—Уфа, 2006.— 70 б.

РОДОСЛОВНАЯ ЕНИКЕЕВЫХ,
ВЫХОДЦЕВ ИЗ ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА

В данной родословной будут перечислены известные предки рода Еникеевых и их потомков, наших предков.

Наш основной предок Хансуар Еникеев прожил свою жизнь и умер в д. Иди Темниковского уезда Тамбовской губернии. Его сын Башир Еникеев в 1756 г. во главе 60 хозяев переехал в Белебеевский уезд Уфимской губернии, и на берегу Каргалы они основали с. Новые Каргалы, оформив купчую на 18 тысяч десятин земли от Канглинских «башкир» той же губернии, того же уезда.

	<i>I поколение</i>	
1	Хансуар Еникеев	
	<i>II поколение</i>	
2	Башир Еникеев	1
	<i>III поколение</i>	
3	Хасан Еникеев	2
4	Ихсан Еникеев	2
	<i>IV поколение</i>	
5	Ахтям	3
6	Батбаттал	3
7	Кагарман	3
8	Искандер	3
9	Нариман Еникеев	3
10	Шагибек	4
11	Шагигаскар	4
	<i>V поколение</i>	
12	Ахметзян	5
13	Ахметгирей	5
14	Саетгирей	6
15	Мухамметгирей	6
16	Арслангирей	6
17	Минлебай	7
18	Мухаррям	7
19	Бекмухаммет	8
20	Исмагил	8
21	Мухармет	8
22	Абелькасым	9
23	Сафиулла	9
24	Шагимухаммет	11
	<i>VI поколение</i>	
25	Мухамметьяр	12
26	Нигматулла	12

27	Нигметзян	12
28	Хусаин	13
29	Шарафетдин	16
30	Хасан	17
31	Халиулла	17
32	Абубекир	17
33	Гумар	17
34	Хабибулла	18
35	Гайнетдин	18
36	Гали	20
37	Бекмухаммет	20
38	Минлегирей	20
39	Хасан	22
40	Акрам	24
41	Ислам	24
<i>VII поколение</i>		
42	Хамза	25
43	Фануз	25
44	Рауф	25
45	Идиятулла	26
46	Шамиль	26
47	Айдархан	27
48	Амирхан (1909—2000)	27
<i>VIII поколение</i>		
49	Рамиль	45
50	Резеда	48
51	Флера	48

Примечание

Рукописный список родословной сохранился в архиве писателя Амирхана Еники (1909—2000) в двух экземплярах. Один экземпляр списка нам подарила дочь покойного писателя Тюменева Резеда Амирхановна в 2004 г. Этот подлинник теперь хранится в Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ под шифром: Кол. 99.— Оп. 1.-ед. хр. 336^а. Родословная написана арабской графикой на татарском языке. Текст взят из подлинника.

РОДОСЛОВНАЯ МУЛЛЫ ТУХФАТУЛЛЫ САФАРОВА
ИЗ КОСТРОМЫ

<i>I поколение</i>		
1	Сафаргали, жил в Чумбалах, там и умер.	
<i>II поколение</i>		
2	Тимергали Сафаров, родился в 1642 г. в с. Чумбали (Алатырский уезд Тамбовской губернии). С 1672 г.	1

2	в течение шестидесяти лет служил имамом в с. Азеево Елатьминского уезда Тамбовской губернии. Умер в с. Азеево в возрасте 90 лет (1732 г.).	1
<i>III поколение</i>		
3	Яхья, сын Тимергали Сафарова, был мухтасибом в с. Азеево	2
4	Мулла Музаффар, сын Тимергали Сафарова, муэдзин с. Азеево	2
5	Мулла Ягуда, сын Тимергали Сафарова, стал имамом и ахуном вместо отца в с. Азеево. Прожил 78 лет, из них 50 лет служил имамом	
<i>IV поколение</i>		
6	Мулла Назир, сын муллы Ягуды, служил имамом в нижней махалле с. Азеево	5
7	Ахун, мулла Тухфатулла, сын муллы Ягуды, служил имамом и ахуном в городе Костроме	5
8	Мулла Бахтияр, сын муллы Ягуды, служил имамом в верхней махалле с. Азеево	5
9	Ахун, мулла Рахматулла, сын муллы Ягуды, стал имамом и ахуном вместо отца в средней махалле с. Азеево, умер в возрасте 59 лет. Место службы отца занял его сын Гисматулла	5
<i>V поколение</i>		
10	Мулла Хаджи-Ахмет, сын муллы и ахуна Тухфатуллы в г. Костроме	7
11	Мулла Мухамметвали, сын муллы и ахуна Тухфатуллы в г. Костроме	7
12	Мулла Ахмет-Зиятдин, сын ахуна, муллы Тухфатуллы в г. Костроме	7
13	Гисматулла, сын Рахматуллы, стал имамом и ахуном вместо отца	9
<i>VI поколение</i>		
14	После кончины Гисматуллы место имама и ахуна занял мулла Габдрахман, сын муллы Габдуллы-муэдзина, умер в 1890 г.	

От составителя родословной

Я, мулла Тухфатулла Сафаров, родился в 1822 г. в селе Азеево Елатьминского уезда Тамбовской губернии. Однако в 1847 г. переехал из с. Азеево в Костромскую губернию в посад и обучал в течение двух лет детей. В 1849 г. сдал экзамены для получения указа стать имамом и был признан достойным служить имам-хатибом и учителем. Этот мой указ был удостоверен Костромским губернским правлением. Далее вышел указ и приказ военного министра о назначении меня военным ахуном Москов-

ского военного округа. Это значило, что я должен обслуживать духовные потребности воинов-мусульман двенадцати губерний. За усердную и верную службу я был награжден тремя большими золотыми медалями, двумя большими серебряными и одной бронзовой медалями.

Военный конфликт в 1294 г. хиджры (1877/78 г.) между Россией и Османской империей привел к большим людским потерям. На стыке двух континентов области Рума у городов Никобул и Плевна турецкие войска потерпели поражение. Пленных турецких военных отправили в Кострому и Ярославль. Пленных насчитывалось до 3500 человек. Мы в те дни обслуживали духовные потребности пленных мусульман. За эти заслуги правители Османского государства наградили нас льготами при поездке в Мекку для совершения хаджа.

И еще в 1896 г. 6 апреля я посетил земли почтенной Бухары, 9 апреля, во вторник, выехали для посещения могилы святого Ходжа Багаветдина Накшбандия, в среду вечером добрались, переночевав, совершили паломничество на могилу знаменитого суфия.

Примечание

Тухфатулла Сафаров, судя по родословному списку, вернувшись в Кострому из поездки в Среднюю Азию, сумел издать свои записи, содержащие интересные и ценные исторические факты, отдельной книгой в Петербурге в Типо-литографии татарского издателя Ильяса-мирзы Бораганского в 1902 г., когда ему было 80 лет. Однако, согласно данным родословной, Тухфатулла Сафаров уже в 1890 г. не служил муллой. Его родословная интересна тем, что является единственным татарским письменным памятником о Костромской мусульманской махалле XIX в. Перевод текста сделан по печатной книге с некоторыми сокращениями (молитвы, пожелания, повторы), и текст приведен в строгой хронологической последовательности.

РОДОСЛОВНАЯ БУДАЛЕЯ¹

	<i>I поколение</i>	
1	Будалей	
	<i>II поколение</i>	
2	Акбирди	1
	<i>III поколение</i>	
3	Шаралай	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Кали	3
5	Мали (1680 г.)	3
6	Амин	3

¹ Миңлебаев К., Алимов З. Чынлы чишмэләре.— Казан: Татар. кит. нәшр., 2002.— 146—147 б.

	<i>V поколение</i>	
7	Габдесаттар	5
	<i>VI поколение</i>	
8	Ильгизар	7
9	Салих (1780—1839)	7
	<i>VII поколение</i>	
10	Залялетдин	9
11	Салимджан	9
12	Хабибулла	9
13	Таджетдин	9
	<i>VIII поколение</i>	
14	Загеретдин	11
15	Шарифзян	11
16	Шакирзян	11
17	Шигабетдин	11
18	Сафиулла	12
19	Мингазетдин	13
20	Сабирзян	13
21	Замалетдин	13
	<i>IX поколение</i>	
22	Хуззят	14
23	Шайхелислам	14
24	Насих	14
25	Габдрахман	15
26	Самат	15
27	Галимзян	15
28	Мирза	16
29	Зарифзян	16
30	Гадизян	16
31	Галимзян	18
32	Самигулла	18
33	Сибгатулла	18
34	Закир	19
35	Камалетдин	19
36	Шакирзян	19
37	Гарифзян	20
38	Фатих	20
39	Хабир	21
	<i>X поколение</i>	
40	Ирек	27
41	Игорь	27
42	Линар	27

43	Гади	35
44	Ибниамин	35
45	Мидхат	35
46	Самигулла	35
47	Каримулла	35
48	Рафинат	37
49	Фиркат	37
50	Шаукат	37
51	Ринат	37
52	Иршат	37
53	Гульшат	37
54	Шафик	38
<i>XI поколение</i>		
55	Дмитрий	41
56	Мурат	49
57	Радик	50
58	Рафик	50
59	Марат	54

Примечание

Родословная Будадея была составлена краеведами К. Миннибаевым и З. Алимовым на основе старинных генеалогических записей.

Потомки Будадея продолжают проживать и в наши дни в селе Малая Цильна Дрожжановского р-на Республики Татарстан. В целом жители селений Малая Цильна, Большая Цильна, Старое Шаймурзино и др. являются потомками выходцев-переселенцев из Темниковского уезда Тамбовской губернии. Все они были потомками мурз, живших в самом Темникове или в его окрестных деревнях (например, с. Бутак, основанное выходцами из Ногайской Орды, потомками Идегей-бия). Исследователь родословной князей Еникеевых Саид-мурза князь Еникеев при составлении своей монографии «Очерки истории татарского дворянства» использовал интересные архивные документы по истории темниковских мурз, особенно относящихся к фамилии Еникеевых. Согласно документам, род Еникеевых жил в 1-й пол. и сер. XVII в. в Темниковском уезде. Мурзы Еникеевы владели здесь поместьями. Однако в этот период в Московском государстве начинается процесс ограничения прав татарских мурз, проливавших кровь за сохранение и укрепление Московского государства. По этой причине часть представителей рода Еникеевых лишаются своих бывших имущественных прав.

Мурзы, лишённые земельных угодий, были вынуждены идти на поселение в приграничные районы Московского государства.

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ ЕНИКЕЕВЫХ¹

	<i>I поколение</i>	
1	Еникей	
	<i>II поколение</i>	
2	Кулунчак	1
3	Кобяк-мурза	1
4	Саббак-мурза	1
5	Ильмамет-мурза	1
6	Ишмамет-мурза	1
	<i>III поколение</i>	
7	Кельмамет-мурза	2
8	Аюкай-мурза Еникеев	4
9	Качукай-мурза Еникеев	4
10	Бегиш-мурза	5
11	Сафар-мурза	5
12	Мустафа-мурза	5
13	Сюналей-мурза	6
14	Тебердей-мурза	6
15	Акбулат-мурза	6
	<i>IV поколение</i>	
16	Бекбулат (? — 1639)	9
17	Касим (? — 1645)	9
18	Будалей-мурза	9
	<i>V поколение</i>	
19	Хансювар	18

В данной родословной нас интересует поколение Будалей-мурзы и его сына Хансювара. Составители родословной дальше Хансювара его потомков не представляют. Братья Будалея умерли в 1639, 1645 гг., а дата смерти его самого неизвестна. Однако, как видно из документов, Будалей-мурзы в 1657 г. уже не было в живых.

Наличие фамилии Сабукаева в родословной книге с. Малая Цильна, где Будалей также выступает как один из основателей села Малая Цильна², позволяет нам выдвинуть гипотезу, что основателями с. Малая Цильна и других селений Дрожжановского, Буинского и Тетюшского районов Татарстана были мурзы Еникеевы. Принадлежность многих знатных фамилий к сословию мурз в прошлом служит хорошим основанием нашей догадки.

¹ Дворянские роды Российской империи.— Т. 3. Князья.— М.: Ликом-инвест, 1996.— С. 144—147.

² Миңлебаев К., Алимов З. Чынлы чишмэләре.— Казан: Татар. кит. нәшр., 2002.— 175 б.

РОДОСЛОВНЫЕ ПРЕДКОВ С. НОВЫЕ ТИНЧАЛИ БУИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

«История с. Новые Тинчали», или родословный сборник села, был составлен писателем Касимом Биккуловым (1868—1937). Касим Биккулов при написании своего труда использовал генеалогические предания, списки родословных, древние акты, метрические книги. Он подходил к источникам критически. При написании истории своего села обязательно учитывал известия о происхождении соседних и родственных селений. Поселения этого района, согласно достоверным источникам, а также село Старое Шаймурзино (Дрожжановский район), были основаны выходцами из Тюмени (Темников. — М. А.).

У Касима Биккулова была копия документа, где упоминаются фамилии первых переселенцев и названия их поместий. Документ, первоначально составленный на русском языке, переписан татарской (арабской) графикой. Ниже приводим полный список основателей с. Новые Тинчали, сохраняя орфографию оригинала.

1. Исенейка Багданов, поместье Альмия, 9 четверть.
2. Сяндечка Сюняев, поместье Байсеида, 130 четверть.
3. Уразпахтейка Чупаев, поместье Таки.
4. Ишкена Кишмаев, поместье Ишкена Гали, 9 четверть.
5. Бикмухамметка Максимов (Мухсинов), поместье Чеби Джагфара.
6. Тукайка Бикбулатов, поместье Муртазы и Ягуды, 30 четверть.
7. Худайберди Чапкунов, поместье Габди и Айдара, в трех полях, 90 четверть.
8. Балматка Калмаев-Карсак, поместье Ишень, Субханкула, 30 четверть.
9. Акъегет Синяев, поместье в трех полях, 90 четверть.
10. Сабарка Урмаев, поместье Ураза.
11. Бикийка Клявлин, поместье сотника Сеида.
12. Мамайка Уразаев, поместье Дуси, Абкая.
13. Суничка Исанаев, поместье Кучлук, Абкая.
14. Баймайка Чупаев, поместье Сирпая.
15. Ишбулатка Исаев, поместье Рахматка, Юсуфа.
16. Ибрайка Бурнаев (мирза), поместье Бай Ибрая.
17. Усмайка Ишмаков, поместье Усмана, Башира.
18. Айдарка Дуткин, поместье Бикметова.
19. ..., поместье Утыка Сеида.
20. Бихметка Сал...аев, поместье Габдюка.
21. Мурзайка Багданов, поместье Исакай Халима.
22. Батийка Суняев, поместье Байгуна.
23. Худайбердийка Тактаров, поместье Бикти Баязида.

Примечание

Эти старики прибыли двумя деревнями и занимали землю всего села. Переселение татар из Темниковского уезда следует связывать с усилением строительства засечных линий Карлинско-Симбирской в 1648—1664 гг. и от Саранска через Симбирск до Заинска и Мензелинска¹.

Рукописная копия «История с. Новые Тинчали» была снята в 1926 г. с подлинника. Судьба подлинника неизвестна. Копия «Истории...» хранится в Научной библиотеке им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета в отделе редких книг и рукописей под шифром № 2388. Рукопись написана на татарском языке арабской графикой.

Род Сюняя (Сюняй)*(Первый список)*

	<i>I поколение</i>	
1	Сюняй	
	<i>II поколение</i>	
2	Сюндюк	1
	<i>III поколение</i>	
3	Байсеит	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Галиша	3
5	Биккул	3
	<i>V поколение</i>	
6	Маўлют	4
7	Габдулла	4
8	Гибадулла	4
9	Халид (умер в 1883 г. в возрасте 80 лет)	5
10	?	5
	<i>VI поколение</i>	
11	Габдрашит	7
	<i>VII поколение</i>	
12	Бикбау	11
13	Бикчура/Бурай	11
	<i>VIII поколение</i>	
14	Исхак	12
15	Исмагиль	12
16	Салих	13
17	Ихсан	13
	<i>IX поколение</i>	
18	Юнус	14
19	Замалетдин	14

¹ История Татарской АССР. Т. 1.— Казань: Таткнигоиздат, 1955.— С. 174—175.

20	Шарафетдин	14
21	Хасан	15
22	Юсуф	15
23	?	16
24	?	17
25	Ильяс	17
	<i>X поколение</i>	
26	Бурганетдин	18
27	Сибгатулла	18
28	Лутфулла /Макар	19
29	Мухамметшариф	20
30	Низаметдин	20
31	Саляхи	20
32	Хусаин /Салма	21
33	Шарифзян	22
34	Нурмухаммет	25
35	Мустафа	26
36	Муниб	26
37	Султангирей	27
38	Керим	27
39	Анас	27
40	Керим	28
41	Тагир	28
42	Шарип	28
43	Мустафа	29
44	Джагфар	29
45	Нурмухаммет	30
46	Шагиахмет	30
47	Фатих	31
48	Джаудат	31
49	Ибрагим	31
50	Загит	34

Род Сюняя (Сюняй)

(Второй список)

(боковые линии сокращены)

	<i>I поколение</i>		
1	Сюняй		
	<i>II поколение</i>		
2	Сюндюк		1
	<i>III поколение</i>		
3	Уразгали (Урка)		2

4	Байсеит	2
	<i>IV поколение</i>	
5	Габдераззак (Этот человек служил муллой в с. Биданги, потом переехал в с. Новые Тинчали и там умер)	3
6	Габдрашид	4
	<i>V поколение</i>	
7	Габдракиб	6
	<i>VI поколение</i>	
8	Габдельмаджит	7
9	Хаким	7
	<i>VII поколение</i>	
10	Габдельджалиль	8
	<i>VIII поколение</i>	
11	Ильяс	10
	<i>IX поколение</i>	
12	?	11

Род Байсеита (от рода Сюняя)

	<i>I поколение</i>	
1	Байсеит	
	<i>II поколение</i>	
2	Бадамша	1
	<i>III поколение</i>	
3	Сайдаш	2
4	Валит (умер в 1830 г. в возрасте 88 лет)	2
5	Хамит	2
	<i>IV поколение</i>	
6	Якуб	4
7	Хазяр	5
	<i>V поколение</i>	
8	Яфес	6
	<i>VI поколение</i>	
9	Шарафетдин	8
	<i>VII поколение</i>	
10	Гаясетдин	9
11	Садретдин	9
	<i>VIII поколение</i>	
12	Ясави	11

**Родословная Ярамая, сына Байсеита
(от рода Сюняя)**

	<i>I поколение</i>	
1	Байсеит	
	<i>II поколение</i>	
2	Ярамай	1
	<i>III поколение</i>	
3	Аюп	2
4	Абушай	2
5	Габдулла	2
	<i>IV поколение</i>	
6	Губайдулла	3
7	Рахматулла	4
8	Фатхулла	4
9	Хуснетдин	4
10	Хисаметдин	4
	<i>V поколение</i>	
11	Валиулла	7
12	Шагидулла	7
13	Гиззатулла	7
14	Габдулла	8
15	Гайнетдин	9
	<i>VI поколение</i>	
16	Насибулла	12
17	Шарифзян	14
18	Мингазетдин	15
19	Шайхетдин	15
	<i>VII поколение</i>	
20	Шарафетдин	17
21	Мустафа	19

Род Багдана

(боковые ответвления сокращены)

	<i>I поколение</i>	
1	Багдан	
	<i>II поколение</i>	
2	Асанейка Багданов	1
	<i>III поколение</i>	
3	Альмухаммет	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Нигматулла (Намкай)	3

	<i>V поколение</i>	
5	Хуснетдин	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Гали	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Халилулла	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Тагир	7

Род Чупая
(боковые ответвления сокращены)

	<i>I поколение</i>	
1	Чупай	
	<i>II поколение</i>	
2	Уразбахет	1
	<i>III поколение</i>	
3	Тукай	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Сайдаш	3
5	Биктимер	3
	<i>V поколение</i>	
6	Зайнетдин	4
	<i>VI поколение</i>	
7	Сиразетдин	6
	<i>VII поколение</i>	
8	Шарафетдин	7
	<i>VIII поколение</i>	
9	Садретдин-муэдзин	8
	<i>IX поколение</i>	
10	Фатих	9

Род Чапкуна
(боковые ответвления сокращены)

	<i>I поколение</i>	
1	Чапкун	
	<i>II поколение</i>	
2	Худайбирди	1
	<i>III поколение</i>	
3	Габдулла (Айдар)	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Биккина	3
5	Бикмухаммет	3

6	Мухамметгали	3
7	Бикбау	3
	<i>V поколение</i>	
8	Абушай	4
9	Ишмухаммет	6
10	Хусаин	7
	<i>VI поколение</i>	
11	Ахсан	9
12	Хасан	10
	<i>VII поколение</i>	
13	Тухфатулла	11
14	Афзалетдин	12
	<i>VIII поколение</i>	
15	Джамал	13
	<i>IX поколение</i>	
16	Шарифзян	15
	<i>X поколение</i>	
17	Ибрагим	16

Род Максима
(боковые ветви сокращены)

	<i>I поколение</i>	
1	Максим	
	<i>II поколение</i>	
2	Бикмухаммет	1
	<i>III поколение</i>	
3	Джагфар	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Абусагит (Абуз)	3
	<i>V поколение</i>	
5	Габдулла	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Гайнулла	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Хайрулла-муэдзин	6
8	Насибулла	6
	<i>VIII поколение</i>	
9	Габдельхамит	7
10	Нурулла	7
11	Хадича	8

Род Кишмая (Кишмай)

	<i>I поколение</i>	
1	Кишмай	
	<i>II поколение</i>	
2	Ишкина	1
	<i>III поколение</i>	
3	Гали (У него было 10 сыновей, количество потомков составляет около 200 человек)	2
	<i>IV поколение</i>	
4	Бикбау	3
	<i>V поколение</i>	
5	Ахмет	4
	<i>VI поколение</i>	
6	Габдулла	5
	<i>VII поколение</i>	
7	Габдрахман	6
	<i>VIII поколение</i>	
8	Касим	7

Род Биккула из с. Новые Чукалы

	<i>I поколение</i>	
1	Биккул	
	<i>II поколение</i>	
2	Мелла Ягуда, прибыл из с. Новые Чукалы	1
	<i>III поколение</i>	
3	Мелла Габдельлатиф	2
4	Габдельгазиз	2
	<i>IV поколение</i>	
5	Мелла Шакирзян	3
6	Мелла Зариф	3
7	Зямали-хазрат	3
8	Гафур	4
9	Сафа-муэдзин	4
10	Габдулла	4
	<i>V поколение</i>	
11	Хатип	5
12	Мелла Миргасим	5
13	Мухаммет	7
14	Ибрагим	7
15	Хамит (умер в возрасте 84 лет)	7
16	Ахмет (умер в Ташкенте в возрасте 92 лет)	7
17	Мелла Касим Биккулов (1868—1937)	7

18	Габдрахман	8
19	?	8
20	Гарифулла	9
21	Халилулла	9
22	Габдельгани	10
23	Габдельбари	10
24	Габдрашит	10
	<i>VI поколение</i>	
25	Камиль	13
26	Наиль	15
27	Айсылу	15
28	Асгат	17
29	Мидхат	17
30	Джаудат	17
31	Мирза	19
32	Анас	21
33	Исмагиль	24
	<i>VII поколение</i>	
34	Шаукат	30
35	Расим	30
36	Ришат	30
	<i>VIII поколение</i>	
37	Рамиль	34
38	Марат	35
39	Хадича	36

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ КАСИМОВСКИХ ТАТАР СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В дореволюционный и советский периоды был опубликован ряд работ, освещающих некоторые аспекты исторического развития касимовских татар и отдельные элементы их материальной культуры. Одной из них является четырехтомная монография академика В. В. Вельяминова-Зернова «Изследование о касимовских царях и царевичах»¹. Она была создана на основе изучения обширного круга исторических документов как на русском, так и татарском языках. Наибольший интерес представляют данные, касающиеся истории Касимовского царства, его политической и социально-экономической структуры, этнического состава Мещерского края (племен и народов, заселявших его еще до образования царства). Однако этнографические сведения представлены довольно скудно. Это отмечал сам автор: «Так, собственно... о татарах тамошних... я сравнительно собрал мало данных»². Они состоят в основном из краткого описания некоторых обрядов. Об истории Касимовского царства и татарах писали такие дореволюционные историки, как Д. И. Иловайский, Н. М. Карамзин, Н. И. Шишкин³.

Большие возможности для этнографического изучения нерусских народов страны (в том числе их локальных групп) появились у ученых в 1920—1930 гг. В этот период были проведены исследования в области языка, антропологии, этнографии касимовских татар.

Видный ученый, академик В. А. Гордлевский основное внимание обращал на верования, обычаи, обряды, историю образования некоторых поселений, их размеры, планировку усадеб и жилища,

¹ *Вельяминов-Зернов В. В.* Изследование о касимовских царях и царевичах.— Часть первая.— СПб., 1863; Часть вторая.— СПб., 1864; Часть третья.— СПб., 1866; Часть четвертая.— СПб., 1887.

² *Вельяминов-Зернов В. В.* Изследование...— Часть первая.— С. 8.

³ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества.— М., 1884; *Карамзин Н. М.* История государства Российского.— 2-е изд-е.— Т. 5.— СПб., 1897; *Шишкин Н. И.* История города Касимова с древнейших времен.— 2-е изд-е.— Рязань, 1891.

особенности головных уборов, обрядовых кушаний¹. Этнографы С. П. Толстов и Б. А. Куфтин дали описание вышивок, некоторых частей одежды, головных уборов и способов их ношения, обуви, промыслов, планировок усадьбы, жилища, отдельных предметов интерьера².

В 40—50-е гг. XX в. Т. А. Трофимова, в результате антропологического изучения групп поволжских татар, определила расстановку этнических компонентов, участвовавших в формировании касимовских татар³. В 50—70-е гг. XX в. велась работа по изучению касимовского говора. Языковеды Л. Т. Махмутова и Л. Ш. Арсланов выявили особенности касимовского говора и его место в системе языковой классификации татарского народа⁴.

В работах исследователей одним из наиболее важных и спорных вопросов являлся вопрос о происхождении касимовских татар. По этому поводу в научной литературе развернулась дискуссия, в которой принимали участие видные историки разных времен. Проблема изучения этнической истории осложнялась тем, что проходила в русле решения проблемы этногенеза татар-мишарей, к которым многие исследователи причисляли и касимовских татар. Гипотезу о финском происхождении мишарей впервые выдвинул В. В. Вельяминов-Зернов. Он считал их отатарившейся частью финского племени мещера. Основной источниковой базой для его суждений послужили летописные сведения о древнем племени мещера, мочары⁵.

Взгляды В. В. Вельяминова-Зернова были поддержаны в 20-е гг. XX в. В. А. Гордлевским. Он полагал, что низы были финны, а

¹ Гордлевский В. А. Элементы культуры у касимовских татар.— Избр. соч.— М., 1968.— Т. 4.

² Толстов С. П. Нацмены Ц.П.О. Путеводитель к выставке.— М., 1928; Толстов С. П. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и быт населения Ц.П.О.— М., 1929; Куфтин Б. А. Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии // Вестник рязанских краеведов.— Рязань, 1925.— № 4; Куфтин Б. А. Татары касимовские и татары-мишари Ц.П.О. // Культура и быт населения Центрально-Промышленной Области.— М., 1929.

³ Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия.— Т. 7.— М.-Л., 1949.

⁴ Махмутова Л. Т. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка // МТД.— Казань, 1955; Арсланов Л. Ш. К вопросу возникновения гортанно-смычной фонемы в касимовском говоре татарского языка // Советская тюркология.— 1967.— № 3.

⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 30—31, 212.

верхи — татары, растворившиеся в массе финского населения. Касимовцы, по его мнению, «... финны (мордва?), принявшие язык, а впоследствии и религию господствующего класса. Татары, служилые люди, поглотили финнов, финны исчезли здесь как народ, но память о них жива в культуре»¹. Следы «языческо-финского слоя» В. А. Гордлевский усматривал в малодворности деревень, в языке, духовной культуре. Однако он все же сомневался в своих предположениях и оставил без ответа вопрос «Где же все-таки осязательная доказательность, что современное население касимовцев — финны?»². Он обратил внимание на тот факт, что население левобережных аймаков называло мишарями лишь заокских, правобережных татар, и полагал, что «... эта социальная группировка сельских жителей таит отголоски былых этнографических отличий»³. Эта ценная мысль, хотя и не получившая в его работе дальнейшей разработки, имеет большое значение при решении вопросов, связанных с культурой и этнической историей касимовских татар. Ученый выражал надежду, что «впоследствии, когда изучение подвинется вперед, изменится коэффициент приходящих элементов: кое-где скажется сильное влияние славянское, влияние русской колонизации, а кое-где возобладают черты тюркские; может быть, удастся точно определить и то тюркское племя (кыпчацкое), которое содействовало ... образованию культурного типа касимовца»⁴.

Татарский историк и языковед Г. Н. Ахмаров, в отличие от В. В. Вельяминова-Зернова, не считал касимовских татар тюркизированными финнами. Он полагал, что касимовские татары те же мишари, то есть «... потомки тех кочевников Азии, которые в XIII в. хлынули в Европу через реку Урал и утвердились на Ахтубе под именем Золотой Орды. По распаде последней часть этого племени, предводимая царевичем Касимом, в половине XV столетия утвердилась на Оке и стала называться по главному городу Мещера, где сел их вождь Касим»⁵.

Взгляды Г. Н. Ахмарова, исключавшего роль финского элемента в формировании мишарей (к которым он относил и касимовских татар), впоследствии были подвергнуты критике Б. А. Куфтиным и С. П. Толстовым. Они отмечали сложность вопросов этногенеза мишарей и касимовских татар. Б. А. Куфтин, однако, в отличие от В. В. Вельяминова-Зернова, не признавал племени «мещера», ставя под сомнение достоверность сведений о ней в летописях, и указы-

¹ Гордлевский В. А. Элементы... — С. 212.

² Там же.— С. 190.

³ Там же.— С. 212.

⁴ Там же.— С. 190.

⁵ Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей // ИОАИЭ.— Т. 19.— Вып. 2.— Казань, 1903.— С. 158.

вал «совсем другой источник происхождения, если не племени, то имени можары, именно — народность мадьяр». Свою гипотезу он подкреплял топонимическими данными. Ученый подразумевал единство «этнического подслоя» у мишарей и касимовских татар. «Печать своеобразия» касимовцев он объяснял «своеобразной историей Касимовского царства, привлекавшего на свою территорию далекие турецкие племенные группы»¹. Разницу в языке и культуре касимовских татар и мишарей он объяснял также и тем, что первые подверглись особому влиянию, шедшему из Касимова как городского центра². Он считал, что «влияние финнов на ряд элементов быта касимовских татар прослеживается не так ясно, как у мишарей»³.

В дискуссии по поводу происхождения касимовских татар и мишарей активно участвовал С. П. Толстов. Он полагал, что они «... являются поздними пришельцами на нашей территории, лишь в XIII в. явившимися из азиатских степей в Восточную Европу». Эти группы, по его словам, «...этнографически... представляют смешение пришельцев-татар с древними насельниками края...»⁴, под которыми он подразумевал мещеру, или можар, которые были одним племенем, а именно — можарами, причем не финского, а угорского происхождения⁵. Таким образом, он поддерживал гипотезу В. В. Вельяминова-Зернова о татарах как потомках древнего племени мещера, а вернее, можар, несмотря на расхождение по поводу происхождения этого племени. Свою гипотезу С. П. Толстов основывал на некоторых фактах материальной культуры касимовских татар и мишарей. Он считал, что в ее «... древнем слое сочетаются как весьма архаичные турецкие признаки, так и не менее архаические — угро-финские». По его мнению «материальная культура касимовцев в общем ближе к культуре казанских татар, чем культура мишарей»⁶.

Во 2-й пол. XX в. некоторые ученые прямо или косвенно касались вопросов, связанных с этнической историей касимовских татар. Этнограф Р. Г. Мухамедова, известный исследователь культуры татар-мишарей, не включала в их состав касимовских татар. Видный историк, археолог А. Х. Халиков также не смешивал эти две группы. Он отмечал, что касимовские татары в XV—XVI вв. «... почти не называются мещеряками, ... вероятно, они ... уже тогда

¹ Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры // Труды гос. музея Ц.П.О.— М., 1926.— Ч. 1.— Вып. 3.— С. 138; Куфтин Б. А. Татары касимовские... — С. 218.

² Куфтин Б. А. Материальная культура... — С. 218 — 219.

³ Куфтин Б. А. Татары касимовские... — С. 139, 138, 218, 219.

⁴ Толстов С. П. Нацмены Ц.П.О... — С. 7.

⁵ Толстов С. П. Итоги... — С. 156—159.

⁶ Там же.— С. 158.

выделялись обособленной группой...». Причину обособленности он усматривал в том, что «... Касимов и его окрестности заселялись преимущественно выходцами из Казани, поэтому здесь образовалось население, отличное от мишарей и во многом близкое к казанским татарам». В то же время он считал, что касимовская (или городецкая) группа имела в основе общих с мишарями предков¹. По мнению другого ученого — Н. И. Воробьева, касимовские татары — потомки ногайцев, являлись территориальной группой казанских татар². Этнолог и демограф Д. М. Исхаков выделил касимовских татар в самостоятельную этническую группу (субэтнос), имевшую определенные связи с мишарями³. Позднее ученый высказал мысль, что в границах Мещерского «юрта» в XV—XVI вв. формировалась тюркская этническая общность, состоявшая до рубежа XVI—XVII вв. из двух этносословных страт — «черных людей» (ясачного населения), в основном из «можерян» — «мещерян» (они же буртасы, посопные татары) и социальных верхов из «татар» (включая и казаков), т. е. кыпчакско-ногайских групп с клановым делением⁴. Антрополог Т. А. Трофимова выяснила, что касимовские татары «... по комплексу признаков ... не сближаются ни с одной из татарских групп..., представляя особую группу»⁵. Результаты ее исследования показали, что по некоторым признакам касимовские татары имеют общность с казанскими татарами, по другим — с мишарями.

Относительно этногенеза касимовских татар она придерживалась, вслед за Б. А. Куфтиным и С. П. Толстовым, мадьяро-венгерской гипотезы, полагая, что он «должен, в общем, решиться в том же плане, что и для мишарей. Касимовские татары, вероятно, являются также осколками того же можарского племенного союза, но более соприкасающимися с финскими группами, например с мордвой»⁶.

Исследования Л. Т. Махмутовой показали, что язык касимовских татар является одним из говоров среднего диалекта (на котором разговаривают казанские татары), но испытавшим влияние западного диалекта (на котором говорят мишари). Наличие мишарского слоя в говоре касимовских татар объяснялось не только тер-

¹ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья.— Казань, 1978.— С. 146, 135.

² Воробьев Н. И. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья // Тезисы докладов итоговой научной сессии Казанского института языка, литературы и истории АН СССР.— Казань, 1964.— С.46.

³ Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона.— Казань, 1993.— С. 84.

⁴ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени.— Казань, 1998.— С. 222.

⁵ Трофимова Т. А. Этногенез... — С. 211.

⁶ Там же.— С. 212.

риториальной близостью с мишарями, но и этническим смешением с ними, начиная еще со времен образования Касимовского царства¹. Л. Т. Махмутова выявила одну из характерных черт касимовского говора в отличие от татарского литературного языка — отсутствие заднеязычных согласных **к, г, х** и замещение их гортанно-смычной фонемой «'», образуемой путем полного смыкания голосовых связок². (В тексте данной книги татарские термины приводятся с учетом фонетических особенностей касимовского говора, с использованием знака (') , обозначающего указанную фонему). По поводу данной фонемы, имевшей место также в говоре татар Татарской слободки под Новочеркасском³, высказывалось мнение как о древней черте, являвшейся «наследием языка кыпчакских, огузских и других древних тюркских племенных групп, которые участвовали в выработке этнического типа касимовских татар»⁴.

По мнению лингвиста Л. Ш. Арсланова, указанная фонема, возможно, имеет иберийско-кавказское происхождение, поскольку в состав дружины Касима, находившегося до 1446 г. на территории Черкасской земли, входили различные народы Северного Кавказа. В исторических источниках того периода черкасами называли кабардинцев, адыгейцев, черкесов и другие народы Северного Кавказа. Среди них могло быть тюркоязычное племя, подвергшееся влиянию иберийско-кавказских языков⁵. Им также было выявлено сходство лексики касимовского говора с лексикой астраханских (юртовских) татар, связанное с позднейшими наслоениями в результате контактов с ногайцами в XV—XVII вв.⁶

Значительные расхождения во мнениях по поводу этнической истории и роли этнических компонентов у касимовских татар были вызваны, на наш взгляд, тем, что отправной точкой для построения учеными их гипотез являлись различные по характеру источники — исторические, лингвистические, антропологические и т. п. Эти источники рассматривались исследователями по отдельности, а не в комплексе. С другой стороны, наличие различных гипотез

¹ *Махмутова Л. Т.* Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка. // *Материалы по татарской диалектологии.* — Вып. 2. — Казань, 1962. — С. 223, 230, 234, 228.

² *Махмутова Л. Т.* Фонетические особенности... — С. 147—148.

³ *Милых М. М.* О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском // *Ученые записки Ростовского университета.* — Ростов н/Д., 1940. — С. 35.

⁴ *Корнилаева А. М.* Русские заимствования касимовско-татарского говора как источник истории русского языка // *Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* — М., 1970. — С. 11.

⁵ *Арсланов Л. Ш.* К вопросу ... — С. 63—64.

⁶ *Арсланов Л. Ш.* Язык юртовских татар // *Ученые записки КГПИ.* — Вып. 166. — Казань, 1976. — С. 50.

явилось отражением сложной этнической судьбы касимовских татар. Дискуссионность вопросов этнической истории данной группы татар была также обусловлена недостаточной изученностью материальной и духовной культуры касимовских татар.

Наиболее ранние этнографические сведения о касимовских татарах содержатся в произведениях иностранных и отечественных путешественников XVI—XVII вв. Так, С. Герберштейн, посетивший город Касимов в 1526 г., отметил особенности внешнего вида татарок и архитектурные памятники¹. Другой немецкий путешественник А. Олеарий, побывавший в Касимове в 1636 г., оставил описание дворца татарского царевича, городской мечети и рисунок, на котором изображены общие контуры городских строений². О каменной мечети упоминал в своем сочинении начала XVIII в. и голландский живописец Корнелий де Бруин. Академик П. С. Паллас в 1768 г. дал подробное и обстоятельное описание татарских архитектурных памятников — мечетей и мавзолеев³. Надо отметить, что путешественники, пребывание которых в городе Касимове было кратковременным, не ставили целью специальное изучение касимовских татар, их культуры и быта. В поле их зрения попадали лишь наиболее доступные и примечательные стороны материальной культуры, в частности постройки, а также внешний облик местных жителей. Несмотря на фрагментарность, наблюдения путешественников имеют большую ценность. В них зафиксированы наиболее ранние и утраченные до XIX в. элементы культуры. Сведения о касимовских татарах 2-й четверти XIX в. имеются в работе М. Барановича. Он отмечал некоторые характерные особенности в планировке усадьбы, жилища, его внутреннем устройстве, одежде, пище⁴. Однако эти данные довольно схематичны, поскольку их сбор проводился автором попутно, в связи с основной целью его исследований. Этнографические заметки о касимовских татарах конца XIX в. содержатся в воспоминаниях русского писателя С. Н. Терпигорева (Сергея Атавы). Он описал некоторые внешние черты жилища, его планировку, интерьер, отдельные части верхней мужской и женской одежды, особенности питания татар из числа городского духовенства⁵.

Ценный этнографический материал по традиционной матери-

¹ Герберштейн С. Записки о Московии.— СПб., 1866.

² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно.— СПб., 1906.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1.— СПб., 1773.

⁴ Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния.— СПб., 1860.

⁵ Терпигорев С. Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания.— СПб., 1890.

альной культуре татар 1-й четверти XX в. зафиксирован одним из организаторов Общества исследователей Рязанского края — А. А. Мансуровым. В «Трудах» Общества опубликованы собранные им среди касимовских татар материалы по жилищу, интерьеру, головным платкам, способам их повязывания, ткачеству и вышивкам, обрядовой пище¹. Однако, несмотря на бесспорную значимость, эти сведения также отличаются фрагментарностью и не могут дать полного представления о комплексе материальной культуры касимовских татар. Этнографический материал имеется также в небольших заметках, опубликованных в периодической печати дореволюционного периода («Рязанские губернские ведомости», «Рязанский вестник»). В них содержатся описания специфических, на взгляд русских корреспондентов, черт интерьера, жилища, оформления и сервировки обеденного стола.

Из журналов и сборников религиозного содержания («Рязанские епархиальные ведомости», «Миссионер», «Миссионерский сборник») можно почерпнуть сведения о степени религиозности касимовских татар, о внутреннем убранстве их жилища, а также особенностях быта и занятий. Сбор материала проводился русскими миссионерами (Алфеевым, Даниловым, Доронкиным и др.) в связи с активизацией деятельности Рязанского отделения православного миссионерского общества. Сведения собирались, как правило, среди местного русского населения, в том числе священнослужителей, мало знакомых с бытом татар, и не всегда соответствовали действительности.

В работе были использованы также исторические и статистико-экономические материалы из актов Московского государства, писцовых книг Рязанского края, изданий Главного архива Министерства иностранных дел, трудов Рязанской ученой архивной комиссии, списков населенных мест, памятных книжек, календарей, сборников статистических сведений по Рязанской и Тамбовской губерниям 2-й пол. XIX — начала XX в. В них содержатся данные, характеризующие некоторые аспекты исторического развития касимовских татар, их социально-экономическое положение, особенности сельского хозяйства, промыслов, размеры поселений и т.п.

Архивные материалы из фондов РГАДА (г. Москва) и РГИА (г. Санкт-Петербург) содержат статистические сведения по отдельным поселениям, жилищу, сельскому хозяйству, промыслам касимовских татар середины XIX — начала XX столетия². В архиве РЭМ (г. Санкт-

¹ Мансуров А. А. Материалы к изучению быта касимовских татар // Труды Общества исследователей Рязанского края.— Вып. 22.— Рязань, 1929; Мансуров А. А. Записки о татарском быте // Труды Общества исследователей Рязанского края.— Вып. 39.— Рязань, 1930.

² РГАДА.— Ф. 127, 131, 210, 350, 1209; РГИА. Ф. 210, 558, 1290.

Петербург) хранится рукопись А. К. Сержпутовского, в которой приводятся данные по истории и планировке поселений начала XX в.¹ Ценные наблюдения зафиксированы в рукописи Ф. Н. Гайнетдинова, находящейся в архиве МАЭ² (г. Санкт-Петербург). В ней есть материалы о поселениях, жилищах, их размерах и планировке, интерьере и типах печей, хозяйственных постройках, мужской одежде. В фондах этнологического архива Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся рисунки и рукописи А. А. Мансурова, содержащие сведения по терминологии жилого дома, надворных построек, одежды, женских головных уборов. В этом же архиве имеются фотографии и зарисовки, сделанные в 1-й четверти XX в. Б. А. Куфтиным и С. П. Толстовым в касимовских деревнях³.

В фондах Историко-краеведческого музея г. Касимова имеется ценная коллекция фотографий конца XIX — начала XX в. На них запечатлены татары в традиционной одежде. Особый интерес представляют изображения женщин в традиционной одежде и головных уборах⁴. В архиве ГИМ (г. Москва) в материалах И. С. Гагина хранятся рисунки, чертежи и планы с указанием места расположения в Касимове крепостных стен царского дворца⁵.

Другим важным источником явились вещественные коллекции музеев России. Значительную ценность представляют фонды РЭМ (г. Санкт-Петербург). Среди них особо следует выделить коллекцию, собранную в 1915 г. А. К. Сержпутовским. В ней имеются женская, мужская, детская одежда, головные уборы и обувь⁶.

В фондах историко-краеведческих музеев и историко-архитектурных музеев-заповедников, расположенных в таких городах, как Касимов, Рязань, Истра, Кострома, хранятся ценные экземпляры мужской и женской одежды, головных уборов, обуви, ювелирных украшений, старинных образцов домашнего ткачества и вышивок, деревянной утвари касимовских татар⁷.

Важнейшим первоисточником при написании данного исследования послужили полевые этнографические данные, собранные автором в результате экспедиционных, почти ежегодных, выездов в период с 1970 года по настоящее время в Касимовский район Рязанской области. Обследования проводились автором в сельских населенных пунктах с татарским населением, а также в Татарской

¹ РЭМ.— Ф.1.— Оп.2.— Ед.хр. 572, 579, 583.

² МАЭ.— Ф. К-1.— Оп.1.— Ед.хр.27.

³ ЭА РИАМЗ.— Ф. 23 — 25.— Кн. I — XX; Ф. 23 — 25.

⁴ ИКМК.— Ф. 780.

⁵ ГИМ.— Ф. 220.— Оп. 2 — 4.— № В-19.

⁶ РЭМ.— Ф. 348, г-32, 7423, 34—82.

⁷ ИКМК.— Ф. 780; РИАМЗ.— Ф. 2141, 2546, 2829, 2851; ИАМЗИ.— Ф. 1717, 1721, 1784, 1904; ИАМК.— Ф. 4464, 5050, 5079, 5080.

слободе города Касимова. Сбор данных велся традиционным этнографическим методом: полевые наблюдения, опрос местных информаторов 70 и более лет (список информаторов — в Приложении). Традиционный вещественный материал (жилища, хозяйственные постройки, одежда, украшения, домашняя утварь) фиксировался при помощи рисунков, фотографий, обмеров, составления планов, чертежей. Выборка данных проводилась по программам-вопросникам, разработанным сотрудниками отдела этнологии Института истории Академии наук Республики Татарстан.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Начало формирования данной группы относится к середине XV в., когда на территории Русского государства, в условиях сложной политической обстановки, было образовано татарское ханство. Оно располагалось на Мещерской земле, центром которой являлся Городок (Городец Мещерский), известный впоследствии как Царевичев городок, Хан-Керман, Касимов. Последнее название было получено от имени владельца — золотоордынского царевича. Предпосылки и причины образования татарского ханства не всегда трактовались буржуазными историками с объективных позиций. Так, В. В. Вельяминов-Зернов считал, что создание царства являлось добровольным актом со стороны московского князя и имело сознательный расчет: с одной стороны, с помощью касимовских татар охранять с юга русскую границу, с другой — «царька, родственника хана казанского всегда, когда угодно, можно было напустить на Казань. Главнейшую опасность для Руси представляло царство Казанское; Казань, только что возродившаяся, еще свежая силами, грозила захватить власть в свои руки»¹. Эту точку зрения о причинах создания Касимовского царства поддерживали Н. М. Карамзин², Г. Перетяткович и другие российские историки³. Казанский ученый М. Г. Худяков полагал, что «на образование этого удела нельзя смотреть, как на добровольную меру русского правительства, напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержанной Улу-Мухамметом победы и первой попыткой ханов татарских вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей»⁴. В пользу касимовских царей с русских земель шло определенное содержание: «А что шло царевичю Касыму и сыну его Даныяру царевичю с вашее земли

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... — Часть первая. — С. 14, 27.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. — 2-е изд. — СПб., 1897. — Т. 5. — С. 10.

³ Перетяткович Г. Поволжье в XV—XVI вв. — М., 1877. — С. 150; Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. — М., 1884. — С. 262.

⁴ Худяков М. Г. Очерки... — С. 304.

при твоём деде... а то тебе давати с своее земли царевичю Даныяру»¹. Договорная грамота рязанских князей 1496 г. свидетельствует, что они платили татарскому царевичу ясак, который едва ли может быть чем-либо другим, как не тем самым, что шло царевичам Касиму и Данияру: «А имети ли у тебя выход и царевичев ясак с твоей отчины треть по старым дефтерям?»². Кроме дачи с Рязанской земли, в Царевичев городок, в пользу управляющего там царевича, шел от великого князя московского «выход»: «А дети мои... дают сыну моему Василию с своих уделов выходы в Царевич городок». До тех пор пока Рязанское великое княжение сохранило кое-какую самостоятельность, «ясак», который давали рязанские князья в Царевичев городок, был обязательным от «выхода» Московского³.

По мнению историка советского периода М. Г. Сафаргалиева, причины и история возникновения Касимовского ханства были обусловлены феодальными распрями, характерными в 1-й пол. XV в. для Русского государства и Золотой Орды. Весной 1445 г. Улу-Мухаммет отправил своих сыновей, Махмутека и Якуба, против князя Василия. Тот выступил к ним навстречу и попал в плен. За свое освобождение князь обязался дать хану откуп в двести тысяч рублей и выполнить ряд требований, одно из которых, видимо, было связано с Мещерскими местами. Он возвратился в Москву с «многие князи» татарскими и сыновьями казанского хана, Касимом и Якубом, которые основали в Мещерских местах Касимовское ханство во главе с царевичем Касимом⁴.

По поводу конкретной даты передачи города имеется несколько мнений⁵. Наиболее аргументированной представляется дата, предложенная М. Г. Сафаргалиевым. Он приводит текст договорной грамоты, из которой ясно видно, что в 1445 г. Городец принадлежал Касиму и в его пользу шла уплата «дани и «выхода»⁶. В XV в. татары управляли, кроме Касимова, рядом других городов с их волостями. Одним из них был Звенигород, в котором в 1449—1450 гг. правили царевичи Касим и Якуб, а в 1493 г.— Абдул-Летиф, ставший впоследствии казанским ханом. Каширой, Серпуховом и Хо-

¹ Худяков М. Г. Очерки... — С. 304.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... — Часть первая.— С. 149.

³ Там же.— С. 154—156.

⁴ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета.— Вып. 11.— Саранск, 1960.— С. 497, 503.

⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 33; Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния.— СПб., 1860.— С. 524; БСЭ.— 2-е изд., М., 1953.— Т. 20.— С. 317.

⁶ Сафаргалиев М. Г. Распад... — С. 504.

тунью в 1495—1502 гг. владел казанский хан Мухаммед-Эмин. Несколько раньше, в 1486 г., Каширой правил крымский царевич Нур-Даулет, а в 1517 г.— бывший казанский хан Абдул-Латиф. Он был еще с 1508 г. владельцем Юрьева. Калуга в 1552 г. находилась под властью астраханского хана Дервиш-Али. Позднее в такие северные города, как Белоозерье, Вологда, московские правители ссылали неугодных им татарских ханов, беков и служилых татар¹. Со временем татары либо выезжали, либо ассимилировались среди местного населения. Примечательно, что наиболее значительным и стойким, в этническом отношении, являлся Мещерский удел с центром в Касимове. В отличие от других татарских уделов на территории Руси, городком Касимовым управляли только Чингизиды, точнее Джучиды, ветвь Тукай-Тимура².

Касимовское царство просуществовало более двухсот лет, вплоть до последней четверти XVII в. Его территория простиралась на 200 верст вокруг Касимова до городов Краснослободск, Темников и включала в себя уезды: Касимовский, Елатомский, Шацкий, Темниковский³.

Этнический состав Касимовского ханства, по сравнению с другими уделами, отличался значительной пестротой и наличием тюркского компонента. На это указывал В.В. Вельяминов-Зернов: «Касимов заселен был издавна татарами и иноверцами»⁴. Далее он уточняет: «бесермянин, то есть мусульманин, ... Мордвин, ... Мачярин, очевидно — то же, что Мещерин, Мещеряк. Часть мещеряков исповедовала мухамеданство»⁵.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что наиболее древними насельниками являлись финские племена. Они оставили в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье городища, известные под названием дяковских и городецких⁶. В числе потомков племен, относящихся к городецкой культуре, была мордва, издавна заселяв-

¹ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в.— М., 1952.— С. 192.

² *Рахимзянов Б.Р.* Из истории Казанского ханства. Касимовские правители на казанском престоле // Краеведческие среды / Материалы заседаний, прошедших в Государственном объединенном музее Республики Татарстан в 2000 году.— Казань, 2001.— С. 135.

³ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование... — Часть вторая.— СПб., 1864.— С. 410—411, 438, 440—445.

⁴ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование...— Часть первая.— С. 4.

⁵ Там же.— С. 28, 30.

⁶ *Третьяков А.* К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен Поволжья // Этногенез мордовского народа.— Саранск, 1965.— С. 16; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— С. 138.

шая всю местность вокруг городка Мещерского¹. Следы оставленных ею курганов и погребений до сих пор сохранились около татарских деревень Темгенево, Мунтово, Собакино, Ахматово, жители которых помнили о том, что по соседству с их предками жила мордва — мокша². В XVI в. часть мордвы исповедовала ислам³. Позднее они, видимо, смешались в касимовскими татарами. О древнем пребывании мордвы в Касимовском уезде говорит ряд названий, звучащих по-мордовски. Среди касимовских татар до сих пор известна фамилия Ерзин. От мордовских племен ведут свое происхождение касимовские татары рода Буртасовых, Сапаровых и Минеевых⁴. Также прослеживались следы мариЙцев (черемисов), но в XV в. память о пребывании их здесь исчезла, а летописи XV—XVI вв. заменили «черемись» на «мещеру»⁵.

Представители племени «мещера» (можары, мочары), вернее, та ее часть, которая, по словам В. В. Вельяминова-Зернова, «исповедовала мухамеданство», видимо, приняла участие в формировании субэтнуса касимовских татар. Вопрос об этнической принадлежности мещеры остается до сих пор спорным. Одни исследователи приписывали ей финское или угорское происхождение⁶. Другие видели в мещере отюреченных угров⁷. В позднейших грамотах под мещеряками обычно подразумевались татары-мишари⁸. Предки цокающей группы мишарей ко времени образования Касимовского царства уже жили, по мнению Р. Г. Мухамедовой, на территории Кадомского уезда, куда они переселились в конце XIII — начале XIV в. из района

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 28.

² Мансуров А. А., Бадер О. Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли.— М., 1974.— С. 301.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 193.

⁴ Гордлевский В. А. Элементы культуры у касимовских татар // Избр. соч.— М., 1968.— Т. 4.— С. 212.

⁵ Черменский П. Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1961 год.— М., 1962.— С. 47; Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры // Труды гос. музея Ц.П.О.— М., 1926.— Ч. 1.— Вып. 3.— С. 14—15.

⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... — Часть первая.— С. 28, 30—31; Гордлевский В. А. Элементы...— С. 212; Толстов С. П. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и быт населения Ц.П.О.— М., 1929.— С. 156—159.

⁷ Чекалин Ф. Ф. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 году.— М., 1897.— С. 114—115; Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа / Труды Мордовской этнографической экспедиции.— Вып. 1.— М., 1960.— С. 180—209.

⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 30—31.

Золотаревского городища (на юге Пензенской губернии) с потоком золотоордынского населения¹. На его следы указывают обнаруженные в окрестностях города Касимова клады (Новоберезовский, Михайловский и др.)² золотоордынских монет.

Тюркские группы, принявшие участие в этногенезе мишарей, сыграли определенную роль и в формировании касимовских татар. Мишари не растворились в среде касимовских татар, несмотря на то что между ними издавна имелись этнокультурные контакты. О проникновении в край тюркских племен можно судить и по ряду археологических памятников Рязанского края XIII—XIV вв., содержащих материалы, характерные для болгарской культуры. Они свидетельствуют, по мнению А. Х. Халикова, о сохранении на этой территории предшествующего населения, теснейшим образом связанного с культурой Волжской Булгарии. Известно, что зимой 1236/37 г. значительная часть болгар была вынуждена бежать от нашествия монголов и поселиться на берегах Оки. Междуречье Оки и Мокши являлось одним из значительных рынков сбыта для болгар. Они имели тесные связи с местным населением и сильное влияние на культуру мордовского населения³.

Этнический состав дружины, с которой пришел в Мещеру царевич Касим, неизвестен. Видимо, в нее вошли представители разных тюркоязычных племен, являвшихся, так же как и сам царевич, выходцами из Золотой Орды⁴. Примечательно, что одно из племен было, вероятно, кавказского происхождения или просто испытывшее влияние иберийско-кавказских языков. Данное племя могло появиться в дружине Касима во время пребывания царевича на «Черкасской земле», где в XV в. имел место северо-кавказский этнический компонент⁵. Видимо, не случайно некоторые авторы отмечали, что физический тип касимовских татар «ни в чем не отличается от чисто кавказского»⁶. Язык этого племени, принявшего участие в формиро-

¹ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— М., 1972.— С. 15.

² Археология Рязанской земли.— М., 1974.— С. 262—272.

³ Халиков А. Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // *Tatarica, Vammala*, 1987.— С. 347; Халиков А. Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // *Этногенез мордовского народа*.— Саранск, 1965.— С. 158—160; Ежова В. П. О некоторых этнографических особенностях в культуре мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР // *Вопросы этнической истории мордовского народа / Труды Мордовской этнографической экспедиции*.— Вып. 2.— М., 1963.— С. 211.

⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... — Часть первая.— С. 1.

⁵ Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — 1-й пол. XIX в. // *СЭ*.— 1982.— № 3.— С. 105.

⁶ Белиловский У. А. Городской очерк Петропавловска Акмолинской области за 1886 год.— Томск, 1887.— С. 10.

вании касимовских татар, по своим основным признакам был близок к ногайскому и частично к кумыкскому языкам¹.

Из исторических источников известно, что в 1446 г. в Касимовское ханство из Казани выехали вместе с сыновьями казанского хана Улу-Мухамета, Касимом и Якубом, их придворные казанцы. И в более поздние времена, в 1487, 1546, 1551 гг., в Касимовском царстве оседали группы казанцев, причем иногда весьма значительные². В 1-й пол. XVI в. с касимовским ханом Шах-Али, трижды восседавшим на казанском престоле, в Касимов переехали его сторонники из числа казанцев. В истории остались имена некоторых из них: Уразми Канбаров, Муралей (Нур-Али)-мурза и другие, всего 84 человека³. Часть казанцев попала в Касимовское царство в 1552 г., после завоевания Иваном Грозным Казанского ханства, когда оставшихся знатных казанцев царь «... вывел вместе с средними людьми и роздал им поместья в городах и волостях московских...»⁴. В Касимовское царство русское правительство высылало нелояльных к русскому царю казанских татар-феодалов⁵. По преданию, туда была вывезена казанская регентша Сююмбике. Из сохранившихся до наших дней родословных-шеджере некоторых касимовских татар (Акчуриных, Максутовых, Бурнашевых, Костровых и др.) видно, что их предки были выходцами из Казанского ханства⁶. С XII в. в Мещерском крае стали появляться выходцы из Крыма, в частности из рода Ширин, сыгравшего значительную роль в делах Касимовского ханства. С ними связывали свое происхождение Ширинские и Гиреевы⁷. В 1458 г. Городцом владел крымский царевич Нур-Даулет. Затем там правили Сатылган, Джанай. Вместе с ними из Крыма приходили их дружины, постепенно оседавшие на территории Касимовского царства. И в более позднее время, в XVI — XVII вв., крымские степняки-кочевники различными путями

¹ Махмутова Л. Т. О некоторых этнических компонентах татарского народа по диалектным данным // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 год.— Казань, 1971.— С. 116—119.

² ПСРЛ.— Т. XXIX.— С. 78.

³ Там же.— С. 67, 29, 20, 70; Вельяминов-Зернов В. В. Исследования...— Часть первая.— С. 352.

⁴ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках.— М., 1887.— 270.

⁵ Степанов Р. Н. К вопросу о служивых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ Казан. гос. ун-та.— Казань, 1964.— С. 57.

⁶ Ахметзянов М. И. Исследования татарских шеджере в историко-ведческом и лингвистическом аспектах // Дис. ... канд. филол. наук.— Казань, 1981.— С. 68, 70, 116.

⁷ Ахметзянов М. И. Татарские родословные.— Казань, 1995, с. 70; Ахметзянов М. И. О шеджере рода Ширинских // Панорама-Форум.— 1996.— № 1 (4).

проникали на Рязанскую землю¹. У татар д. Колубердеево (Ташенка) сохранилось предание о том, что их деревня образовалась на месте земель, розданных пленным крымцам или туркам. Возможно, в какой-то степени это подтверждается и татарским названием деревни — «Колубердеево», что с татарского переводится как «данная рабам»².

В качестве пленных в Касимовское царство попадали и женщины, захваченные во время военных походов, предпринятых московским правительством. Об этом свидетельствуют некоторые архивные материалы³ и легенда о том, что в 1678 г., в царствование Федора Алексеевича, в «Чигиринском» военном походе в Малороссию особо отличились касимовские татары во главе с Сеит-Бурханом. Ими был захвачен большой полон: «Добычу, полон захватила дружина отважных татар! Набег совершен не из легких, приказ был одобрен царем! Обоз из полячек прекрасных с победой в Касимов везем!»⁴.

В царстве проживали также выходцы из Сибирского ханства. В 1614 г. правителем Касимова был назначен сибирский царевич Арслан Алиевич, затем его сын Сеид-Бурган, мать которого Фатима-Султан была последним правителем города. Вместе с сибирскими царевичами прибывали его дружины и домашняя челядь. Письменные источники и устные предания свидетельствуют о притоке населения, которое привели с собой ханы Ураз-Мухаммед и Саин-Булат из киргиз-кайсацких орд. О казахском происхождении этих ханов и отдельных родов свидетельствуют родословные Шакуловых, Девлеткильдеевых, Максутовых, Тевкелевых и др. Старожилы д. Мунтова (татарское название — Мылты) сохранили предание о принадлежности их предков к роду «мылты». Подобное название родового подразделения (кыркмылтык) есть и у казахов Куня-Ургенчского района⁵. В формировании касимовских татар приняли активное участие ногайцы. Они попадали в Мещеру различными путями: по приглашению, самовольно, в качестве пленных. Московское правительство усердно приглашало на службу ногайских мурз,

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... — Часть первая. — С. 128—150, 192, 208, 209; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в 1-й пол. XVII века. — М.-Л., 1948. — С. 390.

² Гайнетдинов Ф. Н. Материалы по этнографии касимовских татар и мишарей. — Л., 1933 // Архив МАЭ. — Ф. К-1. — Ед.хр. 27. — С.1.

³ РГАДА. Ф.131. — Оп.2. — Ед.хр.65.

⁴ Акимов В. В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. — М., 2004. — С. 186.

⁵ Васильева Г. П. Историко-этнографическая карта Ташаузской области // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / ТИЭ. Новая серия. — М.-Л., 1961. — Т. 48. — С. 34.

обещая им землю и денежное жалованье¹. В Касимове и его окрестностях проживали представители таких знатных бекских родов, как Джалаир, Мангыт (мурзы Мангитские или мурзы Мансуровы), Кипчак (князя Мамакаевы)². Известно, что группа служилых ногайцев была переведена в Касимов из Ярославля и Романова³. У Мамиша Давлетмаметовича Тевкелева, предки которого являлись ярославскими мурзами, были поместья в Касимовском уезде. Одно из его имений было отдано в качестве приданого дочери Ураз, вышедшей замуж за касимовского мурзу Шакулова, а имение в Керенском уезде — другой его дочери Зулейхе, бывшей замужем за керенским мурзой Максютовым⁴. Часть ногайцев самовольно проникала через проторенные ими дороги. Этому не препятствовала вся оборонительная система Руси, в частности засечные линии, которые находились в запущенном состоянии. Для Больших Ногаев излюбленной дорогой был старый Ногайский шлях, разветвления которого вели в мордовские места, в Верхоценскую волость, в Рязанскую землю. Всеми дорогами они проникали до реки Оки и за Оку. В официальных документах неоднократно отмечалось о «приходе ногайских людей на мещерские места... идучи в Крым или из Крыма в Ногай»⁵. Ежегодно южная часть государства (на востоке до мордовских и понизовых мест, на западе до заоцких городов) подвергалась «ногайским нападениям»⁶. Многие из ногайцев оставались на постоянное жительство: «Иные татаровя живут без выходу»⁷. Кроме того, в Касимове содержали тех ногайцев, которые попадали в плен⁸. Более всего следы ногайского населения сохра-

¹ Черменский П. Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1961 год.— М., 1962.— С. 11.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 208, 209; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... — Часть вторая.— С. 403, 419, 426, 434.

³ Акты Московского государства.— СПб., 1894.— Т. 2.— № 56.— С. 227—228; Акты Московского государства.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 32.— С. 64, 74; Писцовые книги Рязанского края.— Рязань.— Т. 1.— Вып. 2—3.— № 32, 64, 66, 74; РГАДА. Ф. 210.— Д. 217.— Л. 129; Пирогов В. Материалы для статистики Костромской губернии.— Вып. 2.— Кострома, 1881.— С. 71.

⁴ Алишев С. Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI—XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода.— Казань, 1984.— С. 59—60.

⁵ Акты...— Т. 1.— № 31.

⁶ Новосельский А. А. Борьба... — С. 390.

⁷ Там же. — С. 75.

⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...—Часть первая.— С. 288; Шиманский М. Рязанский уезд в конце XVI — начале XVII в. по писцовым книгам.— Рязань, 1911.— С. 38.

нялись в татарских поселениях Алишево, Шегашаново, Толстиково, жители которых называли себя «нугай». Ногайским князьям Мамакаевым принадлежал лес «Мамак урманы»¹.

Исследования лингвистов показали, что ногайский компонент прослеживается также и в говоре касимовских татар². Антропологические исследования, проведенные в конце 40-х гг. XX в. Т. А. Трофимовой, показали, что среди касимовских татар преобладает темный европеоидный тип (памиро-ферганский) и монголоидная примесь. Памиро-ферганский тип был распространен в сарматскую эпоху в степях Нижнего Поволжья, а позднее — в составе населения Средней Азии (узбеков, таджиков). У касимовских татар был высокий процент (7,2) эпикантуса (признака, позволяющего установить участие монголоидного элемента) по сравнению с другими группами татар. В этом отношении касимовские татары более близки к казанским татарам из Арского района (4 процента эпикантуса), которые являются, кроме касимовцев, наиболее монголоидной группой среди всех поволжских татар, что сближает их с ногайцами-едисанцами³.

Другим источником, свидетельствующим об этногенетических связях касимовских татар, являются родовые, семейные знаки — тамги. Названия и формы большинства тамг аналогичны с таковыми у ногайцев. Наиболее распространенной у касимовцев была тамга в виде гребня, которая называлась «найман», (у ногайцев рода найман подобная тамга называлась «гребень» — тарак). Аргынский род «тарак» известен у казахов⁴. Тамги в виде полумесяца, сабли, дуги и ряд других имели аналогии у ногайцев таких родов, как мангыт, канглы, кыпчак, кытай, есеней. Некоторые тамги с изображением круга (солнца), восьмерки, спирали, молотка, вилы были характерными не только для касимовских татар и ногайцев, но и башкир и других тюркских народов⁵.

¹ Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX — начала XX в. // Рязанский этнографический вестник.— Рязань, 2004.— С. 20.

² Махмутова Л. Т. Бастанский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии.— Казань, 1974.— Вып. 3.— С. 47.

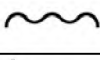

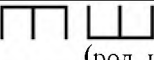

³ Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТИЭ. Новая серия.— М.-Л., 1949.— С. 64, 153—154.

⁴ Потанин Г. Н. Избранные сочинения в трех томах // Труды по истории, этнографии и фольклору.— Т. 3.— Павлодар, 2005.— С. 213.

⁵ Керейтов Р. Х. Этническая история ногайцев.— Ставрополь, 1999.— С. 98—99, 102, 105—110, 113, 117—119, 121, 123, 125—126, 128, 133; Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты.— М.-Л., 1940.— С. 132—140; Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры // Археология и этнография Башкирии.— Т. 1.— Уфа, 1962.— С. 186, 197.

Особенно заметны ногайско-башкирские параллели в тамгах касимовских татар, проживающих за Окой.

Тамги

Касимовские татары	Ногайцы	Башкиры
 дуга	тогъа	
	 туюрқпен тогъорқок	
	 къос	
	 къумук	 игезле
	 мангыт	
	 къара сыйрак	
	 алакай мансур	 койәнтә
	 елип	
 борозда		
 наискось борозда	 есеней	
 чү'еч	 шoькиш	 чүкеч
 т	 кълыш	
 пе	 тогъан	
 р	 печч	
 найман	 тарак (род найман)	
 мим, мукш	 мыкъсы	
	 камши	 әнәк

Особенности политического и социально-экономического развития обусловили своеобразие этнической истории касимовских татар. Основу их этнического субстрата составили финно-угорские и тюркские племена, обитавшие на землях Мещерского края еще до образования Касимовского ханства. В качестве этнического супер-

страта выступили выходцы из Казани, Астрахани, Крыма, Сибири, киргиз-кайсацких и ногайских орд, оседавшие на территории царства в течение XV — XVII вв. Этногенетическое взаимодействие этих племен и народностей оказало большое влияние на формирование и развитие традиционной культуры касимовских татар. В ней наиболее наглядно проявились сложные процессы политической и социально-экономической истории данной группы татар.

История Касимовского ханства была тесным образом связана с историей Казанского ханства, раздиравшегося в 60-х гг. XV в. междоусобными распрями. В 1467 г. царевич Касим, пытаясь занять ханский престол после смерти своего брата Махмута, казанского хана, организовал на Казань поход, в котором участвовали также и московские войска. Дальнейшие династические споры значительно осложнили международное положение Казанского ханства. Воспользовавшись этим, Москва взяла реванш.

В 1487 г. был организован поход русских войск на Казань, завершившийся установлением вассальной зависимости нового хана Мухаммет-Эмина от московских правителей. В результате Иван III принял титул князя Булгарского, а династические споры в Казани были прекращены русскими. Правители Касимовского царства имели титул царевичей, кроме тех лиц, которые ранее, до воцарения в Касимове, где-нибудь были ханами: Нур-Даулет Крымский, Шах-Али Казанский. Они сохранили титул царя (хана). Из правителей Касимова первым получил титул царя Сеин-Булат (Симеон Бекбулатович), который после крещения в 1573 г. оставил Касимов. Положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати в России было настолько высоким, что даже в середине XVII в. они считались «честью... бояр выше, а в думе ни какой не бывают и не сидят». В Государевом родословце середины XVI в. имена татарских царевичей помещены непосредственно за потомками удельных князей московского дома¹. До 1486 г. титул касимовских ханов переходил по наследству (включая правление Касима и его сына Данияра). После Данияра касимовские цари и царевичи назначались по усмотрению русских правителей.

Своего «апофеоза» в этом качестве, то есть наибольшего значения для Русского государства, Касимовское царство достигло в I-й пол. XVI в., когда основной целью московской внешней политики стал «восточный вопрос» — подчинение Казанского ханства. В 1551 г. казанцы, во главе с представителем высшего духовенства сеидом Кул-Шерифом и князем Бибарсом Ростовым, были вынуждены предложить возглавить Казанское ханство касимовскому хану

¹ *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории).— М.: Мысль, 1982.— С. 234—235.

Шах-Али, который согласился стать казанским ханом в третий раз¹. В Казани располагалась ханская гвардия, состоявшая из касимовских служилых татар. Численность их была, видимо, значительной. По сообщению «Казанского летописца», в 1521 г. во время резни в Казани погибло пять тысяч касимовских татар ханской гвардии². Однако задачи московской политики не были решены. Хан Шах-Али не спешил учитывать интересы московских политиков. Он был недоволен тем, что в его правление передавалось не все Казанское ханство, а всего лишь его половина. Шах-Али не выполнял условий договора об освобождении русских пленных, а на требование ввести в Казань русские войска, ответил, что не впустит их в исламский город³. Московские правители относились к касимовским татарам настороженно, с недоверием. Об этом свидетельствует тот факт, что накануне взятия Казани в 1552 г. Иван Грозный, приказав войскам готовиться к штурму, дал особое распоряжение насчет Шах-Али и касимовских татар. Им не разрешили идти на приступ города и включили в состав той части войска, которая должна была оберегать тыл атакующих русских полков⁴.

Очевидно, что в середине XVI в. ситуация с касимовскими царевичами значительно изменилась в отношении их роли: они перестали быть «послушными орудиями» в руках московских правителей, пытавшихся подчинить себе Казань мирным путем. Гибкая политика касимовских ханов и функционирование Касимовского ханства в качестве буферного государства тормозили военную экспансию Москвы в отношении Казанского ханства, обеспечив тем самым его населению жизнь и относительно мирное существование в течение нескольких десятков лет, вплоть до его завоевания в 1552 г. Касимовские татары сыграли, несомненно, огромную роль в защите русских границ от набегов кочевников. Расположение царства на основном оборонительном рубеже Русского государства, который на юге протянулся по берегу Оки, предопределило судьбу отрядов касимовских царевичей в XVI в. Татарские князья с их уланами и казаками создавали кордон против восточных набегов кочевников⁵. Южная граница Московского государства получила организованную и постоянную защиту. Они

¹ ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т.13.— С.166—167.

² Рахимзянов Б. Р. Представители Большеордынской династии в Казани и Мещере (1520—1550 гг.) // Казань в средние века и раннее новое время / Материалы Всероссийской научной конференции.— Казань, 2006.— С.134.

³ ПСРЛ.— Т. 13.— С. 469, 171, 471—472, 174, 474.

⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 381.

⁵ Каргалов В. В. На степной границе.— М., 1974.— С. 37; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в.— М., 1952.— С. 208.

несли сторожевую службу на «Казанской Украине» и на Волге, перехватывали посольства из Казани в Крым и обратно¹. Условия военной службы татар были очень тяжелыми: скудное походное питание, физические лишения, постоянное пребывание верхом на конях, болезни подтачивали здоровье служилых людей. Таким образом, в Касимовском царстве ценой тысяч человеческих жизней происходило оформление института служилых татар, первоначально известных как «служилая мещера». Использование татар на московской великокняжеской службе имело давние традиции. Отдельные татарские мурзы, выходцы из Орды, уже с конца XIV в. переходили на военную службу к московским князьям, например, к Дмитрию Донскому — Алабуга и Серкиз, к Василию Васильевичу — царевич Бердыдат. Служилые татары обычно группировались в отряды, из которых создавались отдельные полки, а иногда и большое войско, как, например, у Мухаммет-Эмина и Нур-Даулета, выступивших в 1501 г. против Орды. У Шах-Али было 30-тысячное войско. Отряды и войска служилых людей из Мещерской земли принимали участие в походах русских войск. Они часто выступали под командованием касимовских ханов, например, в 1480 г. во главе с Нур-Даулетом, в 1487 г. — с Мухаммет-Эмином, в 1490 — 1491 гг. с Сатылганом, в 1501 г. — с Нур-Даулетом и Мухаммет-Эмином, в 1505 г. — с Сатылганом и его братом. В конце 1555 г. касимовские служилые татары были включены в состав русского войска, отправлявшегося воевать против шведов, а затем против Ливонии. В начале XVII в. касимовцы были снаряжены сторожить крымскую границу. Наряду с военными походами русское правительство отправляло их вожакими и переводчиками (толмачами) к послам, ездившим в Орды, а иногда одних посылали с грамотами или для переговоров, как, например, в 1553 г. городецкий татарин Ян-Булат приезжал в Москву от посла Данилы Губина с донесением из ногайских улусов².

Вознаграждением за несение службы были земельные пожалования — поместья, становившиеся нередко наследственными. Ими владели целые группы татар или каждый в отдельности³. В свою очередь «... служилый человек с поместья должен был содержать себя и свою семью и быть готовым к походной службе конным и оружием»⁴. Территория царства, издавна освоенная земледельче-

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование...— Часть первая.— С. 286—287.

² Там же.— С. 453, 291.

³ Сторожев В. Н. К вопросу о четвертиках.— СПб., 1892.— С. 2—3; Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века.— СПб., 1897.— С. 234.

⁴ Веселовский С. В. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси.— М.-Л., 1947.— Т. 1.— С. 263—264.

ским населением, заселялась служилыми татарами не сразу. Раздача земель вокруг города Касимова происходила вплоть до середины XVII в. Об этом свидетельствуют отдельные записи из Древних актов и грамот. В них говорится о разделе имения Касимовского уезда в селе Подлипках между служилыми татарами Коскеем Карамышевым и Девлеткеем Девлетказиным; о разделе имения между служилыми татарами Кадриком Биманакковым и Доином Торгасовым в селе Старбаево; об отделе поместной земли служилым татарам в селе Лому, в деревнях Болотцы, Келдышево, Купреяновской и т. д.¹ Перед большим походом правительство выдавало служилым людям жалованье².

Касимовское царство было вассальным княжеством типа удела с ограниченными правами их владельцев. По своему общественному строю оно являлось копией Казанского ханства³. Классовая структура Касимовского царства была выражена довольно четко. Господствующий класс представляли феодалы различных рангов: царь (хан) или царевич (султан) и его приближенные — светские лица (карачи, даруги, казначеи), военные (князья, беки, мурзы, тарханы, уланы, казаки), духовенство (сеиты, абызы)⁴. Земля была поделена между государством, отдельными лицами (военно-ленная система, при которой земельное пожалование давалось при условии военной или иной службы царю) и мусульманским духовенством. Самыми крупными феодалами — вотчинниками — были касимовские цари. Им принадлежали родовые поместья на территории Елатомского, Угличского, Ярославского уездов⁵. В Касимове им был пожалован Старый Посад с каменным дворцом. Ханам и султанам шли доходы с деревень, лесов, лугов, озер, пчельников. Им платили дань местные жители — мещера, мордва⁶. По отношению к русским горожанам и крестьянам, жившим на пожалованной земле, касимовские владельцы оставались кормленщиками,

¹ Опись дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии.— Рязань, 1891.— Т. 6.— Вып. 1.— № 3.— С. 38, 39; Опись дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии.— Рязань, 1892.— Т. 7.— Вып. 2.— № 2.— С. 27.

² *Веселовский С. В.* Феодалное землевладение...— С. 264.

³ *Мухамедьяров Ш. Ф.* Народы Среднего Поволжья // Очерки истории СССР. Период феодализма: конец XV — начало XVII в.— М., 1955.— С. 661—664.

⁴ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование...— Часть вторая.— С. 410, 440.

⁵ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование...— Часть третья.— С. 323; *Черменский П. Н.* Материалы...— С. 45.

⁶ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование... — Часть третья.— С. 323—327, 464, 489.

а по отношению к подчиненным им татарам были настоящими феодалными государями¹.

После царей и царевичей довольно многочисленную группу феодалов составляли мурзы-дворяне. Примечательно, что они имели право обменивать поместную землю в различных краях России. Так, в «променной записи» Кутломамета-мурзы Вирдикеева говорится о «промене поместной его пустоши в Луховском уезде в Пелинской Луке на поместную землю... Чупрасова... в Вологодском уезде да в Черменском уезде»². На следующем месте феодальной иерархии стояли финансовое чиновничество и духовенство. Значительную часть населения Касимовского царства составляли представители низшего феодального сословия, которые одновременно являлись основным резервом татарского войска. Они приходили служить вместе с царевичами, звались у русских «казаками» и сами себя так называли. Служилые татары обычно группировались в отряды, подчинявшиеся мурзам и князьям. Из этих отрядов создавались отдельные полки и войска³.

В Касимовском царстве обработка земель производилась феодально-зависимыми крестьянами-татарами, которые хотя и считались юридически свободными, но фактически были в зависимости от татарских феодалов. В таком же положении находились бывшие военнопленные-рабы⁴. Они составляли незначительную прослойку и были в основном крымцами, ногайцами, ибо русских военнопленных содержать в царстве запрещалось по указу царя⁵.

Рабы-военнопленные наделялись землей и переходили в категорию феодально-зависимых крестьян. Мурзы заставляли их отбывать барщину и выплачивать оброк, всячески издевались, могли продать в рабство, переселить в другую губернию. Все это было узаконено высшей мусульманской иерархией. Например, касимовский мурза Аликей Аталык в своем Духовном завещании (1639 г.) передавал младшему родичу своего «чуру» (раба) немца, купленного у сына Янбулатова Кутаная. Зятю оставлял женку свою, немку по имени Курман-би, купленную у сына Бурнаева Утямыша. А прочих своих людей-пленников (ясиров) отпускал на волю⁶. О бесправном положении крестьян свидетельствует ряд документов. В их числе послушная грамота царя Василия Ивановича о передаче касимовскому татарину Бекзяну Токаеву поместья с крестьянами; «дело по челобитью служилого касимовского татарина о насильственном

¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962.— С. 45—46.

² Опись дел...— Т. 7.— С. 29.

³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 30.

⁴ Шиманский М. Рязанский уезд...— С. 38.

⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Часть первая.— С. 74.

⁶ Орлов А. М. Мещера, мещеряки, мишари.— Казань, 1992.— С. 78.

завладении его людьми Ешкеевым»; список с купчей на продажу Деем Стахановым вотчинных его крестьян Егупу Михайлову¹. Известен факт перевода в начале XVIII в. касимовским помещиком Тевкелевым своих крепостных татар из Касимовского уезда в д. Терся Елабужского уезда Вятской губернии². Часть крепостных откупалась на волю, как, например, Ишимбаевы и Костровы, которые впоследствии стали крупными купцами.

Трудовое население города Касимова состояло из феодально-зависимых (вотчинных) и посадских «свободных» людей. К первым относились царские мастеровые люди; каменщики, плотники, ювелиры и т.п. Посадские «свободные» ремесленники занимались изготовлением своей продукции для продажи на рынке.

Касимовские татары принимали активное участие в торговле. Этому в значительной степени способствовало удобное расположение города Касимова на стыке торговых путей, наличие в крае крупной реки Оки — главной жизненной артерии, благоприятствовавшей интенсивным торговым связям центральных губерний России и Востока. Там соединялись три главных государственных пути: Астраханский, Закавказский (Липецкий), Нижегородский (Сибирский). Через эту территорию также проходила важная сухопутная дорога, обычно зимняя, из Нижней Волги на Москву, затем на Нижний Новгород и на Казань. Через Касимов была проложена дорога «Наровчат — Темников — Кадом».

Татары вели активную торговлю и на международной ярмарке близ Нижнего Новгорода. Среди них были крупные купцы, связанные с торговыми центрами Средней Азии, Ирана и т.д. Через реки Оку и Волгу и по Каспийскому морю купцы добирались до Персии. Обмен товарами происходил чаще в Астрахани, путь до которого на малых судах занимал менее 20 дней, а на обыкновенных стругах — 40—42 дня. Путь персидской торговли с Россией был удобен для торговли шелковыми тканями³. Благоприятным фактором было установление во 2-й пол. XV в. высоких таможенных пошлин для казанских и восточных купцов в окраинных русских городах (Нижний Новгород, Муром) и в Сурско-Окском междуречье⁴.

¹ РГИА. Ф. 558.— Оп. 2.— Ед. хр. 201.— Л. 6, 20, 102; Ф. 558.— Оп. 2.— Ед. хр. 200.— Л. 83, 113; Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв.— Т. 1.— Вып. 2.— С. 55; Опись дел...— Т. 7.— Вып. 2.— № 2.— С. 28; Шиманский М. Рязанский уезд...— С. 38.

² Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона.— Казань, 1993.— С. 63.

³ Кильбургер Ф. Краткое известие о русской торговле.— Спб., 1820.— С.122.

⁴ Документы и материалы по истории Мордовской АССР.— Саранск, 1950.— Т. 1.— Ч. 1.— С. 139—140.

В результате торговля перешла в руки местных купцов, в том числе и касимовских татар. Служилые татары пользовались некоторыми привилегиями, например, им предоставлялось право на ведение торгово-предпринимательской деятельности в любом районе России. Они проводили торговые операции и в Касимове, на действовавших там Казанской и Сергиевской ярмарках. Предметами торговли служили в основном хлеб, мед, воск, домашние животные, меха, кожи, заготовки и изделия сапожного ремесла¹. Касимовские татары имели тесные контакты с русским народом. Служба в Русском государстве, образование широкой экономической общности в пределах единого рынка, отсутствие каких-либо серьезных отличий в развитии хозяйства касимовских татар и их соседей способствовали установлению между ними тесных хозяйственно-культурных связей и приобщению татар к русской культуре. В касимовском говоре имеется значительное число русских заимствований, особенно в области хозяйственно-бытовой терминологии. Татары, в основном мужчины, свободно владели русским языком.

Со 2-й пол. XVI в. приток тюркоязычного населения в Касимовское царство стал ослабевать. Это было связано со снижением роли царства как буферной организации в отношении Казанского ханства, которое в 1552 г. было присоединено к Русскому государству. Касимовских правителей стали ограничивать в их власти. Фактически они перешли на положение служилых землевладельцев, а их делами стали ведать московские воеводы. Постепенно русское правительство стало принимать меры по упразднению Касимовского царства. Последняя регентша Фатима-султан (бием) владела лишь своей летней резиденцией в селе Царицыно (Бием Сала) недалеко от Касимова. После ее смерти, в 1681 г., царство перешло в руки единогодержавного управления Российского престола. Так закончилась история Касимовского царства, просуществовавшего в самом центре русского государства более двухсот лет — с середины XV до последней четверти XVII в.

Этническая история касимовских татар не ограничивалась рамками царства. Процесс формирования и развития данной группы можно условно разделить на два периода. В первый период, до 40-х гг. XV в., еще до образования Касимовского царства, на территории Мещерского края сложился этнический субстрат, на основе которого происходило формирование группы татар-мишарей. Следующий период охватывает 2-ю пол. XV—XVI вв., когда в Касимовское царство начался приток различных этнических групп и

¹ Привалова Н.И. Торги гор. Касимова в середине XVII века // Исторические записки.— М., 1947.— Т. 21.— С. 117, 119, 131; Дубинская Л. Г. Города Мещерского края во второй половине XVII в. // Города феодальной России.— М., 1966.— С. 270.

оформление собственно касимовской группы татар. Ее образование происходило в тесной связи с татарами казанскими и мишарями. Поэтому следует подчеркнуть, что эта группа, несмотря на наличие мощного иноэтнического окружения (русские, мордва) и значительного вкрапления позднего тюркского этноса, сохранила единство в культуре с основными группами волго-уральских татар. После 1552 г., когда весь Средневожский и Приуральский край вошел в состав русского государства, постепенно сложились новые условия, которые привели к активному смешению и территориальному взаимопроникновению татарских групп¹. Период XVIII — начала XIX вв. явился переломным в политической и социально-экономической жизни татар. В начале XVIII в. г. Касимов был переведен из ведомства Посольского Приказа в ведомство Приказа Казанского дворца. В 1719 г. город входил в состав Шацкой провинции Азовской губернии, а позднее Воронежской губернии. В 1796 г. Касимов стал одним из уездных городов Рязанской губернии².

Упразднение Касимовского царства создало, с одной стороны, благоприятные условия для более тесных экономических и культурных связей с другими группами поволжско-приуральских татар, а также с русскими и другими народами. С другой стороны, упразднение царства имело отрицательные последствия для самих касимовских татар. Постепенно они лишались былых привилегий: русское правительство начиная с I-й пол. XVIII в. издало ряд указов, направленных на устранение инородческого служилого землевладения. Так, указами 1713, 1715 гг. инородцам-магометанам, владевшим поместьями и вотчинами, приказывалось перейти в православие. В противном случае эти земли отходили государю или их крестившимся родственникам³. В таких условиях, борясь за выживание, часть служилых татар была вынуждена принять православие. В их числе были семьи Костровых, Ширинских, Тургеневых и др. Впоследствии они вошли в состав русского феодального класса, а позднее — русской буржуазии⁴. В Касимове в конце XIX в. про-

¹ Халиков А. Х. Основные этапы формирования татарского народа // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 год.— Казань, 1973.— С. 147—148.

² Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен.— Рязань, 1891.— С. 120; Щекатов А. А., Максимович Л. И. Словарь географический Российского государства.— М., 1804.— Ч. 3.— С. 366; Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А.— СПб., 1895.— Т. 14а.— С. 662, 644.

³ Ташкин С. Ф. Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири.— Казань, 1922.— С. 7; Шишкин Н. И. История...— С. 136.

⁴ Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения.— Казань, 1992.— С. 110, 170; Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения.— М., 1979.— С. 6.

живали русские князья с татарскими фамилиями Енгалычевы, Кудашевы, Колончаковы, Кугушевы и др.¹ Феодално-зависимым людям переход в православие давал возможность стать свободными. В архивных документах XVII—XVIII вв. имеются многочисленные дела с заявлениями подателей о крещении. В их числе челобитная «крымского полоняника Муртазы», дело «о находившейся у крымского татарина Байсукина пленной польской девки Агафьи», челобитная «новокрещеного ногойца (Баима) Ивана об исключении его из холопства от князя Прозоровского»².

Другой причиной, способствовавшей переходу в христианство, была материальная заинтересованность. В архивных документах немало дел о крещении и вознаграждении крестившимся татарам. К ним относятся дела татар Кутюша Шейдякова, Кудайната Урмаметьева, Кантемира Байтерякова о даче им в качестве награждения разного жалованья и княжеского титула; челобитная крещеных татар Степана Тебеева, Андрея Джинайдарова о даче им за принятие греческого закона по сукну английскому и по тафте; выписка о даче государева жалованья новокрещеным татарским мурзам — князю Шейдякову, Тупаеву, князю Тургеневу, князю Борису Куликову, Исупову и Мамаеву³. Несмотря на христианизацию, среди некрестившихся татар происходил процесс усиления ислама. В Касимове, рядом с правителем, селились представители духовенства (сеиды, ахуны, абызы). Духовенство пришло в Касимов со стороны: из Тамбовской (Девликамовы из с. Бостан), Пензенской, Казанской (Утягановы) губерний, из Крыма (Ширинские). В Касимовском уезде образовались наследственные династии⁴. В последней четверти XIX в. в Касимовском уезде функционировало 8 мечетей⁵. Ислам выполнял для касимовских татар, так же как и для всего татарского народа, «охранительную функцию» в экстремальных условиях. С помощью ислама татарам в период с середины XV века удается сохранить себя как этнос и не раствориться в массе христианского, русского народа⁶. Поэтому неудивительно, что Касимовская противомусульманская миссия, образованная с целью

¹ Терпигорев С. Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания.— СПб., 1890.— С. 52, 133.

² РГАДА. Ф. 131.— Оп. 2.— Ед. хр. 65; Ф. 127.— Оп. 1.— Ед. хр. 267.— Л. 50.

³ РГАДА. Ф. 131.— Оп.3.— Ед. хр. 88; 4; Ф. 131.— Оп. 1.— Ед. хр. 510.

⁴ Гордлевский В. А. Элементы...— С. 8.

⁵ Семенов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи.— СПб., 1865.— Т. 2.— С. 527.

⁶ Юзев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль X—XIX веков // Татарская религиозная мысль в общемусульманском контексте.— Казань, 2002.— С. 81.

обращения татар в христианство, в последней четверти XIX в. потерпела крах. Протоиерей П. Алфеев в своем отчете писал, что «не так легко воздействовать на татар, как это представлялось. По своей сплоченной обособленности и религиозному образованию касимовские татары не похожи на крымских и казанских татар»¹. Следует отметить, что указы и инструкции 1737, 1741, 1754, 1766 гг. еще больше ущемляли права бывших служилых татар. Русское правительство под разными предлогами урезало или просто захватывало у них земли, леса и луга. Одновременно их привлекали к отбыванию различных трудовых повинностей в пользу государства. Часть касимовских татар несла феодальную повинность на лесоповалах в качестве лашманов (от немецкого *laschmann* — лесоруб). В указе Петра I от 1718 г. было предписано высылать служилых татар на бесплатные работы по заготовке, обработке и вывозу корабельного леса. Они, наряду с татарами-мишарями, были приписаны к Воронежским корабельным верфям. Лашманы рубили лес в тяжелейших условиях, зимой, в трескучие морозы, когда в соснах было мало влаги². Люди гибли тысячами от непосильного труда, голода и холода. Память об этих трагических событиях сохранили многие документы и устные народные предания, байты, песни, в которых отправление на лесоповал приравнялось к смерти. При Петре I основная масса служилых татар была переведена в «однодворцы» — низшее податное сословие феодального государства — и обложена подушным окладом³. Налоги им приходилось платить в двойном размере как Казанской адмиралтейской конторе, так и губернатору и воеводе. Все это способствовало резкому ухудшению социально-экономического положения касимовских татар. Правительство сохранило им владельческое (четвертное) право на землю по прежним жалованным грамотам и право общинного владения землями, значившимися за ними по писцовым книгам⁴. Землепользование, основанное на «четвертном» праве, имело много общего с частной собственностью: земли могли передаваться по наследству, продаваться своим же общинникам. «Четвертные» земли, расширявшиеся за счет освоения новых лесных массивов, закреплялись за родами⁵. С течением времени, в связи с увеличением наследников и разделов между ними, участки дробились и мельчали, способствуя малоземелью и аграрному перенаселению. Кроме того, подобная

¹ Алфеев П. Касимовская противомусульманская миссия // Рязанские епархиальные ведомости.— Рязань, 1898.— № 13.— С. 759.

² Ташкин С. Ф. Иностранцы...— С. 7, 10, 18—19, 21.

³ Водарский Я. В. Население России в конце XVII — начале XVIII в.— М., 1977.— С. 103.

⁴ Ташкин С. Ф. Иностранцы...— С. 18, 21.

⁵ Гордлевский В. А. Элементы...— С. 205.

форма землевладения способствовала довольно раннему и интенсивному имущественному расслоению татар. Царизм, одновременно с национальным гнетом нерусских народов, проводил феодально-классовую политику, рассчитанную на создание социальной опоры в лице татарских феодалов. Эта политика особенно ярко выразилась при царствовании Екатерины II. Она предоставляла им дворянские привилегии, разрешила Мусульманское духовное собрание¹. Привилегированные слои татарского общества проводили политику царской администрации и жестоко эксплуатировали рядовых татар, усугубляя тем самым и без того тяжелое социально-экономическое положение трудового населения.

Сельское хозяйство у касимовских татар тесно переплеталось с промыслами, связанными с обработкой животного сырья, — с кожаным и овчинным. В Касимове было немало мерлушечных мануфактур, принадлежащих татарским купцам. П. С. Паллас, будучи в Касимове в 1768 г., отмечал, что «...живущие... в городе все зажиточные, мехами торгующие купцы»².

Они развернули торгово-предпринимательскую деятельность не только в Касимовском уезде, но и далеко за его пределами. Кожевенные изделия поставлялись во многие южные города России. Касимовские торговцы принимали активное участие в установлении торговых связей России с Казахстаном и Средней Азией, так как мусульманам было легче проникнуть в среду населения, исповедовавшего ислам, нежели иноверцам³. В XVIII в. торговля имела большое значение в жизни татар, являясь одним из «средств заткнуть дыры, порожденные обидами и недостатками в земле и малой плодородностью ее, обилием всякого рода повинностей»⁴. Касимовские купцы захватили в свои руки значительную часть торговли на Маркарьевской, Троицкой, Ирбитской, Крестовской и других ярмарках, где совершали крупные торговые сделки и получали большие прибыли. Все это способствовало установлению постоянных рыночных и культурных связей между группами волго-уральских татар. Коренные изменения в социально-экономической жизни касимовских татар отразились и на этнических процессах. В XVIII — I-й чет-

¹ Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации.— Казань, 1977.— С.58—59.

² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи.— СПб., 1773.— Ч. 1.— С. 4.

³ Щекатов А. А., Максимович Л. М. Словарь...— С. 364, 366; Сербина К. Н. Источники книги Большого Чертежа // Исторические записки.— М., 1947.— Т. 23.— С. 312; Важинский В. М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII века // Города феодальной России.— М., 1966.— С. 304—305.

⁴ Ташкин С. Ф. Иногородцы... — С. 99.

верти XX вв. для всех групп татар являлись ведущими этнические процессы двух разновидностей — консолидационные и ассимиляционные. Первые протекали на трех уровнях: общенациональном, волго-уральско-татарском и субэтническом. Консолидационные процессы тесно переплетались с ассимиляционными, изменяя картину численности населения, расселения, межэтнической брачности и т. п.

С упразднением в XVIII в. Касимовского царства, являвшегося для его населения своего рода этносоциальным организмом, были ликвидированы все те условия, на которые опиралось сословие служилых татар. Приток извне тюркоязычного населения прекратился. Более того, среди касимовских татар наблюдалось усиление миграционных процессов, что отразилось и на динамике их численности. Так, между 1719 и 1745 гг. происходит убыль татарского населения Касимовского уезда на 18% (см. таблицу в Приложении). К концу XIX — началу XX в. стало заметным снижение численности татар в г. Касимове и Касимовском уезде. Если в XVIII в. их численность достигала 6 тысяч человек, то к концу XIX в. составляла около 5 тысяч человек. Главные направления миграции касимовских татар (на восток, за Волгу и Приуралье) совпадали в основном с миграциями других групп поволжских татар, особенно татар-мишарей¹.

Касимовские татары устремлялись в поисках средств существования в различные области страны. Часть их (около 15%) оседала на постоянное жительство в различных городах². Продолжалось переселение касимовских татар в Москву (в Татарскую слободу, в Замоскворечье), в состав населения которой они вошли еще в XIV—XVI вв. В начале XX столетия был зафиксирован приток касимовских татар в Петербург³. В новом районе они вливались в единую массу переселенцев-татар, теряя в культурно-бытовом отношении свои особенности⁴. Переселение в иноэтничную среду, даже тюркоязычную, напротив, приводило к консервации этнокультурных особенностей, как, например, у касимовских татар, поселившихся среди казахов в г. Петропавловске⁵. Известны факты переселения

¹ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— С. 36.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.— Рязань, 1887.— Т. 7.— С. 25.

³ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 70; Старовойтова Г. В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга-Ленинграда // Советская этнография.— 1980.— № 1.— С. 35, 37, 42.

⁴ Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона.— Казань, 1993.— С. 63.

⁵ Белиловский У. А. Городской очерк Петропавловска Акмолинской области за 1886 год.— Томск, 1887.— С. 6—10.

небольших групп населения, возможно, ремесленников и торговцев, в Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Саратовскую, Оренбургскую губернии, в Казахстан, Среднюю Азию. В Казанской губернии они основали д. Тевели-Ходяшево. Жители некоторых деревень Буинского уезда Симбирской губернии являлись выходцами из Касимовского уезда. По преданиям жителей деревень Яндовище в Сергачском уезде и Маклаковка в Васильсурском уезде Нижегородской губернии, деревни Усть-Карновар в Петровском уезде Саратовской губернии, их предки были коренными касимовскими татарами, выходцами из Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии. Крепостные касимовские татары были поселены в деревне Терся Елабужского уезда Вятской губернии¹. Миграции обусловили, с одной стороны, утечку татарского населения с территории их этнического формирования, с другой — способствовали росту численности и консолидации волго-уральских татар.

Касимовские татары приняли активное участие в формировании общности экономической жизни татарской нации. Этому способствовало быстрое развитие различных отраслей промышленности, установление постоянных, прочных экономических связей, способствовавших расширению и укреплению внутреннего рынка в масштабе всей этнической территории татарского народа. Одновременно усилился рост синхронной этнокультурной информации. В конце XIX в. сложился общенациональный татарский литературный язык. На нем велось обучение в школах и духовных училищах. Преподавательские кадры поставлялись в основном из Казани. Касимовским татарам было хорошо известно творчество татарских просветителей и писателей, книги которых привозили из Казани, Оренбурга. В Касимове издавались на татарском языке газеты «Аң», «Чалгы». Уровень грамотности татар был довольно высок: 57% взрослого населения писали и читали на татарском языке². В конце XIX в. в учебных заведениях (мектеб и медресе) обучение шло на литературном татарском языке. Из Казани и других культурных центров поступала печатная продукция, создавались библиотеки из книг татарских классиков. Был организован татарский театр «Чулпан», на сцене которого ставились пьесы татарских и русских драматургов.

Тесные экономические и этнокультурные связи касимовцев с

¹ Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // ИОАИЭ.— Казань, 1903.— Вып. 2.— Т. 19.— С. 126; Малов Е. А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк // ИОАИЭ.— Казань, 1883.— Т. 4.— С. 88, 28, 52; Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд.— Казань, 1895.— Вып. 2.— С. 44; Исхаков Д. М. Этнографические...— С. 63, 111.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Рязанская губерния.— СПб., 1903.— Т. 35.— С. 190—193.

другими группами татар имели первостепенное значение в процессе формирования единой татарской буржуазной нации. Велика заслуга касимовских татар как представителей татарского этноса в распространении такого прогрессивного явления, как просветительство, среди тюркоязычных народов Крыма, Казахстана, Средней Азии. Сохранились имена татарских учителей, работавших в Крыму, — Абдул и Шамиль Тынчеровы, Ариф Маматказин и др.¹ В этнической структуре ядра татарской нации касимовские татары, наряду с казанскими татарами и мишарями, выделяются в отдельный субэтнос². Касимовские татары имели единую территорию формирования и развития, общие языковые и культурные особенности. Специфичность исторической судьбы касимовцев отразилась и в их самосознании, для которого было характерным наличие двух разных таксономических уровней — общетатарского и локально-го — касимовского.

Многие видные деятели татарского народа имеют касимовские корни: В. Альбетков, Герой Советского Союза; В. Акбулатов, инструктор первого советского космонавта Ю. Гагарина; Р. Х. Агжитов, заслуженный организатор колхозного строительства; З. Байрашева и У. Бекбулатов, казанские профессора; А. М. Ишимбаев — заслуженный учитель, краевед; Симаковы, солисты Ленинградского театра оперы и балета; Ф. А. Тугеева, родоначальница династии врачей; С. К. Шакулова, первая в истории татарского народа женщина-математик, выпускница Сорбонны и т. д. Этот список можно продолжить, так много славных людей среди касимовских татар³.

Совместное проживание в течение нескольких веков на единой общей территории и участие в сражениях в составе царских войск определили значительную веротерпимость и лояльность касимовских татар по отношению к русскому народу. Русский писатель Сергей Терпигорев, наблюдавший жизнь касимовцев в конце XIX в., отмечал: «Русские и татары ходят друг к другу в гости. Особняком не живут»⁴. В последние десятилетия процесс этнокультурного сближения с русским народом протекает наиболее активно. Интенсивное проникновение русского языка наблюдается и в татарских семьях. Молодежь, как правило, владеет им лучше, нежели родным. Увеличивается количество смешанных браков. В то же время татары еще продолжают сохранять некоторые особенности материальной культуры, родной язык, национальное самосознание.

¹ Ганкевич Д. В. Очерки истории крымско-татарского образования.— Симферополь, 1998.— С. 102, 106.

² Исхаков Д. М. Этнографические...— С. 19.

³ Акимов В. В. Касимовские...— С. 61, 86.

⁴ Терпигорев С. Н. Лакейская столица...— С. 50.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Большая часть татарского населения размещалась на Мещерской низменности, простиравшейся к северу от реки Оки, на левом ее берегу. Поверхность края изобиловала многочисленными реками (притоками Оки), озерами, болотами и была сильно изрезана, особенно в Татарской волости, глубокими оврагами. Реки и озера Мещеры способствовали рыболовству, разведению водоплавающей птицы, а обширные леса — пчеловодству и охоте. В географическом отношении Мещера представляла собой зону смешанных лесов. Значительные массивы леса пролегали в Татарской волости, занимая к началу XX в. 22,1 % от общей площади. Почвы в Мещере были в основном песчаные, с примесью глины, считавшиеся самыми бесплодными во всей губернии¹. Рязанская сторона, располагавшаяся на правом берегу Оки, заметно отличалась в природно-географическом отношении от Мещеры. Она представляла собой сравнительно возвышенное пространство, частью холмистое, частью ровное, почти степного характера. Именно там начинался переход к зоне лесостепи. Летом почти все реки пересыхали. Почвы — преимущественно серые и темно-серые, лесные и оподзоленные, близкие к чернозему. Лишь вдоль Оки широкой полосой проходили аллювиально-луговые (пойменные почвы)². Климат в Рязанской губернии был умеренно-континентальным, с умеренно-холодной зимой и с теплым, довольно влажным летом. Такой климат в Мещерской стороне с ее обильными реками, озерами и болотами способствовал повышенной влажности. Для лесостепных районов было характерным сравнительно небольшое превышение осадков над испарением, которое формировало лесостепной ландшафт и, в отличие от лесных районов, не создавало условий для заболачивания местности³. В целом агроклиматические условия значительной части территории расселения касимовских татар не способствовали развитию такой важной отрасли хозяйства, как земледелие. Сильное эрозийное расчленение ландшафта, обилие лесных массивов, неплодородность почв и повышенная влажность воздуха Мещерского края отрицательно сказывались на возделывании зерновых культур. Рязанская сторона с ее относительно ровной поверхностью, плодородными почвами и засушливым климатом являлась более

¹ Семенов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи.— Т. 2.— СПб., 1865.— С. 527; РГИА. Ф. 1290.— Оп. 6.— Ед. хр. 76.— Л. 48.

² Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза // Ученые записки МГПИ.— М., 1947.— Т. 38.— С. 5.

³ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года.— Рязань, 1970.— С. 6.

подходящим районом для земледелия, садоводства и огородничества. Обширные заливные луга служили хорошей кормовой базой для домашнего скота.

Подавляющее большинство касимовских татар являлось крестьянами. К середине XIX столетия они составляли 91% от всего татарского населения Касимовского уезда. В конце XIX в. их численность снизилась до 72,7%, зато возросла доля мещан (14,3%) и купцов (3,06%). Остальное население (9,9%) относилось к представителям дворянства и духовенства¹. Крестьянские наделы во второй половине XIX в. занимали 12,242 десятин², то есть лишь около половины площади всей надельной земли у татар. Ведущую роль играло земледелие. Современники отмечали: «... где бы татарин ни был, и как бы ни были важны его занятия, он всегда возвращается в свою семью и к земледельческим занятиям в определенный срок»³. Татарские крестьяне подразделялись на три разряда: государственно-четвертные, государственные душево-четвертные и бывшие помещичьи. В середине XIX в. четвертные крестьяне составляли 56% от общей численности татар и входили в 30 общин. При четвертном (или, по сути ничем не отличавшемся, подворном) землевладении пашнями, а иногда и другими угодьями, распоряжались на праве личной собственности. Пашни, а в некоторых общинах и луга, переделались соответственно положенным «четвертям» путем пережеребьевок через 12, 15 или 20 лет. Леса разверстывались ежегодно осенью по «четвертям» соответственно количеству пахотной земли или же по количеству печей — «пис башына» (на одну печь полагалось 5 деревьев). Душево-четвертные крестьяне составляли 38% и входили в число 5 общин⁴. Они имели в своем распоряжении, помимо четвертных земель, и общественную землю. Часть пашни, лугов и лесов являлась собственностью всей общины и разверстывалась не по «четвертям», а по душам мужского пола — «жан башына».

Из общественного фонда также выделяли земли для новых членов общины. Крестьяне из бывших помещичьих составляли всего 6% и входили в 2 общины, причем одна из них была объединенной с русской общиной⁵. Они имели только общественную землю, пери-

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Рязанская губерния.— СПб., 1903.— Т. 35.— С. 242—243.

² Населенные места Рязанской губернии.— Рязань, 1906.— С. 168.

³ Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния.— СПб., 1860.— С. 406.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.— Рязань, 1887.— Т. 7.— С. 358—373, 378; Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.— Рязань, 1892.— Т. 11.— С. 118.

⁵ Сборник... — Т. 7.— С. 358—373.

одически подвергавшуюся коренным переделам. Однако, несмотря на существенные различия, в трех указанных формах крестьянского землевладения было много общего: чересполосица, дальноземелье, жеребьевки, заменяющие в подворном владении коренные переделы, общинное пользование лугом, выгоном, пастбищем, лесом¹. Каждое крестьянское хозяйство метило свою собственность особым знаком — личной тамгой, переходившей от поколения к поколению по наследству.

Во 2-й пол. XIX в., в результате интенсивного проникновения капиталистических отношений в деревню и углубления социально-экономического расслоения татарского общества, происходило формирование двух новых типов сельского населения — деревенской буржуазии и сельского пролетариата. Между кулацкими и бедняцкими слоями вырастала особенно резкая грань в отношении обеспеченности землей, скотом, орудиями сельского хозяйства. Касимовские татары, являвшиеся в основной своей массе потомками служилых людей, были обеспечены землей несколько лучше, чем русские крестьяне (за исключением «четвертных»). Безземельные хозяйства составляли 3,5%².

В конце XIX в. у татар в Касимовском уезде было в среднем по 14,9 десятин на двор или по 6,1 десятин на надельную душу³. В некоторых поселениях (12%) на двор приходилось в среднем по 7 и менее десятин земли. Как известно, разоренной считалась та часть российского крестьянства, которая имела на одно владение 7 десятин земли. Во многих населенных пунктах (36%) на одно хозяйство приходилось в среднем от 8 до 14 десятин земли. Считалось, что 8 десятин на двор было недостаточно для содержания семьи. Средними неразоренными хозяйствами считались те, которые имели 15-десятинный надел. У касимовских татар доля поселений, имевших на двор в среднем по 15 и более десятин, была довольно велика — 52%⁴. Таким образом, можно констатировать, что наряду со значительным числом поселений, обладавших достаточным количеством земли, крестьяне почти половины (48%) всех татарских поселений страдали от нехватки земель. Учитывая неплодородность почв, особенно в Татарской волости, можно представить, насколько велика была потребность в земле у значительной части крестьян.

Со 2-й пол. XIX в. подворное землевладение в Касимовском уезде все более принимало вид владения землей на праве личной собственности. Вследствие того что значительная часть четвертных

¹ Сборник...— Т. 11.— С. 72—73.

² Там же.— С. 71.

³ Там же.— С. 54—55, 67.

⁴ Касимовский уезд в цифрах. Статистический сборник.— Касимов, 1900.— С. 137—624.

владельцев проживало вне селений, связь между ними утрачивалась. Переход четвертных владений в посторонние руки производился с большой легкостью, причем владения дробились на маленькие клочки. В то же время в руках небольшой группы зажиточных крестьян (они составляли в конце XIX в. 9,2% от общего числа домохозяйств) сосредоточивалось до 837 десятин купчей (собственной) земли¹. Процесс социально-экономического расслоения сельского общества касимовских татар проявился особенно ярко в отношении владения рабочим скотом — лошадьми. В конце XIX в. у татар насчитывалось до 42,3% безлошадных дворов. По сравнению с данными середины XIX в. их число увеличилось более чем в полтора раза². Безлошадные крестьяне входили в группу неимущих, доля которых у касимовских татар была несколько выше, чем у других групп татар. Например, в Казанской губернии безлошадные дворы составляли 34,6%³. Жизненный уровень и состоятельность безлошадных хозяйств почти не отличались от однолошадных, которых у касимовских татар было немало (26%)⁴. Значительное количество (68,3%) безлошадных и однолошадных хозяйств являлось свидетельством очевидной пауперизации широких слоев крестьянства. Крестьян-середняков было немного, они составляли 17%. Удельный вес зажиточных хозяйств, или сельской буржуазии, владевшей тремя и более лошадьми, был невелик — 14%. Но в ее руках находилась почти половина (42%) всего рабочего скота⁵.

Расслоение татарского сельского общества прослеживается и в обеспеченности крупным рогатым скотом — коровами. Более четверти хозяйств (28,7%) их не имела вообще. Дворы с одной коровой составляли 39,3%, а с двумя и более — 32%⁶. Отсутствие или недостаток у значительной части крестьян столь важного в хозяйстве скота, следовательно, и удобрений, хотя и косвенно, но отрицательно сказывалось на ведении земледелия. Кроме того, немало хозяйств (22%) не имели своего сельскохозяйственного инвентаря и обрабатывали землю чужим⁷. Существенной помехой для земледелия была чересполосица. Пахотная земля четвертных крестьян обычно лежала в общем отрубе, и отдельные домохозяй-

¹ Сборник...— Т. 11.— С. 118—119, 70.

² Там же.— С. 56—57.

³ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая.— Казань, 1896.— С. 75; *Энгельгардт А. П.* Очерк крестьянского хозяйства в Казанской и других средневожских губерниях.— Казань, 1892.— С. 14.

⁴ Сборник...— Т. 11.— С. 56—57.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.— С. 54—55, 228.

ства владели своими частями чересполосно. Надел слободских татар был раздроблен на 21 участок. Отрицательно отражался на земледельческом производстве недостаток рабочих рук. Значительное число крестьянских хозяйств — 40,8% — располагало лишь одним работником¹.

Вследствие недостатка рабочей силы, тяглогового скота, орудий труда, потребности в деньгах для внесения податей часть касимовцев была вынуждена отдавать свои наделы в аренду. Подобное явление было характерным для крестьянства всей России. Даже в официальных источниках отмечалось, что этот факт является одним из важнейших признаков упадка благосостояния населения. В конце XIX в. у татар было 21,6% хозяйств, сдающих свои наделы в аренду, а у русских крестьян разряда бывших фабричных — 22,4%, государственно-душевых — 9%, государственных бывших помещичьих — 8,2%². Земли (пахотные, угодья для скота) сдавали в первую очередь безлошадные крестьяне. Они, забрав деньги вперед за весь срок аренды и не имея возможности рассчитаться, переходили практически в разряд безземельных крестьян. У татар, владевших землей на «четвертном» праве, отчуждение наделов не встречало значительных препятствий со стороны общины. В аренду предназначались и те участки, которые размещались на значительном расстоянии от местожительства их владельцев. Так, татары из Шелдаисской волости Керенского уезда Пензенской губернии пользовались арендованным у касимовских татар «Касимовским полем», а русские крестьяне села Селище — пашнями и усадьбами татар Старого посада³.

Кроме пашен и усадеб сдавали часть лугов (скошенную траву делили пополам). Более выгодна была аренда для зажиточных крестьян, эксплуатировавших нуждающихся крестьян. Не резкой была разница между арендой и обработкой надела наймом (задворным работником или только чужой лошадей), распространенной в безлошадных хозяйствах. Их экономическую слабость были вынуждены констатировать даже официальные источники, отмечавшие, что «хозяйство крестьян, обрабатывающих надел наймом, большей частью за неимением лошади, настолько непрочное, зависит от стольких случайностей, что только редкие из таких домохозяйств могут удержаться, чтобы не впасть в полное разорение и, таким образом, пополнить собою ряды безземельного пролетариата»⁴.

¹ Сборник...— Т. 11.— С. 61.

² Там же.— С. 144.

³ Там же.— С. 236; Вестник Пензенского земства.— Пенза, 1911, № 8—9.— С. 95.

⁴ Сборник...— Т. 11.— С. 144.

Экономическую основу крестьянского хозяйства подрывали непомерно высокие налоги. Население Татарской волости ежегодно должно было уплачивать 14 623 руб. 63 коп¹. На одного домохозяйина приходилось в среднем 26 руб. 10 коп. (примерно столько же было у русских крестьян того же разряда — государственных четвертных). Основная масса татарских крестьян не имела возможности уплатить налоги полностью. К концу XIX в. казенные и земские недоимки составили по Татарской волости 26 тыс. рублей².

В середине XIX — начале XX в. у касимовских татар господствовала, так же как и по всей Рязанской губернии, паровая система земледелия³. Распространение ее в центральных и северных районах России, где пахотных земель было значительно меньше, чем в южной степной полосе, обеспечивало сохранение плодородности почвы и давало возможность иметь постоянную пашню и намного интенсивнее эксплуатировать землю. Одновременно местами сохранилась и залежно-переложная система земледелия.

В начале XX в. перелог составляли 9,5% от общей площади пашни⁴. Паровая система имела трехпольный севооборот (*ос'ыр*) (термины даны с учетом фонетических особенностей касимовского говора). Одно поле отводили под пар (*пар*), другое — под озимые (*езли'лар*), а третье — под яровые культуры (*жазлы'лар*). В начале XX в. общая площадь посевов равнялась 3015 десятинам, а под паром находилось 1448 десятин. Земледелие имело зерновую специализацию. В Татарской волости под зерновые было отведено 89,4% всей посевной площади. На одно хозяйство приходилось в среднем по 5,34 десятины посева⁵. На озимом клину высевали ведущие культуры — рожь (*арыш*), пшеницу (*бодай*), а на яровом поле — овес (*солы*), гречиху (*'ара бодай*), просо (*тары*), ячмень (*арпа*) и в незначительном количестве яровую пшеницу. Там же сажали лен (*лин*), чечевицу (*ясмы'*). Посевы таких злаков, как пшеница и просо, к концу XIX в. значительно сократились, а в начале XX в. и вовсе исчезли с полей касимовских татар. Их возделывание на выпаханных и засоренных пашнях требовало больших усилий. Хорошо росли эти злаки на перелогах, но их площадь постепенно уменьшалась. В начале XX в. у касимовских

¹ Касимовский уезд... — С. 137.

² Сборник... — Т. II. — С. 144, 278.

³ Баранович М. Материалы... — С. 177; Сабурова Л. М., Торэн М. Д. Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX — начале XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. — М., 1967. — С. 18.

⁴ РГИА. Ф. 1290. — Оп.6. — Ед.хр. 76. — Л. 22.

⁵ РГИА. Ф. 1290. — Оп.6. — Ед.хр. 76. — Л. 48.

татар посевная площадь была распределена (в процентах)¹ следующим образом:

рожь	овес	ячмень	гречиха	картофель	лен	прочие
49,3	38,5	0,9	0,7	7	0,2	9,5

Ассортимент и соотношение полевых культур, выращиваемых касимовскими татарами, зависели от почвенно-климатических условий, господствующей системы земледелия, предусматривающей определенное сочетание культурных злаков, этнических традиций и инноваций. Для Мещерского края с его малопродуктивной почвой, запоздалой весной (в апреле еще только начинали таять снега, в то время как в южной части уезда уже приступали к пахоте и севу), относительно влажным летом и холодной зимой наиболее подходящими являлись неприхотливые и малотребовательные к структуре почвы культуры морозоустойчивой озимой ржи и влаголюбивого овса.

В Рязанской губернии в конце XIX в. озимой рожью, главным хлебом крестьянского хозяйства, было занято 50,2% площади посева, овсом — 27,7%². Для хозяйства русского крестьянина были характерны те же самые культуры. Однако у татар, в отличие от соседей, видное место занимал ячмень, больше высевалось гороха и чечевицы, но меньше — льна³. Эти особенности объясняются как этническими традициями, так и социально-экономическими факторами. Ячмень издавна входил в число культивируемых растений у поволжских татар⁴. Вика и чечевица шли на корм скоту. Культура льна у касимовских татар, широко использовавших фабричные ткани, потеряла былое значение. Его выращивали в ограниченном количестве для получения небольшого количества волокна и масла.

Земледелие у татар было пашенным. Поля обрабатывали при помощи упряжных пахотных орудий — сохи, плуга, иногда — косули. Основным орудием пахоты была соха (*су'а*) двузубая, с перекладной палицей. Такие сохи имели широкое распространение в средней полосе Европейской России при трехполье в условиях лесной зоны с ее легкими почвами. В конце XIX — начале XX в. у касимовских татар появились стальные плуги как фабричного, так и кустарного изготовления, производство которых было особенно развито в Рязанской губернии. Однако широкого распространения они не получили, составив в начале XX в. 6,3% от общего количества орудий⁵. В последующие годы переход к плугам осуществлял-

¹ РГИА. Ф. 1290.— Оп.6.— Ед.хр.76.— Л. 22.

² Сборник...— Т.11.— С. 133.

³ Там же.— С. 133—134.

⁴ Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX вв.— М., 1981.— С. 30.

⁵ РГИА. Ф. 1290.— Оп.6.— Ед.хр.76.— Л. 22.

ся более успешно. Так, по сведениям 1928 года, в Касимовском уезде самый большой процент хозяйств, использовавших плуги (58%) и менее всего сохи (47,8%), приходился именно на Татарскую волость¹. В начале XX в. некоторые хозяйства обзаводились косулями, которые в целом использовались слабо из-за дороговизны, тяжести и необходимости после перепахивать поле сохой.

В середине XIX в. татары старались вспахать поле троекратно, что было характерно в целом и для всей Рязанской губернии. Вот как производилась обработка земли со слов современника: «...первое вспашет землю и окажется земля глыбами, и для разбивки тех глыб волочет бороною, а потом сохою пашет, что называется двоить, и после ту еще землю боронит, и после посева обратно сохою семена запахивает, оною же бороною волочит (кроме ржи), чтобы зерна наверху остаться не смогли»². Троекратная вспашка во 2-й пол. XIX в. была весьма обременительна даже для среднего крестьянства, несмотря на то что гарантировала хорошую всхожесть злаков. Поэтому «троили» пашню в основном зажиточные хозяйства, да и то лишь под определенные культуры — просо, гречиху. Большинство татарских крестьян производили «двойную» вспашку. Бедняцкие хозяйства (особенно это было характерно для заокской подгруппы) не всегда имели возможность запахать поверхность земли даже после сева.

Вспаханную землю обрабатывали боронами (*себер'е*), которые по форме и материалу были трех типов: плетеные, деревянные и металлические. Они изготовлялись в татарских хозяйствах, в отличие от пахотных орудий, которые приобретались у русских. Для изготовления плетеной бороны использовали тонкие прутья из орехового дерева, 12 дубовых колышек для зубьев и черемуховые, предварительно распаренные, прутья для связывания зубьев. По конструкции татарские бороны не отличались от подобных орудий других народов края. В рассматриваемый период у касимовских татар преобладали бороны деревянные, рамные (с деревянными или железными зубьями). В хозяйствах зажиточных крестьян применялись металлические бороны, а у бедняков плетеные.

До сева старались удобрить хотя бы половину или четверть парового поля. Там же держали скот. Однако из-за недостатка животных многие крестьянские хозяйства не имели возможности внести навоз на поля. В мае сеяли овес, яровую пшеницу, просо, горох, чечевицу, ячмень, лен, коноплю, с половины июня — гречи-

¹ Рязанская губерния. Статистический отдел.— Рязань, 1928.— С. 42, табл. 15.

² Рязанская губерния сто двадцать пять лет назад в экономическом отношении // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 год.— Т. 7.— Вып. 3.— Рязань, 1893.— С. 43.

ху, в августе — рожь и озимую пшеницу¹. Что касается урожайности зерновых, то она зависела от погодных условий и уровня агротехники. Как правило, на одну десятину высевалось 10,5 пудов ржи. Нормальным урожаем считалось получение с одной десятины 49,3 пуда. Иногда урожайность достигала до 70 пудов с десятины. Однако гораздо чаще она была ниже нормы или сведена к нулю, как, например, в 1881 г., когда на полях Черного аймака все озимые культуры были побиты градом. Возделывание зерновых у татар не имело товарного направления. Хлеба не хватало даже на пропитание. Поэтому они, так же как и все население северной части Касимовского уезда, покупали хлеб из смежных уездов Тамбовской губернии через посредников г. Тумы². Семена сеяли вручную, доставая их пригоршнями из лукошка (тубал, кузов, севальник). В некоторых поселениях вместо него использовали холщовый мешочек. Такой способ сеяния считался у касимовских татар наиболее древним. Аналогичный способ был характерен и для мордовских крестьян³ и является, возможно, отголоском ранних этнокультурных связей касимовских татар и мордвы.

Уход за посевами ограничивался прополкой некоторых видов культур — пшеницы, ржи, проса. До уборки хлебов проводили сенокос (*пес'ин чапма*). При этом использовали косы-литовки (*чал'ы*), деревянные грабли (*тырмавес*), деревянные или железные вилы (*сини'*). Стога (*бо'ыл*) обкладывали жердями (*'ура*) и обвязывали арканом.

Жатву начинали в июле. Вначале снимали озимые — рожь, пшеницу, затем яровые — ячмень, овес, пшеницу, горох, чечевицу, лен, коноплю, гречиху. Позже всех убирали картофель. Орудиями уборки урожая служили серпы (*ура'*) обычного типа с изогнутым зазубренным лезвием и косы, в том числе и с грабельками (*тырмавеслы чал'ы*), обеспечивавшими кладку срезанных стеблей. Серпами жали преимущественно женщины, косами — мужчины. Серпы использовали для уборки ржи, проса. Косили гречиху, овес и другие яровые культуры (рожь — лишь в случае его неурожая). Лен, коноплю, а иногда и горох выдергивали руками.

Сжатый хлеб вязали в снопы (*'өлтә*) и для просушки укладывали на поле в крестообразной форме — «крестцами» (*дүрт миеш*). В крестец входило 17 снопов. Каждый ряд крестца состоял

¹ Сборник...— Т. 7.— С. 496.

² Толстов С. П. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и быт населения Ц.П.О.— М., 1929.— С. 21.

³ Новицкая А. П., Федянович Т. П. Сельскохозяйственные орудия мордовских крестьян в XIX — начале XX вв. // Труды Мордовской этнографической экспедиции.— Вып. 2.— М., 1963.— С. 91—92.

из четырех снопов, уложенных таким образом, что колосья одного снопа закрывали колосья другого. Последний сноп ставили комлем вверх. Кладь типа «крестцы» была широко распространена у русского населения Рязанской и ряда других губерний в средней и южной полосе России. Подобная форма укладки снопов встречалась и у татар Казанской, Самарской и других губерний¹. Высушенные на поле снопы перевозили на усадьбу на телеге (*арба*) или на специальных повозках с высокими бортами. На гумне из снопов сооружали куполообразную кладь (*бо'ыл*). Она состояла из 64—65 крестцов (или из тысячи снопов), уложенных вертикально по спирали. Сверху кладь покрывали соломой. По способу сооружения, форме и названию клады были идентичны в первую очередь «богыл» сергачских мишарей. В целом данный тип клады снопов на деревянном помосте, предохранявшем снопы от сырости и грызунов, был традиционным для волго-уральских татар². Техника сооружения клады была трудоемкой. Поэтому в зажиточных хозяйствах, имевших много хлеба, вместо нескольких таких кладей ставили одну прямоугольную скирду (*өскирт*), широко распространенную у соседнего русского населения.

В центре гумна (*ындыр*), расположенного в глубине усадьбы, устраивали ток. Рядом, по периметру, ставили скирду или кладь. Ток, в зависимости от степени зажиточности хозяина, был открытый или закрытый. Ток первого типа представлял собой расчищенную площадку овальной формы под открытым небом; ток второго типа помещали внутри молотильного сарая. Его стены были срубными или тесовыми, а иногда и плетневыми. Встречались сараи в виде навеса с воротами для проезда лошади с телегой. Нередко под одной крышей с молотильным сараем помещали хлебосушильни. Снопы и обмолоченное зерно татары сушили в бане, в специальных сооружениях типа срубного овина или овина-шиша и на солнце. Последний способ был самым простым и наиболее доступным. Его применяли для сушки небольшого количества зерна перед обмолотом. Для этого зерно рассыпали на рогоже или холстине. В случае срочного обмолота снопы помещали в бане, где имелся помост из жердей. Для сушки снопов имелись и специальные сооружения. Они были трех типов: срубный овин, рига (крытый ток с помещенным в него овином) и овин-шиш. Преобладали срубные овины (*эвен*) ямного варианта (с печью). Наиболее зажиточные крестьяне строили риги — однокамерные сушилки с печью. В конце XIX в. хозяйства, в которых

¹ Торэн М. Д. Способы уборки хлебов // Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1967.— С. 83; Халиков Н. А. Земледелие...— С. 79.

² Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— М., 1972.— С. 44; Халиков Н. А. Земледелие...— С. 82.

имелись риги и овины, составляли 35%¹. Третий тип хлебосушлен — шиш (*әшеш әвене, әвен базы*), вышедший из применения к концу XIX в., представлял собой яму с печью (или иногда без нее), с устроенным над ней коническим остовом из жердей, служившим опорой для снопов. Подобные овины ставили под открытым небом или под крышу молотильного сарая. Все типы хлебосушлен и способы укладки снопов, распространенные у касимовских татар, имели широкое бытование у других групп татар и народов Волго-Уральского региона. После сушки снопы обмолачивали. У касимовцев существовало три способа молотьябы: хлестание, топтание лошадьми и обмолот цепами. Преобладала молотьяба цепами (*чин*) «северновеликорусского» типа с биллом (*типись*), прикрепленным к ручке при помощи ремня. Молотьяба хлестанием и топтанием лошадьми применялась реже. Обмолоченное зерно провеивали на гумне лопатой, при помощи сита и ручными веялками. Веяли преимущественно лопатой на ветру. Ручные веялки появились в некоторых хозяйствах только в начале XX в. Для помола зерна у касимовских татар имелись мельницы — ручные, водяные, ветряные, паровые. Ручные мельницы (*кул тирмини*) с каменными жерновами использовались в домашних условиях. Наибольшее распространение получили водяные мельницы (*су тирмини*), которым касимовские татары отдавали предпочтение даже в том случае, если они были расположены на значительном расстоянии от поселения. Возможно, это было связано с сохранением древних традиций. В конце XIX — начале XX в. в некоторых селениях стали использовать паровые мельницы. Однако они не получили широкое распространение. В каждом хозяйстве имелись деревянные ступы (*или*) с пестами (*исаб*). Все указанные выше приспособления для размола зерна были общими для многих народов края². Хранили зерно и муку в срубных клетях и амбарах, а менее зажиточные татары — в сенях и сараях.

Позади гумна располагался небольшой участок для огородов. Основной культурой являлся картофель, хотя сажали и овощи, ассортимент которых был гораздо разнообразнее, чем на огородах соседнего русского населения. Татары, занятые отхожими промыслами, имели возможность привозить домой рассаду и семена различных культур. В небольшом количестве выращивали коноплю (*индраш*), а с начала XX в. — табак (*тамд'е*) на продажу.

Садоводство у касимовских татар, особенно левобережных, было развито слабо. Причиной тому было малоземелье и неплодородность почвы. Плодовые деревья выращивали зажиточные крестьяне, да и то не все. Лишь для татар заокской подгруппы было характерным стремление иметь хотя бы небольшой садовый участок. Привержен-

¹ Сборник... — Т. 11. — С. 57.

² Халиков Н. А. Земледелие... — С. 94.

ность жителей деревень Баишево, Сафоново, Колубердеево к садоводству, возможно, является отголоском более древних традиций, сохранившихся от их далеких предков — выходцев из Крыма¹.

Важную роль в хозяйстве касимовских татар играло животноводство. Оно являлось, прежде всего, источником продуктов питания, сырья, а также источником удобрений и тягловой силы. По словам современника, в середине XIX в. татарское население имело скот весьма недурной, особенно ногайских лошадей, низкорослых, но выносливых².

В XVII в. продажа и купля лошадей составляли значительную часть городской торговли. Их пригоняли в Касимов ногайцы и калмыки. Кроме того, поставка лошадей была в XVII в. одной из повинностей касимовских татар. Их посылали в Астрахань, Саратов и калмыцкие улусы. Поэтому на торгах в Касимове продавали большое количество лошадей, в частности ногайских³. Стоимость здоровых лошадей в середине XIX в. была высокой — от 25 до 40 рублей, в то время как цена непригодных к работе животных равнялась 3—5 рублям⁴. Особенно тщательно ухаживали за лошадьми в тех поселениях, где проживали потомки ногайцев (д. Шегошаново, Толстиково и др.). Там до XX в. сохранялась традиция весенней стрижки хвостов и грив лошадей, характерная для тюркоязычных народов⁵. Помимо полевых работ, лошади использовались как транспортное средство при извозе, которым касимовские татары занимались еще со времен ханства.

Другим крупным животным, которое стремились завести в каждой семье, была корова. Она являлась основным источником молочных продуктов, имевших большое значение в питании татар. Однако многие хозяйства (они составляли 25,7%) не располагали ни коровой, ни лошадью⁶. Татары были лучше обеспечены мелким скотом. Содержание коз и овец, являвшихся подчас единственным источником мяса, молока, шерсти и пуха, было доступно большинству крестьянских хозяйств. На одну семью приходилось в среднем

¹ Архив МАЭ. Ф. К-1.— Оп.1.— Ед.хр. 27.— Л. 2.

² Статистические сведения о состоянии скотоводства в Рязанской губернии.— Рязань, 1869.— С. 11.

³ Керейтов Р. Х. Некоторые вопросы экономической основы семьи у ногайцев в XIX — начале XX вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии.— Черкесск, 1983.— Вып.2.— С. 118 — 119.

⁴ Статистические сведения...— С. 12.

⁵ Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство у зауральских башкир в XIX — начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв.— М., 1979.— С. 69; Бутанаев В. Я. Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // Вопросы этнографии хакасов.— Абакан, 1981.— С. 73.

⁶ Сборник...— Т. 11.— С. 155.

по 5,5 голов мелкого скота, в то время как коров и лошадей соответственно — 1,2 и 1,1 голов¹. По сравнению с русскими крестьянами различных разрядов, татары занимали среднее положение по количеству скота на одну семью. Тем не менее животноводство у касимовских татар не имело дальнейших перспектив на успешное развитие. Сказывался недостаток кормовой базы, особенно необходимой при стойловом содержании скота. В конце XIX — начале XX в. сенокосные угодья составляли всего 9,4% от всей общей площади надельной земли татарских крестьян².

У татар Казанской губернии, которые считались менее обеспеченными этими угодьями по сравнению с другими народами Среднего Поволжья и Урала, сенокосы занимали 9,8% площади надела³. Статистические материалы по Татарской волости Касимовского уезда показывают, что в конце XIX — начале XX в. на единицу крупного скота приходилось в среднем по 1,1 десятины сенокосных угодий (лугов и выгонов). Некоторые общины совсем не имели лугов. Выгоны не были обширными. В большинстве поселений (52% от общего числа) на единицу крупного скота их приходилось от 0,28 до 0,1 десятины, а во многих других (они составляли 43%) и того меньше — от 0,08 до 0,01 десятины⁴. Для сравнения: у казанских татар на единицу крупного скота было около 0,04 — 0,05 десятины выгона⁵. Отсутствие достаточного количества кормов отражалось на состоянии скота, способствуя болезням, а также падежам, один из которых, наиболее опустошительный, случился в 1873 г. в Черном аймаке. Гораздо меньше условий и ухода требовалось домашней птице, имевшей в хозяйстве татар немаловажное значение. Птица являлась дешевым источником как пищевых продуктов, так и пуха, пера, необходимых для набивки многочисленных подушек и перин. Разводили преимущественно кур, индюков, а в поселениях с хорошим водоснабжением — уток и гусей. О традиции разведения водоплавающей птицы свидетельствует старинный обряд «каз илив, хатым хужа», связанный с приношением в жертву гусей⁶.

¹ Сборник...— Т. II.— С. 148, 155.

² Касимовский уезд... — С. 137.

³ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии.— Часть экономическая.— Казань, 1896.— С. 485.

⁴ Касимовский уезд...— С. 137 — 624.

⁵ *Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры.— М., 1977.— С. 48.

⁶ *Мансуров А. А.* Материалы к изучению быта касимовских татар // Труды Общества исследователей Рязанского края.— Рязань, 1929.— Вып. 22.— Рук. 147.

Пчеловодство, рыболовство, охота

Касимовские татары издавна занимались пчеловодством, хотя эта отрасль хозяйства была гораздо лучше развита у русских. Мед и воск являлись предметом торговли татар еще в XVII в. Касимовцам была известна и наиболее древняя форма лесного пчеловодства — бортничество. Много было бортных «ухожей» на Улановой горе¹. Вырубка лесов, трудоемкость извлечения меда, появление колодных ульев привели к тому, что бортничество у касимовских татар, как и у других народов Поволжья, стало сокращаться. На смену пришло колодное пчеловодство. Для приготовления ульев использовали 1—2-метровые обрубки деревьев с дуплами. Число их, особенно в лесу, доходило до ста. Пасекой владели зажиточные крестьяне, иногда несколько человек вместе. К концу XIX в. колодные ульи стали заменяться рамочными. На зиму их помещали, в отличие от колодных, в подпол или полуземлянки. Пасеку обычно огораживали, но, как правило, не сторожили, так как, по представлениям касимовских татар, украсть улей — большой грех. Считалось, что украденный рой на новом месте не приживется. В конце XIX — начале XX в. пчеловодство у касимовских татар стало приходить в упадок. Эта тенденция, характерная и для других народов региона, была обусловлена развитием капиталистических отношений, обусловивших социально-экономическую дифференциацию татарского крестьянства, экономическую слабость многих хозяйств, отток значительной части мужского населения в города, сокращение лесных массивов и посевов гречихи, увеличение посевной площади культуры свеклы и распространения сахара².

Рыболовство у касимовских татар, несмотря на наличие многочисленных рек и озер, богатых ценными породами рыб, играло весьма скромную роль. В питании касимовских татар, как, впрочем, и у других групп татар, рыба не имела большого значения, в отличие от русских, издавна промыслявших рыболовством. Татары ловили не для продажи, а исключительно для пропитания своей семьи. В пищу шли почти все породы рыб, за исключением трех видов рыб, являвшихся запретными: щуки, сома, налима. В период летнего лова использовали сплетенные из лозы *морды* или сетки. Зимой рыбу били кувалдой или ловили плетенкой, опуская ее вертикально в прорубь. Ее нижняя часть, имевшая конусообразную

¹ Привалова Н. И. Торги г. Касимова в середине XVII века // Исторические записки.— М., 1947.— Т. 21.— С. 123—124.

² Сборник...— Т. 11.— С. 252; Сенева Г. А., Андреев Н. А. Материалы к истории пчеловодства у марийцев // Из истории хозяйства населения Марийского края / Археология и этнография Марийского края.— Йошкар-Ола, 1979.— Вып. 4.— С. 116.

форму, являлась ловушкой, так что рыба, устремлявшаяся к проруби в поисках кислорода, обратно выбраться не могла. В верхний край для закрепления снасти продевали жердь. Другим, но более простым приспособлением для ловли рыб была «ямца». Для этого вокруг проруби проделывали наполовину скрытую под водой выемку, соединяющуюся с прорубью, откуда заплывала рыба. Указанные способы ловли рыбы и снасти издавна бытовали у русских, мордвы и были заимствованы у них касимовскими татарами¹. Охота у татар в рассматриваемый период потеряла свое былое значение. Сокращение лесных массивов, отходничество и ряд других причин привели к тому, что охотой занимались преимущественно любители, да и то лишь на дичь и мелкого зверя (волков, лис, зайцев).

Промыслы

Во 2-й пол. XIX — начале XX в. хозяйство касимовских татар включало в себя различные промыслы. Разложение земледельческого крестьянства способствовало росту мелких крестьянских промыслов. По мере упадка натурального хозяйства один за другим виды обработки сырья превращались в особые отрасли промышленности. В опубликованных статистических материалах конца XIX в. отмечалось, что для большинства крестьян Рязанской губернии потребность в изыскании посторонних заработков вне собственного хозяйства является необходимостью насущною. В конце XIX в. промысловые хозяйства составляли у касимовских татар 23%, а в начале XX в. — 37,1%².

Промыслы были местные и отхожие. К местным промыслам относились сапожный, кирпичный, ювелирный, а также обработка животного сырья и волокна (кожевенный, овчинный, шерстобитный), имевшая больший удельный вес по сравнению с другими видами местных промыслов. В ней было занято 4,7% татар (от общего числа занятых промысловыми занятиями)³. Готовые изделия предназначались для продажи на рынке, что было характерным признаком кустарной формы мелких крестьянских промыслов. В пореформенные годы кустарные промыслы перерастали в капиталистические предприятия мелкой сельской промышленности, а кустари превращались в наемных рабочих, производивших изделия в мастерских хозяина или на дому. Развитие промыслов способствовало созданию капи-

¹ Сборник... — Т. II. — С. 67; Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 267 — 268; Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. — Казань, 1966. — С. 112.

² РГИА. Ф. 1290. — Оп.6. — Ед. хр. 76. — Л. 48; Сборник... — Т. II. — С. 23.

³ Первая всеобщая перепись... — С. 190—193.

талистической простой кооперации и мануфактуры, переходившей затем в фабрично-заводскую промышленность. Выделка кож и овчин производилась на сельских заводах в течение трех-четырёх осенних месяцев. Из кож готовили подошвы и вырезки. Овчинники выделывали за сезон в среднем до 800 штук овчин. Зарплата наемных рабочих была низкой: от 50—70 копеек в неделю и до трех рублей в месяц¹. В сер. XIX в. касимовские татары владели рядом кожевенных заводов. Один из них, наиболее крупный, принадлежавший Хамзе-Сеит Шакулову, при помощи 190 наемных рабочих производил товара на 140 тыс. рублей. Во 2-й пол. XIX столетия в Касимове действовали кожевенные заводы семейства Л. и Х. Баранавых с доходами от 7 605 рублей до 16 220 рублей в год². Широкое распространение имели промыслы, связанные с обработкой козьего пуха и мерлушек. Пух, привозимый обычно с Нижегородской ярмарки, выделывали преимущественно женщины на дому.

Во 2-й пол. XIX столетия в городе Касимове и близлежащих поселениях (Коверское, Темгенево, Подлипки и т.д.) имелся ряд заводов по выделке мерлушек. Наиболее крупные из них принадлежали Шакулову, Мусаеву, Бостанову, Ишимбаеву, Танееву, Давлеткильдееву с суммами доходов от 17 400 руб. до 50 тыс. руб. в год³. Из Касимова ежегодно вывозилось мерлушек на миллионы рублей⁴. Нити промышленного и торгового капитала касимовских татар протягивались далеко за пределы губернии. В починке Шемордан Мамадышского уезда Казанской губернии действовало несколько заводов по выделке мерлушек и овчин, принадлежавших купцам Давлеткильдееву, Максютову и Кастрову⁵. Купцы Кастровы и Мусаевы держали в Средней Азии собственные отары овец и снабжали каракулем Нижегородскую ярмарку, Москву, Петербург. Касимовские татары, осевшие в городе Петропавловске, занимались торговлей, преимущественно в степи, среди казахов, «... у которых или выменивают европейские товары на скот, баранов, шерсть, волос, меха и пух, или покупают баранов, рогатый скот и кожи для продажи в Петропавловске и на Ирбитской, Крестовской и др. ярмарках»⁶. Небольшая группа мужчин занималась сапожным промыслом. В 80-е гг. XIX в. в Татарской волости насчитывалось 23 сапожника. Работали они самостоятельно, по заказу торговцев,

¹ Баранович М. Материалы...— С. 276—277; Сборник...— Т. 11.— С. 270.

² Баранович М. Материалы...— С. 275—276.

³ Там же.— С. 275—276; Сборник...— Т. 11.— С. 270.

⁴ Родин Н. А. Касимов.— Рязань, 1959.— С. 14.

⁵ Мельникова С. З. Починок Шемордан // Записки КЭО.— Ч. 1.— Казань, 1858.— С. 38—46.

⁶ Белиловский У. А. Городской очерк...— С. 10.

покупавших кожу большими партиями на заводах и раздающих мастерам. Обувь — кожаные сапоги, башмаки — продавали на местных рынках и отправляли в другие губернии¹. Кроме того, у касимовских татар имели некоторое распространение промыслы, связанные с производством кирпича (в селах и деревнях действовало 6 кирпичных заводов), мыла (с. Болотце), серебряных ювелирных изделий (с. Болотце) и изготовлением веретен (д. Четаево), одежды, напитков². Домашние производства, такие как прядение, ткачество, вышивание, у касимовских татар во 2-й пол. XIX в. стали постепенно терять свое значение. В целом в Касимовском уезде (без учета данных по г. Касимову) промыслом было занято не слишком большое количество касимовских татар — 24,8%. Как распределялось татарское население (3 638 чел.) по группам занятий в Касимовском уезде (без города), можно судить по таблице, составленной по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 года³.

Занятие	Всего занятых (чел.)	%
Земледелие	2737	75,2
Обработка волокнистых веществ, животных и растительных продуктов	91	2,5
Изготовление одежды	25	0,7
Извозный промысел	15	0,4
Торговля (в общем)	107	2,9
Торговля мехами, кожей	60	1,6
Содержание трактиров, гостиных, клубов и т.п.	379	10,4
Деятельность и служба, частная в прислугах, поденщина	82	2,3
Разное	138	3,8

У касимовских татар значительное развитие получили отхожие промыслы. В 80-е гг. XIX в. в отход уходило более половины (58,3%) мужчин рабочего возраста. Этому способствовала меньшая привязанность касимовских крестьян к сельской общине.

¹ Сборник...— Т. 7.— С. 22, 270.

² Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Данные переписи крестьянских хозяйств, занимающихся кустарными промыслами, произведенной в 1912 году.— Рязань, 1915.— Вып. 1.— С. 284; *Китайцев И. А.* Станок для изготовления веретен // Описание рукописей этнологического архива ОИРК.— Рязань, 1927.— Вып. 2.— Рук. 133; РГИА. Ф. 1290.— Оп. 6.— Ед.хр.76.— Л. 319.

³ Первая всеобщая перепись...— С. 190—191.

Примерно такой же процент уходящих на заработки наблюдался у татар-четвертных крестьян губерний Окско-Сурского междуречья (57,4%), у русских крестьян разряда полных собственников в Касимовском уезде (52%). У русских крестьян других категорий доля отходников была меньше — 31%¹. Отходничество считалось более выгодным занятием, чем участие в местных промыслах. Зарплата отходников-официантов, кучеров достигала 25 рублей в месяц².

У касимовских татар, в отличие от остальных групп волгоуральских татар и других народов края, были широко распространены неземледельческие, дальние отхожие промыслы в городах России, преимущественно центральных. Отхожие промыслы были связаны с обслуживанием горожан и содержанием различных заведений. В отхожих промыслах с обслуживанием было занято 4,7% татар (от общего числа всех промысловых татар). Они работали в качестве официантов, лакеев, кучеров, конюхов, дворников и т.п. К концу XIX в. сложилась территориальная дифференциация отходников. На высокооплачиваемых работах в качестве официантов, приказчиков, лакеев служили, как правило, выходцы из Белого аймака. Отходники из Черного аймака и правобережья Оки работали в низкооплачиваемой сфере — извозчиками, конюхами, дворниками, что, несомненно, отражалось на уровне благосостояния жителей этих подгрупп. Другая часть татар (9,3%), являвшаяся наиболее зажиточной, уходила в отход в целях буржуазного предпринимательства. Они содержали трактиры, буфеты, рестораны, клубы, меблированные комнаты. Отходничеством занимались в свободное от земледельческих занятий время. К началу полевых работ отходники старались возвратиться домой. Если это не удавалось, то нанимали сельскохозяйственных рабочих, татар или русских. Отходничество негативно отразилось на ведении хозяйства. У касимовских татар, по сравнению с русскими, был высокий процент (40,8) малорабочих семей — по одному работнику. Естественно, это отрицательно сказывалось на экономике крестьянского хозяйства татар. Часть отходников (15%) к концу XIX в. окончательно забросила свое сельское хозяйство и осела на постоянное жительство в различных городах³.

В конце XIX в. часть касимовских татар (10,7%), проживавших в Касимове и уезде, была занята торговлей⁴. Ключевые позиции в ней принадлежали касимовско-татарской буржуазии, вкладывавшей

¹ Сборник...— Т. 7.— С. 496; *Фирстов И. И.* Некоторые особенности промысловых занятий пореформенного мордовского крестьянства // *Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Труды МНИИЯ-ЛИЭ.*— Саранск, 1975.— Вып. 48.— С. 140.

² Статистические сведения...— С. 12.

³ Сборник...— Т. 11.— С. 51.

⁴ Первая всеобщая перепись...— С. 190—193.

свои капиталы не только в промышленные, но и в торговые предприятия. Основным предметом торговли были кожа, меха и изделия из них. Они составляли 64% от общего объема товаров. Активная деятельность татарской буржуазии и торговый капитал сыграли определенную положительную роль в установлении национальных связей, а также в создании и функционировании общероссийского рынка. Деловые контакты татарской буржуазии не ограничивались рынками России, а выходили далеко за пределы страны. Такие капиталисты, как Танеевы, Кастровы, Акбулатовы, сбывали изделия из кожи и меха в Германию и Америку¹.

В силу сложившихся традиций, доля сельских и городских татар в неземледельческих промыслах и занятиях не была одинаковой. Для сельского контингента были характерны отходничество в виде содержания различного рода заведений (в нем было занято 10,3% уездных татар) и торговля (2,9%). Горожане отдавали предпочтение торговле (34,1%), отхожим промыслам, связанным со сферой обслуживания (13,3%) и обработкой волокна, животных продуктов (12,7%)². Таким образом, следует отметить, что у касимовских татар в конце XIX в. были развиты отхожие промыслы (в них было занято 14% всего татарского населения или 58,3% взрослого мужского населения), торговля (10,7%) и промыслы по обработке волокна и животных продуктов (4,7%). Удельный вес остальных занятий был невелик.

В то же время в хозяйственной деятельности касимовских татар в период с середины XIX — начала XX в. большое значение имело земледелие. Приемы его ведения, сельскохозяйственные орудия, сооружения, а также ассортимент выращиваемых культур, способы их уборки и обработки, терминология сближали касимовцев в первую очередь с другими группами волго-уральских татар — казанскими и мишарями. Общность с ними свидетельствует об этногенетических связях, уходящих корнями в глубокую древность, в эпоху Волжской Булгарии, когда были заложены традиции земледелия татарского народа³. Агрокультура касимовских татар также имела большое сходство с земледельческой культурой других народов региона, ибо они входили в зону распространения единого хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев лесов и лесостепей⁴.

В то же время, несмотря на единый хозяйственно-культурный

¹ Архив МАЭ. Ф. К-1.— Оп. 1.— Ед. хр. 27.— Л. 4; *Родин Н. А.* Касимов.— Рязань, 1959.— С. 21.

² Первая всеобщая перепись...— С. 190—193.

³ *Халиков Н. А.* Земледелие...— С. 102.

⁴ *Андреанов В. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— М., 1972.— № 2.— С. 15.

уклад, в земледельческой культуре касимовских татар имелись свои специфические черты, которые можно отнести к числу этнических. Это прослеживается в сохранении многих самобытных терминов, приверженности к некоторым видам культивируемых растений (ячмень и чечевица).

Значительное место в экономике касимовских татар занимали промыслы, особенно отходничество и торговля, развитие которых было обусловлено более интенсивным, чем у остальных групп татар, процессом социально-экономической дифференциации общества. Этому способствовала специфика крестьянского землевладения касимовских татар, выражавшаяся в более свободном отчуждении четвертных земель, нежели при общинной форме землевладения. Отходничество и торговля сыграли немаловажную роль в вытеснении ряда традиционных элементов культуры касимовских татар и проникновению в их быт новых форм.

ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Поселения, жилища и хозяйственные постройки являются теми элементами культуры, развитие которых находится в тесной зависимости от природно-географической среды и социально-экономических условий, т.е. социального строя и производственных отношений. В Касимовском царстве основным средством и условием производства являлась земля. Землевладение имело преимущественно военно-лентный характер. Служилые татары получали вознаграждение в виде земельных пожалований как в черте городка Касимова, так и за его пределами.

Поселения были двух типов: городские и сельские. Татары поселились в городах раньше, чем в деревнях. Об этом свидетельствует то, что татары вначале возили своих покойников хоронить в Касимов, так как кладбищ у них еще не было¹. В центре городка располагалась Татарская слобода — «*Бисти*» (термины даны с учетом фонетических особенностей говора касимовских татар). Она состояла из Старого и Нового посадов. Старый посад, заселенный татарами в середине XV в., имел замкнутую форму. Там же располагалась обширная Ханская площадь, мощенная местами белым камнем. По ее периметру были размещены дворы феодальной знати — касимовского хана и его приближенных (сеитов, мурз, беков, уланов)². В середине XVII в. царский род Сеит-Шекуловых занимал

¹ Гайнетдинов Ф. Н. Материалы по этнографии касимовских татар и мишарей.— Л., 1933 // Архив МАЭ. Ф. К-1.— Оп. 1.— Ед. хр. 27.— Л. 4.

² Опись дел Рязанского исторического архива // ТРУАК.— Рязань, 1891.— Т. 6.— Вып. 1.— Л. 8.

3 двора, мурзы — 13 дворов. Всего людей на Старом и Новом посадах было 107 человек¹. В середине XIX в. в Татарской слободе проживало 841 человек, а в конце XIX в.— 1 126 человек².

Татарские памятники в центре России привлекали внимание путешественников, оставивших ценные сведения о касимовском зодчестве. Наиболее раннее упоминание о городе принадлежит Сигизмунду Герберштейну, посетившему Касимов в 1526 г. Он дал краткую характеристику татарским архитектурным памятникам³. Другой путешественник — Адам Олеарий, побывавший в Касимове в 1636 г., оставил описание дворца татарского царевича, мечети и рисунок города, по которому можно представить общие контуры городских строений⁴. В 1692 г. вышла книга Н. Витсена, в которой представлена гравюра, изображающая панораму городка Касимова. Однако, из-за некоторых неточностей, достоверность рисунка вызывала сомнение⁵. В 1703 г. в Касимове побывал путешественник Корнелий ле Брен (Корнелий де Бруин), упоминавший в своем труде о каменной мечети. Обстоятельное описание татарских памятников Касимова было сделано в 1768 г. академиком П. С. Палласом. По его словам, царский дворец, отгороженный от остальных дворов забором с воротами на каменных столбах, представлял собой продолговатый с юга на север четырехугольный дом, длиною несколько больше 32 аршин, в ширину больше восьми аршин. К каждому торцу дома была пристроена узкая часть длиною в 16 футов. В северной пристройке имелся ход в подземный, с толстыми сводами погреб⁶. Иная картина предстала спустя десятилетия перед глазами другого путешественника Иоганна Георги: «В Касимове, при реке Оке, Татарская Слобода, как кажется, была двора Ханского станом. Между тамшними разоренными древними строениями находится одна высокая круглая башня, молебная храмина, стены бывшего дворца, и знатная на кладбище гробница, сооруженная из дикого камня и кирпича жженого. По арабской надписи видно, что «опочивает тут с 962 Гежры (по нашему летоисчислению с 1520 года)

¹ *Яхонтов Ст.* Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) год // Труды Рязанской ученой архивной комиссии.— Рязань, 1891.— Т. 6.— С. 24.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год.— Рязань, 1968.— С. 16; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.— Т. 35. Рязанская губерния.— СПб., 1903.— С. 192—193.

³ *Герберштейн С.* Записки о Московии.— СПб., 1866.

⁴ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно.— СПб., 1906.— С. 352—353.

⁵ *Мансуров А. А., Бадер О. Н.* Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли.— М., 1974.— С. 254.

⁶ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи.— СПб., 1773.— Ч. 1.— С. 43—44.

страны сей Хан Шахалии»¹. Ханский дворец Сеит-Бурхана был разрушен, но остатки его фундамента с каменными, искусно вырезанными воротами сохранялись до середины XIX в.² Точные сведения о местоположении царского дворца и план одной из его палат представлены в чертежах местного архитектора И. С. Гагина³. Напротив царского дворца возвышалась белокаменная мечеть с минаретом, воздвигнутая, по преданиям, в 1467 г., еще во времена царевича Касима. Подробное описание и сравнительный анализ данного сооружения приводятся в книге М. Г. Худякова: «Минарет Ханской мечети в Касимове представляет собою массивную каменную цилиндрическую башню с площадкою наверху, на которой возвышается малый цилиндр, покрытый сферо-коническим куполом. На всем пространстве Восточной Европы можно указать лишь два памятника, которые имеют сходство с минаретом Ханской мечети в Касимове, и притом сходство настолько близкое, что она не оставляет никакого сомнения в принадлежности их авторов к одной строительной школе. Это Большой и Малый Столпы в Булгаре. Большой Столп, служивший минаретом для мечети «Четырехугольника», до настоящего времени не сохранился: он рухнул в 1841 г. и известен лишь по рисункам Палласа, Эрдмана и Шмита, Малый же Столп существует до сих пор. Оба здания имеют одинаковое устройство и представляют собою массивные каменные башни цилиндрической формы с площадкою наверху и с верхним ярусом в виде маленького цилиндра. Минарет Ханской мечети в Касимове имеет огромное сходство с этими зданиями как по конструкции и архитектурным формам, так по технике и строительному материалу. Особенно поразительна близость касимовского минарета к Малому Столпу — оба выдержаны в одних и тех же пропорциях. Булгарские башни отличаются тем, что имеют квадратное основание, переходящее в цилиндр посредством восьмерика, тогда как в Касимове цилиндр начинается от самого основания. Сходство касимовского и болгарского зодчества может иметь лишь одно объяснение: оно было вызвано перенесением болгарских форм через посредство казанской архитектуры, составлявшей соединительное звено между этими памятниками. Каким-либо иным путем такое сходство возникнуть не могло, так как нигде больше в Восточной Европе нет похожих памятников архитектуры, и мы имеем здесь подтверждение того, что казанское зодчество было тесно связано с болгарским искусством предыдущей эпохи. Такое же сходство с болгарскими зданиями

¹ Георги М. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов.— СПб., 1799.— Ч. 2.— С. 4.

² Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губ.— СПб., 1860.— С. 525.

³ ГИМ. Ф. 220.— Оп. 2 — 4.— № В-19.

имеет усыпальница (*текие*) касимовского царя Шах-Али, построенная в 1555 г.»¹. Планировка ханского дворца повторялась в основе жилого дома, расположенного в центре Суварского городища на бывшей территории Булгарского царства в X — XIV вв.² Недалеко от касимовской каменной мечети стояло многоярусное сооружение, напоминающее башню Сююмбике в Казани. Его руины отчетливо видны на гравюрах Олеария и Витсена³. На некотором расстоянии от этих построек, на старом татарском кладбище, располагался еще один мавзолей (*текие*) Авган-Мухаммед-Султана, сооруженный в 1648 г.⁴ Все эти здания татарской архитектуры представляют несомненное сходство с болгарским зодчеством и свидетельствуют о теснейшей связи с казанской культурой⁵.

Новый посад был заселен позднее Старого посада (в 1-й пол. XVII в.) и отделялся от последнего Ямским Большим оврагом. В плане он имел уличную, двустороннюю форму расположения дворов. В Новом посаде проживала часть духовенства, отпущенники и простые татары⁶. Таким образом, к XIX в. Татарская слобода представляла собой поселение, состоявшее из двух частей: Старого и Нового посадов. Жилые строения Татарской слободы XIX в., по свидетельству современников, «... почти все деревянные и наружным своим видом ничем не отличаются от обыкновенных мещанских домиков»⁷. Они ставились внутри двора и огораживались «... тесовыми воротами, на которых ярко блестят на солнце посеребренные стеклянные белые шары»⁸. Довольно часто встречались двухэтажные кирпичные дома, выстроенные в стиле русского классицизма. В слободе имели бытование те же типы жилища, что и в сельской местности. В сер. XIX в. основная масса касимовских татар проживала, как известно из статистических материалов, в 62 поселениях сельского типа. Сельские поселения касимовских татар назывались «сала», «аул», «иль». В них насчитывалось 4638 человек, что составляло 84,8% от общей численности татарского

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций.— М., 1996.— С. 751—752.

² Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды ГИМ.— М., 1951.— С. 78.

³ Олеарий А. Описание...— С. 352—353.

⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование...— Ч. 1.— СПб., 1863.— С. 486—487; Шишкин Н. История г. Касимова.— Рязань, 2002.— С. 189.

⁵ Худяков М. Г. Очерки...— С. 752.

⁶ Переписная книга по г. Касимову за 1646 год.— Рязань, 1891.— Т. 6.— Вып. 1—2.— С. 7, 9, 24.

⁷ Баранович М. Материалы...— С. 525.

⁸ Терпигорев С. Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания.— СПб., 1890.— С. 57.

населения Касимовского уезда¹. Несколько поселений входили в состав Белого аймака (*А' аймә'*), большинство — в Черный аймак (*'Ара аймә'*). Их жители называли касимовских татар, живущих на противоположном берегу Оки, «Черные зыбыны (зипуны)» (*'Ара зыбыннар*). Термин «аймак» использовался касимовскими татарами для обозначения отдельных концов поселений — «казак, ма-дьяр, курски аймаклары». Деление на белую и черную стороны, или на два больших отдела, было традиционным для тюркоязычных народов. Эпитет «белый» был связан с обозначением социальных верхов². Термин «аймак» употреблялся тюркоязычными народами для обозначения территориальных групп. Поселения Белого и Черного аймаков, так же как и город Касимов, размещались по левому берегу реки Оки. В конце XIX столетия в Белом аймаке, находившемся северо-восточнее г. Касимова, насчитывалось четыре села, имевших одно общее название «*дүрт сала*»: Подлипки, Торбаево, Болотце, Царицыно. К ним примыкала маленькая деревня Тебеньково. В состав Черного аймака, располагавшегося юго-восточнее г. Касимова, входило 30 небольших селений. К Черным зыбынам относили восемь поселений на правом берегу реки Оки. Преобладающая часть земель, розданных русским правительством служилым татарам, лежала за пределами города Касимова. Как правило, это были небольшие поместья, принадлежавшие одному или нескольким владельцам. Часть землевладений находилась в районе Белого аймака. Например, в грамоте, выданной Булату Елегину в 1536 г., упоминается его поместье в Болотце, а в записи князя Салтанглычева, датированной 1554 г., говорится о выделении касимовскому служилому татарину Каскею Карамышеву поместья в Подлипках. В записях о разделе земли между служилыми татарами Кадриком Биманакковым и Даином Торгасовым, о наделении поместной землей служилых татар приводятся названия таких поселений, как Болотце, Старбаево и др.³ Другая часть земельных пожалований располагалась в безлюдных местах на территории Черного аймака или за Окой. У касимовских татар сохранились предания о том, что их предки жили поодиночке в поле и занимались земледелием. Жители д. Колубердеево до сих пор помнят, что их деды были турецкими или крымскими пленниками, что нашло отражение в названии деревни (дословно: «данная рабам»). Многие из малодворных поселений располагались в лесах недалеко от трактовых

¹ Баранович М. Материалы...— С. 149.

² Воробьев Н. И. Казанские татары.— Казань, 1953.— С. 21; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды.— М., 1973.— С. 58, 142.

³ Опись дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии.— Рязань, 1891.— Т. 6.— Вып.1.— С. 38—39.

дорог и, вероятно, первоначально выполняли функции сторожевых, дозорных пунктов, охраняя мещерские земли от внезапных набегов кочевников, о чем свидетельствуют предания и названия отдельных поселений. Так, татарское название д. Карамышево «*Карамыш*» означает в переводе «сторожевой пункт»¹, а д. Казаково — «*казак*» — поселение казаков. Название д. Собакино происходит от слова «*Суба*», в основе которого лежит тюркский корень, имеющий значение: сообщать, известие, вестник и т. д.² Название свидетельствует о том, что когда-то там существовал дозорный пункт. По преданиям, Собакино являлось первым поселением татар в уезде³. Некоторые поселения составились из переселенцев. В д. Шилино (*Түбән аул*) некоторые жители являлись выходцами из Сибири (Тубеевы, Тугеевы, Бегловы). Их называли «*табул халкы, турали*». Внешне они отличались от других татар монголоидными чертами. Часть жителей переселилась в д. Шилино из татарских поселений Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губерний⁴. В XIX столетии произошла окончательная нивелировка этнокультурных отличий. Жители этой деревни стали считать себя касимовскими татарами. Их традиционная культура не отличалась от касимовско-татарской.

Со временем большинство мелких поселений разрастались, превращаясь в деревни (*иль, аул*) и села (*сала*). Уже в XVI в. были известны вышеназванные четыре села (*дүрт сала*) — Подлипки, Болотце, Царицыно, Торбаево в Белом аймаке⁵. В них располагались до последней четверти XVII в. владения крупных феодалов: в селе Царицыно (*Бием сала*) находилась летняя резиденция ханши Фатимы-Султан. («*Бийим*» — титул жен крымских ханов⁶). Село Торбаево (*Татарбай*) было местом жительства татарских баев⁷. Татарское название села Болотце (*Жаубаи*) переводится как «глава», «начальник», «власть»⁸ и, возможно, является свидетельством того, что там располагались владения представителей военных феодальных верхов. Со знатным родом князей Ширинских связано

¹ Рязанские епархиальные ведомости.— Рязань, 1897.— № 1.— С. 546—551.

² Древнетюркский словарь.— Л., 1969.— С. 478.

³ Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива ОИРК // Труды Общества исследователей Рязанского края.— Вып. 1—3.— Рук. 20.— Рязань, 1928.

⁴ Гайнетдинов Ф. Н. Материалы...— Л. 2.

⁵ Опись дел...— С. 38—39.

⁶ Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму.— Симферополь, 1996.— С. 225.

⁷ Мансуров А. А. Описание...— С. 5.

⁸ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий.— СПб., 1869.— С. 225—226.

название села Подлипки (*Шырын*). В пользу того, что в селах размещались вотчины представителей социальных верхов татарского общества, говорит и тот факт, что в течение нескольких столетий татары Белого аймака и Старого посада имели в городе Касимове одно общее кладбище.

В процессе освоения новых лесных массивов, именуемых «топовыми расчистками», возникали небольшие поселения — починки. Об одном из них, Татарском, расположенном в трех верстах от города Касимова, упоминал А. Олеарий. Известны названия ряда других починков — *Кудайберди, Чаукабаш, Джандай, Ярмаков, Баранаев*.

Со временем, по мере увеличения населения, многие починки разрастались в малодворные деревни. Иногда это происходило путем объединения соседних починков. Так были основаны, судя по преданиям, деревни Танкачево и Поляны, село Подлипки. Позднее починки вливались в состав уже существующих деревень. Например, в начале XIX в. починок Чаукабаш вошел в состав деревни Кадышево, хотя его жители продолжали хоронить умерших на своем родовом кладбище вплоть до начала XX в. Интересно, что название рода Чаука имелось и у татар в д. Малый Ашып Ординского района Пермской области, основанной выходцами из Башкирии¹.

Особенности социально-исторических условий формирования поселений касимовских татар оказали влияние также на размеры поселений. Обработка статистических материалов XX в. позволила выяснить величину сельских населенных пунктов (по числу дворов) и их удельный вес в трех территориальных подгруппах. В 1868 г. 40% сельских населенных пунктов касимовских татар составляли мелкие поселения числом дворов не более 10. Населенные пункты с количеством дворов от 20 до 50 составляли 44%. Селений с числом дворов более 100 было всего 4%. Таким образом, преобладающими являлись поселения с числом дворов от 20 до 50. В конце XIX в. возрастает количество деревень с числом дворов менее 10 (44%) за счет поселений с числом дворов от 20 до 50 (их осталось 36%). В то же время увеличилось (до 8%) число поселений со 100 и более дворами. Основная масса (80%) малодворных от 1 до 50 поселений приходилось на район Черного аймака, крупных (до 80%) — Белого аймака². К числу мелких относились и заокские поселения. Почти все они, за исключением д. Ананьино (62),

¹ Пермские татары.— Казань, 1983.— С. 159.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год.— Рязань, 1868.— С. 262; Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.— Рязань, 1892.— Т. II.— С. 181—184; Касимовский уезд в цифрах. Статистический сборник.— Касимов, 1900.— С. 624.

считались малодворными. Так, в д. Рудаково насчитывалось в сер. XIX в. 25, в Эксе 8, Сеитове 48, Колубердеево 10 дворов¹. К концу XIX в. значительная часть населенных пунктов прекратила свое существование. Это объясняется тем, что развитие капитализма ускорило процесс распыления искусственно созданных поселений. Часть населения устремлялась в более крупные села и деревни с удобным расположением местности и более развитые в экономическом отношении. Можно предположить, что и в более ранний период сельские поселения не отличались большими размерами, так же как и у большинства соседних народов. Объяснялось это пограничным положением Рязанского края, вследствие которого «... крупному землевладению трудно развиваться»². Кроме того, рост поселений сдерживала лесистая местность, освоение которой представляло значительную трудность для местного населения. Уже в середине XIX в. происходит резкое сокращение числа средних и крупных поселений. Особенно заметен был этот процесс в Черном аймаке. В это же время наблюдается и снижение общей численности касимовской группы татар в районе ее основного расселения. Не фиксируется рост размеров поселений и общей численности населения и в последующее время (конец XIX — начало XX в.). Отмеченное явление отражало процесс миграции касимовских татар в города и другие губернии страны.

Сельские населенные пункты по типу заселения являлись овражно-речными или долинными. Для поселений Черного аймака был характерен притрактовый подтип заселения. Этот подтип преобладал, так как основная масса поселений касимовских татар располагалась именно в этом районе вдоль старинных трактов, связывавших между собой центры уездов Владимирской, Рязанской и Тамбовской губерний. Селения Белого аймака и Черных зыбынов находились в долинах небольших речек. По типу заселения Татарская слобода относилась к береговому типу. Она располагалась на крутом берегу реки Ока, что имело значение при защите населения от нападения.

Тип расселения касимовских татар был преимущественно гнездовым. Касимовские татары образуют четыре основных «гнезда» (Татарская слобода, Белый и Черный аймаки и Черные зыбыны). Если рассматривать типы расселения в каждой из подгрупп, то можно заметить, что наиболее ярко был выражен гнездовой тип расселения в Черном аймаке и у Черных зыбынов. Мелкие деревни разбросаны небольшими группами на значительном расстоянии друг от друга. Для Белого аймака был характерен беспорядочный тип расселения.

¹ Памятная книжка... — С. 410.

² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 395.

Поселения касимовских татар имели различные формы. Наиболее характерной в конце XIX — начале XX в. являлась уличная форма. Ее широкое распространение было связано с предпринятыми мерами царского правительства по упорядочению планировок селений. Преобладал один из вариантов уличной формы — двусторонняя улица (*авыл*), когда два ряда домов образовывали улицу и были обращены фасадами друг к другу. Встречался и вариант с односторонним расположением домов (д. Черевчеево, Шегошаново). Некоторые поселения (д. Алишево, Байшево и др.) имели замкнутую, или круговую, форму. Она была характерной для небольших поселений Черного аймака, на территории которого в далеком прошлом располагались дозорные пункты. С ними, возможно, связано формирование данной формы поселений, наиболее удобной в военном отношении. В Белом аймаке преобладала беспорядочная (кучевая) форма поселений. Возникновение ее могло быть вызвано тем, что семьи, принадлежавшие к одному роду, селились одна подле другой. Так, в с. Подлипки рядом стояли 19 дворов, принадлежавшие роду Ширинских, в с. Торбаево — 6 дворов Ахматовых. Круговая и беспорядочная формы являются наиболее древними, бытовавшими до перепланировки селений. Они имели распространение на всей территории Поволжья. В результате перепланировки селений в XVIII — I-й пол. XIX вв. у касимовских татар появились смешанные формы поселений (д. Собакино, Ахматово, Болотце и др.).

Усадьба и жилище

Основной единицей застройки в XIX — начале XX вв. в городских и сельских поселениях касимовских татар являлась усадьба (*йорт урны*) с жилым домом и хозяйственными постройками. Центральное место занимало жилище (*өй*). В конце XIX — начале XX в. была характерна постановка его на красной линии улицы. Однако раньше, до перепланировки сельских поселений, жилище располагалось в глубине усадьбы. По свидетельству М. Барановича, дома татар «находятся большей частью внутри двора, а наружные части оною заняты надворными постройками»¹. Подобная постановка жилища на усадьбе, имевшая место также у казанских татар в Закавказье и в некоторых районах Западного и Восточного Закамья, объясняется исследователями по-разному: ориентацией жилища по сторонам света и рельефу местности, стремлением сохранить привычные традиции, требованиями ислама². Усадьба с постановкой

¹ Баранович М. Материалы...— С. 405.

² Воробьев Н. И. Украшение и внутреннее убранство крестьянских жилищ Среднего Поволжья // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук.— Казань, 1957.— Вып. 2.— С. 125.

дома в глубине двора, как и бессистемная застройка поселений, представляла, скорее всего, «пережиточный» тип на определенном этапе развития поселений и усадеб. При этом имела связь между планировкой усадеб и поселений. В тех населенных пунктах, где имелись следы их бессистемной застройки (д. Болотце, Темгенево, Кадышево), бытовала традиция постановки дома на некотором расстоянии от линии улицы.

У касимовских татар преобладали срубные жилища. В конце XIX в. они составляли 93,6%. Сельская буржуазия строила кирпичные дома, а беднота — дешевые глинобитные жилища. В конце XIX в. кирпичные и глинобитные дома составляли 6,4%¹. Техника возведения жилищ у касимовских татар (способы укладки венцов, рубка углов, сооружение крыши) не отличалась от строительной техники русского населения. Еще М. Баранович отметил, что по внешнему виду жилища татар похожи на русские избы². Сходство наблюдалось и в названиях многих конструктивных элементов жилища и хозяйственных построек, например: стропила, карниз, переруб, «путалак» (потолок), «матча» (матица), «стина» (стена) и т.д. Для строительства жилищ приглашались русские строители из Касимовского и Елатомского уездов. Им указывали место постройки, ее величину, глубину подпола, высоту потолка, форму крыши. Срубные дома возводились из цельных бревен. Их соединяли в венцы преимущественно способом рубки «в угол», реже «в лапу». Избы строили, как правило, с объемистым подполом, или подызбьем (*идан асты, пудпыл*), использовавшимся для хранения овощей и в качестве теплого помещения для мелкого скота в зимнее время (вход в него делали со стороны двора). Сравнительно высокое (до 80 см) подызбье, характерное для домов касимовских татар, было обусловлено в значительной степени влажностью почвы и суровыми зимами. К избе примыкали сени с двумя выходами во двор: один — на хозяйственную часть, другой — парадный (с крыльцом) — на чистую половину. Жилища покрывались крышами преимущественно четырехскатными, стропильной конструкции. В Татарской волости в конце XIX в. почти все дома имели тесовые и железные крыши. Лишь незначительное количество домов имели крыши, покрытые соломой (внатруску, снопиками)³. Декоративное оформление жилища достигалось в основном за счет архитектурных форм, украшения пропильной резьбой, обшивки стен или углов дощечками. На трех- или четырехскатных крышах часто устраивали мезонины-светелки (*мизинин*), широко распространенные также у русского населения Верхнего Поволжья и татар-мишарей Ни-

¹ Сборник...— Т. II.— С. 57.

² Баранович М. Материалы...— С. 405.

³ Сборник...— Т. II.— С. 57.

жегородской, Тамбовской губерний¹. Мезонин касимовских татар представлял собой выступ с крышей, окном, а иногда с вертикальными столбиками, имитировавшими декоративные балкончики. Крыша мезонина, в отличие от двускатных крыш мезонинов русских и татар-мишарей, имела полусферическую форму. Фронтон украшался несложной, ажурной пропильной резьбой из набора плоских или рельефных деталей геометрической формы. Вышеуказанные особенности в конструкции крыши, декоративном оформлении фронтона придавали мезонином касимовских татар большое своеобразие. Для декоративного оформления парадного входа в некоторых жилищах устраивали небольшой четырех- или шестиугольный тамбур (*бал'он, фонари'*) с двустворчатой дверью и оконцами из цветного стекла, выложенного в виде мозаики. Кружевом пропильной и накладной резьбы украшали карнизы, фриз дома, наличники. В характере узоров прослеживались традиции, присущие резьбе русского жилища Верхнего Поволжья, который считается регионом интенсивного развития пропильного декора². В целом же резьба на татарских жилищах была распространена слабее, чем у русских.

В середине XIX — начале XX столетия у касимовских татар бытовали следующие типы одноэтажных жилищ: изба-сени, изба-сени-клеть, изба-сени-изба, пятистенки, изба с прирубом, крестовик и дом с усложненной планировкой. Наиболее древним и, очевидно, преобладающим типом являлось жилище типа изба-сени, представлявшее собой жилое срубное помещение с бревенчатыми или тесовыми сенями. К концу XIX в. у касимовских татар преобладали избы небольших размеров длиной от 6 до 8 аршин (73%). Значительно меньше было изб длиной от 9 и более аршин (27%). Наряду с двухкамерными жилищами бытовали и трехкамерные: изба-сени-клеть. В конце XIX в. они составляли 13% от общего количества жилищ³. Кроме касимовских татар, данный тип жилища бытовал у татар-кряшен Западного Предкамья, чепецких, малмыжских, параньгинских, пермских. Тип изба-сени-изба (*'ара 'аршы өй*), очевидно, представляет дальнейшее развитие трехкамерного жилища, когда клеть заменялась теплой избой. Одно из жилых помещений использовалось в качестве кухни (*аш өй, кухнә*), а другое — гостиной (*'аршы өй, гуринка*). Вход в оба помещения был через сени. В начале XX в. у касимовских татар значительное распространение получил пятистенки, представлявший удлиненный сруб, разделенный капитальной внутренней стеной на чистую половину (гости-

¹ Маслова Г. С. Русские постройки Среднего Поволжья // СЭ, 1953.— № 1.— С.111; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— М., 1972.— С. 78.

² Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века.— СПб., 1897.— С. 72.

³ Сборник...— Т.11.— С. 57.

ную) и кухню. Во всю длину сруба пристраивались общие сени с отдельными входами в каждое помещение. У касимовских татар встречалось соединение в одном жилом комплексе двух пятистенков с одними общими сенями под общей четырехскатной крышей. Такие дома часто строили при разделах сына с отцом или братьев, не имевших достаточной материальной возможности для выделения в отдельное хозяйство. Наряду с указанными выше типами жилища бытовала изба с прирубом в виде двух срубов разных или одинаковых размеров. К ним пристраивались общие сени, из которых отдельные внутренние входы вели в каждый сруб. Такие избы, как известно, были характерны для всей Центрально-промышленной полосы и Поволжья¹.

В конце XIX — начале XX в. у касимовских татар стали строиться дома «крестовики», представлявшие собой шестистенок, т.е. большой сруб с взаимно-перпендикулярными внутренними стенами, которые делили сруб на четыре помещения. Одно из них заменяло сени, другое являлось кухней, а два других — чистой половиной дома.

Единичное бытование имели в конце XIX — начале XX в. трехкамерные жилища, средний сруб которых выступал со стороны фасада вперед на полтора метра. В среднем срубе располагали кухню или девичью комнату. Сени с крыльцом пристраивали со стороны двора по всей длине дома. Во всех трех срубах имелись двери в сени. Этот тип жилища напоминал так называемые «крестообразные» дома казанских татар в Заказанье. Разница состояла в том, что у казанских домов центральный сруб выступал симметрично с обоих концов².

Дома с подобной планировкой, изредка встречавшиеся и у казанских татар, Н. И. Воробьев считал недостроенными³. Однако не исключено, что этот тип жилища являлся более древним вариантом «крестообразных» домов. Очевидно, генетически он восходит к бытовавшему у касимовских татар до середины XIX в. типу жилища, который представлял, по сведениям информаторов, три отдельно стоящих четырехстенных сруба, соединенных со стороны глухих стен общим помещением — сенями. Два сруба использовались для жилья, а третий, являвшийся как бы продолжением сеней, служил кухней. Дальнейшее развитие данного типа жилища было самостоятельным и привело к разным решениям: у казанских татар к

¹ Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1967.— С. 137.

² Воробьев Н. И. Казанские татары.— С. 159—160.

³ Воробьев Н. И. Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТАССР // ВНОТ.— Казань, 1926.— С. 113.

«крестообразному» дому, у касимовских татар к дому с усложненной планировкой. Остается заметить, что указанный тип жилища был характерен в основном для Белого аймака, наиболее тесно связанного в историческом и культурном отношении с Казанью.

У касимовских татар имели распространение дома с полуподвальным первым этажом. В основе их планировки лежали такие типы жилищ, как пятистенки, крестовики. Верхний этаж служил чистой половиной, а нижний — кухней. Стены полуподвала возводились до уровня земли из камня. Дома подобного типа встречались также у казанских татар в северных районах Западного Закамья, в Западном Предкамье, у параньгинских, пермских татар. У касимовских татар бытовали также двухэтажные дома. Видимо, их имел в виду М. Баранович, отмечая, что у татар «некоторые из домов и по наружному виду не похожи на избы, а скорее, соседствуют с домами городскими». Планировка как нижних, так и верхних этажей повторяла планировку каменных трех- и более этажных домов. Для обоих вышеуказанных типов домов было характерным наличие парадного входа с тамбуром, внутренних лестниц из сеней на второй этаж и специальной комнаты для омовения.

Наиболее типичным и традиционным было убранство жилища типа изба-сени. Здесь одно и то же срубное помещение служило жилой комнатой и кухней. Внутренняя планировка жилища касимовских татар относилась, по принятой классификации, к северосреднерусскому типу: печь справа или слева от входа, устьем к противоположному от двери стене, где находились нары. Обстановка жилища была предельно целесообразной. Значительную часть помещения занимала кирпичная хлебопекарная (хлебная) печь (*пись*) со срубным опечком, сложенным на столбах, выступающих над полом, что способствовало быстрому прогреванию жилища с подпольем. По внешнему виду она представляла собой русскую печь южного подтипа. Однако у касимовских татар с боковой стороны устраивался выступ, куда вмазывался чугунный котел (*'азан*), в котором готовили пищу. Подобный тип печей, бытовавший также у татар Тамбовской и Пензенской губерний, являлся «компромиссом быта оседлого жителя с бытом кочевника, привыкшего готовить пищу в котле...»¹. У различных групп татар печи имели свои особенности. У касимовских татар печь по некоторым признакам (наличие сравнительно низкого шестка, бокового выступа для устройства котла) сближается с печью казанских татар. Впервые эта мысль была высказана Б. А. Куфтиным, который считал, что печь касимовских татар по ряду черт (вмазанный котел, труба) близка к печи казанских татар и имеет в основе общее с ней про-

¹ Смирнов А. П. Волжские булгары... — С. 80.

исхождение¹. У касимовских татар не встречались архаичные печи с подвесным котлом, характерные для татар-мишарей². В середине XIX в. у касимовских и казанских татар, в отличие от русских и мишарей, уже не было изб с отоплением «по-черному»³. Однако не исключено бытование у касимовских татар в более ранний период печей, топящихся «по-черному». На это указывают сохранившееся в некоторых старинных жилищах дымовое отверстие в стене (*тәнне'*) и термин «*'ара өй*», который ранее использовался для обозначения курной избы. Хлебопекарную печь касимовские татары, так же как и другие группы татар, ставили несколько отступя от стен, оставляя свободный проход. Это было связано с соблюдением противопожарных мер и стремлением увеличить площадь теплоотдачи. Такое расположение печи некоторые исследователи увязывают с традицией кочевников помещать очаг посередине жилища⁴. Однако имеются данные о том, что печи посередине дома встречались и в древнерусских жилищах⁵. Исходя из этого, можно предположить, что подобная постановка печи характерна, видимо, для определенной стадии развития планировки жилища.

Помимо хлебопекарной печи в жилище были отопительные печи двух типов: подтопок, соединенный дымоходом с тягой хлебопекарной печи, и голландка с лежанкой в чистой половине дома. Голландку (*пакой писе*), выложенную изразцами, ставили вплотную к стене. Устье выводили сквозь эту стену в сени, откуда производилась топка. В том помещении, где находилась хлебопекарная печь, вдоль всей стены напротив входа устраивали широкие (до 160 см) нары (*тизмиле, жапмалы унды'*) на высоте 50—60 см от пола. Настил составлялся из поперечных досок, которые не прибивались, так что их можно было свободно вынимать. Снизу нары наглухо обшивались досками и представляли собой большой ящик, куда складывали, приподняв доску настила, домашнюю утварь и продукты. Нары покрывали войлоком. В углу ставили сундук и скла-

¹ Куфтин Б. А. Татары касимовские и татары-мишари Ц.П.О. // Культура и быт населения Ц.П.О.— М., 1929.— С. 146, 148.

² Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— С. 81.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.— Т. 7.— Рязань, 1887.— С. 279; Станюкович Т. В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1970.— С. 61; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари... — С. 82.

⁴ Шенников А.А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья // Славяно-русская этнография / Географическое общество.— М., 1973.— С. 61.

⁵ Спегальский Ю. П. Жилище Северо-западной Руси IX — XIII вв.— Л., 1972.— С. 63; Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— М., 1975.— С. 135.

дывали на него постельные принадлежности. Нары имели важное функциональное значение в жизни татарской семьи. На них спали члены семьи (кроме супружеских пар), принимали пищу и сидели, поджав ноги. По конструкции и назначению нары касимовских татар были схожи с таковыми у казанских татар, мишарей и других тюркоязычных народов. В конце XIX в. нары стали укорачиваться в связи с появлением в обиходе стола (*өстил*). Его придвигали вплотную к нарам. Вдоль боковых стен жилища ставились лавки (*ян урды*¹). Во многих домах на кухне над дверью устраивали полати, на которых спали дети или хранилась утварь. У касимовских татар, так же как и у других групп татар и некоторых народов, полати являлись заимствованными у русских и почти не отличались по конструкции и назначению. У мишарей для обозначения этого элемента жилища употреблялся термин «*пулат*», в то время как у касимовских и казанских татар в ходу был термин «*сундри*», «*сундара*». Наличие самобытного названия полатей, возможно, является отголоском утраченного в их жилище элемента, сходного по форме или назначению. Известно, что у крымских татар похожим термином «*мусандра*» назывались шкафчики для хранения фруктов, верхняя часть которых в некоторой степени напоминала полати¹. Под полатями в углу ставили деревянный ящик (*коник өсте*) для хранения домашней утвари. Одновременно он служил хозяевам местом для сна. По форме, назначению и расположению «*коник өсте*» сближался с «*коником*» у русских, «*коником-ланга*» у мордвы².

Обязательной принадлежностью татарского дома были сундуки, обитые жестью. На них спали, складывали часть постельных принадлежностей, в них хранили матерчатые изделия. Особый колорит касимовско-татарской избе придавали полотенца с ткаными узорами (*селе'*) на стенах, матерчатые, декоративные украшения, войлок (*чер'е*) на полу. Заметно отличалась от традиционного крестьянского интерьера, сохранившегося в кухне, обстановка в покоях трех- и более камерных домов. Там не было полатей, нар, коника. Неизменными оставались лишь сундуки, полотенца, матерчатые украшения на стенах, войлок на полу. У стены располагалась изразцовая печь

¹ *Куфтин Б. А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова // *Материалы этнографического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.*— М., 1925.— Вып. 1.— С. 10.

² *Станюкович Т. В.* Внутренняя планировка... — С. 68; *Белицер В. Н.* Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. // *Исследования по материальной культуре Мордовского народа / Труды Мордовской этнографической экспедиции.*— М., 1963.— Вып. 2.— С. 173.

голландка. Со стороны другой стены помещали деревянную кровать с пологом. Для укрепления полога над кроватью сооружали каркас в виде четырехугольной рамы, которая с одной стороны прибивалась к стене, а с другой поддерживалась двумя резными столбами. В убранстве чистой половины жилища содержались некоторые элементы городской обстановки зажиточных татар — застекленный буфет, стол, венские стулья, комод, диван, трюмо, шкаф, настенные часы, лампы с фарфоровым колпаком и даже рояль, подставки для книг (*лаух*), безворсовые паласы. Вот как описывал убранство зажиточного дома С. Терпигорев в конце XIX в.: «Дом ахуна стоял посередине двора. Дверь вела на чистенькую лестницу наверх. На верху лестницы площадка, вся уставленная по бокам сундуками, обитыми жестью и накрытыми сверху коврами. С площадки прямо ведет куда-то в коридор, а направо — дверь. За ней чистенькая передняя. Опять сундуки... Следующая комната из этой. Направо от входа вдоль стены диван»¹.

Внутреннее убранство дома татар было обусловлено как этническими традициями, так и экономическими возможностями его владельца. Комплекс архаичных форм убранства больше всего сохранился в двухкамерных домах типа изба-сени. Если учесть, что подобный тип жилища преобладал, то можно представить, в каких неблагоприятных условиях проходила жизнь основной массы татар. Зимой жилище являлось единственным помещением в усадьбе, где собирались все члены татарской семьи.

Хозяйственные постройки

Летом молодежь уходила спать в клеть, которая в остальное время года использовалась для хранения продовольственных запасов. Клеть (*илит*) представляла собой однокамерный сруб с полом и потолком, с одностворчатой дверью и маленьким оконцем. Сруб ставили на столбах на высоте 20—60 см от земли. Над дверью иногда устраивали выступающий навес со столбовыми подпорками, а под дверью — площадку крыльца. Крышу делали двускатной, стропильной (нередко и самповой) конструкции и покрывали дранкой, соломой, тесом, железом. Касимовские татары помещали клеть, как правило, напротив боковых окон дома, под крышей, общей с другими хозяйственными помещениями. Лишь на некоторых усадьбах отдельных деревень (Кучуково, Байшево) ее ставили в дальнем углу усадьбы, как у казанских татар Заказанья. Клетки подобного типа с таким же названием и назначением имели широкое распространение у народов Поволжья — татар, чувашей, марийцев, удмуртов.

¹ Терпигорев С. Н. Лакейская столица...— С. 60.

Зажиточные татары на месте клетки ставили кирпичную кладовую (*кладовой*) для хранения домашнего имущества — одежды, постельных принадлежностей и т.п. В ней делались небольшие зарешеченные оконца и железная дверь. Двускатную крышу покрывали железом. Треугольные фронтоны возводились фигурной кладкой из кирпича, что придавало определенное архитектурное своеобразие этой постройке. Кладовые с аналогичным оформлением и назначением бытовали у соседей касимовских татар — мишарей села Азеево, хотя в целом для татар-мишарей была характерна постройка их на улице, против дома. Купцы нередко строили двухэтажные кирпичные кладовые. На первом этаже располагалась лавка хозяина, местного купца, верхний этаж служил помещением для хранения домашней утвари, а летом одновременно использовался в качестве жилья. Клетки, кладовые с одной стороны и жилой дом с другой образовывали так называемый «передний», или чистый, двор (*алгы азбар*) усадьбы. К нему перпендикулярно примыкала цепь хозяйственных построек скотного двора (*туарлы азбар*), состоявшего из хлевов, навесов.

Значительное место на усадьбе занимали постройки для скота — срубные хлева (*утирьми*). Они, как правило, не примыкали к дому. Хлева были как холодные, так и утепленные: на мху, с полом и потолком. Утепленные хлева (*мышинни*) располагались под общей крышей скотного двора в двух противоположных углах. В них содержались лошади, коровы, телята, ягнята. Связующим звеном между хозяйственными постройками являлись навесы (*лапаз, каретный*). Они сооружались из полубревен, передние и боковые стороны стен не имели, нижняя часть огораживалась жердями. Навесы предохраняли от атмосферных осадков сельскохозяйственные орудия и средства передвижения (арба, дрожки, тарантас, коляска), запасы дров и хозяйственной утвари. Там же летом содержали мелкий рогатый скот. Хозяйственные постройки переднего и скотного дворов группировались в виде Г-образной застройки, которая была близка к «покоеобразному» типу, когда надворные постройки располагаются по периметру двора. В зажиточных хозяйствах имелись навесы (*язгы азбар, каретный*) для хранения сельскохозяйственного инвентаря, средства передвижения, суточного запаса корма для скота и т.п. Там же под общей крышей располагали конюшню. Теплые хлева скотного двора располагались параллельно навесам. В глубине усадьбы определенное место занимал задний двор (*сорт*), где размещали баню, амбар, гумно с овинами или ригами, огород, сад. Баня (*мунча*) представляла собой небольшую срубную постройку с полом, потолком и маленьким окошком в боковой стене, с двускатной или трехскатной крышей, с тесовым предбанником. Пол в бане и предбаннике настился прямо на землю. Внутри

бани сооружали печь без дымохода — каменку (*кожук*) — и полук у боковой стены. По своему внешнему виду, внутренней планировке бани касимовских татар были весьма близки к северо-среднерусской планировке жилищ. Около входной двери ставилась печь. Ее устье было обращено к противоположной от входа стене. Бани подобного типа бытовали в Поволжье, Предкамье, Приуралье. Данная постройка предназначалась не только для мытья, но и являлась местом лечения больных, сушки снопов, дополнительным жилищем для рожениц и т. д. Амбар (*амбар*), в котором хранили запасы хлебных продуктов, представлял по своему внешнему виду клеть, но отличался от нее большими размерами, наличием широкой двустворчатой двери, четырехскатной крыши и постановкой в глубине усадьбы. Там же, в глубине усадьбы, в 30—35 саженях от построек располагалось гумно (*ындыр*). В строительной технике гумен, как и навесов, сохранились архаичные черты: сооружение крыши на столбах, часто с соломенным покрытием, отсутствие капитальных стен. По конструкции, планировке, оформлению амбары, риги и овины касимовских татар не отличались от таковых у русского населения края¹. В каждой усадьбе имелись погреба (*пу'риб*). В зависимости от их размещения можно выделить два типа погребов: 1) под навесом или клетью, с плоской квадратной крышкой; 2) под открытым небом, с невысоким погребищем в виде двускатной крыши. Полный комплекс построек имелся лишь в усадьбе крестьянина-середняка. Хозяйства бедняков располагали лишь необходимым минимумом — клетью, хлебом, навесом, погребом. Многие усадьбы огораживались. По статистическим данным в Татарской волости было «... дворов заборных и каменных — 607, а плетневых — 5», что составляло, соответственно, 61% и 0,5% от общего количества усадеб². Наибольшее распространение получил высокий дощатый забор. Его верхняя часть иногда украшалась резьбой, подобно заборам казанских татар Заказанья. Интересно отметить, что высокие дощатые заборы были характерны в основном для усадеб, в которых жилище ставилось отступя от линии улицы. Каменные заборы из известняковых плит строились довольно редко. Со стороны улицы усадьбу иногда обносили оградой из прясел (*зямит*). У касимовских татар бытовало четыре основных типа ворот (*ал'ы 'апка, 'аба'*): 1) невысокие, из жердей; 2) высокие, тесовые, на трех-четырёх деревянных столбах, без крыши; 3) высокие, тесовые, на трех-четырёх деревянных столбах, с двускатной крышей (так называемые «русские ворота»); 4) высокие, тесовые,

¹ Сабурова Л. М. Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна // Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1967.— С. 99 — 108.

² Сборник...— Т. 11.— С. 57.

на трех-четырех кирпичных столбах с деревянной или выложенной из кирпича перекладиной различной формы. Навершья столбов имели декоративные украшения в виде больших каменных шаров. Деревянные полотнища створок таких ворот ораментировались накладными геометрическими фигурами, в том числе шести- или восьмиугольной звездой, изображение которой часто встречается в орнаментации татарского жилища на территории Татарстана и на болгаро-татарских эпиграфических памятниках¹. Подобные ворота на каменных столбах, украшенные, по словам Палласа, готскими фигурами и арабскими надписями, кровельными резными подзорами и теремочками, завершали комплекс ханского дворца в городе Касимове².

Во 2-й пол. XX столетия в жизни касимовских татар произошли значительные изменения. Из малочисленных поселений татар переселили в более крупные села (Ахматово, Подлипки, Торбаево), в которых располагались представители администрации, имелись магазины, медпункт, школа, библиотека, почта, детские дошкольные учреждения, клубы, дома культуры, столовые, аптека, машинный парк, ферма. Создание ферм привело к тому, что из плотно застроенной цепи хозяйственных помещений исчезли такие традиционные постройки, как каретная, конюшни, рига, овин и т.д.

Главное место на усадьбе по-прежнему занимает дом. Для строительства жилищ колхозники стали чаще применять кирпич. Так, в 1973 году кирпичные дома в сельских поселениях составляли 33,3%, срубные — 63,7%. Дома располагались длинной стороной параллельно улице. Основная масса домов (92,1%) примыкала к линии улиц, остальные (2,6%) располагались несколько отступя от нее или в глубине двора (5,3%). Рост культурного и материального уровня отразился и на широком распространении у касимовских татар домов типа пятистенка и с «прирубом» (они составили 87,7% от общего числа домов)³. К дому стали пристраивать застекленную веранду, использовавшуюся в качестве летней комнаты. Коренные изменения произошли в интерьере жилища. Хлебную печь стали комбинировать с плитой. Во многих домах появились плиты с баллонным газом, паровое или водяное отопление. Вышли из употребления такие традиционные элементы кухонной обстановки, как нары, полаты, коник. Их заменили современной мебелью: книжными шкафами, шифоньерами, сервантами, диванами, креслами, письмен-

¹ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику.— М.-Л., 1960.— Табл. 44, 51, 52.

² Паллас П. С. Путешествие...— С. 43.

³ Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX — начала XX в.— Рязань, 2004.— С. 51.

ными столами и т. п. Вместе с тем в некоторых домах до сих пор продолжают сохраняться некоторые элементы традиционного быта: печи-голландки, матерчатые украшения на стенах и полу, сундуки и лавки.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Традиционная одежда касимовских татар неизменно привлекала внимание путешественников и исследователей. Тем не менее, имеющиеся в литературе сведения весьма фрагментарны и ограничиваются характеристикой отдельных элементов костюма. Одно из наиболее ранних упоминаний относится к 1768 г., когда Паллас, будучи в Касимове, отмечал, что видел «в разоренных татарских погребениях лоскуты желтой, зеленой, жаркой, полосатой тонкой тафты»¹. Видимо, это были остатки среднеазиатских тканей. Исследователь Рязанского края середины XIX в. М. Баранович отмечал, что «в одежде татар есть свои особенности, резко отличающие это племя: они вообще одеваются богаче русских, носят везде кожаную обувь и надежно защищены от влияния атмосферных условий»². Русский писатель Сергей Терпигорев, пребывание которого в городе Касимове относится к концу XIX в., оставил описание встреченных им на улице жителей: «Две татарки, закутанные с головой в тяжелые толстые шерстяные платки московской фабрикации. Старик татарин в шапке из серых мерлушек, надвинутой совсем на затылок, так что видна была спереди ермолка, надета на бритую голову. Мальчик 10—12 лет в зеленом шелковом халатике, в пестренькой ермолочке, на ногах гладкие зеленые сафьяновые сапоги. Ахун 25—26 лет в таком же коротком зеленом шелковом халате и в ермолке. Мусульмане-татары все в зеленых халатах и белых чалмах»³.

Богатый выбор тканей для пошива одежды был обусловлен активным участием касимовских татар в торговле. По водным и сухопутным путям они добирались до различных уголков России. Особенно тесными были связи со Средней Азией, откуда поставлялись восточные ткани (*адрас*, *шани*, *бикэсеп* и т.п.) и разная одежда. Весьма интенсивными были контакты с торговцами из Казани. Они привозили в Касимов все виды одежды и кожаной обуви, камзолы, головные уборы (особенно женские калфаки), коврики для молений и даже шаблоны для копирования узоров. Казанские портные при-

¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи.— СПб., 1773.— Ч. 1.— С. 47.

² Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губ.— СПб., 1860.— С. 405.

³ Терпигорев С. Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания.— СПб., 1890.— С. 42, 58 — 59, 78.

езжали к касимовцам каждый год и кочевали из деревни в деревню со своими швейными машинками, обшивая население¹.

С середины XIX в., в связи с усиленным развитием промышленного капитала и с переходом российской промышленности на изготовление отечественной пряжи, касимовские татары стали широко использовать для пошива одежды хлопчатобумажные и шерстяные ткани фабричного производства. Выбор тканей определялся имущественным положением покупателя: дорогостоящие ткани могли приобретать в основном зажиточные татары. Использовались преимущественно ситец, сатин, шерстяные ткани — драп, сукно, шевиот и др. Дифференциация больше прослеживалась в выборе тканей для женских платьев, камзолов, бешметов и головных уборов. Богатые татарки шили из дорогих шелков, парчи, бархата; бедняки — из ситца, сатина, бумазеи. В то же время, несмотря на широкое внедрение фабричных тканей, в быту продолжала использоваться, вплоть до начала XX в., домотканина. Ее изготавливали в домашних условиях на ткацких станках (*орма*). Из домотканины шили в основном нижнюю одежду, рубахи, подкладки. Для пошива верхней одежды (*зыбын*), а также для летних мужских шляп и валяной обуви изготавливали сукно и войлок. Для зимней одежды и шапок использовали овчину и различные меха (зайца, волка, лисы, бобра, выдры).

Одежде из тканей домашнего производства, сукна и войлока в конце XIX — начале XX в. отдавали предпочтение люди старшего поколения. Умение валять войлок, ткать и даже прясть, по наблюдениям исследователей, стало забываться в начале 1920-х гг. В Белом и Черном аймаках ткать перестали, лишь в д. Кучуково еще пряли лен. Ткачество еще какое-то время сохранялось среди татарок заокской подгруппы. Современники отмечали, что «прежде татарки были хорошими мастерицами и кое-где еще занимаются вышивками»². Известно, что в середине XIX в. в Касимове и его окрестностях татарки ткали полотенца и подзоры в закладной технике — с вертикальными зазорами между отдельными участками узора разных цветов. Заклады считаются очень древней техникой узорного ткачества. Они бытовали также у русских. Татарские заклады были выполнены из натурального шелка и льна, сплошным многоцветным, без фона, узором, переплетавшимся с рисунком. Палитра в касимовских закладах была богаче: часто встречаются

¹ Гайнетдинов Ф. Н. Материалы по этнографии касимовских татар и мишарей.— Л., 1933 // Архив МАЭ. Ф. К-1.— Оп. 1.— Ед. хр. 27.— Л. 19.

² Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива ОИРК // Труды Общества исследователей Рязанского края.— Вып. 4.— Рязань, 1930.— С. 30.

розовые, сиреневые, голубые, фиолетовые, малиновые тона, поддержанные черным. Касимовские заклады, по мнению специалистов, гармоничны по решению узора, нежны по колориту и представляют очень интересное орнаментальное решение, говорящее о богатой традиции узорного ткачества¹.

В одежде большое значение придавалось цвету. Для нижней одежды брали светлые, а для верхней — более темные ткани. Нижняя мужская одежда была белого цвета, верхняя — черного, коричневого, синего цветов. Значительное разнообразие в мужской костюм вносила халатообразная одежда из пестрых, полосатых среднеазиатских тканей. Она имелась в гардеробе зажиточных татар. В женской одежде доминировали яркие цвета, такие как красный, желтый, зеленый. Женщины старшего возраста предпочитали носить одежду из однотонных тканей. Белый цвет почти не встречался (за исключением головных платков), хотя имеются сведения о ношении заокскими татарками в середине XIX в. белых холщовых рубах. Верхнюю женскую одежду шили, как правило, из ярких однотонных тканей, но более приглушенных тонов, чем платья и камзолы. С многоцветной женской одеждой касимовских татарок удачно гармонировали головные уборы: полотенецеобразные тастары, расшитые разноцветными шелковыми нитями, калфачки из яркого бархата, расшитые шелком, синелью и бисером, пестрые платки и т. п. Большой яркостью отличалась одежда молодых женщин из зажиточных семей, имевших возможность приобретать дорогие шелковые и парчовые ткани. От качества ткани зависела интенсивность цвета. В одежде татарок, несмотря на кажущуюся стихийность в выборе цвета ткани, существовали определенные цветовые композиции. Для пошива платья и камзола старались брать ткань одного цвета, но различных тонов — голубой и синий, красный и бордовый и т. п. Женские головные уборы — калфачки — старались изготавливать из той же ткани, что и камзол. С точки зрения эстетических представлений считалось неудачным сочетание в одежде определенной гаммы цветов и оттенков, как, например, красного с зеленым и синим, розового с зеленым и черным. К концу XIX — началу XX столетия в женской одежде, особенно горожанок, наблюдалась тенденция к уменьшению яркости цветов, что было связано с влиянием общегородской моды. Предпочтительными стали лиловые, коричневые, зеленые, бордовые цвета, в основном для пошива платьев и камзолов.

Покрой и типы традиционного мужского и женского костюмов были идентичными. Наплечная одежда шилась распашной и нераспашной. Распашная одежда запахивалась и застегивалась на левую

¹ Сысоева Н. И. Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX вв. — М., 1963. — С. 14, 23.

сторону. Одежда, как мужская так и женская, подразделялась на нижнюю и верхнюю.

Мужская одежда

В состав нижней мужской одежды входили рубаха и штаны. Рубаха (*'ули'*) являлась наплечной нераспашной одеждой. По особенностям кроя она была двух типов. Рубаху первого типа (*чабулы 'ули'*), преимущественно холщовую, кроили из цельного прямоугольного куска ткани, сложенного пополам на плечах. К ее остову пришивались клинья (*чабу*) для увеличения ширины рубахи и длинные рукава. Между клиньями и рукавами вставляли треугольные ластовицы (*ишти'*). Посередине рубахи делали грудной разрез (*узив*). Рубахи первого типа шились без воротников или с небольшой стойкой и застегивались на одну пуговицу или завязывались тесемками. Рубаху для жениха шили с отложным воротником, расшитым одноцветным узором растительного орнамента. Длина рубахи доходила до колен. Ее носили не подпоясывая и навывпуск, в основном мужчины старшего поколения. Рубахи второго типа шили из фабричных тканей из двух полотнищ, соединенных плечевым швом с вырезанными проймами длинных рукавов, со стоячим воротником. Длина рубахи доходила до бедер, носили ее также навывпуск. В начале XX в. у молодых мужчин были в моде русские рубахи — косоворотки.

К нижней одежде относятся штаны (*ыштан*). Их шили из крашенины или пестряди, объемными у пояса, длиной до щиколотки, без карманов. Держались штаны на бедрах при помощи гашника (*ыс'ыр ыштан, ике манлы ыштан*). Верхнюю часть обеих широких штанин расширяли за счет вставных клиньев. Между ними вшивали прямоугольный кусок ткани для создания «широкого шага», столь характерного для набедренной одежды тюркских народов. Штаны подобного кроя носили в качестве домашней одежды мужчины старшего возраста. Широкое распространение получили брюки (*чалбар*).

Верхняя мужская одежда (*джилян, чапан, тулуп, шуба, зыбын, камзол, казакин, бишмет*) была исключительно распашной. По покрою стана, спинки она подразделялась на два типа: прямоспинную и приталенную. Верхняя одежда отличалась от нижней тем, что у нее спереди был вертикальный разрез, открытый отложной или шалевый воротник. К полам пришивались клинья для увеличения запаха. Прямоспинная верхняя одежда не имела застежек, ее носили свободной или подпоясывали кушаком (*билбау*). Во второй половине XX в. в покрое прямоспинной одежды произошли некоторые изменения. Ее стали шить со слегка скошенными и сшивными плечами, с проймами. К прямоспинной одежде относились

джилян, чапан, тулуп, шуба под названием «*намаз тун*», зыбын. Джилян (*жилан*) представлял собой длинную летне-демисезонную халатообразную одежду из однотонной полуселковой ткани с подкладкой внутри. Носили ее зажиточные татары и, судя по описанию С. Терпигорева, представители духовенства. Чапан, по покрою не отличавшийся от джиляна, являлся летней одеждой преимущественно духовенства, хотя в коллекциях музеев встречаются и детские варианты¹. Для его пошива использовали парчу, шелковые пестрые и полосатые среднеазиатские ткани. Тулуп (*толып*) представлял собой длинную, до пят, верхнюю одежду с большим шалевым воротником. Шили его из овчины, иногда из лисьего меха. Верх покрывали сукном или темной фабричной тканью. Надевали тулупы поверх верхней одежды во время поездок зимой. Шубу (*намаз тун*) шили из овчины и покрывали тканью. Длина доходила до колен, воротник делали стоячий. Носили такие шубы представители духовенства и зажиточные татары. Демисезонную одежду зыбын (известен у русских под названием зипун) шили из домашнего сукна черного цвета с большим шалевым воротником, широкими рукавами, с глубоким запахом. Бедняки носили его и зимой ввиду невозможности иметь более дорогую теплую одежду. Особенно это было характерно для заокских татар, которых прозвали «черными зыбынами». В целом прямоспинная одежда была традиционной для волго-уральских татар и имела аналогии в костюмном комплексе народов Средней Азии².

Верхняя приталенная одежда включала в себя камзол (*камзул*), казакин (*аза'и*), бешмет (*бишмет*), приталенный зыбын, шубу под названием «*чабулы тун*». При их пошиве применяли три варианта кроя: с цельной спинкой, с цельной спинкой и с подрезанными и присборенными боками, с отрезной спинкой и борами. Наиболее распространенным являлся первый вариант кроя, широко использовавшийся для пошива камзола, казакина, бешмета, шубы «*чабулы тун*». Их шили с цельной приталенной спинкой, с клиньями на боках ниже уровня талии, с выкроенными плечиками, наглухо закрытым стоячим воротом, длинными рукавами (исключая камзолы-безрукавки). Длина их доходила до колен или щиколоток, а у камзола — до бедер. Для их пошива брали ткани темных цветов (черный, серый, коричневым, синий). Камзол-безрукавка считался преимущественно домашней одеждой. Он представлял собой промежуточное звено между рубахой и верхней одеждой. Шили его

¹ ИКМК. Ф. 780.— Инв. 585.

² Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала.— Казань, 2000.— С. 64; Сухарева О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии.— М., 1979.— С. 79.

на подкладке, иногда на меху. Со слов информаторов, в середине XIX в. имели распространение камзолы с короткими рукавами и длиной ниже бедер. Воспоминания о них сохранились у татар заокской подгруппы. Поверх камзола, выходя на улицу, надевали верхнюю одежду. Она была демисезонная и зимняя. Казакин — демисезонную одежду на тканевой подкладке — шили длиной до щиколоток или до колен. На груди, по бокам имелись накладные карманы. Бешмет — зимняя одежда большинства городских татар — являлась копией казакина, с той лишь разницей, что у него была подкладка, утепленная до бедер слоем ваты или шерсти. Шуба «чабулы тун» изготавливалась из овчины, мехом внутрь, с верхом, покрытым тканью. К мужской приталенной одежде второго и третьего вариантов относятся также зыбын и шуба. Их шили не только прямыми, как указано выше, но и с цельной спинкой, с отрезными и присборенными бочками или с отрезной спинкой с борами. Подобный покрой был характерен для большинства татар-кряшен и служилых татар. У казанских татар в XVIII в. бытовал идентичный зыбыну суконный чекмень с борами. Существует мнение, что, возможно, подобная одежда являлась у служилых татар первоначальной формой казакина, который, потеряв боры, вторично вошел в быт татар-мусульман, сохранившись в прежнем виде у татар-кряшен¹. С другой стороны, отрезная спинка с борами была особенно характерна для нетюркских народов Поволжья — мордвы, русских, удмуртов, марийцев. В целом же у татар преобладала одежда в талию, характерная для народов Кавказа². Идентичными были и термины для обозначения типов одежды. У ногайцев имели распространение женские приталенные кафтанчики и шубки под названием «зыбын тон», мужские легкие кафтаны «елень», детские безрукавки «камзе»³. В конце XIX в. комплекс верхней мужской одежды касимовских татар дополнился под влиянием общегородской культуры новыми типами одежды — жилетками, пиджаками, пальто.

Мужские головные уборы

В состав мужских головных уборов входили тюбетейки, шляпы, шапки и башлыки. Для их пошива использовали фабричные ткани, мех и валяное сукно. Головные уборы были двух видов: нижние и верхние. К нижним головным уборам относятся неболь-

¹ Воробьев Н. И. Казанские татары.— Казань, 1953.— С. 231; Татары Среднего Поволжья и Приуралья.— М., 1967.— С. 123.

² Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— М., 1972.— С. 98.

³ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы.— Черкесск, 1988.— С. 121, 127; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX вв.— М., 1976.— С. 112—114, 138.

шие, надеваемые на макушку головы шапочки-тюбетейки. Их шили из однотонной ткани — бархата, шелка, парчи, на подкладке из хлопчатобумажной ткани, с простеганной тульей. Между рядами стежков закладывался тонкий шнур или скрученный конский волос для создания упругости головного убора. У татар бытовали два типа тюбетеек, в зависимости от покроя тульи. К первому типу относятся тюбетейки (*түбәтәй*) с тульей полусферической формы, которая получалась за счет сшивания четырех или шести клиньев, с околышем или без него. Тюбетейки юношей украшались вышивкой шелком, бисером, жемчугом, золотом. Тюбетейки первого типа имели широкое бытование в Средней Азии и восходят, видимо, к головным уборам тюркских народов Алтая¹. Ко второму типу тюбетеек относится каляпуш (*каләпуш*) с плоским верхом и твердым околышем. Шили их в основном из черного бархата, без вышивки. Они были популярны у молодых мужчин, особенно горожан. Каляпуш генетически был связан с головными уборами народов Малой Азии². Городские мужчины иногда надевали фески (*фәс*), более традиционные для турок. Тюбетейки надевали на бритую голову. У татар было принято сбривать волосы с младенческих лет. В начале XX в. молодые мужчины, следуя моде, стали отращивать волосы и перестали носить тюбетейки, так как на волосах они держались плохо. Другие типы головных уборов являлись верхними, их надевали поверх тюбетеек, выходя из дома. К верхним головным уборам относятся шляпы, шапки, башлыки. Распространенным летним головным убором являлись валяные (катаные) из белой овечьей шерсти шляпы (*эшләпә*). Они имели полусферическую тулью и небольшие поля, загнутые кверху. Такие шляпы спасали крестьян от жары во время сельскохозяйственных работ. Шапки (*бүри'*) были трех типов: полусферические, цилиндрические и конусообразные. Полусферические шапки шили из стеганой ткани, иногда с оторочкой из меха. Цилиндрические шапки с плоским верхом изготавливали из натурального черного или серого каракуля. Они получили распространение среди горожан. Зимой носили конусообразные шапки (*малахай*), отороченные мехом. В сильные морозы поверх шапок мужчины надевали башлык (*башлы'*) из белого сукна. Он представлял собой капюшон с длинными лопастями. К концу XIX в. у касимовских татар о башлыках сохранились лишь воспоминания.

В мужских головных уборах прослеживаются следы возрастной и имущественной дифференциации. Так, если тюбетейки, шапки с тульей полусферической формы носили татары всех возрастов,

¹ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия.— М., 1954.— Т. 21.— С. 344.

² Воробьев Н. И. Казанские татары.— С. 265.

то войлочные шляпы и башлыки носили в основном взрослые мужчины. Каракулевые шапки и каляпуш предпочитали зажиточные мужчины. Головные уборы касимовских татар во многом идентичны с таковыми у казанских татар и мишарей. Для них были традиционными, в первую очередь, головные уборы с тульей полусферической формы — тюбетейки, шапки, войлочные шляпы¹. Аналоги башлыку наблюдались нами у сасовских татар Рязанской области, в этнической истории которых принимали участие ногайцы. Башлык у ногайцев имел вид капюшона с остроконечным верхом и двумя длинными «крыльями», которыми обматывали шею. По мнению ученых, ногайский башлык является прототипом головного убора жителей Средней Азии VI—IV вв. до н.э., а также гуннов². Такие головные уборы, как тюбетейки, войлочные шляпы, каракулевые шапки, малахаи и башлыки, имели также широкое распространение у тюркоязычных народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана³.

Женская одежда

К нижней женской одежде относятся рубаха, нагрудник, штаны. Наплечную нераспашную одежду представляла рубаха (*'ули'*). Обычно она служила одновременно нательной одеждой и платьем. В конце XIX в. под нее стали надевать еще одну рубаху, более легкую, но без рукавов и воротника. По принципу кроя все многообразие женских рубах, также как и мужских, подразделялось на два типа. Первый тип рубах имел три варианта: с остовом цельным до щиколоток; с укороченным и отрезным чуть ниже талии остовом, к которому пришивался на уровне талии широкий волан; с укороченным остовом и пришитым к его нижнему краю подолом. Наиболее древним вариантом был первый вариант — с остовом цельным до щиколоток. Шили такие рубахи из домотканины белого или голубого цвета. В конце XIX в. подобный покрой считался устаревшим и встречался лишь в заокских поселениях (Черные зыбыны). Рубахи первого типа украшали черно-красной вышивкой вдоль грудного разреза, по краям воротника, манжет. Вместо вышивки к грудному разрезу пришивались разноцветные ленты в несколько рядов. Носили рубахи подпоясывая, с напуском. Женские рубахи второго типа, сшитые из пары соединенных плечевым

¹ Воробьев Н. И. Казанские татары.— С. 263 — 266; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— С. 100—101.

² Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы.— С. 124.

³ Гаджиева С. Ш. Материальная культура...— 119; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк.— Черкесск, 1978.— С. 165—166; Сухарева О. А. Древние черты...— С. 344.

швом полотнищ, с вырезанными проймами длинных рукавов, воротником-стойкой с планкой, были отрезными по линии груди — на короткой кокетке со сборками (*бирмиле 'ули'*). В начале XX в. среди касимовских татарок, особенно молодого возраста, стали распространяться платья, отрезные по линии талии, а также юбки и блузы общегородского покроя.

Важной деталью женской нижней одежды являлся нательный нагрудник (*тушендри*), надеваемый под рубаху. Его предназначение — прикрывание груди, видневшейся сквозь грудной разрез рубахи. Женщины впервые надевали нательный нагрудник после рождения ребенка. По обычаю нагрудник дарили роженице женщины старшего возраста, приходившие навестить после родов. Носили его не снимая, до конца жизни, даже в том случае, если платье было с планкой на грудном вырезе, так как, помимо утилитарного назначения, нагрудник играл роль оберега. Эта деталь одежды представляла собой кусок ткани в виде трапеции (25x40 см), с пришитыми к верхним углам тесемками, которые завязывали на шее. Другой тип женского нательного нагрудника отличался большим размером (50x60 см) и закрывал не только грудь, но и живот. Такой нагрудник держался за счет пришитых к четырем углам лямок, диагонально располагавшихся на спине. Подобные нагрудники бытовали у татарок Рязанской губернии (с. Азеево, с. Бастаново и др.) и г. Костромы. Лицевая сторона обоих типов нагрудников украшалась вышивкой тамбурным швом, со цветочно-растительным орнаментом. Вышивка была одноцветной или полихромной, характерной для волго-уральских татар¹. В коллекциях музеев хранятся образцы вышивок тамбуром с ковровым заполнением черно-красного цвета². Использовалась также вышивка золотошвейной или шелковой гладью. Нередко встречалась аппликация нагрудника цветными хлопчатобумажными, шелковыми кусочками ткани. Указанные способы оформления нагрудников бытовали у волго-уральских, сибирских татар, башкир. Существует мнение, что нагрудники с аппликациями отражают традиции древнего религиозного верования, связанные с почитанием лоскута меха, кожи, ткани, олицетворяющими собой духов предков, унаследованных по материнской линии³.

Штаны (*ыштан*) являлись непременным атрибутом традиционной женской нижней одежды. Они были широкими за счет прямоугольной вставки между штанинами. Другой тип штанов отличался от первого ромбовидной вставкой, также увеличивавшей ширину шага. Такой покрой был особенно распространен у татарок Рязан-

¹ Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм... — С. 106.

² ГИМ. Отдел тканей; РЭМ. Ф. 3482. — Инв. 7423—23.

³ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. — С. 97.

ской губернии и Костромы, у казахов¹. Татарки заправляли штанины в чулки или в голенища сапожек.

Женские передники шили с нагрудником (*ал'яп'ыч*) или без него (*парту'*). Как правило, для их пошива использовали домо-тканину. Однако в начале XX в. передник претерпел изменения. Из одежды утилитарного назначения он стал частью праздничной одежды молодых девушек и женщин, надевавших его поверх нарядного платья. Вдоль нагрудника, плечевых лямок и подола пришивали оборки, воланы. По словам информаторов, мода на подобные передники пришла из Казани.

Верхняя женская одежда (джилян, бешмет, шуба) была идентична мужской одежде по покрою и названиям. Различие проявлялось лишь в способах декоративного оформления некоторых ее частей, деталей и в типе тканей.

Следует заметить, что единство покроя мужской и женской одежды является архаической чертой. Оно характерно для одежды многих народов, в том числе волго-уральских, сибирских, астраханских татар, народов Крыма, Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Сибири, Алтая². Верхняя женская одежда касимовских татарок состояла из двух типов: прямоспинной и приталенной. К прямоспинной относился халатообразный джилян (*жилэн*) с длинными полами и рукавами, вырезом на груди. По покрою, выбору ткани джилян был идентичен мужскому. Вплоть до середины XIX в. данный тип одежды бытовал в гардеробе касимовских татарок в качестве женской одежды, а затем стал использоваться в качестве накидки. Жены мулл, богачей, выходя за пределы дома, накидывали его на себя, чтобы скрыть очертания фигуры, согласно предписаниям ислама. При отсутствии джилян для этой цели служил чапан мужа.

В состав приталенной одежды входили камзол, бешмет, шуба. При их пошиве, так же как и мужской одежды, использовали три варианта кроя: с цельной спинкой; с цельной спинкой и подрезанными, присборенными бочками; с отрезной спинкой и борами. Наибольшее распространение получила одежда первого варианта — с цельной спинкой, без боковых вставок (*оч билле*) и с боковыми

¹ Архив ОЭ. Ф. 7. Ед.хр.17; *Суслова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм...— С. 54; *Сазонова М. В., Морозова А. С., Лейкина С. М.* Одежда народов Средней Азии и Казахстана в коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / Труды Института этнографии АН СССР.— М.-Л., 1961.— Т. 48.— С. 88.

² *Сухарева О. А.* Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии.— М., 1979.— С. 78—79.

вставками (*биш билле*). Молодые женщины предпочитали шить камзолы и бешметы с боковыми вставками, чтобы подчеркнуть талию. Женский камзол (*камзул*) шили на подкладке, с открытым грудным вырезом, без рукавов. Но иногда пришивались короткие, до локтя, рукава. Длина камзола варьировалась в зависимости от возраста владелицы: чем моложе, тем короче. Камзолы второго и третьего вариантов имели единичное бытование, их носили женщины старшего поколения. Шили такие камзолы длинными, до колен или середины икр, без рукавов, с закрытой грудью. Камзолы всех вариантов украшали тесьмой, позументом, кружевами, иногда меховой оторочкой вдоль ворота, проймы, подола. На праздничные камзолы пришивали ювелирное украшение — застежку (*аптырма*). Для пошива камзолов использовали различные ткани — от ситца, сатина до дорогих шелков, парчи, бархата. Камзолы первого варианта были сходны с камзолами казанских татар, мишарей, а камзолы второго варианта имели аналогии у костромских татар¹. Бешмет (*бишмэт*) шили идентично покрою камзола, из хлопчато-бумажной или шелковой ткани, простегивали ватой. В коллекциях Рязанского историко-архитектурного музея хранятся экземпляры бешметов, сшитых из парчи и восточной шелковой ткани (*адрас*)². Шуба (*чабулы тун*) была наиболее ранним видом верхней одежды татарок. Ее шили из овчины или лисьего меха, длинной, со стоячим воротником, с крытым верхом. В целом, как видно из вышесказанного, состав традиционной одежды женщин был более ограничен, чем у мужчин. Он включал в себя рубаху или платье, нагрудник, штаны, камзол, бешмет, шубу, иногда джилян. Одежда большинства татарок состояла из платья или рубахи, камзола и бешмета. Шубы имелись в гардеробе богатых татарок.

Женская одежда, по сравнению с мужской, отличалась разнообразием художественно-декоративного оформления, придававшего ей эффектность и красочность.

Женские головные уборы

К головным уборам татарок относятся волосники, покрывала, шапки. Они подразделялись на девичьи и женские. Девичьими головными уборами считались шапочки — такья и калфаки, которые надевали непосредственно на волосы. Девушки заплетали две косы и спускали их на спину, прикрывая специальным украшением или фабричным платком. Интересное сообщение о внешнем виде татарок оставил Сигизмунд Герберштейн, посетивший город Касимов в 1526 г. Он отмечал, что касимовские татарки «постоянно ходят с

¹ ИАМК. Ф. 4464, 5050.

² РИАМЗ. Ф. 2141, 2546, 2829, 2851.— Инв. 7523.

открытою головою и распущенными волосами»¹. Скорее всего, он имел в виду девичью прическу. Известно, что у многих народов девушкам позволялось показывать волосы, в отличие от замужних женщин. В далеком прошлом девушки в Средней Азии ходили с распущенными волосами, но заплетая их концы². Шапочка такья (*та'я*) была двух вариантов. Маленьким девочкам надевали шапочку полусферической формы, напоминавшую мужскую тюбетейку. Девушки-подростки надевали такью с мягким плоским верхом и полужестким околышем. Шапочку расшивали шелком, бисером, украшали монетами, бусинками. По названию и формам подобные шапочки были широко распространены у других групп татар и тюркоязычных народов³. Другим девичьим головным убором был калфак (*'алфа'*). Он бытовал в трех вариантах. Первый вариант калфака представлял собой длинный (до 50 см) колпак, связанный из белых хлопчатобумажных ниток, с кисточкой на конце, которая, по словам информаторов, имела значение оберега. Иногда лицевую часть отворота вышивали шелком, синелью. Эта часть приходилась на лоб, а остов свисал набок, на плечо. Второй вариант калфака также представлял собой длинный колпак, но связанный из разноцветных шелковых ниток, иногда с поперечными полосами. Он был без околышка, но с отворотом. В коллекциях музеев сохранились экземпляры данных уборов, богато украшенных с лицевой стороны остова и отворота синелью, шелком, аппликацией из тканей в «ушковой» технике. Подобные калфаки имели широкое распространение у городских татарок Касимова, Казани, Уфы. Ко 2-й пол. XIX в. вязаные калфаки второго варианта вышли из моды, сохраняясь кое-где в гардеробе женщин среднего и старшего возраста⁴. Девичьи головные уборы в виде длинного вязаного колпака бытовали не только у касимовских, но и у других групп татар — казанских (в том числе кряшен), мишарей, а также тюркских народов — чувашей-анатри, башкир⁵. Третий вариант колпаков был представлен калфаками, состоящими из двух частей: из остова и твердого околыша. Длина остова достигала 30 см, а околыша — 4 см. В начале XX в. калфаки значительно уменьшились в размерах. Девушки и молодые женщины прикрепляли их крючками к волосам. Для изготовления использовали бархат. Лицевая сторона оформлялась в основном бисером, жемчугом. Орнамент имел растительный

¹ Герберштейн С. Записки о Московии.— СПб., 1866.— С.100.

² Сухарева О. А. Древние черты...— С. 34.

³ Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм...— С. 132; Сухарева О. А. Древние черты...— С. 306—307.

⁴ ИКМК. Ф.780; РИАМЗ. Ф. 2046, 2294; РЭМ. Ф. 34—82.

⁵ Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар-кряшен.— Казань, 2005.— С. 41.

характер. По мнению исследователей татарского костюма, вариант головного убора с твердым околышем сформировался в районе Заказанья в процессе тесной связи казанских татар с марийцами и другими народами края и затем получил распространение у других групп татар¹. В конце XIX — начале XX в. девушки стали носить головные платки фабричного производства. Надевали их, сложив на угол и завязав концы узлом на затылке.

Головные уборы замужних татарок отличались значительным разнообразием и состояли из четырех комплексов: тастарный, платочный, калфачный, шапочный. Женские головные уборы, в отличие от девичьих, были предназначены закрывать голову, шею, плечи, спину. Особое внимание уделялось волосам. Замужние женщины должны были их прятать. Этот обычай был связан с древними представлениями о магической силе волос, что являлось характерным для многих народов. Волосы невесты считались опасными для членов того рода, который брал ее в жены. У татар-кряшен было принято выщипывать невесте брови и волосы над висками и лбом². Тастарный комплекс головных уборов состоял из волосника, тастара, платков, покрывала. Волосник (*солавесь*) представлял собой шапочку-чепец, сшитую из хлопчатобумажной ткани прямоугольной формы, размером 10х60 см, концы которой соединялись между собой. Длинный, нижний край стягивался при помощи тесемок или шнуров, продетых вдоль кромки. Верхний край шапочки стягивали таким образом, чтобы на темени оставалось небольшое отверстие. Волосник данной формы имел распространение у сергачских мишарей (*солауц*), западно-сибирских татар (*хараус*), ногайцев (*силяуш*)³. Налобную часть убора оформляли аппликацией из разноцветных полосок ткани. Декоративное оформление волосника аппликацией восходит к традиции народов Западной Сибири и Алтая, которая была связана с почитанием духов материнских предков, воплощенных символически в лоскутках меха, кожи, ткани⁴. В качестве волосника иногда использовали калфак, связанный из разноцветных ниток.

Поверх волосника повязывали *тастар*. Данный головной убор внешне выглядел как полотенце или шарф. Длина его достигала

¹ Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм... — С. 142.

² Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. — Чебоксары, 1960. — С. 139—150; Сухарева О. А. Древние черты... — С. 302—312; Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. — М., 1977. — С. 111.

³ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. — С. 101; Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. — М., 1979. — С. 86.

⁴ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. — С. 102, 96; Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Труды МАЭ. — М.-Л. — С. 161.

2 м, ширина — 25—30 см. Тастары по видам ткани, способам оформления были двух типов. Тастары первого типа имели распространение в 1-й пол. XIX в. Их изготавливали из тонкого белого полотна с вытканной на концах одной или двумя поперечными полосами. Вдоль всей кромки по обеим длинным сторонам также проходили полосы. С одного или с двух концов пришивали кусок полотна с выпуклой ковровой вышивкой (*нагыш*). Техника выполнения ее была забыта во 2-й пол. XIX в. Образцы некоторых экземпляров вышитых концов сохранились лишь в коллекциях музеев¹. Для данной вышивки было характерным сочетание черного, коричневого и красного цветов. Аналогичная вышивка под таким же названием бытовала у кряшен. Техника выполнения подобной вышивки, известная в научной литературе под названием «выпуклый шов (барашек)», «ковровый шов», давно утрачена. У касимовских татар и кряшен эта вышивка была двусторонней. На лицевой части холста она выполнялась черным и красным закрученным шелком; стежок до конца не продергивался и оставался в виде петли, в результате чего создавалась плотная выпуклая ковровая поверхность, подобная каракулю. На изнаночной стороне стежки были плотные и напоминали тамбур².

Тастары второго типа татарки продолжали носить во 2-й пол. XIX — начале XX в. Для повседневной носки их изготавливали из тонкого полотна. Для праздничных экземпляров использовали дорогие ткани, такие, как кисея, тюль, газ. Тастары попроще украшались на концах и по кромке тесьмой и лентами, а более нарядные — кружевами, позументом, золотым шитьем. Характерной чертой нарядных тастаров являлась орнаментация плотной тамбурной вышивкой с многоцветными узорами³. Следует заметить, что подобное оформление тастаров было присуще только касимовским татарам. Украшенные концы спускались на спину один поверх другого, закрывая косы. Повязать тастар было непросто. Им обматывали голову в несколько слоев так, чтобы подбородок и темя не были видны. Если у тастара был орнаментированным один конец, то его опускали на спину или плечо, а противоположный, неукрашенный, просовывали под подбородок. Данный вариант повязывания тастара был характерным также для темниковских мишарей. Полотенцеобразные головные уборы имели распространение (под одноименным названием) у казанских татар, мишарей, а также у ряда тюркских народов⁴. Замужние касимовские татарки носили волосник, тастар и поверх них легкий и светлый платок (*яшь 'илинче жаулы'*). Его

¹ РЭМ. Ф. 675 (67); Ф. 3482—32; ГИМ. Отдел тканей.

² Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены.— С. 121—122.

³ ИАМК. Ф. 1717, 1719, 1721, 1784; ИКМК. Ф. 780.— Инв. Т. 6152.

⁴ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— С. 107.

повязывали под подбородком или на затылке, соединяя два соседних угла. Полотнище свободно свисало по спине. Подобный способ повязывания был широко распространен у татарок-мусульманок. Молодая, выходя из дома, должна была повязать еще один платок (*чалма жаулы*'), сложив его по диагонали. Свое название он получил от способа повязывания, придававшего ему вид чалмы. Данный убор представлял собой большой, цветастый кашемировый фабричный платок. Два его конца перекрестывали в нижней части затылка и завязывали двойным узлом на темени. Концы забирали под узел. Подобным образом повязывали платки татарки-мишари (темниковские, лямбирские) и татарки Рязанской губернии (с. Азеево, Бастаново и др.).

Поверх платка накидывали покрывало (*бер'инче*'), представлявший собой большой четырехугольный кусок белого полотна. Во 2-й пол. XIX — начале XX в. его заменили ажурные трикотажные и шелковые платки и шали. Они выполняли функцию покрывала и являлись неотъемлемой частью тастарного комплекса головных уборов.

Впервые тастарный комплекс головных уборов надевали на невесту во время проведения обряда смены девичьего убора на женский. После свадьбы молодая была обязана носить тастарный комплекс головных уборов не только на улице, но и дома, где ей позволялось снять шаль. Женщина получала право ходить дома в волоснике и тастаре лишь после рождения ребенка. По словам старейших информаторов, в детстве они видели бабушек, одетых в старинную татарскую одежду. Их головы казались огромными из-за головных уборов.

Одновременно с бытованием женского тастарного комплекса имел распространение платочный комплекс головных уборов. Он состоял из двух платков: нижнего, преимущественно белого цвета, и верхнего, цветастого. Наиболее старинный способ повязывания платков был известен под названием *«авыз бэйләү»*. Нижний платок предназначался для прикрытия подбородка, шеи и груди женщины. Его складывали по диагонали и завязывали оба конца на темени. Третий, свободный угол, свисал под подбородком, закрывая шею и грудь. Однако затылок оставался открытым. Поэтому для его прикрытия повязывали еще один платок, обычно яркий и цветастый. Его складывали также по диагонали, связав концы большим двойным узлом на затылке. Во время домашних работ его снимали и повязывали более легкий платок таким образом, что полотнище свободно свисало по спине. Держался платок на голове за счет двух концов, связанных под подбородком или на затылке. Подобный способ повязывания был широко распространен у татарок-мусульманок, особенно у казанских.

Калфачный комплекс головных уборов замужних женщин включал в себя калфак, платок и шаль. Бархатные калфаки с твердым околышем и мягким остовом богато украшались золотым шитьем, вышивкой, бисером, жемчугом. Большой бархатный калфак имел длину около 30 см и высоту околыша 3 см; средний — длину до 20 см, а высоту околыша — 4 см. Лопасть калфака отвисала набок. Калфачки-наколки с коротким остовом и широким, до 10 см, околышем являлись, скорее всего, налобным украшением, закреплявшимся на волосах. Поверх калфаков женщины, выходя из дома, надевали платки, шали, а позднее — легкие шарфики.

Шапочный комплект головных уборов замужних женщин состоял из платка и шапки. Платок надевали таким образом, что два его угла повязывались под подбородком, а полотнище спускалось на спину. При выходе на улицу поверх платка надевали шапку (*'ама бури'*) с оторочкой из меха речной выдры, с тульей полусферической формы. Такие шапки, напоминающие головные уборы служилых татар XVIII в., носили преимущественно женщины старшего возраста.

Указанные комплексы головных уборов замужних женщин бытовали повсеместно. Однако интенсивность их распространения несколько менялась. Тастарный комплекс был более характерным для жительниц Белого аймака и заокских татар и гораздо реже встречался в Черном аймаке. Возможно, это было связано с особенностями этнокультурного развития трех подгрупп касимовцев. Известно, что тастарный комплекс широко бытовал у мишарей (темниковских, лямбирских, сергачских), у сасовских татар. К мишарям наиболее близкой была подгруппа заокских касимовцев. К татарам Белого аймака данный комплекс, возможно, перешел благодаря брачным связям касимовцев с мишарями. С другой стороны, тастарный комплекс мог явиться наследием тюркских предков касимовских татар. Элементы тастарного комплекса — волосника и тастара — имели место у ряда тюркоязычных народов: башкир, ногайцев, алтайцев. В Черном аймаке данный комплекс был, видимо, вытеснен платочным комплексом. Характерно, что наиболее древний способ повязывания платков *«авыз бэйләү»* был распространен у татар Рязанской губернии (с. Азеево, Бастаново и др.), г. Костромы, тамбовских мишарей.

Следует заметить, что в целом девичьи и женские головные уборы касимовских татарок имели абсолютное или значительное сходство по формам, способам оформления и ношения с головными уборами двух основных этнографических групп волго-уральских татар: казанских и мишарей. У казанских и касимовских татарок были широко распространены бархатные калфачки с длинным остовом и узким околышем, шапки с оторочкой из меха, полихромная тамбур-

ная вышивка на отдельных деталях головных уборов — тастара, калфаков, ношение платка с распущенным по спине полотнищем. Касимовские татарки, так же как и мишарки, повязывали головные платки, сложив их по диагонали и завязав узел под подбородком или на темени. Волосник и тастар касимовских татар имели общие формы и примерно одинаковые способы повязывания с волосниками и тастаром мишарей сергачской и темниковской групп.

Архаичные черты, сохранившиеся в некоторых элементах и обрядах, связанных с головными уборами, сближают касимовских татар с кряшенами. У тех и у других бытовала черно-красная выпуклая вышивка (под одним и тем же названием «*нагыш*») на концах полотенеобразных головных уборов замужних женщин. У кряшен и касимовских татар существовал обряд смены девичьего головного убора на комплекс уборов замужней женщины.

В то же время в женских головных уборах прослеживаются черты, характерные только для касимовских татар. В первую очередь, это волосник, его покрой и оформление лобной части, а иногда и всего убора, разноцветными нашивками. Полотенеобразный тастар по декоративному оформлению не имеет аналогов. Касимовский тастар изготавливали из тонкого полотна и дорогих тканей. Концы украшались полихромной тамбурной вышивкой (часто с заполнением контуров) из шелковых нитей, а в более ранние периоды выпуклой ковровой вышивкой. Указанные особенности свидетельствуют, что тастарный комплекс касимовских татар, единый в своей основе с уборами многих тюркских народов, прошел самостоятельный путь развития, что нашло отражение в сложении своеобразного по оформлению и способу ношения комплекса головных уборов.

Мужская и женская обувь

Обувь касимовских татар была разнообразной по материалу, технике изготовления, способу ношения, особенностям использования с различными комплексами одежды. В зависимости от материала изготовления, обувь была кожаная, лыковая и из овечьей шерсти. Вся обувь подразделялась на нижнюю, надевавшуюся на босую ногу, и верхнюю, которую носили поверх нижней. К ней относятся чулки (*оe'*), вязанные из белой овечьей шерсти. Голенища женских чулок были выше, чем у мужских. В конце XIX — начале XX в. стали носить фабричные чулки. Мужчины использовали для обертывания голени портянки (*ая'чу*) из тонкого полотна, длиной не больше метра. Надевали их под кожаные сапоги, чтобы придать стройность голенищам. Кожаная обувь имела широкое распространение. Для касимовских татар, так же как и других групп татар,

была характерной традиция надевать детям кожаную обувь, начиная с годовалого возраста. Обувь покупали или заказывали местным татарским сапожникам. Из кожи шили сапоги-ичиги, калоши и башмаки. Кожаные мягкие сапожки-ичиги (*чиге'*) изготавливали как из обычной юфти, так и из дорогих кож, таких как хром, сафьян. Мужские ичиги шили из кожи черного или коричневого цвета. Сапожки из дорогой кожи в верхней части голенища были с отворотами из цветного, чаще красного или зеленого сафьяна. Подкладку ставили только в верхней части голенища. Мужские сапожки, как правило, не украшались, хотя в более раннее время, возможно, они расшивались. Один экземпляр таких ичигов хранится в фондах Историко-краеведческого музея г. Касимова. Они из коричневой мягкой кожи, с высокими, до колен, голенищами, расшитыми до носков красной нитью тамбурным швом растительным орнаментом¹. В конце XIX — начале XX в. мужчины молодого и среднего возраста носили сапоги (*иге'*) с высоким голенищем и твердой подошвой, на каблуках. Сапоги были двух типов: с цельнокроенным носком и носком, выкроенным отдельно. Мужские ичиги шили преимущественно с цельнокроенным носком. Образец второго типа сапог хранится в фондах Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург)². Они сшиты из коричневой кожи с отдельно выкроенными высокими голенищами и носками. По способу раскроя их можно отнести к западносибирскому типу, в котором выделяется вариант обуви, характерный для хакасов и встречающийся у шорцев³. Не исключено, что этот экземпляр был приобретен касимовскими татарами на ярмарке.

Женские ичиги чаще изготавливали из нескольких кусков разноцветной сафьяновой или хромовой кожи желтого, темно-красного, голубого, синего цветов. Для изготовления этого типа обуви куски кожи мочили, складывали цветной частью внутрь на особые доски и спрессовывали. Из кусков вырезали и сшивали заготовки. Швы украшались бумажными, шелковыми или золотыми нитями, в зависимости от качества кожи. Подкладку для женских ичигов делали из тонкой кожи. Голенища были без отворотов и короче, чем у мужских сапожек. Обувь с кожаной мозаикой была характерной для татар. Производство ее осуществлялось еще со времен Волжской Булгарии, из которой вывозилась высококачественная юфта, называемая «булгари». В конце XIX — начале XX в. были широко распространены женские узорные сапожки на жесткой подошве, на низких каблучках, которые

¹ ИКМК. Ф. 780.— Инв. 10509.

² РЭМ. Ф. 3482 — 32. Ф. 7423. Инв. 3482—25.

³ *Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири // Труды МАЭ.— Л., 1963.— Т. 21.— С. 47—48.

носили девушки и молодые женщины. Женщины старшего возраста носили ичиги на мягкой подошве, поверх которых надевали кожаные калоши (*'авеш*), изготовленные из толстой грубой кожи, на твердой подошве. Татарки, выходя из дома во двор, надевали их без ичигов.

Кожаные туфли (*башма'*) шились из черной и цветной кожи, на твердой подошве, с остроконечными, чуть приподнятыми носками. Женские туфли нередко изготовлялись, как ичиги, из узорной кожи и на каблуках. Дома носили туфли без задников. Женские туфли богато расшивали бисером, речным жемчугом, золотой или серебряной канителью.

Мужские туфли являлись исключительно домашней обувью. В конце XIX — начале XX в. среди касимовских татар широкое распространение получила обувь городского образца — штиблеты, сапоги на твердой подошве — у мужчин, ботинки на высоких каблуках и со шнурками — у женщин.

Лыковая обувь — лапти и ступни — считались рабочей обувью. Их носили мужчины во время работ на усадьбе и в поле, обернув ноги суконными портянками. Женщины и дети лыковой обувью пользовались редко. Ее приобретали на рынке или изготовляли сами татары. Лапти (*чабата*) плелись с косоплетеной головкой, с треугольным выступом на носке. Борта были низкими, с петельками. Башмаки или ступни (*улында*) из лыка были глубже лаптей. К подошвам, чтобы они не промокали, приделывались деревянные планки. Лыковая обувь у касимовских татар по технике плетения, по форме и отделке была идентична мордовской лыковой обуви, распространенной в районах древнего обитания этого народа, в том числе и в Касимовском уезде Рязанской губернии¹. Вариант мордовских лаптей был также характерным для мишарей Окско-Сурского междуречья². Зимой все надевали валяную обувь — валенки (*ите', тупли*), которые приобретали на рынках.

Украшения

Одежда касимовских татар гармонично дополнялась всевозможными украшениями. Многие из них были привозными. Широкой популярностью пользовались изделия искусных мастеров татар из Казани. Своих ювелиров у касимовских татар было очень мало. В конце XIX в. их насчитывалось всего 4 человека³, а в начале

¹ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы // Труды Мордовской этнографической экспедиции.— М., 1973.— Вып.3.— С. 171—172.

² Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм...— С. 87.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Рязанская губерния.— СПб., 1903.— С. 192.

XX века оставалось лишь двое — в д. Болотце, в Белом аймаке¹. В г. Касимове заказы татар выполняли русские кустари-ювелиры, работавшие по татарским образцам. Поэтому наряду с продукцией, типичной для Закавказья, изготовлялись ювелирные изделия, характерные для мишарей Окско-Сурского междуречья².

Украшения в большинстве своем являлись девичьими и женскими. Общими для женщин и мужчин были амулеты, пуговицы, застежки, кольца, перстни. Украшения подразделялись на три группы: головные, шейно-нагрудные, наручные.

Головные украшения состояли из серег и накосников. Девочкам в раннем возрасте, начиная с месяца или с трех-четырёх лет, протыкали мочку ушей и надевали серьги (*сыр'а*), которые они носили в течение всей жизни. Серьги были разнообразных форм — кольцевые, крючковые, состоящие из нескольких частей и т.п. Наибольшей популярностью у касимовских татар, впрочем, как и у других групп татар, пользовались лунницеобразные серьги. Излюбленными были также серьги из двух блях с основным щитком миндалевидной формы и с мелкими скаными подвесками. В конце XIX — начале XX в. преобладали серьги «лунницы», особенно «дутые». Эти миниатюрные серьги больше, чем сканные миндалевидные, соответствовали развитию костюма татар в сторону европеизации и приближения его к общегородским нормам. Неотъемлемым атрибутом женского костюма являлись накосники. Они были двух типов. Один из них, «*час-бау*», считался девичьим. Он состоял из двух полосок ткани, шириной не более 2 см и длиной около 50 см, с нашитыми на них в один ряд монетами. Крепился накосник при помощи завязок у основания косы. Другой тип накосников — «*чулпы*» — являлся наиболее распространенным. Он представлял собой узкую ленту, на один конец которой подвешивались звенящие подвески из монет или ажурных блях (лопастной, вазообразной и других форм). Состоятельные татарки носили «*чулпы*», состоящие из двух-трех ярусных подвесок, инкрустированных полудрагоценными камнями. Другой, неоформленный конец ленты вплетался в косу. Данный тип накосника являлся в середине XIX в. неотъемлемой частью платочных, тастарных и калфачных комплексов касимовских головных уборов. Он получил распространение у казанских татар, мишарей. К концу XIX — началу XX в. накосники «*чулпы*» носили в сочетании с комплексами калфачков и платков³.

¹ Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Данные переписи крестьянских хозяйств, занимающихся кустарными промыслами, произведенной в 1912 году.— Вып. 1.— Рязань, 1915.— С. 284.

² Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм...— С. 194.

³ Там же.— С. 209—210.

К шейно-нагрудным украшениям касимовских татар относятся шейные украшения, ожерелья, нагрудники, перевязи, пуговицы, застежки и броши. Шейное украшение (*я'а чылбыры*) в виде воротниковой пряжки состояло из двух серебряных или металлических пряжек, скрепленных крючком и петлей. К нижнему краю пряжек подвешивались пять цепочек с бляхами или крупными монетами на концах. Воротниковая пряжка крепилась к съемным парчовым или бархатным воротничкам, которые надевались поверх платьевого воротника. Данное украшение было частью костюма молодых замужних женщин. В конце XIX — начале XX в. воротниковая пряжка вышла из употребления как у касимовских, так и у казанских татар. Примечательно, что воротниковые пряжки считались образцом татарского ювелирного искусства. При изготовлении применялась чеканка и сложная техника скани. Их происхождение связывают с шейной гривной, бытовавшей у волжско-камских болгар и особенно широко у финских народов края в древности¹. Ожерелья (*муенса*) были двух типов: металлические и в виде бус. Металлическое ожерелье считалось девичьим украшением. Оно представляло собой цепочку из ромбовидных бляшек, отделанных накладной филигранью. К каждой бляшке подвешивались сердцевидные лопасти, инкрустированные полудрагоценными камнями. В конце XIX в. излюбленными украшениями у девушек и женщин стали ожерелья из янтаря, сердолика, халцедона, коралла. Другое шейно-нагрудное украшение (*изю*) было в виде куска простеганной ткани с имитацией грудного разреза, по обе стороны которого симметрично нашивались позумент, рюши из атласных лент, накладки из блях, монеток. Подобный нагрудник был одновременно украшением и функциональным элементом, предназначенным для закрывания грудного выреза платья. Поэтому его прикрепляли к платью преимущественно молодые женщины, кормящие грудью ребенка. В конце XIX — начале XX в. данный нагрудник сохранился в костюме некоторых женщин старшего возраста.

Перевязи можно подразделить по особенностям формы, функциональному назначению на два типа. Первый тип перевязи (*хасидә*) представлял собой украшение в виде узкого сегмента простеганной ткани с нашитыми на нее монетами, жетонами, пуговицами, раковинами каури, бляхами с полудрагоценными камнями. Края и основа обшивались атласной лентой, позументом. Перевязь была атрибутом костюма замужних женщин и надевалась поверх платья через левое плечо под правую руку. Перевязь приобретала значение оберега, если на него дополнительно нашивали маленький кармашек с вложенным в него листком бумаги с молитвой. Второй тип перевязи (*бәтү, петеү*) являлся перевязью-карманцем в виде

¹ Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм... — С. 218.

узкой (2—3 см) полоски ткани или тесьмы с пришитым к ней небольшим кармашком для оберега, коим являлись клешня краба и две бусинки из сердолика или бирюзы¹. Носили его поверх платья, аналогично перевязи первого типа, но так, чтобы карманец приходился на бок. В конце XIX — начале XX в. перевязь-карманец надевали преимущественно на детей.

Мужской оберег (*бөтү, петеү*) был в виде треугольного кожаного мешочка с пришитым к одному из углов шнурком. Внутри мешочка находилась записка с молитвами, иногда медвежий зуб. Носили его под рубахой, надев шнур на шею или, как перевязь, через плечо так, что мешочек находился под мышкой. Подобные обереги треугольной формы, завернутые в ткань или кожу, носили крымские татары, ногайцы². Термины *бөтү, петеү*, возможно, восходят к названию оберега «*пум*» (от ненецкого глагола «*питарць*» — пугать), распространенного среди народов Сибири. Они использовали в качестве оберега кусочки ткани треугольной формы, медвежьи зубы, монеты и ряд других предметов, зашитые в замшу³. Наиболее архаичные обереги, в основном детские и мужские, имеют сходство с таковыми у народов Сибири и ногайцев⁴. Перевязь как наиболее оригинальное нагрудное украшение находит параллели у других групп татар. Перевязь (*хасидә*) бытовала в большинстве уездов проживания казанских татар. Распространение перевязи-карманца связывает касимовцев с мишарями Окско-Сурского междуречья. В конце XIX — начале XX в. у городских касимовских татарок получили некоторое распространение бархатные кармашки на шнурке. Они были размером с ладонь, овальной формы, украшенные вышивкой или позументом и имели декоративно-функциональное назначение, являясь, скорее, нарядными сумочками. Шнурок надевали поверх платья на шею таким образом, чтобы кармашек находился на уровне груди. В него клали наиболее ценные украшения, когда шли в гости. Там украшения доставали и надевали. Образцы кармашков хранятся в фондах РЭМ⁵. Они имели распространение также и у состоятельных татарок-горожанок г. Казани. Нагрудные украшения — пуговицы

¹ РИАМЗ. Ф. 23—25.— Кн. VI.— Рук. 147.

² *Рославцева Л. И.* Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в.— М., 2000.— С. 41; *Керейтов Р. Х.* Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // СЭ.— 1980.— № 2.— С. 123.

³ *Пихновская А. А.* Культурный комплекс Тымского шамана Елисея Карлыгина // Самодийцы / Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».— Тобольск-Омск, 2001.— С. 286; *Прокофьева Е. Д.* Материалы по различным представлениям энцев // Труды МАЭ.— Т. 14.— М.-Л., 1953.— С. 206.

⁴ *Керейтов Р. Х.* Мифологические персонажи... — С. 123.

⁵ РЭМ. Ф. 3482—19.

(*садаф*), застёжки (*аптырма*) и броши (*инале*) — были широко распространены во все времена. Они изготавливались ювелирами различных культур из разного металла. Излюбленным металлом являлось серебро, иногда позолоченное. Наибольшей оригинальностью отличались серебряные застёжки различных форм — листовидные, круглые, прямоугольные. Их поверхность украшалась чеканкой или филигранью, инкрустированными полудрагоценными камнями. Встречались застёжки из нескольких подвесок. При помощи их застегивали женские камзолы и бешметы. Броши были в основном в виде блюх (с подвесками или без них) со вставками из полудрагоценных камней. Они были крупными, чаще тонкой сканой работы и имели разные формы: трапециевидные, овальные, подтреугольные, розетковидные. Эти броши бытовали в костюме зажиточных женщин у казанских и чепецких татар.

К украшениям рук относятся браслеты (*близе*'), кольца (*балда*') и перстни (*йөзе*'). Типы их были очень разнообразны, так как они приобретались у татарских, русских, восточных ювелиров. Состоятельные татары, особенно городские, предпочитали носить золотые украшения. Большой популярностью пользовались изделия из серебра, в том числе позолоченного. Браслеты носили, не снимая, с детских лет до самой старости. Замужние женщины имели по одному браслету на каждой руке. Пища, приготовленная женщиной без серебряного браслета на руке, не считалась благословенной. Излюбленными являлись сплошные, пластинчатые и составные пластинчатые браслеты. Пластинчатые, с закругленными концами, изготовленные на цельной основе, не застегивались, а надевались на руку путем легкого разгибания. Они были, как правило, чеканные, гравированные, с чернением, украшенные самоцветами. Браслеты, состоящие из двух-пяти пластинок, застегивались на руке при помощи крючка и петли. Пластинчатые браслеты, инкрустированные полудрагоценными камнями, имели бытование у зажиточных татарок. У них получили распространение ажурные браслеты, изготовленные в технике плоской скани, а также браслеты в виде цепочек из полудрагоценных камней, заключенных в оправу. Девушки предпочитали носить легкие браслеты, состоящие из нескольких нитей мелкого коралла или речного жемчуга. Излюбленными украшениями как у женщин, так и у мужчин являлись кольца и перстни различных форм.

Традиционные украшения касимовских татар в конце XIX — начале XX в. претерпели ряд изменений. Под давлением общегородской культуры российского и европейского значения из обихода стали исчезать наконсьники на матерчатой основе, воротниковые пряжки, нагрудники (*изю*), перевязи (*хәсидә*). Изменения мало коснулись таких украшений, как ожерелья из камней, перевязь-амулет, броши, браслеты, кольца, перстни. Из употребления вышли

в основном громоздкие, тяжелые и большие украшения, уступив место легким и мелким формам. В начале XX в. произошла замена накосников атласными и шелковыми лентами, особенно популярными у молодых женщин и девушек. Из шейно-нагрудных украшений в конце XIX — начале XX в. наиболее распространенными были броши, бусы из драгоценных и полудрагоценных камней, медальоны или часики на тонкой цепочке, футляры для Корана.

Большинство татарских украшений имеет весьма древнее происхождение. Они нередко встречаются в сокровищницах булгарского времени, особенно браслеты и кольца. Часть из них характерна для тюркских народов, часть имеет аналоги в украшениях местных народов. Шейные украшения татарок близки к таковым у соседних народов финно-угорской языковой группы, а накосные украшения близки к тюркским¹.

Традиционная одежда и украшения были в целом едиными во всех трех территориальных подгруппах касимовских татар, хотя имелись отдельные особенности. Одежда касимовских татар Белого аймака во многом сближалась с одеждой казанских татар: по выбору тканей, по покрою женских рубах, по покрою и способу оформления женских и мужских камзолов; по покрою мужской и женской верхней одежды (казакин, джилян, бешмет, шуба и др.). У касимовских и казанских татар были идентичными способы украшения нагрудников и тастаров тамбурной вышивкой, повсеместное ношение калфачков, четырехугольных платков, повязанных на кромку так, что два угла платка спускались на спину; женских шапок в комплексе с платком, кожаной обуви — ичигов, накосников из блях, воротниковой пряжки.

Одежда касимовских татар заокской подгруппы (Черные зыбыны) отличалась сохранением ряда элементов, присущих мишарям, — рубах с отложным воротником, тастарного комплекса женских головных уборов, черно-красной вышивки на рубахах, нательных нагрудников с аппликацией и т.д. Для одежды татар Черного аймака было характерным сочетание казанско-татарской и мишарской культуры. Бытование у касимовских татар на территории Черных зыбинов, Черного аймака и частично Белого аймака таких особенностей, как штаны с ромбовидной вставкой, нательные нагрудники больших размеров, платочный комплекс головных уборов, роднит их с татарами Рязанской губернии (с. Азеево, Бастаново и др.) и Костромы².

¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья.— М., 1967.— С. 160.

² Шарифуллина Ф. Л. Костромские татары и коллекция одежды в фондах Историко-архитектурного музея-заповедника г. Костромы // Тезисы докладов краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура». — Казань, 1993.— С. 29—30.

Комплексы одежды и украшений

Домашней одеждой мужчин были рубаха, штаны, тюбетейки, вязаные носки, башмаки без задников. При выходе на улицу надевали камзол, сапоги. Во время работ во дворе надевали фартук, лапти. В жару поверх тюбетеек носили войлочные шляпы. В холодное или дождливое время года костюм дополнялся казакином или бешметом, шапкой, валенками, а у зажиточных татар — шубой и меховой шапкой. На работу и для поездок поверх бешмета надевали зыбын, тулуп, подпоясывая его кушаком. В состав одежды мужчин пожилого возраста входили джилян и чапан, которые они носили преимущественно поверх рубахи с камзолом. Для жениха в качестве свадебной одежды шили рубаху с отложным воротником и штаны из белого холста в красную полоску. На голову он надевал тюбетейку, на ноги — сапоги.

В комплексах девичьей женской одежды было больше разнообразия. Повседневный девичий костюм состоял из рубахи или платья, штанов, короткого камзола. На голову надевали шапочку или вязаный колпак, калфак или платок, сложив его на угол и повязав концы узлом на затылке. К основанию кос привязывали накосник на матерчатой основе. Девушки носили ожерелье в виде цепочки из металлических блях, бусы, браслеты, кольца. На ноги надевали вязаные носки или чулки, а выходя из дома — башмаки или сапожки, зимой — валенки. В начале XX в. праздничный костюм девушек состоял из платья, иногда фартука с передником, калфачка-наколки, сапожек или башмаков. Территориальных особенностей в девичьем костюме татарок трех подгрупп не наблюдалось. Для невесты готовили те же типы одежды, что и для молодых замужних женщин (за исключением нательного нагрудника). Ее старались одеть во все новое. Поверх тастарного комплекса накидывали большую белую шаль.

Костюм женщин молодого и среднего возраста во 2-й пол. XIX в. включал в себя рубаху или платье, нательный нагрудник, штаны, камзол, надевавшийся поверх платья, тастарный или платочный комплексы головных уборов. В концы кос вплетали накосники — чулпы. На ноги надевали, поверх вязаных чулок, башмаки или сапожки. При выходе из дома надевали бешмет (в Белом аймаке поверх него накидывали джилян и чапан), на голову — шаль, на ноги — сапожки с калошами. Женщины старшего возраста носили длинные камзолы (у заокских камзолов были короткие, до локтя, рукава), джилян (особенно в Белом аймаке), шубы, калфаки с длинным остовом, шапки. Праздничный костюм зажиточных татарок, преимущественно Белого аймака, дополнялся украшениями — воротниковой пражкой и перевязью. В более ранние периоды, в том

числе и в I-й пол. XIX в., воротниковая пряжка и перевязь были обязательным атрибутом костюма замужних женщин и выполняли не только декоративную функцию, но и роль оберега. К концу XIX в. значение традиционных украшений заметно снизилось. Перевязь продолжала сохраняться в форме детского и мужского амулетов. Детский костюм в общих чертах повторял одежду взрослых. Изменения, происходившие в конце XIX в. в костюме замужних женщин, нашли отражение не только в традиционных украшениях, но и в одежде. Из обихода стали выходить бешметы, тастарный и платочный комплексы головных уборов, узорные сапожки-ичиги. Их заменили пальто, обувь и украшения общегородского образца, маленькие калфачки-наколки.

В I-й четверти XX в. одежда касимовских татар, по описанию современника, «представляла собой смесь европейского платья последней моды с элементами национального костюма. Заметна любовь к нарядам. У мужчин сохранялись тюбетейки, некоторые старики надевали халаты и чалмы. Элементы старинного женского костюма сохранились в виде платка, накосника, тастара, в своеобразном способе повязывания платков — *авыз бэйләү* (платок, подвязывающийся под подбородком для закрывания шеи), колпака, шали, шаровар, широкого и длинного платья, камзола, сафьяновых сапог»¹. За годы советской власти развитие традиционной одежды касимовских татар шло по линии выработки общих для всех народов современных черт. В настоящее время некоторые традиционные элементы (способы повязывания платков, свободный и длинный покрой платья) встречаются лишь в комплексе одежды женщин старшего возраста.

ПИЩА И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Состав, качество и количество продуктов, потребляемых касимовскими татарами в дореволюционный период, были неодинаковыми для всех татар и зависели от их имущественного положения. Повседневной пищей бедняков являлись картофель, хлеб, молочные продукты. Зажиточные татары ежедневно потребляли такие дорогостоящие продукты, как масло, яйца, мясо. Они гораздо больше употребляли продукты с рынка — овощи, фрукты, экзотические плоды вроде фиников, лимонов. Сохранилось описание послеобеденной трапезы в семье городского муллы: «На столе собирали чай. Сахар, лимон, печенье, вроде сладкого пирога, только без начинки»². В питании касимовских татар, основой хозяйства которых являлось

¹ Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива ОИРК // ТОИРК.— Рязань, 1928.— Вып. 15.— Рук. 147.

² Терпигорев С. Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания.— СПб., 1890.— С. 62.

земледелие, преобладали продукты растениеводства, получаемые из хлебных злаков — риса, овса, ячменя, гречихи, пшеницы. Из муки, преимущественно ржаной, выпекали хлеб и готовили приправы к жидким блюдам. Такие крупы, как овес, ячмень, гречиха, пшено, использовали для приготовления каш, напитков. На рынке покупали рис. Значительное место в меню у татар занимал картофель (*жиралма*). Широкое распространение имели у касимовских татар мясомолочные продукты. Основную долю в повседневном питании составляли коровье молоко и производные от него продукты. Молоко в сыром виде не пили, его кипятили или топили, добавляли в тесто, каши, похлебки, чай. Снимая верхний, густой отстой сырого молока, получали сливки — каймак (*айма'*). Из топленого молока, отстоявшегося в погребе, снимали верхний слой — топленые сливки (*неш'ин 'айма'*). Из скисших сливок (сметаны) сбивали сливочное масло (*май*). Для длительного хранения его перетапливали в топленое масло (*неш'ин май*). Из молока получали преимущественно квашеные молочные продукты. Традиция их изготовления уходит своими корнями в глубь веков, когда в условиях жизни тюрков-кочевников сохранить молоко от скисания не представлялось возможным¹. К тому же продукты из скисшего молока гораздо меньше подвергались порче. Для их приготовления использовали не только цельное, но и снятое, обезжиренное молоко. В этнографической литературе существует мнение, что «изготовление квашеных продуктов из цельного молока является прямым продолжением древних методов кочевой эпохи, тогда как изготовление их же, но из снятого молока, приходится рассматривать как результат оседлости, ибо сокращение скотоводства потребовало использования взамен сала другого жирового вещества — масла, почему на квашеные продукты остается уже обезжиренное молоко»².

Для получения густой массы — катыка (*аты'*), кипяченое или топленое молоко заквашивали ржаным хлебом, творогом или же старым катыком. Ели эту массу как самостоятельное блюдо, а также использовали как приправу к супам, похлебкам, вареному картофелю. Касимовские татары готовили три вида творога. Один из них (*сөзмә*) получали из катыка, из которого удаляли сыворотку путем подвешивания массы катыка в мешочке. Творог подавали как самостоятельное кушанье и употребляли в виде приправы к различным мучным и мясным блюдам. В жару творожную массу разбавляли катыком или холодным молоком с добавлением соли и получали новое жидкое блюдо (*сал'ын тозлы'*). Другой вид тво-

¹ *Потанов Л. П.* Пища алтайцев // Труды МАЭ.— М.-Л., 1953.— Т. 14.— С. 39.

² *Воробьев Н. И.* Материальная культура казанских татар.— Казань, 1930.— С. 129.

рога (*эремче'*) обычно подавали к чаю. Его готовили из скисшего молока, которое кипятили в котле до образования густой массы. Выпаривая влагу из творога получали сухой творог (*'орт*). Его брали с собой в дорогу, поскольку он долго не портился. Сухой творог превращался в лакомство, если его смешивали с медом, орехами и топленным маслом. Данное кушанье бытовало в Черном аймаке и у казанских татар. В целом употребление молока и производных от него молочных продуктов было характерным также и для других групп татар¹. Важную роль в кухне касимовских татар играла мясная пища. Степень ее употребления не была одинаковой в различных социальных слоях татарского общества. В зажиточных семьях готовили мясные супы и кушанья каждый день в достаточном количестве, в то время как бедняки могли позволить такие продукты лишь изредка и в небольших количествах. Однако в целом, по сравнению с русскими, в середине XIX в. у касимовских татар, по свидетельству современников, «...мясная пища была в гораздо большем употреблении (преимущественно конина)»². В конце XIX в. татары конину ели редко, ввиду ее дороговизны. Обычно две-три малоимущие семьи покупали в складчину лошадь на убой (*сугым*) и делили ее между собой. Особое предпочтение отдавали баранине, телятине и мясу домашней птицы. Свинину татары, будучи мусульманами, не ели. Охотно употребляли в пищу мясо добытых на охоте зайцев, лосей, дичь. Хранили мясо различными способами. Зимой тушки животных и птиц обливали водой и держали на морозе до появления ледяной корки. Замороженное мясо вешали на крюки вдоль внутренних стен клетки. На весну и лето мясо разделявали на куски и засаливали в кадушках, помещенных в подвале или клетки. Кроме того, касимовские татары заготавливали впрок сушеное конское мясо в виде колбасы (*'азы*, *'азылы'*). Для этого из грудинной части вырезали мясо, из брюшины сало и все это мелко рубили по отдельности и смешивали. По вкусу добавляли соль, чеснок, перец. Готовую массу закладывали в тщательно промытые кишки и туго завязывали оба конца. Колбасу вешали на чердак, где она сушилась в течение зимы. Весной ее доставали и ели с хлебом или варили суп. Заготовкой колбас занимались казанские татары, мишари и другие тюркские народы³.

¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья.— М., 1967.— С. 163—164.

² Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния.— СПб., 1860.— С. 406.

³ Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар.— Казань, 1927.— С. 35; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— М., 1972.— С. 130; Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки.— М.-Л., 1955.— С. 132.

Для приготовления кушаний и блюд широко использовались животные жиры (конский, бараний, гусиный и др.). Для хранения впрок жиры перетапливали, заливали в кадушки, выносили на мороз, а затем помещали на хранение в клеть. Наиболее часто употребляли овечье сало. Конское сало брали с собой в дорогу, считалось, что оно обладает согревающим действием. Гусиное сало применяли как лечебное средство при простудах.

Касимовским татарам не было чуждо использование головы и ног животных для приготовления студня, а также употребление (до середины XIX в.) крови домашних животных. Бычью или конскую кровь наливали в сковородку, добавляли соль, масло и запекали в печи до затвердевания. Ели эту массу (*кан бавыры* в дословном переводе: «кровяная печень»), разрезая на куски. Известно, что подобное блюдо имело распространение у заокских татар (д. Толстикovo, Сеитово), а также у татар-кряшен, чувашей, марийцев, мордвы, алтайцев, кочевников Центральной Азии¹. Касимовские татары выращивали на огородах такие культуры, как капуста, свекла, огурцы, помидоры, редька, морковь, репа, укроп, лук, чеснок, подсолнечник. Разнообразие овощей в питании татар наблюдатели отмечали еще в середине XIX века². Татары часто выезжали за пределы уезда и губернии и приобретали рассаду различных растений. Кроме того, в весенне-летний период собирали дикорастущие растения: щавель, дикий лук, крапиву и грибы. Их отваривали или жарили, готовили впрок путем сушки и соления. Традиция сбора грибов была обусловлена влиянием русского и мордовского народов. На это указывают термины, бытующие у касимовских татар для обозначения грибов: *гереб* (гриб), *подосинки* (подосиновик), *дубовик* (белый гриб), *нарят геребе* (маслята), *сыер геребе* (сыроежки), *каен геребе* (подберезовики). Словом «пан'е» татары называют волнушки, хотя по-мордовски «панго» означает гриб. В лесах собирали клубнику (*жир или'*), ежевику (*бирлин*), чернику (*'ара или'*), черемуху (*шымырт*), калину (*малан*), рябину (*милиш*). Плоды и ягоды ели свежими и сушеными, из них варили варенье, компоты, делали пастилу. Садоводство было особенно развито у

¹ *Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры.— М., 1977.— С. 138; *Воробьев Н. И., Львова А. Н., Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века.— Йошкар-Ола, 1956.— С. 94; *Динес Е. И.* Традиционная пища и домашняя утварь мордвы: Исследования по материальной культуре мордовского народа // Труды Мордовской этнографической экспедиции / ТИЭ. Новая серия.— М., 1963.— Т. 86. Вып. 2.— С. 108; *Потапов Л. П.* Пища алтайцев // Труды МАЭ.— М.-Л., 1953.— Т. 14.— С. 56; *Жуковская Н. Л.* Пища кочевников Центральной Азии // СЭ., 1979.— № 5.— С. 66.

² *Баранович М.* Материалы...— С. 398.

заокских касимовцев. В садах росли яблони, они считались древней садовой культурой, а также груши, вишня, слива, терновник, смородина. Касимовские татары использовали в пищу привозные ягоды и фрукты — арбузы (*'арбыз*), дыни (*'авын*), лимоны и др.

Определенное место в питании занимали куриные яйца (*йомыр'а*), рыба (*балы'*), мед (*бал*). Куриные яйца ели вареными вкрутую и в виде яичницы (*эйгәнэ'*) из тщательно взбитых яиц. Подобным образом готовили яичницу татары Среднего Поволжья и Приуралья. У крымских татар, туркмен бытовал аналогичный термин (*хэйгенэк*)¹. Рыбу жарили и варили, но впрок никогда не заготавливали. Съедобными считались все виды рыб, за исключением щуки, сома, налима. Мед подавали к чаю, им подслащивали кушанья, из него делали напитки. В конце XIX столетия мед стал вытесняться сахаром.

Кушанья. Их можно разделить на четыре группы: жидкие блюда, мясные блюда, каши и печеные изделия из теста. К жидким блюдам относятся супы (*шурпа*). Варили супы на мясном бульоне или на воде и молоке. Их заправляли преимущественно картофелем и кусочками теста. В зависимости от формы тестяных кусочков, супы имели соответствующие названия: «*лапша*», «*токмач*» (тонко нарезанные полоски), «*умач*» (катышки), «*салма*», «*эчетке салмасы*», «*караодай салмасы*» (ракушки), «*чумар*» (клецки). Для их приготовления зажиточные татары замешивали тесто из пшеничной муки, а бедняки — из ржаной или гречневой муки. Повседневной пищей бедняков являлась похлебка «*ири'*» из пшена и картофеля, сваренная на воде или молоке. Часто готовили болтушку (*боламы'*) из ржаной муки, размешанной в кипящей воде. Иногда варили щи (*шти*) из свежей или квашеной капусты. Супы, похлебки забеливали катыком, айраном или каймаком. Летом готовили окрошку (*тозлы'*) из айрана или кваса с добавлением мелко нарезанных свежих огурцов, лука, репы, сваренных яиц, картофеля. Окрошка и щи были заимствованы у русского населения. Однако состав этих блюд подвергся некоторым изменениям в соответствии с традициями татарской кухни. Так, окрошку готовили преимущественно на айране, а в щи добавляли тестяные приправы. Супы с тестяными приправами, похлебки, крупяные болтушки имели широкое распространение у других групп татар, чувашей, башкир.

В праздничные дни зажиточные касимовские татары делали пельмени (*пилмин*) с мясной начинкой. Ели их с бульоном. Пельмени с творожной начинкой подавались без бульона. Лепили пельмени с начинкой из мелко нарезанного зеленого лука или карто-

¹ Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма.— СПб., 1875.— Ч. 2.— С. 14; Васильева Г. П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник.— ТИЭ. Новая серия.— М., 1954.— Т. 21.— С. 147.

феля. Такие пельмени отваривали в воде, а затем выкладывали их в жидкую подсоленную смесь из творога, катыка или молока. По праздникам готовили жареное мясо с картофелем (*'уырма*), а также мелко нарезанное мясо (*азукай*), предварительно поджаренное с луком, а затем доваренное с картофелем в небольшом количестве бульона в котле. Мясо, приготовленное подобным образом, имело широкое распространение у казанских, костромских татар, балкарцев, карачаевцев. У касимовских татар отмечено еще одно блюдо из жареного мяса — *кебаб*. Оно, видимо, входило в состав пищи привилегированных слоев татарского общества, так как считалось ханским. Сведений о способе его приготовления не сохранилось. Аналогичное блюдо под тем же названием имелось в кухне крымских татар, туркмен, азербайджанцев¹.

Из внутренних органов лошади готовили блюдо *«туллама»*. Для этого желудок тщательно промывали и заполняли начинкой из мелко нарубленного сердца, печени, почек, сала, яиц, лука, риса или пшена. Затем желудок зашивали и отваривали в бульоне или запекали в печи. Блюда из фаршированных органов были также известны татарам-кряшанам, узбекам, алтайцам².

Повседневной едой являлись каши (*бутка*) из различных круп: пшена, ячменя, гречки, овса, риса. Готовили их в основном на молоке, реже на воде и мясном бульоне. Особенно часто варили пшеничную кашу (*драчуна*). Перед подачей на стол ее спрессовывали деревянной лопаточкой, а сверху смазывали яичным желтком и поливали маслом. По праздникам готовили рисовую кашу с изюмом (*пылау*).

Значительную долю в рационе питания касимовских татар составляли мучные изделия. Для их приготовления замешивали преимущественно пресное тесто. Каждодневной пищей являлся хлеб (*эпэй*). Из ржаного кислого теста выпекали каравай (*ситни*). Реже пекли хлеб из пшеничного пресного теста (*умись*). Ряд мучных изделий жарили на топленом масле или животном жире на сковороде или в котле. К ним относятся пышки, оладьи, лепешки, блины. Из кислого теста готовили небольшие круглые пышки (*'абартма*). Из жидкого пресного или кислого теста готовили небольшие оладьи (*'ойма'*) и блины (*белен*). Для приготовления лепешек (*таба умиси*) месили крутое тесто. Аналогичное изделие, только под другим названием (*табикмэк*), было распространено у казанских татар. Из пресного, тонко раскатанного теста делали жесткие лепешки (*жэлтми*) диаметром до 25 см. Перед подачей на стол их обсыпали сахарной пудрой и складывали стопочкой на тарелку. Мучные из-

¹ Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма.— С. 15; Васильева Г. П. Туркмены-нохурли.— С. 146.

² Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшаны.— С. 139; Потанов Л. П. Пища алтайцев.— С. 57.

деля с начинкой были открытые и закрытые. К открытым относятся ватрушки с творогом, паштет с начинкой из рубленой конской печени или из ягод и варенья; пирипись с творогом или мясным фаршем. Ватрушки, паштеты выпекали в печи, а пирипись жарили в масле. К закрытым изделиям относится *билиши*, представлявший собой пирог круглой формы. Готовили его из пресного или кислого теста. В качестве начинок употребляли мелко нарезанное мясо с картофелем (*ит билише*), рис с изюмом (*пылау билише*), ягоды, яблоки (*или' билише*, *алма билише*). Касимовские татары готовили многослойный билиш (*бадия*) с начинкой из риса, яиц, изюма, варенья или меда. Татары Черного аймака (с. Шилино) добавляли в него сушеный творог (*'орт*), так же как и казанские татары — в пирог *губадия*¹.

Из мелко нарубленного мяса, картофеля и реберных костей готовили начинку для высокого билиша (*чапкан итле билиши*). На верхней корочке оставляли, так же как и у билиша с мясом, небольшое отверстие для вливания бульона. Подобное изделие напоминало билиши казанских татар. Касимовские татары готовили также многослойный билиш в горшке (*гуриши билиши*). Для этого на дно широкогорлого глиняного горшка укладывали мелко нарезанное мясо и картофель, перемежая кружками тонко раскатанного пресного теста. Горшок ставили в печь. Готовое содержимое выкладывали из горшка на тарелку. Подобные многослойные билиши были характерны для мишарей, пермских, костромских татар и представляли собой, видимо, более раннюю форму билишей².

Начинку из капусты или ягод, грибов или рыбы готовили для небольших пирожков (*креженцы*). Начинку из изюма использовали для приготовления «*лэвзи*» из сдобного пресного теста в виде блина, сложенного пополам и с защипанными краями. В рацион питания входили овсяный, гороховый кисели (*көсэл*).

Обрядовая пища

Пшениная каша являлась обязательным ритуальным блюдом во время коллективных молений о дожде, при строительстве жилища. Ее готовили во время семейных обрядов, связанных с поклонением духам-покровителям, рождением ребенка. Исключительно обрядовым блюдом, направленным на обеспечение успеха в начатом деле, была мучная каша (*саламата*, *майлы боламык*), которую варили из пшеничной муки на сливочном или топленом масле. Это блюдо готовили во время строительства жилища: «после установки первых венцов избы мулла читает молитвы, в это время варится салама-

¹ Воробьев Н. И. Казанские татары.— С. 334.

² Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— С. 135.

та... Затем садятся посреди избы, едят и угощают рабочих»¹. Ее варили перед началом полевых работ, когда жители всей деревни собирались на поле: резали животных, птиц. Аналогичное блюдо было известно казанским татарам, башкирам, ногайцам, северным и абаканским шорцам, кочевникам Центральной Азии².

Обрядовое значение имел хлеб (*әпәй*). Караваем хлеба встречали новобрачных в доме жениха. При строительстве избы под сруб клали кусок хлеба. В новое жилище вносили хлеб-соль и ставили на специально поставленный для этого столешник. Для свадебного стола готовили разные тестяные изделия, зажаренные в масле. Кушанье *чә'чә'и* подавали в форме горки, образованной из тонко нарезанных тестяных квадратиков или вермишели, пропитанных медом. Кушанье *туй ашы* готовили из тонких полосок теста (длиной до 15x20 см) в форме цифры восемь. Для приготовления *катырма*, *кудрә* нарезали тонкие полоски теста, накручивали их на скалку для придания им спиралевидной формы и опускали в кипящее масло. Мучное изделие *катлама* имело форму рулета, а *шишири* — шариков. Эти свадебные кушанья касимовских татар находят параллели у казанских татар и мишарей³.

По праздникам готовили жаренные в масле кушанья из теста в виде узких полосок (*'атлама иси'лири*) и ромбовидных кусочков (*'ар'а тили*). Их подавали на стол обязательно в комплексе с пятью кушаньями (*джальтми*, *билиш*, *лэвэш*, *'атырма*, пирожки). Представляет интерес название одного из кушаний — *'ар'а тили* (дословно «воронья язычки»). Это обрядовое кушанье из муки было характерным для касимовских татар, которые готовили его для благополучия семьи и рода. У татар и башкир в Среднем Поволжье и Приуралье также бытовал обычай готовить обрядовую кашу *карга боткасы* (дословно «воронья каша»)⁴. Ритуальные действия, связанные с вороном, прослеживаются и у народов Сибири⁵.

Другой комплекс состоял из трех печеных изделий (*жәлтми*,

¹ Гордлевский В. А. Элементы культуры у касимовских татар // Избр. соч.— М., 1968.— Т. 4.— С. 194.

² Шитова С. Н., Габелгареева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX—начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX вв.— М., 1979.— С. 92—93; Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов.— Абакан, 1982.— С. 52.

³ Воробьев Н. И. Казанские татары.— С. 334—335.

⁴ Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала.— Казань, 2001.— С. 119.

⁵ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона.— М., 1979.— С. 20; Ахметзянов Р. Г. Мифологические образы Евразии в фольклоре народов Поволжья // Фольклор народов РСФСР.— Уфа, 1978.— С. 10—15.

'атырма, пирипись) и был обязателен на столе в день, когда младенцу давали имя. Обрядовое значение придавалось лепешкам *джальтми*. Существовал обычай месить их при зажженных свечах и есть только при огне. Видимо, в данном случае наблюдались следы языческих верований.

Поминальным кушаньем у касимовских татар являлись оладьи ('ойма'), которые пекли в доме покойного после выноса тела. На поминках готовили 40 лепешек джалътми. Их складывали стопочкой на тарелку или на деревянную доску. У татар-кряшен в дни поминок выпекали 40 булочек¹. У заокских касимовских татар для джалътми имелся специальный низенький столик ('уна), по краям которого ставили зажженные свечи². Вместе с лепешками обязательно подавали сладкое кушанье *эввэ*. Его готовили из пшеничной муки, слегка размешанной молоком и сахарным песком (медом). Эту смесь жарили в масле до затвердения. Ближайшие аналогии *эввэ* имелись у казанских, костромских татар, у мусульман Передней Азии³.

Для благополучия скота готовили специальные мучные изделия и блюда. В честь покровителей домашних животных (*Зэнги бабай* и *Чулпан эби*) пекли оладьи из несоленого теста (*тозсыз 'ойма'*) и помещали их обязательно в нечетном количестве под матицу хлева или отдавали уважаемой женщине старшего возраста, которая проводила сохой черту вокруг хлева. С целью увеличения приплода скота, особенно овец, пекли тестяные шарики (*шишири*) и раздавали их детям во время Рождества. Из молозива, добавив в него яйца, молоко и соль, готовили своеобразное блюдо. Полученную смесь разливали в горшки и ставили в печь. Готовый продукт (*овыз*) ели только хозяева и их близкие родственники с пожеланиями благополучия скоту. Подобное блюдо бытовало в кухне ряда тюркоязычных народов: татар, казахов, киргизов, туркмен, являясь, видимо, отголоском традиций скотоводчества.

Обрядовое значение имели яйца. В пасху крашенные яйца раздавали детям с пожеланиями, чтобы увеличилось поголовье скота. В день сева для получения хорошего урожая на стол ставили тарелку с яйцом и пшеном. Мед, смешанный с маслом, был обязательным кушаньем на девичнике и на свадьбе. Медом мазали рот новорожденному ребенку. Во время родовых молений (*хатым хужа*, 'аз 'илив), проводимых хозяевами дома, варили мясо жертвенного гуся⁴. Кости его запрещалось ломать, их зарывали в землю или бросали в воду. Подобное явление наблюдалось у ка-

¹ Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены.— С. 144, 148.

² Гордлевский В. А. Элементы культуры...— С. 197.

³ Воробьев Н. И. Казанские татары.— С. 345.

⁴ Гордлевский В. А. Элементы культуры...— С. 196.

занских татар, а также у кряшен и некоторых народов Северного Кавказа¹.

В прошлом у касимовских татар существовал запрет на употребление в пищу таких рыб, как щука, налим и сом. Запрет есть щуку объясняли тем, что на лбу у нее имеется узор в виде креста или особого знака «кәс».

Таким образом, в кухне касимовских татар особенно заметно проступает обрядовое значение пищи, что значительно отличает ее от кухни казанских татар и мишарей. Но в то же время указанная особенность кухни касимовских татар сильно сближает ее с кухней татар-кряшен.

Напитки

Традиционные напитки касимовских татар подразделялись на жаждоутоляющие (чай, айран, шербет) и хмельные (пиво, брага, медовуха, кумыс). Фабричный чай (*чай*) стоил недешево и являлся показателем зажиточности хозяев. Пили его, как правило, разбавляя кипяченым молоком. Ежедневно заваривали чай из смеси сушеных плодов, ягод, листьев и трав. Из катыка, разбавленного водой или кипяченым молоком, получали айран (*айрэн*). Этим же словом (*айрэн*) называли пахту, которая оставалась после сбивания масла. Айран как жаждоутоляющий напиток с добавлением соли был незаменим в жару, в сезон полевых сельскохозяйственных работ. Напитки с подобным названием бытовали у казанских татар, мишарей и ряда тюркских народов: казахов, киргизов, башкир, туркмен². Из фруктов и меда, разбавленных кипяченой водой, получали сладкий напиток шербет (*ширбэт*), употреблявшийся также в качестве ритуального напитка. Кроме того, по заимствованному у русских рецепту делали квас. Пиво (*сыра*) готовили из ржаного солода. Пророщенные предварительно зерна ржи сушили, перемалывали в муку и размешивали в воде. Эту массу варили в котле, затем переливали в деревянную посуду, которую помещали на день в горячую печь. В горячее варево добавляли хмель, затем опускали в погреб до готовности. Из ячменного или овсяного солода готовили брагу (*буза*). Примечательно, что у касимовских татар сохранилось, наряду с термином буза, другое название браги — *максыма*, распространенное у народов Кавказа — балкар-

¹ Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.— М., 1978.— С. 123.

² Фиельструп Ф. А. Молочные продукты турков-кочевников.— Казахи // МКЭИ.— М., 1930.— Вып. 15.— С. 277; Карачаевцы: Историко-этнографический очерк.— Черкесск, 1978.— С. 187.

цев, карачаевцев, кабардинцев, адыгов. Они готовили хмельной напиток под названием *махъсымә*¹. Из меда делали два различных напитка: *бал* — мед, разбавленный водой и выдержанный в тепле, а также *карчемә* — мед, разведенный в воде, в которую добавляли хмель или дрожжи. Кумыс (*кымыз*), изготовлявшийся из перебродившего кобыльего молока (а иногда овечьего), утратил к началу XX в. свое изначальное значение опьяняющего напитка и употреблялся у касимовских татар лишь в качестве лечебного средства.

В традиционной пище и напитках касимовских татар имелось много общего с пищей казанских татар, причем, в первую очередь, с пищей кряшен. У тех и у других, в отличие от остальных групп татар-мусульман (казанских, мишарей), имелись блюда и кушанья из крови, фаршированных внутренних органов, поминальные кушанья. Такая общность в пище касимовских татар и кряшен, не взаимодействовавших в культурном отношении, свидетельствует о ранних этногенетических связях.

Кушанья и блюда, характерные для казанских татар (*гәбадия*, *ит билише*, *корт* и др.), имели широкое распространение в Белом аймаке, исторически тесно связанном с Казанью. В то же время в пище касимовских татар отсутствовали такие специфические для казанских татар-мусульман кушанья, как *пахлэвә*, *кэлэвә* и др., заимствованные, видимо, ими в более позднее время из Средней Азии. Касимовские татары, особенно заокские, готовили билиш в горшке, характерный для мишарей. Примечательно, что в кухне касимовских татар имелся ряд специфических черт, например, приготовление кебаба, кумыса, комплекса из семи тестяных изделий для проведения религиозных праздников; комплекса из трех тестяных изделий, которые пекли в день, когда ребенку давали имя; комплекса из двух кушаний на поминках. Из кухни русского народа было заимствовано употребление грибов и некоторых видов растений, приготовление шей, окрошки, пирожков, кваса.

Касимовские татары принимали пищу, сидя за столом или на нарах. В этом случае место для еды застилалось скатертью, вокруг нее лежали мягкие подстилки из войлока. В будничные дни особого меню не составляли. В зависимости от степени зажиточности и возможностей в меню входили творог, катык, яйца, жидкая бол-

¹ *Аталиков В. М.* Культура народов Кабардино-Балкарии.— Нальчик, 2000.— С. 28; Из истории Карачаево-Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ.— Ставрополь, 1974.— Вып. 7.— С. 237; *Мефедзев С. Х.* Картографирование некоторых свадебных обрядов кабардинцев // Ареальные исследования в языкознании и этнографии / Тезисы пятой конференции «Проблемы атласной картографии».— Уфа, 1985.— С. 194; Карачаевцы: Историко-этнографический очерк.— Черкесск, 1978.— С. 191.

тушка, каша, суп, отварное мясо с картофелем, молочная лапша, оладьи, чай, айран и т.д.

По праздникам ассортимент пищи был гораздо разнообразнее. На стол вначале выносили мясной суп, лапшу или пельмени с мясной начинкой в бульоне. Затем последовательно подавали жаркое — отварное мясо с картофелем, рисовую кашу с изюмом, билиши с различной начинкой, тестяные изделия, напитки. Гостей перед уходом угощали чаем. В целом в питании, порядке приема пищи, ассортименте блюд у касимовских татар сохранились традиции тюркоязычных народов, столь характерные для всех групп татар.

Домашняя утварь

Во 2-й пол. XIX — нач. XX столетия в обиходе у касимовцев, наряду с посудой и утварью фабричного производства (чашки, тарелки, чугунные сковородки, самовары, железные ведра и т.п.), продолжали сохраняться многие традиционные предметы. Основной посудой для приготовления пищи являлся большой чугунный котел, встроенный в русскую печь. Вареву в котле размешивали и вычерпывали деревянной поварешкой (*полунны'*). Мясо, пельмени, жареные мучные изделия вынимали из котла шумовкой (*чулпы*), сплетенной из прутьев. Для приготовления кушаний использовали чугунки (*чуен*), глиняные горшки (*гуриши*), сковородки, которые помещались в печь при помощи ухвата (*таба'ась*). Готовую пищу выкладывали в большое круглое блюдо (*таба'*) или в блюдо в форме перевернутого, усеченного конуса (*итугаг*). Ели из общей посуды деревянными ложками (*'ала'*, *'ашы'*). Среди блюд ставили солонку (*тоз савыты*) фабричного производства или сделанную из срезанного бараньего рога. Чай пили из стеклянных, фаянсовых или фарфоровых чашек (*чиная'*). Их брали с собой в дорогу, упаковав в специальные кожаные футляры (*теркеш*, *чинныкап*), распространенные у среднеазиатских народов¹. Бытовали дорожные, невысокие самовары (*ашсамавар*), разделенные внутри перегородкой на два отдела, в которых можно было готовить одновременно чай и суп. Крупу и зерно, хранившиеся в клетях и кадушках, размалывали на ручной мельнице (*тирмин*), состоявшей из двух каменных жерновов.

Обдирка круп производилась также в деревянных долбленых ступах (*иле'*). Муку просеивали в долбленое корыто — начовку (*жилпуч*) — через решето (*или'*) с плетеным из прутьев или конского волоса дном. В деревянной кадушке (*чапча'*) замешивали тесто. Его раскатывали на доске (*'уна*) скалкой (*'у'лау*) и

¹ Чабров Г. Теркеши // Декоративное искусство СССР.— М., 1972.— № 3.— С. 56.

разравнивали, при приготовлении лепешек *жәлтми* пользовались деревянной лопаточкой (*жәлтми 'ала'*). Края некоторых тестяных изделий подрезали специальной резкой (*чыгыр*).

Для формовки хлеба использовали плетеное или деревянное блюдо (*чара*). Хлеб помещали в печь при помощи деревянной лопаты (*'өри'*), предварительно очистив устье печи тряпичным помелом (*пумала*). Хранили выпеченный хлеб на полке вдоль боковой стены избы.

Воду носили в деревянных ведрах (*чили'*) на коромысле (*исә'*) и хранили в деревянных ушатах (*ушат*). Зачерпывали воду деревянным ковшом (*саныйя'*). Для молока и молочных продуктов использовали глиняные горшки и деревянные ведерки. Сливки снимали решетчатым половником (*сулпы*). Масло сбивали мутовкой (*аты, атлагач*). Сухой творог (*'орт*) размельчали деревянной ступой (*тукма'*). Для мяса имелись специальные кадушки или корытца. Рубили мясо тяпкой (*тәпе*).

Посуду и утварь касимовские татары приобретали на рынках, ярмарках. Деревянную посуду изготовляли русские умельцы из Арзамаса, Елатьмы¹. Термины для обозначения большинства посуды и утвари были общими для тюркоязычных народов.

В настоящее время состав посуды и утвари у касимовских татар почти полностью изменился. Преобладает разнообразная посуда (алюминиевая, эмалированная, стеклянная, фарфоровая, пластмассовая) фабричного производства. Широко используются мясорубки, приспособления для изготовления пельменей, закаточные машинки для консервирования, сепараторы и т. д. В то же время в отдельных хозяйствах еще продолжают сохраняться котлы, чугунки, деревянные кадушки, корыта и прочие предметы традиционной утвари.

ОБРЯДЫ, ПРАЗДНИКИ, ДОИСЛАМСКИЕ ВЕРОВАНИЯ

По мнению касимовских татар, в жизни человека происходят три главных события: рождение, свадьба, похороны (*биби туге, кияү туге, мәет туге*), а у мужчин — еще обрезание (*сөннәт туге*).

Родинные обряды

Женщину, которая ждала ребенка, окружали заботой, ей поручали только легкую работу. Для беременных существовали определенные запреты: нельзя было смотреть на покойника, оставаться одной и т. д. Повитуха (*'енде' әби*) принимала роды в доме или в бане. Она мазала губы новорожденного водой, медом или маслом,

¹ Привалова Н. И. Торги гор. Касимова в середине XVII века // Исторические записки.— М., 1947.— Т. 21.— С. 133.

вела роженицу с ребенком в баню (*биби мунчасы*). Новорожденного повитуха заворачивала в рубашку отца. Существовало поверье, что в этом случае отец будет любить ребенка и он будет счастливым. Затем, прочитав молитву, повитуха показывала новорожденного отцу и родственникам. Отец мазал его головку медом и маслом. Роженица дарила повитухе подарок. В последующие дни устраивали чаепитие (*биби чае*). Родственницы и соседки приходили поздравить семью с новорожденным. У заокских татар они стучали в дверь и спрашивали: «Эй, почему не открываете? Мы к вам с билишем пришли». Они приносили с собой пироги и подарки.

Через неделю устраивали праздник имянаречения (*ат кушу, биби жиены, исем биру*). Приглашали муллу, родственников и знакомых, как мужчин, так и женщин. Мулла читал молитву и, наклонившись над лежащим на подушке ребенком, шептал ему в ухо его имя. Для гостей накрывали стол. Первым блюдом подавали мед и масло. Это служило сигналом для гостей. Они доставали подарки для ребенка и его родителей. Новоиспеченный отец и его родители делали отдельный подарок для роженицы. У состоятельных татар было принято дарить роженице отрез ткани, серебряное или золотое украшение. Она также заранее готовила подарок свекру и свекрови. Праздник имянаречения проходил особенно торжественно, если рождался мальчик. В этом случае резали белого барана и праздновали в течение трех дней. Бедняки праздновали этот день более скромно, устраивали чаепитие для самых близких родственников.

Ребенка тщательно оберегали в течение 40 дней. В этот период ребенка нельзя было оставлять одного, иначе его могли подменить злые духи (*жен, пири*). Подмененными считались дети с физическими аномалиями и те, которые постоянно и беспричинно плакали, были угрюмыми. Таких детей называли «*бүкә бала*» (возможно, от слова *бука*). Подмененными еще в утробе матери считались дети с шестью пальцами. По поверью, злые духи появлялись после заката солнца, т. е. с наступлением темноты. Поэтому в доме, где был новорожденный, в течение 40 ночей горел свет, а в поселениях Белого и Черного аймаков — до полугода. При необходимости отлучиться мать оставляла под подушкой ребенка Коран, металлический предмет (нож, топор, замкнутый замок) или веник и обводила три раза рукой черту вокруг люльки, шепча молитву.

До исполнения года ребенка остригали. На первую стрижку приглашали всеми уважаемую женщину и нескольких детей. Для них готовили угощение. Ребенка сажали в центре. Приглашенная женщина пропускала его волосы через кольцо и обрезала. С тех пор ее называли *Час-эни* (а ее супруга — *Час-эти*). Она давала ребенку в подарок что-нибудь из одежды. Тот, кто обнаруживал у

ребенка первый зуб, назывался *Теи-эни* или *Теи-эти*. По этому поводу устраивали праздник, на который приглашали *Теи-эни* и детей. Виновника торжества усаживали за праздничный стол и осыпали конфетами, орехами, которые подбирали приглашенные дети. *Теи-эни* дарила ребенку одежду. В дальнейшем на нее возлагалась обязанность обеспечивать его одеждой в течение трех-четырёх лет. Если зуб обнаруживал кто-нибудь из детей, он был обязан, став взрослым, сделать подарок своему подопечному. Мать ребенка в свою очередь преподносила *Теи-эни* подарок.

Другим важным событием в жизни ребенка-мальчика в 8 — 12 месяцев являлся обряд обрезания (*сөннәтләү*). Для его проведения приглашали одного из тех стариков, которые специально занимались этим ремеслом. Обычно они были родом из села Азеево Рязанской губернии или из города Казани. После обряда обрезания проводили праздник «*сөннәт туге*» с приглашением родственников, соседей, знакомых. Богатые татары устраивали пир с принесением в жертву белого барана.

Целый ряд поверий татар был связан с сохранением жизни и здоровья ребенка. Если в семье умирали дети, то новорожденного выносили из бани и вносили в дом через окно, надеясь таким образом обмануть злых духов. Мальчику давали имя Туктар, девочке — Йортау. Если ребенок заболел, на него надевали рубашонку, сшитую из семи или сорока лоскутков, взятых по одному в каждом доме деревни. В д. Ахматово больного ребенка обкладывали семью подушками. В качестве оберега на руку ребенка повязывали красную нитку с двумя красными бусинками. На девочек и мальчиков до десяти лет надевали перевязь-оберег (*бәтү, петеү*) в виде тесьмы с пришитым кармашком из бархата, в котором находились записка с молитвой или медвежий зуб и крабовая клешня. Детские болезни объясняли воздействием злых духов, «сглазом». Существовал целый ряд магических действий, связанных с лечением детей. Наиболее распространенным было действие '*ур'ылы*' '*ию*'. Знахарка (*багучы*), чтобы определить, кто сглазил ребенка, сажала его на порог, ставила ему на голову сосуд с холодной водой и лила в него предварительно расплавленный свинец. По фигуре, получившейся на дне сосуда, выявляли, кто испугал ребенка и вызвал болезнь. Для лечения широко использовали уголь. В сосуд с водой кидали семь или одиннадцать кусочков угля. Если они опускались на дно, это означало, что на ребенка напустили порчу. Этой водой мыли семь или одиннадцать ложек, три или семь дверных ручек (в д. Сафоново — все углы стола и окна) и семь раз шептали слова молитв. Водой смачивали голову, ноги и руки ребенка и давали ему выпить три ложки воды. Оставшуюся воду выливали на порог. Эту процедуру по-

вторяли три дня подряд. От сглаза ребенку мазали лицо углем, окуривали подожженным лоскутком, отрезанным от его одежды. Если и это не помогало, то мать собирала в узелок уголь, нитку от одежды ребенка и поздно вечером, стараясь ни с кем не встречаться, ни с кем не разговаривать, шла на перекресток дорог и оставляла там узелок. Или же шла на речку и бросала узелок в воду, чтобы болезнь ее ребенка уплыла по реке. В тяжелых случаях обращались за помощью к знахарке (в д. Собакино до последней четверти XX в. практиковала известная знахарка). Она просила у родственницы больного принести ей самодельную тряпичную куклу (но без изображения лица), над которой шептала заговоры. Заговоренную куклу надо было бросить ночью на перекресток дорог или в реку. Если это не помогало, то у больного ребенка (особенно, если он страдал припадками) снимали всю одежду, складывали в узелок и зарывали на кладбище, вбив сверху дубовый кол. Применяли и более крутые меры. Например, жители села Подлипки, при подозрении, что капризный ребенок подменен злыми духами, укладывали его на порог и сильно, до крика, пороли, предполагая, что черти пожалеют «свое дитя» и заберут его обратно, возвратив «человеческого» ребенка его матери. Для изгнания злых духов приглашали сергачских татар-мишарей, которые ходили по деревням с ручным медведем. Он считался зверем, способным выгонять нечистую силу. Медведя водили три раза вокруг жилища и заводили в дом, где лежал больной ребенок. В некоторых семьях в переднем углу дома подвешивали мешочек, куда складывали деньги, предназначавшиеся для домового или доброго духа, могущего избавить детей от болезней. Бездетные супруги давали зарок: в случае рождения у них ребенка принести в жертву белого барана и накормить сорок человек его мясом.

Свадебные обряды

Касимовцы заключали браки в основном внутри своей группы. Так, представители Белого аймака имели брачные связи преимущественно с татарами из Черного аймака, причем более распространенными были браки мужчин из первой подгруппы с женщинами из второй подгруппы. Но они заключали браки и с заокскими жителями (Черные зыбыны), и с бастановскими татарами. Жители д. Шилино и Высокая имели брачные контакты как с населением Белого аймака (с. Царицыно и Торбаево), так и Черного аймака (д. Темгенево). Кроме того, они были связаны и с селом Азеево. Таким образом, получалось два брачных круга, хотя и не полностью изолированных: круг Белого аймака, связанный с Черным

аймаком, и круг Черного аймака с заокскими татарами (Черными зыбынами)¹.

Однако полной замкнутости не было. По документам I-й пол. XVIII в., они поддерживали брачные связи с татарами некоторых деревень Кадомского уезда Тамбовской губернии (Азеево, Иванково, Молочная Гора, Торопово), Шацкого уезда той же губернии (Татарщино, Агарево, Карши); Верхнеломовского уезда Пензенской губернии (Мочалейка, Канино, Кочкадов, Алексеевка), Темниковского уезда той же губернии (Шустрой, Аллагулово, Никольское-Урень)².

Касимовские татары имели брачные контакты с костромскими и казанскими татарами, на что указывают предания и материалы родословных и фамильные связи касимовских татар³.

У касимовцев, так же как и у других групп татар, в конце XIX — начале XX столетия доминировал брак по сватовству. Свадебная обрядность состояла из трех основных циклов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного.

Сватовство (*жаучы булып бару*) поручали самым близким родственникам (женщине или мужчине, часто супружеской паре) или знакомой свахе. В одежде и поведении сватов имелись некоторые особенности. Сваха приспускала на сапог одну штанину. Сватать приходили в наиболее благоприятные, как было принято считать, дни недели — в пятницу, вторник или среду. В доме невесты сваты оставались стоять у дверей, не проходя дальше линии матицы жилища. Некоторые из них сразу же раскрывали цель своего визита, пропев куплеты:

Тау' ите ашап 'илдим,
Сии'лирин ташлый 'илдим.
Сания исемле 'ызы'ыз'а
Жаучы'а эйтә 'илдим.

Пришла, поев куриного мяса,
Выбросив косточки,
К дочери вашей Сании
Пришла свахой.

Родители девушки отвечали также в песенной форме:

'Авын-'арбыз утыртыр'а
Бармы сизнин бә'чә'ез?
'Алын биреп 'ыз алыр'а
Бармы сизнин ә'чә'ез?

¹ Исхаков Д. М. О внутригрупповом делении касимовских татар и его истоках // Восток—Запад: Диалог культур Евразии / Проблемы истории и археологии.— Казань, 2001.— Вып. 2.— С. 294.

² РГАДА. Ф. 350.— Оп. 1.— Д. 414, 130—131; Оп. 2.— Д. 1298.

³ Беляев А. Б. Родственные династии российских татар // Татарский мир.— 2006.— № 4.— С. 8—9.

Есть ли у вас бахча,
 Чтобы посадить дыню и арбуз?
 Для калыма, чтобы взять девушку,
 Есть ли у вас деньги?

В некоторых случаях свахи делали вид, что зашли в дом случайно. Они начинали разговор издали, постепенно переходя к делу и, получив приглашение войти в комнату, старались сесть на подушку или коврик. Родители девушки, как правило, сразу не давали положительного ответа, обещая посоветоваться с близкими родственниками. Вскоре сваты вновь посещали родителей девушки. При их согласии на брак начинали обсуждать условия подготовки и проведения свадьбы. В этот день договаривались о размере выкупа (*'ызны 'алын'а салу, ярашу*). Родственники невесты устанавливали количество и качество даров (*'алын*) со стороны жениха (отрезы ткани на платье невесты, камзол, бишмет или пальто, шаль, головные платки, обувь, кольца, зеркало; косметические средства — духи, пудра; продукты — мука, крупы, мясо, масло, мед или сахар). Кроме того, родные жениха должны были выплатить определенную сумму денег (*мәһәр*) от 20 до 500 руб., в зависимости от степени зажиточности семьи жениха. Тут же обговаривались подарки (*бирни*) со стороны родителей и родственников невесты (молитвенный коврик, рубаха, бишмет, шапка, тканое полотенце, перчатки, носовые платки и т. п.). Примечательно, что о приданом (*'ыз малы*) и его размерах не было и речи. После того как договоренность была достигнута, сваты вручали подарки от жениха (*'ию бүләге*) (отрез на платье, шаль, головной платок, конфеты, пирог из яблок). Мать или сестра невесты передавали жениху и его родителям ответные подарки (*бил'е, ярашу бил'иси*) — рубашку и два полотенца, символизирующие согласие на брак, а также пирог с яблоками. С этого момента расстройство брака считалось большим грехом. Во время сговора намечали день привоза обговоренных вещей и денег родителями жениха. Обычно это был период от 2 недель до месяца.

После сговора в один из дней в доме родителей невесты проводили обряд причитания (*'ыз жылату*), на который собирались женщины и девушки. Мужчинам при этом присутствовать запрещалось. Невеста должна была петь грустные песни (*әжәл итеп жылау*), даже если была рада выйти замуж. Она начинала петь эти песни со следующего дня после сговора и пела до самой свадьбы, прощаясь с девичеством и отчим домом:

Бә'чә ише'эйн эчәйим,
 Түбисини 'әлләр чәчәйем.
 Ихтияр бири'из, йылайем,
 Тул'ан дәрт'енәмне чәчәйем.

Открою-ка дверь в сад,
 Посею-ка там цветы.
 Дайте волю (мне), я поплачу,
 Рассею накопившуюся печаль.

Невеста ассоциировала свое замужество со смертью:

И дусларым, мин үл'истин,
 Матур 'абыр 'азы'ыз.
 Баш астыма а'таш 'уйастин,
 Бәхетсез дип жазарсыз.
 О друзья, когда я умру,
 Красивую выройте могилу.
 В изголовье белый камень положите,
 Напишите, что я несчастливая.

Содержание песен часто соответствовало действительности, поскольку, за редким исключением, девушек выдавали замуж, особо их мнения не спрашивая. В последующие дни с самого раннего утра невеста и ее подруги садились за шитье вещей для приданого — полога, занавесок, одежды. Во время работы они также пели грустные песни, которые слагались ими заранее.

После сговора в доме родителей невесты проводили помолвку (*'алын туй*). Близкие родственники жениха привозили обговоренные на сговоре вещи (*'алын, 'алын малы*) и деньги (*мәһәр*). Тюки с вещами, завернутыми в скатерти, разворачивали и выставляли на всеобщее обозрение, деньги вручали отцу невесты. До помолвки завозили продукты. Со стороны невесты жениху и его родителям передавали ответные подарки (*бирни*). В этот торжественный день по случаю привоза вещей и выплаты денег, родители невесты устраивали угощение (*сый*). На свадебный стол ставили привезенные гостями кушанья (*билиш, туй ашы*). Мужчины и женщины угощались в разных комнатах, а невеста с подругами сидела за занавеской на женской половине. Отец и мать девушки сообщали гостям о предстоящем дне свадьбы.

После сговора и помолвки и до дня свадьбы, в течение сравнительно небольшого отрезка времени, в доме невесты проводили обряды и встречи, направленные на знакомство родственников жениха и невесты. В один из дней на угощение (*туй ашы ашау*) приглашали мужчин и женщин старшего поколения. Они приносили с собой гостинцы (*саум*) — пироги, конфеты.

За день до свадьбы устраивали девичник (*'ызлар жиены*), на который собирали всех девушек или ближайших родственниц и подруг невесты. Для них топили баню (*'ызлар мунчасы*). Посещение бани имело не только функциональное, но и обрядовое значение. С утра в баню шла супружеская пара. После них заходили невеста с подружкой и девушки парами. Они пели, играли на гармонии. После

бани девушек приглашали в дом и угощали свадебными кушаньями и медом (*бал ашау*). Невеста садилась на кровать и начинала причитать. Позднее, когда подруги отправлялись по домам, невесту посещали замужние молодые женщины. Они одаривали невесту. В этот день вечером девушки снова собирались у невесты (*'ызлар жиены*). Они ожидали приезда жениха с его друзьями.

В тот же день в доме жениха устраивали мальчишник (*е'ет жиены*), на который созывали холостых сверстников жениха из числа его родных и друзей. Для них с утра топили баню (*'ио мунчасы*). После бани юношей приглашали в дом и угощали свадебными кушаньями. Они пели, плясали, играли на гармонии и скрипке. Вечером жених и его друзья отправлялись в дом родителей невесты. Им отводили одно из хозяйственных помещений, где они пели и плясали всю ночь. Девушки, прикрыв лица платками, наблюдали за ними из окон дома. Невеста с подругами сидела под пологом и причитала.

Накануне свадьбы в доме родителей невесты упаковывали приданое (*'ыз малы*) для отправки в дом жениха. С его стороны приезжали два-три родственника. Они вместе с родственниками невесты помогали укладывать на подводы узлы, мешки, сундуки, коробки. Одна подвода предназначалась только для продуктов (*аш-су чанасы*), другие — для постельных принадлежностей (*урын-түшә' чанасы*). На упряжки лошадей привязывали яркие ленточки, пестрые и красные тканые полотенца, на дуги прикрепляли большие свадебные колокола и маленькие колокольчики. На подводу с постельными принадлежностями садился младший брат невесты, обычно подросток. Вместе с ним вещи сопровождала жена брата невесты (*'ыз жин'иси*).

Жених и его родственники ожидали приезда подвод с приданным (*'ыз малы 'аршылау*). Во дворе подводы останавливались, и начинался шуточный торг. Братишка и родственница невесты не давали вещи, требуя выкупа. Если родственникам жениха удавалось без выкупа забрать какой-нибудь предмет, поднимался шум, выражающий притворное возмущение. Жених давал монету в виде символического выкупа брату невесты, сидевшему на сундуке, и получал разрешение забрать вещи из приданого. Он сам вносил в комнату тюки с постельными принадлежностями.

Родственники невесты и жениха, сверстники жениха, принимались обставлять (*'умна 'иендерү*) отведенную для молодых комнату (или клеть) вещами из приданого. Они расставляли мебель и утварь, вешали занавески, полотенца, полог, стелили войлочные дорожки на нары и пол. Спальное место и супружескую постель готовили близкие родственницы. Деревянный каркас с резными столбиками, возвышающийся над кроватью, покрывали цветастым

пологом (*чебелде'*). На готовой постели катали разнополых детей и приглашали переночевать на ней многодетную супружескую пару (*яшь' илин урынына яту*), чтобы у молодых рождались дети.

Свадебный цикл касимовских татар был также насыщен целым рядом обрядов и обычаев. В день официального бракосочетания (*никах туй*), который проходил в доме родителей невесты, она, лежа одетая у себя дома на кровати, горько оплакивала свою судьбу (*әжәл итеп жылау*) и пела песню, упрекая своего отца:

Минем әт'ий'енәм шикәр вата,
Бахрадан 'илин тоз 'ебе',
Бер-и'е-өч йыл сабыр итмәде'ез,
Асырырга ал'ан 'ыз 'ебе'.

Мой папочка сахар колет,
Словно соль из Бухары,
Не подождали два-три года,
Словно я приемная дочь¹.

Невесту начинали готовить к отъезду. В это время проводили обряд смены девичьего головного убора на комплекс женских головных уборов. Назывался этот обряд *«тастарлама'а бару»* (повязывание тастара). В поселениях Белого аймака этот обряд совершали чуть раньше, во время проведения девичника. В комнату, где невеста лежала на кровати, вначале заходили ее подруги и родственницы. Они клали на кровать свои подарки. Сестра жениха обычно дарила отрез на платье. Следом гуськом, держась за руки, входили замужние женщины. Их число должно было быть четным. Женщины снимали с невесты платье и набрасывали его на одну из девушек, сидящих рядом с невестой, приговаривая: «Скоро и ты выйдешь замуж». На невесту надевали свадебную одежду, привезенную накануне представителем жениха, которого именовали «казначеем». Свадебная одежда состояла из белого платья и цветного камзола, кожаных сапожек или туфель. С головы невесты снимали девичий головной убор — такью, заплетали волосы в две косы, соединяя их на концах, и надевали волосник. Затем наматывали тастар, поверх которого повязывали платок, распустив нижние концы по спине.

Перед приездом жениха проводили обряд *«бер'инче' 'аплау»* (накрывание покрывалом). К невесте заходила ее тетка с отрезом ткани на платье и покрывалом (шалью или платком). Им она накрывала лежавшую на кровати невесту. Та начинала петь песню, в которой прощалась с отчим домом, жаловалась на судьбу, просила

¹ Обычай петь прощальные песни невесты исчез в начале XX в. — *Махмутова Л. Т.* Старинная свадебная песня... — С. 220.

забрать ее душу, полагая, что это лучше, чем быть накрытой покрывалом:

Баш'ынайымда'ы явлы'айым,
 'Үземә 'үренә яшел'ү',
 Жапмаса тутй'ай бу пәрдәне —
 'Үземә 'үренә 'әфен ти'.

Платок, что на моей головушке,
 Кажется мне сине-зеленым,
 Не покрывай, тетушка, этим покрывалом,
 Кажется оно мне саваном.

Сондо' 'ына сондо' сары шәл,
 'Ири'сенә булса чыгып ал.
 Жапмасачына бу фәрдәне, жин'и'әй,
 Азраил булып жаным ал.

Полны сундуки желтых платков,
 Если нужно, выйди и возьми.
 Не покрывай этим покрывалом, невестушка,
 Душу мою возьми, став Азраилем.

В этих песнях невеста оплакивала свою судьбу, полное бесправие в выборе жениха. Она пела песни, которые слагались ею самой. Осуждалось, если невеста повторяла песню, уже кем-то спетую. Она, ожидая жениха, пела песню, в которой называла его своим губителем:

Шалтыр 'ына шалтыр итте лә,
 'Апка теп'енәмә житте лә.
 Еламай нәйләйем, тиндәшләрәм,
 Жан'ы баш'ынама житте лә.

Звон раздался «день-день-день»
 И послышался у моих ворот.
 Как мне не плакать, сверстницы,
 Погибла моя головушка.

Мәнем әт'әемнең абзарында
 Тәвә'ә тия'ән мал тора.
 Елама, нәйләйем, тиндәшләрәм,
 Жаным алырдайы' жау тора.

Во дворе моего отца
 Навьючены на верблюде вещи.
 Как мне не плакать, сверстницы,
 Душу забрать готово стоит
 Предо мной вражье войско.

Но в конце концов невеста была вынуждена примириться со своей печальной участью и в прощальной песне пела о том, что уходит из родительского дома навсегда:

Боролош ына боролош бәс'ечләрдин,
Нәчә борсаныз да 'айтмамын.
Бимазади булып сез торма'ыз,
Нәчә сорасаңыз да әйтмәмен.

По лестнице с поворотами,
Сколько (раз) ни повернули бы, не вернусь.
Вы не беспокойтесь,
Сколько бы ни спрашивали, не скажу¹.

В это время в доме жениха собирались мужчины — родственники и друзья, участники свадебного поезда. Их угощали. После обеда жених должен был оставить на столе надкусанный им каравай или ломоть хлеба. Считалось, что это поможет ему вернуться домой целым и невредимым.

Затем они выходили на улицу и рассаживались по подводам. Мать жениха оставалась дома. Первыми выезжали родственники, за ними в специальном крытом экипаже (*мадә'*) ехали жених с двумя дружками (*'ию е'етларе*). После них на повозках или санях следовали остальные родственники с угощением — караваями хлеба, пирогами. При выезде со двора дружка стрелял из ружья, полагая, что отпугнет злых духов, которые могли привязаться к ним. По пути к невесте свадебный поезд заезжал на кладбище. Жених и его родственники молились у могил предков.

Свадебный кортеж выходили встречать родители и родственники невесты. Но ворота во двор были закрыты. Мальчик-подросток не пропускал их, пока жених не давал выкуп, обычно складной ножик. Во дворе два мальчика подметали дорожку и стелили ковер под ноги жениху. У дверей, держа дверную ручку, стояли две родственницы и просили выкуп за вход. Жених давал им монету или подарок. Кроме того, он передавал родственнице невесты подарок — расшитый тамбуром мешочек со свадебным кушаньем из теста (*шишири*), которое раздавали девушкам перед началом бракосочетания. Жениха отводили в отдельную комнату или к соседям (в конце XIX — начале XX в. жениху позволялось присутствовать при церемонии бракосочетания). Невеста с подругами сидели за занавеской, не показываясь гостям. В другой комнате за столом собирались священнослужитель — мулла, отцы молодых и их близкие родственники. Женщин сажали отдельно. Мулла прово-

¹ Шарифуллина Ф. Л. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары / Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск, 1998. — С. 165; Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. — Нальчик, 2003. — С. 93.

дил обряд религиозного оформления брака (*никах туй*). Он читал молитву и спрашивал согласие на брак у жениха и невесты. За жениха отвечал его отец или, если его не было, дядя со стороны матери. К невесте посылали двух свидетелей. Она обычно молчала, за нее отвечала одна из подруг. Мулла читал молитву, записывал в метрическую книгу имена жениха, невесты и брачные условия. После окончания официальной части гостей угощали. На стол подавали мясной суп с лапшой (*шурпа*), отварное мясо и картофель, рисовую кашу (*бутка*), пироги с яблоками и ягодами (*билиш*), изделия из теста (*ча'ча'и*, *туй ашы*, *ләвәш*), чай. После ухода муллы выносили хмельные напитки — мед, пиво, брагу. После угощения жених с друзьями начинали торопить родственников. Те отвечали, что невеста еще не готова и всячески старались оттянуть время отъезда. Жениха не пускали к невесте до тех пор, пока он и его родня не выкупят предложенную ее братьями или дядей (обычно ему поручалась роль казначея — «казначи») яичницу-глазунью (*әйгәнә'*, *жомыр'а 'ыйма'ы*). Предлагая им яичницу, они пели: «*алын биреп 'ыз алыр'а, бармы сизнин ә'чә'ез?*» (Есть ли у вас деньги, чтобы уплатить калым за девушку?). Жених в ответ пел: «*алын биреп 'ыз алыр'а бардыр бизнин ә'чәбез*» (У нас есть деньги, чтобы уплатить калым за девушку). Жених требовал открыть крышку сковородки, чтобы посмотреть, из скольких яиц приготовлена яичница. Казначей жениха выкупал ее за 5—10 руб. и угощал всех присутствующих. Этот обряд был заимствован у русских и бытовал у касимовских татар повсеместно, несмотря на то, что появился сравнительно недавно, в начале XX столетия. Прибывших в дом невесты гостей одаривали. Мать невесты дарила друзьям полотенце с вытканными на концах узорами, а кучеру свадебного экипажа повозки — кушак и два полотенца, одно из которых он повязывал на дугу, рядом с колокольчиками, в другое повязывал, как перевязь, через плечо. Перед отъездом новобрачных выводили из комнат и усаживали на стулья, по обеим сторонам которых вставали дружки. В это время старшие домочадцы читали молитву. Жениха с невестой вели к свадебному экипажу. Перед ними подметали дорогу, стелили ковер. Одновременно местные подростки и юноши препятствовали выезду новобрачных, требуя у казначея деньги. При выезде со двора вслед молодым кидали изюм, кушанье из теста (*шишири*) и стреляли в небо из ружья. Считалось, что этими действиями можно обеспечить новобрачным благополучие и предотвратить возможное вмешательство злых духов в их совместную жизнь. Свадебный поезд объезжал кругом селение девушки, прежде чем ехать в дом жениха. В тот же вечер, после отъезда молодых, родители невесты устраивали посиделки для девушек (*пуста 'ызлар жиены*). К ним приходили юноши.

Молодежь под присмотром пожилых родственниц веселилась: пела и плясала в клетке или другом хозяйственном помещении.

В доме жениха готовились к торжественной встрече невесты (*'илин тешерү*). На крыльце новобрачных ждали родители, родные жениха и близкая родственница девушки (*'ыз жин'иси* — жена ее старшего брата), приехавшая туда накануне с приданным. Другая, при въезде свадебного поезда во двор, стрелял из ружья. Другой дружка помогал молодым сойти с повозки. Под ноги им стелили ковер и дорожки. Мать жениха целовала новобрачных и протягивала каравай хлеба с солью, чтобы молодые прикоснулись к ним губами. Она угощала их изюмом или уроком, желая сладкой жизни. Одна из родственниц жениха сыпала на головы молодых горсть мелких монет, изюма и *шишири*. Невеста давала им узелок с пирогами и свадебными угощениями. Родственница девушки помогала невесте войти в приготовленную для новобрачных комнату (или в клетку), накрывала на стол, угощала молодых, давала невесте советы и уходила, оставив их наедине. Она жила в доме жениха еще два-три дня, пока невеста привыкала к новой семье.

Основная свадьба (*зур туй, олы туй*) проводилась в доме жениха на следующий день после приезда новобрачных. Свадебный день был предельно насыщен целым комплексом обрядов. Ранним утром к молодоженам входила родственница невесты, приглашая их в баню (*яшь 'илин мунчасы*). Молодой муж показывал ей или дружке постель, свидетельствующую о невинности невесты, и дарил своей жене по возможности ценные подарки, например, золотое кольцо или серьги, брошку, часы, шаль, шарф. Для родственницы, затопившей баню, он оставлял там подарок или деньги. Около семи часов утра к молодым заходили родители, чтобы посмотреть на молодую (*яшь 'илин 'үрситү*) и вручить ей подарки — отрез на платье, платок. Она целовала им руки, давала подарки. Затем заходили дети, они получали от молодой сладости и изготовленные ею самой разноцветные кисточки (*чук*), имевшие значение оберега. Позже приезжали девушки — ее подруги и родственницы с поздравлениями (*'илин 'отлау*). Они входили под полог парами и оставляли на кровати свои подарки (*аш белән төшү*) — платки, полотенца, конфеты. Молодая раздавала носовые платки и угощала чаем, печеными кушаньями. К полудню прибывали родители молодой и ее родственники. Родители дарили новобрачным деньги и подарки родителям зятя и его родным. Те в свою очередь также одаривали их и усаживали за свадебный стол. Ассортимент и порядок подачи блюд, кушаний и напитков был тот же, что и в доме невесты во время никах туй. После их отъезда, вечером, собирали холостых парней и молодых мужчин на чаепитие (*яшь 'илин чае*). Молодая разносила гостям чай на подносе и дарила носовые

платки. Они клали на поднос или под тарелки деньги. Первым невестка угощала мужчину, выполнявшего на свадьбе роль казначея со стороны жениха, и дарила ему полотенце. На следующий день молодоженов и их родственников приглашали в отчий дом новобрачной на застолье (*сый*). Гости приезжали с подарками, пирогами. Мужчины и женщины угощались в отдельных комнатах. После обеда гостей разбирали по домам родственники молодой женщины. Праздновали два-три дня. Спустя неделю родители и родственники зятя устраивали ответное застолье (*сый*). Они приглашали к себе тех, у кого гостили. Родителей новобрачной приглашали отдельно. Гости привозили подарки, пироги, каравай хлеба. Гулянье длилось два-три дня. С окончанием свадебных торжеств завершался свадебный период традиционного свадебного цикла.

Послесвадебный период был менее насыщен обрядовыми действиями. Один из обрядов — *су юлы 'үрситү* (показывание молодошке дороги к источнику воды) — проводили в том случае, если молодая была взята замуж из другой деревни. Девушки-подростки вели ее к колодцу и помогали набрать воды. Молодушка бросала в него монетку и одаривала провожатых. Некоторое время спустя родители молодой жены приглашали к себе молодоженов на угощение (*алдырув*). Свою дочь они принимали как дорогую гостью. Молодожены, пробыв у них два-четыре дня, возвращались к себе домой. После этого молодожены могли посещать родителей жены без приглашения. Этим завершалась свадебная обрядность, и молодожены начинали семейную жизнь.

В традиционной свадьбе касимовских татар имелось много сходных черт со свадьбой других групп татар. Предсвадебный цикл касимовских татар содержал немало разных обрядов, насыщенных театрализованными действиями. Характерный для касимовцев архаичный обряд смены девичьего головного убора на женский тастарный комплекс бытовал у мишарей, кряшен. Обычай целования рук бытовал у мишарей Пензенской, Тамбовской, Симбирской губерний, у астраханских и отчасти сибирских татар. Причитания невесты были традиционными для мишарей, кряшен, пермских, сибирских татар. Обрядовая баня (*кыз мунчасы*) существовала у мишарей, кряшен, чепецких татар (нукрат). Малочисленность дружек (двое юношей) была характерна для касимовских и казанских татар. Послесвадебный прием дочери и зятя в доме родителей молодой проводили казанские татары, кряшены, мишари.

Анализ картографического материала волго-уральских татар позволил выявить сводный комплекс свадебной обрядности касимовских татар с такими характерными признаками, как проведение сговора и помолвки в отдельные дни, участие жениха в обрядовых действиях, в том числе и санкционирующего значения, проведение

официального бракосочетания в доме родителей невесты и брачной ночи в доме жениха. Аналогичный комплекс имел место, кроме касимовских татар, в свадебной обрядности мишарей Пензенской, Тамбовской губерний, а также у чепецких татар (нукрат) в Вятской губернии, за исключением сговора и помолвки, проводимых одновременно, т. е. в один день. Подобный комплекс бытовал в некоторых районах проживания астраханских и сибирских татар. Свадебная обрядность касимовских татар сближала их, по ряду указанных признаков, с народами Алтая (южные алтайцы), Кавказа (ногайцы, балкарцы, карачаевцы), Средней Азии (туркмены, узбеки-сарты, таджики), что является свидетельством о существовавших некогда между ними тесных этнических и культурных контактов¹.

Похоронные обряды

Сообщение о смерти человека было завуалировано словами «*хале яхшы тү'ел*». Умершего человека татары, будучи мусульманами, старались похоронить в тот же день, до заката солнца, или на следующий день. Покойнику связывали руки и ноги. Всю ночь около него молились. Утром на кладбище мужчины копали могилу с нишей (*лахет*). Если почва была песчаной, яму углубляли, но нишу не делали. После того как получали известие о готовности могилы, тело обмывали. Воду сливали в укромное место. Покойника заворачивали в саван (*'эфен*): мужчину в три, женщину в четыре слоя ткани. После обмывания тело считалось священным. Из мечети приносили носилки (*табут*), на них стелили ткань, которую затем отдавали мулле. Если умершая была девушкой, то к носилкам привязывали 12 полотенец из ее приданого, которые раздавали носильщикам. Поверх савана тело заворачивали в одеяло и выносили из дома. В это время в доме начинали мыть комнату, споласкивать одежду покойника. Иногда ее закапывали на кладбище. В д. Болотце после выноса тела по пути на кладбище разбрасывали мелкие монеты. По дороге процессия несколько раз останавливалась, и мужчины молились вместе с муллой². В д. Колубердеево в свежевырытую, пустую могилу бросали монеты. Тело покойника опускали в могилу шестеро мужчин: трое внизу, остальные помогали наверху. Тело женщины прикрывали от взглядов при помощи одеяла, в которое оно было завернуто. Покойника укладывали в нише лицом к югу. Концы савана раз-

¹ Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива ОИРК // ГОИРК.— Рязань, 1928.— Вып. 15.— Рук. 147.— С. 21.

² У касимовских татар, так же как и у мишарей, раньше бытовал термин «атау» (поминки).— Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— Часть третья.— СПб., 1866.— С. 246—247.

вязывали. Нишу закладывали досками и могилу засыпали землей. Все молились, а затем отходили на 40 шагов от могилы, кроме муллы, который продолжал молиться. Он читал молитвы и в доме покойного. Ему давали выкуп за могилу (*кабер сэдакасы*) — живого петуха или домашнее животное — корову, овцу. В доме, где был покойник, не готовили и не принимали пищу в течение трех дней. Лишь в день похорон, после выноса тела, пекли олады или готовили яичницу, чтобы был запах жареного блюда (*май исе чы'ару*). Со дня смерти человека в течение сорока дней в его доме по ночам горел свет. Но имелись и территориальные особенности, например, у заокских касимовцев в д. Баишево свечи горели три дня, в д. Колубердеево — полгода. В с. Болотце (Белый аймак) такого обычая не было. Зажженные по ночам свечи, по представлениям касимовских татар, имели двойное значение: они отпугивали злых духов, очищая дом и, с другой стороны, служили маяком для души умершего, которая принимала образ бабочки и стремилась домой. Для этой же цели предназначалось полотенце, которое вешали около двери, чтобы по ней душа могла узнать свое жилище. Одновременно покойника боялись и говорили: «*Уле' тотта*» (покойник хватает). В с. Толстиково, в Черном аймаке, в доме, где умер человек, по вечерам закрывали окна и двери, чтобы его душа не могла попасть домой. Для того чтобы покойник не сглазил и не навредил живым, обязательно устраивали поминки (*улилирни ис'и алу*)¹. Поминки проводили на 3, 7, 40 дни и в годовщину со дня смерти. На третий день приглашали только муллу и угощали оладьями. На седьмой день вместе с муллой звали тех, кто копал могилу и обмывал покойника. Их кормили оладьями и раздавали вещи покойника. В течение сорока дней мулла ходил на кладбище молиться у могилы. На сороковой день (у заокских касимовцев — *'ыр' табан*) проводили большие поминки, на которых присутствовали участники похорон, родственники, знакомые. Мулла читал специальную суру из Корана. Затем подавали угощение. Обязательными были лепешки *жэлтми* в количестве 40 штук, сложенные стопочкой на тарелке или деревянной доске, и рассыпчатое мучное кушанье *алва*. В конце обеда мулле отдавали белую скатерть со стола. Остатки еды раздавали гостям, чтобы они угостили своих домочадцев. В течение года было принято отдавать соседям или бедствующим старикам ту часть праздничного кушанья (*өлеш*), которая полагалась покойнику.

У касимовских татар был развит культ могил и предков. Женщинам запрещалось посещать кладбище (*зиярат*), за могилами ухаживали мужчины. Они огораживали их жердями, так же как и

¹ *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы // Сборник этнографических статей и исследований.— М., 1894.— С. 96.

само кладбище. Старинное татарское кладбище в городе Касимове было окружено рвом. Мужчины, придя на кладбище, шли молиться к могилам особо почитаемых людей — муллы, святых, просто к древним погребениям и к могилам своих предков. Они приходили туда перед важными событиями: дальней поездкой, свадьбой и в трудных ситуациях. В д. Мунтово был обычай оставлять на надгробном камне монеты, в начале XX в. — конфеты. Татары верили, что души умерших родственников могут помочь в решении сложных жизненных проблем, выздоровлении. В случае благополучного исхода устраивали угощение, посвященное душам умерших родственников. В гости приглашали только самых близких родственников. На стол подавали суп, сваренный из мяса животного или птицы, принесенного в жертву в честь поминаемых душ. Кости жертвенных животных и птиц запрещалось ломать, их закапывали в укромном месте. С душами умерших было связано и ежегодное семейно-родственное моление (*'аз 'илив, хатым хужа*), во время которого поминали предков и съедали жертвенных гусей. В качестве милостыни мулле давали живого петуха. Примечательно, что в народном сознании многих народов петух наделялся способностью противостоять нечистой силе, злым духам. У алтайцев на сороковой день после смерти к постели умершего привязывали петуха и приглашали шамана для изгнания духа смерти¹. В целом похоронный обряд у касимовских татар проводился по предписаниям ислама (*женаза*). Умиравшему читали суру из Корана, покойного поворачивали лицом к кыбле, тело обмывали и облачали в погребальные одежды, читали молитвы. Хоронили его вскоре после смерти или на следующий день. Тело укладывали на специальные носилки, которые сопровождала погребальная процессия. Могилу делали с нишей в боковой стене или с углублением, чтобы покойник мог «сесть» при появлении ангелов смерти. Все церемонии сопровождалась чтением сур Корана.

В похоронной и поминальной обрядности касимовских татар, так же как и у других групп татар, сохранялись некоторые пережитки язычества. Таковыми можно считать бросание монет вслед похоронной процессии и в могилу покойного, оставление монет на надгробиях. Обмывание и облачение покойника в белую ткань, возможно, было связано с языческими представлениями, так как бытовало и у финнов, алтайских тюрков². С языческими представлениями был обусловлен страх перед покойником, стремление умилостивить его

¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья.— М., 1967.— С. 347—348.

² *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте.— Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.— С. 103.

душу. К языческим пережиткам относятся семейно-родственные мольбы, культ могил, предков, поминальные дни и обрядовая пища. Дни поминовения у касимовских татар совпадали с таковыми у казанских татар, мишарей, а также башкир, чувашей, марийцев, удмуртов. Видный татарский ученый конца XVIII — начала XIX в. Г. Утыз Имяни считал языческим обрядом проведение меджлисов в доме покойника на третий, седьмой и сороковой дни, полагая, что в эти дни должна быть только раздача милостыни¹.

Несомненно, поминки некогда были языческим обрядом годового календарного цикла, во время которого живые обращались к милости своих предков. Ислам многим древним верованиям и обычаям придавал религиозную окраску и приводил их в соответствие с требованиями мусульманской жизни. По мнению исследователей, именно в этом аспекте должны рассматриваться распространенное в татарской среде почитание предков; чтение отдельных сур Корана в виде молитв за упокоение душ умерших во время посещения кладбищ, а также проведение поминок на третий, седьмой, сороковой, пятьдесят первый день со дня смерти².

Праздники

Большинство обрядов и праздников, несмотря на то что имели зрелищный характер, в основе своей были направлены на достижение благополучия людей, домашних животных и хорошего урожая. В весенне-летний период проводили обряды и праздники, связанные с ледоходом, домашними животными, сельским хозяйством. Весной выходили на берег реки наблюдать ледоход (*ташу, ташкын су, су ба'ма'а бару, а'ым ба'у*). Из каждого дома выносили по снопу и ставили на льдину или доску. В некоторых селениях (д. Шилино, Торбаево) к снопу привязывали лоскутки. Сноп поджигали и пускали по реке, приговаривая: «Пусть болезни уплывут, будем здоровыми». Молодые люди веселились, пели и играли на гармонии.

Праздник лошадей (*Ат байраме*) проводили ранней весной в тех поселениях, где более явственно сохранились воспоминания о ногайских предках, особенно в Черном Аймаке и у заокских касимовцев (д. Толстикovo, Шегошаново). В этот день, обычно он приурочивался к Егорьеву дню, лошадям подстригали гривы и хвосты. Традиция весенней стрижки была характерна для тюркских

¹ *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Татарская... — С. 226.

² *Мурзабулатов М. В.* Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX — начале XX вв. // *Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв.* — М., 1979. — С. 69; *Бутанаев В. Я.* Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // *Вопросы этнографии Хакасии.* — Абакан, 1981. — С. 73.

и монгольских народов¹. Старики и старухи шли молиться в поле, а затем на кладбище. На могилах оставляли остатки еды, пшена, риса. В Белом Аймаке, в селе Болотце после сева (15—16 июля по старому стилю) проводили конные состязания, на которые собирались татары из города и всех сельских поселений. Животных в течение года откармливали, тренировали. Перед скачками их запрягали в открытые, двухколесные дрожки. Бега проходили на выпасном лугу, лошади бежали 5 кругов, что равнялось 5 километрам. Победителя определяла комиссия из стариков. Он получал приз в виде барана или самовара. После скачек начиналась вторая часть — бег мужчин на расстояние в 1 км. Победителю также вручали приз.

На Пасху проводили обряд, связанный с благополучием домашнего скота. В первый день, по уговору с хозяйкой, в избу заходил один из соседских мальчиков. Он садился на порог, где была постелена шуба, и кликал благополучие скоту, кормил пшеном кур и получал от хозяйки пшена для следующего дома. Если впоследствии выяснялось, что его кликанье не принесло благополучия, то мальчика бранили и больше не приглашали. В с. Царицыно этот обряд проводила сама хозяйка. По домам ходили пастухи и мальчики с мешочками в руках. Они посыпали порог дома овсом и желали приплода овец, прибавления кур. Хозяйка выносила им пару крашенных яиц.

Во время цветения черемухи все население, включая детей и стариков, выезжало на природу, на коллективные гуляния (*сәир итү, сәир итми'и бару, сәир'и барма'а*). У каждой деревни были свои излюбленные места, куда добирались пешком или на подводах, на которых везли провизию, самовары, казаны. Жители из д. Темгенево проводили пикник на горе, из с. Болотце — в лесу или у озера, из с. Толстиково — в лесу или у реки, из д. Шилино, Мунтово — в поле или на берегу озера. Они отдыхали весь день, собирали цветы (летом — ягоды, грибы), ловили рыбу, готовили пищу на кострах, пили чай из самоваров, играли на гармонии и пели песни. Подобные весенне-летние выезды на природу были также характерными для городских татар в Татарской слободе г. Казани.

Отдельно проходили молодежные гуляния. Они были чисто девичьими или совместные с юношами, но всегда в сопровождении женщин старшего возраста. Интенсивность выхода на природу у молодежи была различной, например, в д. Собакино девушки гуляли каждую пятницу до сева, а в д. Шилино — два-три раза за все лето.

Большое значение имели хозяйственные обряды и действия,

¹ Мансуров А. А. Материалы к изучению быта касимовских татар // ТОИРК.— Рязань, 1929.— Вып. 22.— Рук. 147.

призванные способствовать получению хорошего урожая. В день сева на стол ставили деревянную миску с мукой и двумя куриными яйцами, символом плодородия (*чәчү сәдакасы*). Перед выходом на сев все члены семьи ели суп из жертвенного петуха (*чәчү корбаны*). Хозяин, придя на поле сеять, вначале молился на небольшом участке земли (*чи'ильди'*), специально оставленном нераспаханным и считавшимся священным. В д. Ахматово перед севом устраивали общественное моление — все жители собирались на поле, молились, варили жертвенную овцу или теленка и вместе съедали мясо. При засухе проводили обряды, направленные на вызывание дождя. На общинные моления (*тумаш, чу', яң'ыр ашы*), преимущественно у водоемов — рек, озер, колодцев, собиралось все население села. Мулла читал молитву, с ним молились присутствующие. Затем приносили в жертву быка и варили в большом котле, поставленном на камни. Готовое мясо выкладывали на шкуру быка. Тех, которые первыми пытались схватить куски, обливали водой. После того как мясо было съедено, начинали обливать водой всех присутствующих¹. Кроме общинных молений для вызывания дождя проводили обряды (*истиска, жан'ыр намазы*), в которых участвовали мужчины и женщины преклонного возраста. Они шли с муллой на место моления или на кладбище и молились. Затем варили жертвенного барана и съедали его мясо. С этой же целью их приглашали помолиться на усадьбах, на гумне. Существовали обряды вызывания дождя с привлечением детей. Несколько женщин варили мясо, кормили им детей, которые потом обливались водой. Подобные обряды были во многом сходны с обрядами других групп татар². После окончания жатвы, женщины оставляли несколько колосьев несжатými, чтобы их склевали птицы. Потом женщины катались по земле и просили, чтобы жнива возвратила им их силу. Последний сноп туго завязывали посредине, украшали цветами и на поднятых вверх руках приносили домой. Женщины, идущие рядом, пели и плясали.

Осенне-зимние обряды и праздники были связаны с поминанием предков, с зимним солнцестоянием. В некоторых поселениях (д. Ситово, Ананьино) осенью резали гусей, собирали родственников, молились за своих предков (*'ул-ая' саулы'ына*) и съедали жертвенного гуся. Его кости запрещалось ломать, их бросали в воду или закапывали во дворе. Бедным раздавали милостыню.

В период с 25 декабря по 5 января (по старому стилю) наступал праздник Рождества — Нардуган. По домам ходили ряженые (*'аралар*). Обычно в этой роли выступали несколько женщин, ко-

¹ Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала.— Казань, 2001.— С. 68—69.

² Там же.— С. 101.

торые переодевались в вывернутые наизнанку тулупы, бабушкины платья, мазали лица сажей и закрывали шапками, надвинув их на глаза. Они просили денег, шутили, пели песни, играли на улице в игры. По домам также ходили мальчики с мешочками и собирали кушания в виде тестяных шариков — *шишири*, зажаренные в масле, которые хозяйки заранее готовили для раздачи детям и чаепития.

Ими кормили и овец, чтобы был хороший приплод. Характерным элементом этого праздника было гадание. Обычно его организовывали девушки, которые и были его участниками. Гадание происходило в полночь. Бытовало несколько вариантов гаданий. Девушки шли в хлев, ловили в темноте баранов и выдергивали у них несколько шерстинок, по которым судили о возрасте, цвете волос суженого. Через ворота кидали ботинок или валенок и смотрели, в какую сторону направлен носок, определяя тем самым, с какой стороны придет жених. Его образ пытались увидеть через гадание на кольцах (*йөзе' салу*). Ночью несколько девушек опускали в стакан с водой кольцо и ждали, когда внутри него появится образ жениха. Гадали также при помощи двух зеркал и зажженных свечей, надеясь увидеть, хотя бы на миг, лицо будущего мужа. После видения зеркало надо было сразу же закрыть, в противном случае, по поверью, по лицу может ударить черт. Ночью девушки ходили по деревне, стучали в окна и спрашивали имя того, кого разбудили, полагая, что жених будет с аналогичным именем. У девушек, а также и у юношей распространенным было гадание с лестницей. Ее изготавливали из спичек и клали под подушку. Во сне должен был привидеться будущий супруг или супруга.

Данный праздник под таким же названием Нардуган или Раштва бытовал у мишарей, кряшен, чепецких татар. Одинаковым было и его содержание — ряженые и гадание¹. У касимовских татар, в отличие от других групп татар, ряженые пели, плясали и просили денег. Празднование периода солнцестояния не было долгим — несколько дней.

Зимой часто устраивали девичьи посиделки (*аула' өй*). В дом, где жили взрослые девушки, приглашали, в отсутствие хозяев, подруг и одну-двух женщин старшего возраста для «охраны» от юношей, которых на посиделки не допускали. Девушки шили, вышивали, беседовали, угощались, пели, плясали, играли в разные игры.

Обычаи и обряды, бытовавшие у касимовских татар, охватывали многие стороны их жизни: возведение жилища, встреча долго-

¹ *Махмутова Л. Т.* Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка // *Материалы по татарской диалектологии.* — Казань, 1962. — Вып. 2. — С. 225; *Садыков К. С.* Некоторые обряды и обычаи сибирских татар // *Сибирские татары.* — Тобольск, 1998. — С. 146.

жданных родственников, проводы рекрутов и др. После установки первых венцов избы было принято, чтобы хозяева клали по углам серебряные монеты или кусок хлеба. Тогда же устраивали саламады (*майлы буламы*). Мулла или кто-нибудь из мужчин, читал молитву. В это время варилась саламада из смеси муки, пшена, коровьего масла. Посередине избы расстилали белую скатерть или ставили низенький столик, покрытый скатертью, на него — зажженную свечу. Около стола помещали срубленную рябину. Это дерево считалось оберегом жилища. После молитвы плотники садились к столу, их угощали саламадой. В новую избу вносили хлеб-соль. Первый раз печь растапливали яблоневым деревом, также имевшим у татар значение оберега.

У татар был обычай приглашать родственников и соседей на встречу (*үзэйен*) с приехавшим издалека членом семьи. Он дарил им чай, конфеты, бублики, отрезы на платье. Богатые торговцы, возвратившиеся с Макарьевской ярмарки, раздавали бедным более существенные подарки: женщинам — мясо, муку, отрезы на платье; девочкам — головные уборы *такья*, серьги, колечки; мальчикам — тюбетейки и перочинные ножики. После прочтения молитвы всех присутствующих угощали. Подобный обычай «кусайтын» бытовал у сибирских (тоболо-тарских) татар. Оба термина близки по своему значению и восходят к одному корню «күз» (глаз). Проводы рекрутов «*рекрут жиены*» устраивали по очереди в тех домах, из которых юношей забирали в солдаты. Для них и гостей готовили угощение. Перед отъездом на стол ставили миску (*юл садакасы*) с мукой, яйцом и деньгами, которую потом отдавали бедняку.

Рекрут и его родственники шли на кладбище попрощаться с предками. Перед уходом рекрут откусывал от целого каравая кусок, который потом хранили до его возвращения. Считалось, что недоеденный кусок хлеба будет тянуть домой.

В праздничной традиционной культуре касимовских татар отсутствовали такие привычные для казанских татар праздники, как Сабантуй, джиен (*жиен*). Попытка внедрения Сабантуя была впервые предпринята в Татарской волости в 1917 г. Однако тогда она не имела успеха, несмотря на то, что весной, до сева, и летом устраивались коллективные сборища с элементами, характерными для данного праздника: конные состязания, соревнования мужчин в беге и т. п. С конца XX в. Сабантуй стали регулярно проводить в многочисленном селе Ахматово по инициативе татар, возвратившихся на родину из Средней Азии. Проведение данного праздника имело целью сплочение касимовских татар между собой, а также между другими группами татар. Другой идейной целью было возрождение интереса молодых татар к традиционной культуре. *Жиен*

у касимовских татар имел несколько иное, чем у казанских татар, содержание¹.

Пляски и игры

В период праздников и в свободное от работы время касимовские татары уделяли определенное время пляскам и играм. Немало девушек и женщин умели играть на гармонии, а юноши и мужчины — на скрипке. По воспоминаниям информаторов, многие игры были забыты к концу XX столетия. От некоторых из них сохранились лишь названия. Наиболее распространенными были следующие традиционные пляски: «Алия-Бану» — в центре круга плясали девушка и юноша, вокруг них водили хоровод девушки и юноши; «Тура бию»; «Бата-чума» — плясали две девушки друг перед другом во время девичника «*бал ашау*»; «Юркин»; «*‘одайлар сазы*»; «Әпипә» — девушка плясала на девичнике «*бал ашау*» под известную татарскую мелодию «*Бас, кызым Әпипә*». Если девушки плясали с юношами, то держали перед собой развернутую шаль. Плясали все под мелодии без слов «Атна көе», «Үтәләр көннәрем». Юноша, приплясывая, обращался с песней к девушке, играющей на гармонии:

«Гармонынны уйнайсын,
Уйнап — ниләр уйлыйсын.
Мин әүлиядәй булмасам да,
Беләм — ниләр уйлыйсын.
Ай уенчы, уенчы, утыр ундык буенчы,
Миннән са’а шул теләгем, шатлан гомер буенча».

Игры

1. «Узаман» — играли 4 пары. Они держались за руки. Тот, кто водил, должен был разомкнуть руки одной из пар и забрать себе партнера. Тот, кто оставался без пары, становился ведущим. 2. «Гурши — гуршины алыем» или «Әби-әби, бер торманы алыем» — ведущий выдергивал из ряда молодых людей, державших друг друга за руки, одного играющего. 3. «Мәэнче’ уйнау», или «Плита уйнау», — юноши и мальчики сбивали железной плитой костяшки от позвонков — казанки (*мәэнче’*). 4. «Чижик уйнау» или «Городки», — играли юноши, они проводили черту на земле и бросали палку так, чтобы она подпрыгнула и перескочила за черту. Эта игра была заимствована у русских. 5. «Жолдыр’ы» — юноши зимой соревновались в бросании обледелой палки. 6. «Жомырка тубы уйнау» — играли обычно весной. Юноши расставляли крашенные яйца и сбивали их мячом. 7. «Городок», «Лапта», «Клюка» —

¹ Уразманова Р. К. Обряды... — С. 123—124.

юноши помещали в ямку круглый деревянный мячик и пытались вытащить его при помощи толстого прута (чукмар). 8. «Апуй-апуй» — игра в прятки. Спрятавшиеся дети кричали тому, кто их искал: «Апуй-апуй». 9. «Таук орлашу», или «Ручеек», — играли дети и молодежь. 10. «Актирэк», или «Белый тополь», — во время этой игры говорили: «Актирэк, кем кирэк? Бояре, мы к вам пришли. Заинька в лес идет, вот-вот как в лес идет.» 11. «Ключ продажный» — играли юноши и молодые мужчины. Один из них вставал спиной к компании и, получив сзади удар, должен был угадать того, кто ударил. 12. «Жип-так» — игра с обрядовым кушаньем «шишири» во время Рождества. 13. Игра «Си'ирту» — дети держали за углы покрывало и подкидывали находящегося в нем малыша. Примечательно, что эта игра была распространена в Татарской слободе в г. Казани. Известно, что таким образом подкидывали на войлоке вновь избранного хана при проведении обряда коронавания его на ханство¹. 14. Игра-пари «Жәтдиш». Тот, кому попадалась во время еды грудинная косточка курицы, предлагал заключить пари на какую-нибудь вещь. Участники захватывали косточку мизинцами и разламывали ее пополам. По условиям игры они не должны были брать что-либо из рук друг друга. Можно было взять при одном условии, а именно, сказав «исемдә» (помню). Тот, кто брал вещь из рук другого и забывал в ответ сказать это слово, считался проигравшим. Эта игра учила внимательности и смекалке. От некоторых игр сохранились лишь названия, например, «Артта'ылар өс'и (Арттагылар өскә)», «Брелочки». В настоящее время немногие из касимовских татар смогут вспомнить о традиционных плясках и играх их отцов и дедов.

Доисламские верования

Ислам постепенно вытеснял основные постулаты языческих представлений, однако некоторые их элементы сохранились, хотя и в фрагментарном виде, в народном сознании вплоть до последней четверти XX столетия. По поверьям касимовских татар, у человека была душа (*жан*). Она имела способность отделяться во время сна и преодолевать большие расстояния. Спящего человека запрещалось резко будить, иначе душа не успевала вернуться в тело, и человек мог умереть.

По представлениям касимовцев, человека окружали различные духи. Некоторые из них жили на земле, другие — в воде. Большинство их было враждебно к людям, но некоторых можно было умилостивить, таких, как домовый и дворовый. Считали, что

¹ Заседа́телев Н. Древний обряд коронавания у тюркских народов // ИОАИЭ.— Т. 12.— Вып. 1—6.— Казань, 1895.— С. 374.

домовой *Йорт иясе* — живет на потолке около печной трубы или на чердаке, в сенях или хлеву в образе старика или невидимой женщины очень высокого роста, одетой в белое платье. Иногда домового показывался в виде белой лошади или зайца. Домового можно было услышать. Он стучал, как часы, или пел, как соловей. Для него оставляли пищу в укромном уголке.

Дворовый — *Абзар иясе* — хозяин хлевов, присматривал за скотиной, особенно за лошадьми и коровами. Жил он в хлеву, в конюшне, при входе его надо было предупреждать покашливанием. Животные, к которым он благоволил, были гладкими, красивыми, сытыми. Те животные, которых он невзлюбил, обычно из-за масти, худели и имели по утрам загнанный вид. Их старались продать. Для того чтобы новое животное понравилось дворовому, его обводили три раза вокруг усадьбы, пекли нечетное количество пресных, без соли, лепешек и засовывали их под матицу в хлеву. Чтобы умилостивить дворового приглашали всеми уважаемую женщину или муллу для чтения молитв.

С домашней скотиной был связан образ мифического существа «*Ой'ырыш*» (*Койгырыш*) в виде птицы, которая появлялась при рождении телят-близнецов, вернее, между ними. По поверьям, чтобы заполучить ее, надо после рождения первого теленка держать мешок, чтобы успеть ее поймать. Тот, кто поймает эту птицу, будет богатым и счастливым. Она все время будет просить дать ей сделать какую-нибудь работу. Поверье о птице счастья «*Койгырыш*» было распространено у мишарей инсарской группы. Название птицы состоит из двух слов: кот (в значении счастье) и кураз (петух). Птица счастья в мифологии чувашей имела вид маленькой птички, вылупившейся из яйца, снесенного петухом¹.

По представлениям татар, среди людей обитали злые духи, договориться с которыми было невозможно. Один из них — *Убыр* — принимал облик старухи. Ее можно было легко узнать: она заходила в дверь, повернувшись спиной. Этот злой дух мог вселиться в душу покойника и неприкаянно бродить среди людей. Ему приписывали воровство: когда терялась вещь, говорили: «Убыр унес». Считали, что он может похитить плод из чрева матери. Избавиться от него можно было, лишь вбив осиновый кол в могилу покойника, счатавшегося *Убыром*.

Другим злым духом являлся *Бастры'*, который давил на грудь спящего человека. К злым духам относили *Пири*, *Жен* и *Шайтана*. Их практически не различали, а воспринимали как собирательный образ слепого человека с хвостом и волосатым лицом, живущего в овине, бане, в лесу, нечистом месте. Он старался сбить человека с пути или зашекотать ребенка. Во время грозы пытался проникнуть

¹ *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари.— М., 1972.— С. 189.

в дом, принимая образ козы или зайца. Поэтому татары закрывали окна, двери, печную трубу и трижды обводили рукой вокруг них черту. Считалось, что эти духи могли подменить новорожденного или слабого ребенка своим. Чтобы этого не случилось, рекомендовалось надеть на ребенка или положить в люльку обереги. По поверью, агрессивность злых духов возрастала при закате солнца, поэтому в это время запрещалось спать, чтобы они не украли душу, отделившуюся во время сна от тела. Эти духи боялись железных предметов, поэтому под подушку, перину рекомендовалось класть нож, ножницы, замок или топор. При входе в овин надо было покашлять, чтобы отогнать злых духов.

Злым лесным духом считался *Петле ыс'ыр, Бетлескыр* (дословно — «вшивая искра»). В некоторых поселениях его называли *Аздяха*. Он вылетал из леса в виде огромного огненного искрящегося коромысла или снопа (столба) с большим шумом, образуя ветер такой силы, что гнулись деревья. По ночам этот дух влетал, искрясь, в печные трубы тех домов, где жили тоскующие одинокие женщины. Он обладал способностью принимать облик умерших супругов и вступал с их вдовами в сексуальную связь. Приносил им подарки и сладости, которые при дневном свете оказывались хламом и экскрементами. Его любимым кушаньем были вши. По утрам Бетлескыр улетал, искрясь, через печную трубу обратно в лес. После нескольких таких посещений человек ослабевал и умирал. Считали, что избавиться от злого духа можно, угостив его семенами конопли, сказав, что это его любимые вши. Касимовские татары, так же как и мишари, удмурты, мари, приписывали конопле магические свойства и способность отгонять злых духов. У мишарей знахарь разбрасывал около больного горящие стебельки конопли¹. Другим лесным злым духом являлся, по представлениям татар, *Урман иясе*, живший в лесу со своими сородичами. Он имел вид человека с длинными пальцами, которыми щекотал людей до смерти.

К злым духам, но без внешних признаков, относили некую субстанцию *Улэт (Улэт)*, которую, по представлениям касимовцев, приносило ветром. С приходом *Улэт* начинались болезни и гибель скота. Считали, что избавиться от него можно при помощи разных обрядовых действий: опаживанием сохой вокруг поселения, жертвоприношениями.

Из духов, обитавших в воде, касимовским татарам была известна водяная — *Су анасы*. Ее представляли в виде женщины, сидящей на мостках, расчесывающей волосы гребнем и квакающей, как лягушка. Ее боялись, полагая, что она затаскивает людей в воду и топит их.

¹ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари.— С. 183, 189.

Представления касимовских татар о человеческой душе, духах, обрядах находят широкие параллели у других групп татар и тюркских народов¹.

Культ домашних животных и птиц

Некоторые домашние животные и птицы пользовались у татар особым почитанием. Одним из них являлась лошадь. Ее черепу придавали значение оберега, способного защитить скот от болезней. С этой целью его закапывали под конюшней, прикрепляли к стенке хлева, помещали на заборе. Такое же значение придавалось черепу и голени овцы, их подвешивали внутри хлева. Для жертвоприношения часто использовали гусей, особенно при поминании предков. Петух считался птицей, отгоняющей нечистую силу. Перед началом сева устраивали обед, на котором готовили суп из петуха. Кости жертвенных птиц и животных нельзя было разламывать, их закапывали.

У домашних животных существовали свои покровители: у коров — *Зенги-бабай* (известный в д. Сеитово и Сафоново как Ишан бабай), у овец — *Чулпан-эби*. Вместе с ними упоминается их помощница — собака. Весной была традиция приглашать в дом муллу для чтения молитв в честь этих существ. Хозяйка при этом держала в руках тарелку с четырьмя оладьями, испеченными без соли. Один из них преподносили мулле, остальные (нечетное число) помещали под матицу для вышеуказанных покровителей животных. Примечательно, что почитание покровителей домашних животных, характерное для касимовских татар, было распространено и в некоторых поселениях сибирских татар. У казахов покровителями коров, крупного рогатого скота считался Зенги-баба, а овец — святой Чопан-ата. Эти имена локализовались в Туркестане, около Самарканда и в Туркменской земле². Видимо, в течение многих веков имена святых — покровителей домашнего скота — претерпели среди касимовских татар некоторую трансформацию.

Против падежа животных существовал целый ряд обрядовых действий. Одним из них являлся обряд опахивания во время мора. Проводили его ночью, выйдя на край деревни. Один мужчина впрягался в соху вместо коня, а другой держал соху и опахивал землю вокруг деревни. В д. Ахматове в начале XX в. проводили опахивание днем. Вместо лошади запрягали женщин старшего возраста,

¹ Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев.— Нальчик, 2001.— С. 141, 145.

² Потанин Г. Н. Избр. соч.: В 3 т. // Труды по истории, этнографии и фольклору.— Павлодар, 2005.— Т. 3.— С. 67, 73, 463.

их погоняли молодые женщины, читая молитвы¹. В некоторых случаях маленькую девочку сажали на ухват или сковороду и возили вокруг деревни. Обряды опахивания при падеже животных также были известны среди других групп татар².

Традиционные верования касимовских татар уходят корнями в тюркский мир. Знакомство с ними позволяет объяснить некоторые представления касимовских татар об окружающем мире. По мнению тюрков (а также других народов), пространство, в котором они жили, состояло из своего и чужого миров, с условными границами вдоль озер, рек, лесов, дорог, перекрестков, кладбищ, ворот, дверей, передней части дома. Местом стыковки миров был перекресток, поэтому там запрещалось разговаривать. Свой мир сообщался с чужим через каналы в виде рек. Пространство по вертикали делилось условно на средний, нижний и верхний миры. В среднем, на земле, обитали люди, в нижнем, под землей,— черти. В верхнем, над землей, находились небо, солнце, луна, звезды. Люди общались с другими мирами через вертикальные каналы в виде деревьев, печных труб, холмов, гор³.

Порог жилища и примыкавшее к нему пространство служили переходной зоной между внешним миром и домом, своим и чужим. Именно поэтому прослеживается связь между порогом и магическими действиями, направленными на излечение больного ребенка. По представлению древних тюрков, у входа, под порогом, обитал дух — покровитель юрты⁴. Общение людей происходило через дверь, шаман уходил через дымник или очаг. Сознательное изменение статуса имело место в случае с новорожденным, которого вносили в дом через окно, пытаясь обмануть злых духов. Подвешивание мешочка с монетами, призванного отвести болезни от детей, в самом почетном углу жилища, использование в качестве детского оберега красных коралловых бусинок также уходит корнями в тюркскую мифологию. По представлениям хакасов, в коралловых бусинках находились души-зародыши девочек, которые хранила у себя верховная покровительница детей и рожениц Ымай⁵. Каси-

¹ Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива ОИРК // ТОИРК.— Рязань, 1928.— Вып. 2.— Рук. 147.— С. 21.

² Татары Среднего Поволжья и Приуралья.— М., 1967.— С. 361.

³ Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии.— Л., 1936.— С. 124; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири.— Новосибирск, 1988.— С. 71, 79, 90—91; Турсынбаева А. О. Тенгрианство в казахском мировоззрении // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана / Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати.— Алматы, 1999.— С. 277.

⁴ Традиционное мировоззрение...— С. 65.

⁵ Там же.— С. 174.

мовские татарки полагали, что ношение коралловых бус и серег женщинами фертильного возраста способствует деторождению. Сакральное значение некоторых чисел в обрядах (3, 7, 40) отражало пространственное и временное представление касимовских татар, сходное с общетюркским¹.

В поминальной обрядности тюркоязычных народов Южной Сибири существует интересный эпизод. В сороковины родственники всю ночь не спят и ждут покойного (вернее, его тень), возвращающегося из дальнего пути. За сорок дней он должен обойти все места, где бывал при жизни. Таким образом, вся жизнь человека по времени может уложиться в сорок дней при высокой скорости передвижения тени (душа движется, как ветер, не касаясь земли)². У касимовских татар особую роль в обрядовой жизни играли перекрестки дорог, берега озер и рек, места захоронений. Именно там совершали магические действия и обряды, связанные с лечением больных, жертвоприношения и общественные моления. Сакральное значение имели развлечения во время ледохода, когда каждая семья ставила на льдину свой сноп, привязав к нему лоскуток, и поджигала его с надеждой, что с ними по реке уплывут все их болезни. Следы языческих верований сохранились в запрете употреблять в пищу некоторые виды рыб — щуку, сома, налима. Касимовские татары объясняли это тем, что у щуки на лбу есть изображение креста, сом питается свиньями, забредшими в реку, а налимом похож на змею. Аналогичный запрет имелся у народов Сибири. Обские угры почитали щуку и налима. Ваховские ханты верили, что невидимый дух Вэс обитал в воде в облике щуки, причем той, у которой на лбу были рога. Они запрещали девушкам чистить этих рыб, иначе в них мог вселиться дух Куль — хозяин рек и озер. Самодийцы (лесные ненцы и селькупы) считали, что в щуку, налима и осетра трансформировались в случае опасности шаманы-богатыри³. У хакасов на шаманском бубне хозяйку воды изображали в виде щуки: «Щук, как воплотившихся водяных духов, не употребляли в пищу ни минусинские татары, ни урэнхайцы, ни карагасы»⁴. Данный запрет является, видимо, от-

¹ Вайнер И. С., Загидуллин А. А. О происхождении почитания числа 9 // Вопросы истории, филологии и педагогики.— Казань, 1967.— Вып. 2.— С. 80—89.

² Традиционное мировоззрение...— С. 74.

³ Зенько М. А. Об общих чертах в мировоззренческой традиции хантов и лесных ненцев // Обские Угры / Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».— Тобольск-Омск, 1999.— С. 184; Казакевич О. А. Шаман в фольклоре северных селькупов // Тезисы докладов III конгресса этнографов и антропологов России.— М., 1999.— С. 319.

⁴ Традиционное мировоззрение... — С. 89—90.

голоском этнокультурных связей, существовавших некогда между предками касимовских татар и народов Сибири.

У касимовских татар был почитаемым медведь. Он считался зверем, изгоняющим нечистую силу. Поэтому, когда в поселения касимовских татар приходили сергачские мишари с ручным медведем, их просили обойти три раза вокруг жилища, в котором умирали дети, и завести медведя в дом¹. Клыки, когти медведя являлись оберегами, их носили на шнурке, повесив на шею, дети и мужчины. Целебным считалось медвежье сало. Культ медведя прослеживался у сергачских мишарей, казанских татар². Касимовские татары считали, что существуют места, связанные с нечистой силой, в которых живут злые духи, заставляющие путников кружить на одном месте. К таким местам (*арусыз жир*) относили овраг Кесэл у с. Подлипки; отрезок дороги между д. Мунтово и Четаево; поле между д. Мунтово и Шегошаново. Неблагополучной считалась дорога, ведущая в д. Шилино: путники, даже местные, шагая по ней, могли заблудиться даже днем.

У д. Кадышево, рядом с озером Чаукабаш, располагалось старое татарское кладбище, идя мимо которого надо было обязательно помолиться, иначе прохожего ждала неудача или многочасовое блуждание. Такая же дорога проходила около д. Черичеево, вдоль речки Мишал. Путники, проходя мимо кустарника Шомалах и березняка Башсыз Каен по дороге в д. Собакино, иногда кружили вокруг этого места часами. На поле рядом с д. Мунтово и Шегошаново было одно дерево с «нехорошей репутацией». В его дупле находили волосы, шерсть, когти. «Нечистым» считалось одинокое дерево посередине поля вблизи д. Кадышево. Дурную славу имели вязы около д. Баишево. Верования касимовских татар, связанные с представлениями о душе, духах, мифических существах, во многом совпадали с таковыми у мишарей, казанских и других групп татар. Некоторые из мифических образов были смещены, имели разные названия (*Бетлескыр, Аздяха*), другие забыты или вовсе не существовали в представлениях касимовских татар.

Культ солнца, луны

В памяти касимовских татар сохранились названия звезд и созвездий: *Чулпан* (Венера), *Зөһрә йолдыз* (Вега), *Жидегән*, или *Саныйя' йолдыз* (Звезда-ковш — Большая медведица). Им была известна легенда о девушке Зухре с коромыслом, поднявшейся на

¹ РИАМЗ.— Этнологический архив ОИРК.— Кн.6.— Рук.147.— С. 6.

² *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари.— С. 189; *Насыри К.* Поверья и обряды казанских татар // Записки РГО.— Казань, 1880.— Т. 6.— С. 189.

звезде на луну. Они почитали солнце и луну. Так, существовали слова-табу на отдельные выражения: «*’ояш инде*», «*’ай туган*». Следовало говорить, например: «*’ай байи*». Тяжелыми считались слова, произносимые во время ссор: «*’ояш ’орсын, ай ’орсын, йолдызымны ’үрмәйим*» (чтобы солнце покарало, чтобы луна покарала, чтобы не видеть мне моей звезды). Этими словами запрещалось ругать детей, иначе они могли заболеть. В первую ночь новолуния у касимовских татар был обычай, встав на колени и воздев руки вверх, обращаться к луне: «*’Ай ’үрдем аман белин, авызым тулсын иман белин, буй айларда үлеп ’алсам, кәберем тулсын нур белин*» (Увидел благословенную луну, пусть рот мой наполнится истинной верой, если умру в эти месяцы, пусть могила моя наполнится сиянием). В д. Баишево во время полнолуния было принято ночью кататься на лодках. Следы культа солнца и луны прослеживаются в традиционных представлениях других групп татар¹ и тюркоязычных народов².

¹ Татары Среднего Поволжья... — С. 357.

² Керейтов Р. Х. Ногайцы.— Ставрополь, 2009.— С. 384.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования, проведенного среди касимовских татар, был собран и проанализирован обширный круг источников — воспоминания, родословные записи, архивные и опубликованные материалы, фотографии с родословных записей и эпитафийных памятников. Были реконструированы родословные таких знаменитых в истории татар фамилий, как Ширинские, Шакуловы, Мустафины, Максутовы и др. Определены происхождение и территория проживания представителей многих родов и связь их с другими группами татар и народами. На основе вышеуказанных данных впервые был создан обширный свод родословных, включающий не только касимовских, но и другие группы татар. К таблицам родословных приложены исторические комментарии. Материалы свидетельствуют об участии в формировании касимовских татар выходцев из Золотой Орды, Казани, ногайских степей, Крыма, Хорезма, Сибири. Были выявлены наиболее старинные фамилии касимовских татар: Акчурины, Байбековы, Бурнашевы, Максутовы, Шакуловы. Родословная Акчуриных известна в трех списках. По одному из них, относящемуся к XVII в., следует, что Акчурины — выходцы из Золотой Орды, по другому — из Казани. Третий список близок к первому. Из родословных Байбековых следует, что они являются отпрысками Акчуриных. И те, и другие — выходцы из Казани. Они прибыли в Касимов в 1450 г. Род Байбековых был связан с селом Татарбай (ныне село Торбаево в Касимовском районе Рязанской области), в котором они проживали с начала XVII в. Предок рода Бурнашевых также был связан с Казанью и Золотой Ордой. Род казанских Байбековых и касимовских Бурнашевых имел с середины XV в. общего предка. Выходцами из Казани считались Костровы. Основатель рода Максутовых происходил из рода казанских ханов, переселившихся в Москву в середине XVI в. Из родословных Максутовых, а также Бикбулатовых, Девлеткильдеевых, Тавкилевых, Чанышевых следует, что они являются потомками киргизов, в частности хана Саин-Булата. Сеиты Шакуловы были расселены в Крыму, на Кубани, Дагестане, на Волге, в Болгарах. Этот род был известным в Казани — на татарском кладбище города есть надгробные камни в честь сеитов. Шакуловы вели свое происхождение от хана (из киргизов) Саин-Булата. Род кипчаков Ширин пришел в Касимов из Крыма и основал поселение Шорын (ныне село Подлипки в Касимовском районе). В Казани из этого рода происходил Карачий Булат Ширин.

Кроме того, были выявлены истоки других, неизвестных до сих пор родословных касимовских татар и других групп этноса. В их числе родословная Алиша, начало которой относится к 1-й пол. XVII в. В завещании от 1639 г. упоминаются Алиш-бек и его сын Аль-Мухаммед как здравствующие касимовские вельможи. Они переселились на берега Волги в качестве служилых татар. К этому роду относится Абдулла Алиш (1908—1944), детский писатель. Подробное освещение получила родословная князей Мустафиных — потомков хана Мустафы-Али, правившего в Касимове с 1578 г. Некоторые представители данного рода переехали в Закамье (территория современного Аксубаевского, Алькеевского, Чистопольского районов Татарстана), другие — в окрестности Алатыря. Из Алатыря переселились в Закамье Чураш-баба со своим сыном Исанбирди. Их род восходит к касимовским татарам, служившим дозорными в XVI—XVIII вв. на границах Московского княжества. По долгу службы многие из них получали вокруг Алатыря земельные угодья и оставались на постоянное местожительство. Движение служилых татар с Алатыря и Темникова шло в направлении Приуралья. Изучение родословных материалов татар из сел Бастаново и Азеево в Сасовском районе Рязанской области позволило определить, что предки бастановцев являлись выходцами из Астрахани, предки азеевцев — из Ургенча. Потомки крымского рода, проживающие ныне в с. Новые Ургагары Алькеевского района Татарстана, переселились из с. Петряксы Нижегородской губернии.

В родословных записях нашли отражение особенности истории формирования и развития касимовских татар. Тесные родственные связи между многими, хотя и различными по происхождению, родами свидетельствуют об этнокультурном единстве волго-уральских субэтносов татарского народа. Подтверждением этнокультурного единства является значительное сходство многих элементов традиционной культуры касимовских и других групп волго-уральских татар. Общность с казанскими татарами прослеживается в архитектурных памятниках, их формах и оформлении, в усложненной планировке некоторых жилищ, постановке клетки в глубине усадьбы, конструкции хлебопекарной печи, орнаментации ворот, бытовании шапочного комплекса женских головных уборов, бархатных калфаков с длинным остовом, шейно-нагрудного украшения в виде воротниковой цепи, в приготовлении пирогов «бэдия», «ит билише» и т.п. У касимовских татар сохранились архаичные черты, имевшие ближайшие аналогии у татар-кряшен: ковровые вышивки, блюда и кушанья из крови и фаршированных внутренних органов животных, обрядовая пища и т.п. В культуре касимовских татар было немало черт, характерных для мишарей: черно-красная вышивка на рубахах, тастарный комплекс женских головных убо-

ров, многослойный билиш из мяса «гурши билиш», напиток «буза» и т. д. Кроме того, ряд элементов культуры имел параллели в культуре азеевских, бастановских, костромских, чепецких (нукрат), пермских, сибирских татар. У них бытовали трехкамерные жилища типа изба-сени-клеть, дома с полуподвальным первым этажом, кирпичные кладовые, камзолы и бишметы с отрезными бочками, своеобразный покрой женских штанов, нагрудники больших размеров, специфический способ повязывания платков, форма волосника, тастарный комплекс женских головных уборов, тип свадебной обрядности. Видимо, не случайно видный историк, археолог А. Х. Халиков предполагал, что параллели в этнографических деталях между мишарями и почти никогда не контактировавшими с ними чепецкими (нукратами) и пермскими (бардымскими) татарами являются отголоском той древнейшей тюркской общности, которую в VI—VII вв. еще сохраняли племена, входившие в состав Тюркского каганата и в это же время появившиеся на берегах Камы и Суры¹. Многие элементы культуры сближают касимовских татар, так же как и других групп волго-уральских татар, с тюркоязычными народами Крыма, Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Алтая, Сибири. В их основе определяющим являлся древнетюркский пласт, единый для всех групп татар и тюркоязычных народов.

¹ Халиков А. Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // Татарика.— Vantala, 1987.— С. 340.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОЭ — Архив отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ВИ — Вопросы истории
ВНОТ — Вестник научного общества татароведения
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва)
ЖОИРК — Журнал Общества исследователей Рязанского края
ИЗ — Исторические записки
ИАМЗИ — Историко-архитектурный музей-заповедник г. Истры
ИАМЗК — Историко-архитектурный музей-заповедник г. Костромы
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахстана
ИКМК — Историко-краеведческий музей г. Касимова
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете
КЭО — Казанское экономическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)
МГПИ — Московский государственный педагогический университет
МКЭИ — Материалы Комиссии экспедиционных исследований
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МТД — Материалы по татарской диалектологии
МФГО — Московский филиал Географического общества
ОПИ — Отдел письменных источников ГИМ
ОЭ ИИ АН — Отдел этнологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская академия наук
РГО — Российское географическое общество
РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.
РЭМ — Российский этнографический музей
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СЭ — Советская этнография
СУ — Статистическое управление
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТОИРК — Труды Общества исследователей Рязанского края
ТРУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
Ц.П.О.— Центрально-промышленная область
ЭА — Этнологический архив
ЭАОИРК — Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края

Приложение I

Численность касимовских татар в XVIII — начале XX в.¹

Годы	Количество людей
1719	5797
1744	4880
1762	4265
1782	4807
1795	5999
1833	5591
1857	5647
1860	4778
1887	4616
1897	4764
1900	4576
1917	4413

Перечень населенных пунктов касимовских татар²

Наименование населенных пунктов		Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению			Куда входит населенный пункт по современному административному делению	
Русское	Татарское	Губерния	Уезд	Волость	Область, район	Сельсовет
1	2	3	4	5	6	7
Белая слобода	А' эймә'	Рязанская	Касимовский	Татарская	Рязанская, Касимовский	
Царицыно	Биём сала					Коростинский

¹ Таблица составлена на основе статистических материалов из следующих работ: Баранович М. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния.— СПб., 1860.— С. 122, 149, 525; Памятная книжка Рязанской губернии на 1860 год.— Рязань, 1860.— С. 81; Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т.7.— Рязань, 1887.— С. 42; Т. 11.— Рязань, 1892.— С. 49; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Рязанская губерния.— СПб., 1903.— Т. 35.— С. 190—193; Касимовский уезд в цифрах. Статистический сборник.— Касимов, 1900.— С. 624; РГИА. Ф. 1290.— Оп. 6.— Ед. хр. 76.— Л.48; Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // СЭ, 1980.— № 4.— С. 33.

² Проходцев И. И. Населенные места Рязанской губернии. Рязань, 1906.— С. 176; Касимовский уезд в цифрах. Статистический сборник.— Касимов, 1900.— С. 624; Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года.— Рязань, 1970.— С. 41.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Подлипки	Шырын					Болотцын-ский
Торбаево	Татарбай					Болотцын-ский
Болотце	Жаубаш					Болотцын-ский
Тебеньково	Тибини'					Коростинский
Черная слобода	'Ара эймә'	Рязанская	Касимовский	Татарская	Рязанская Касимовский	
Коверское*	Курс'и					Коростинский
Беркеево*	Бир'и			Подгорная		
Халымово*	Халым					
Карамышево*	'Арамыш					
Ахматово	'Арлар			Татарская		Ахматовский
Алишево	Әлеш					
Собакино	Суба'					
Мунтово	Мылты'					
Казаково*	Аза'и					
Шегошаново	Ша'шан					
Танкачево*	Тән'из					
Кадышево	Чуманай					
Кучуково	'Өче'					
Дубники*	Дубини'					
Темгенево	Түменеү					
Алькечево*	Әль'ис					
Джегурманово*	Әжурман	Рязанская	Касимовский	Татарская	Рязанская, Касимовский	Ахматовский
Кушниково	'Усне'					
Четаево*	Чутай					
Черевчево*	Черевчи					
Поляны*	Пуләнә					
Мачково	Мес'әү					

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Кульчуково	'Өлче'					
Барамыково	Барамы'					
Шилино	Түбин аул	Тамбовская	Елатомский	Малокусморская		
Правобережные татары	'Ара зыбыннар					
Колубердеево	Ташлы'	Рязанская	Касимовский	Бетинская		Первинский
Сафоново	Сахун					
Баишево	Баиш					
Сеитово*	Ситау					
Ананыно*	Ананыски					
Рудаково*	Урда'и					
Экса*	Экса					
Толстиково	Тусты'	Тамбовская	Елатомский	Высокополянская		Балушево-Починковский
Город Касимов	Кирмэн (Бисти)	Рязанская	Касимовский	Татарская		

* Деревни, отмеченные звездочкой, прекратили свое существование как поселения татар во 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX в.

Из истории некоторых поселений

БЕЛЫЙ АЙМАК

1. Село Болотце (Жаубаш).

Татарское название означает «глава», «военачальник», «власть». По предположению жителей, поселение было основано человеком, стоявшим во главе войска.

2. Село Подлипки (Шырын).

Основателем села был мусульманин Шырын, из рода Ширинов (Ширинских). Он объединил хутора, которые часто подвергались нападениям разбойников. Село состояло из четырех аймаков: *Мерту'*, *Мулла*, *Салим'эй* (около кладбища) и *Курски*. В селе жили мурзы-мусульмане и князья, принявшие христианство.

3. Село Горбаево (Татарбай).

Село состояло из трех частей (*Олы аул*, *Кече аул*, *Куш эймә'*) и являлось местом жительства татарских баев.

4. Село Царицыно (Бием сала).

Жену хана называли «Бием». Село было летней резиденцией ханши Фатимы-Султан и состояло из двух аймаков (*Ис'е аймә', Яңа аймә'*).

ЧЕРНЫЙ АЙМАК

5. Деревня Алишево (Әлеш).

Образовалось из хуторов. В одном из них, в лесу (*Дәвләй урман*), проживали Нугаевы. Татары пришли в Алишево из местности известной как Хаерова гора, находившейся в полукилometре от Алишева, а также из с. Азеево. Дома располагались вдоль берега озера *Атүй*.

6. Деревня Ахматово ('Арлар).

Название взято, скорее всего, от имени его основателя или владельца.

7. Деревня Кадышево (Чуманай).

Образовалось из хуторов, располагавшихся между озерами *Чәү'әбиш* и *Казаш*. Жителей хоронили на своем, отдельном, кладбище.

8. Деревня Казаково (Аза'и).

Поселение состояло из казаков, имевших одно кладбище с жителями д. Мачково (*Мес'әү*).

9. Деревня Карамышево ('Арамыш).

Название деревни «Карамыш» указывает на первоначальное назначение данного поселения как сторожевого пункта.

10. Деревня Кушниково ('Усне).

Поселение образовалось из переселенцев, живших ранее в д. Мунтово, Кучуково, Темгенево. Жителей Кушникова хоронили на кладбище в Темгенево.

11. Деревня Мунтово (Мылты').

Жители деревни вначале обосновались в лесу. Следы их жилищ в виде ям шириной от 15 до 30 м и глубиной до 6 м сохранялись до конца XX в. Ямы располагались в 15—50 м друг от друга. Они находились на расстоянии 1 — 1,5 км от Мунтова. В глубине леса имелось еще 7 ям, более узких, глубиной до 7 м. Жители говорили, что и дальше есть ямы. Эти места назывались «*кормыш үйләры*».

12. Деревня Собакино (Суба').

В основе татарского названия поселения лежит древнетюркское слово «суба», означавшее «вестник», «сообщать». Вероятнее всего, на месте поселения ранее находился дозорный пункт. Основатель деревни, Мамак, жил первоначально в лесу, который стал называться его именем. Поселение образовалось из хуторов. Туда вошли татары (которых называли «*Тезүт хал'ы*»), жившие в пяти домах около озера «*Тезүт*» рядом со старинным кладбищем *Чубут*, недалеко от д. Собакино. В деревне было три аймака (*Тезүт, Махут, Жобая'*). Первые два названия произошли от одноименных озер, последнее — от прозвища.

13. Деревня Шегошаново (Ша' шан).

По преданию, рассказанному старожилом Абдуллой Аббасовичем Янгузовым (1893 г.р.), их предки были казаками, содержали коней киргизской породы — невысоких, но очень выносливых, способных долго скакать без пищи. Во времена Екатерины II казаки участвовали в битвах с поляками и разбили их армию недалеко от Пскова. За это им были по-

жалованы земли в Польше и в окрестностях города Касимова. Их предводитель Шакан со своей дружиной жил в землянках (*баз*) в лесу, который назывался «*Артау*», «*Көрэй*».

14. Деревня Шилино (*Түбән аул*).

Образовалась из татарских хуторов, располагавшихся рядом с поселением мордвы (мокша). С ними воевал татарский богатырь *Тимер'эй бахадир*. В Шилино поселились выходцы из Сибири, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской губерний. Деревня состояла из четырех аймаков (*Түбән, Ю'ары, Ура', Жани'*). Недалеко от деревни находилось кладбище.

ЧЕРНЫЕ ЗЫБЫНЫ

15. Деревня Баишево (*Баиш*).

Старожилы рассказывали, что в старину между русскими из с. Ташенки и татарами из Касимова произошла битва из-за земель. Убитых татар похоронили у д. Баишево. Отсюда пошла поговорка «Берег Баиша — войны начало» (*Баиш сугышы — сугыш баишы*). Сохранилась легенда о том, как богатырь, живший на берегу Оки, перекидывался топором с богатырем, жившим на противоположном берегу реки в Татарской слободе Касимова. У сибирских (томских) татар сохранилась похожая легенда о двух богатырях, живших на противоположных берегах реки Томь и имевших на двоих один золотой топор, который они перекидывали через реку.

16. Деревни Колубердеево (*Ташлы'*), Сафоново (*Сахун*), Баишево (*Баиш*) основали пленники тюркского происхождения, вероятно, из Крыма.

17. Деревня Толстикovo (*Тусти'*).

Поселение было образовано переселенцами из Балушева Починка, основателем которой был татарин *Ба'уш*.

С историей поселений касимовских татар и Касимовского ханства связано образование села Бастаново Сасовского района Рязанской области. В родословной жителей из села Бастаново говорится о приходе в 1479 г. в Касимов крымского царевича Нур-Давлета, который после похода на Золотую Орду переселил в Касимов из Астрахани много народа — около двух тысяч семей. После его смерти астраханцы покинули Касимов и основали село Бастан¹. Его жители не относят себя к касимовским татарам, несмотря на брачные связи между ними и общность многих элементов традиционной культуры. Такого же мнения придерживаются касимовские татары и мишари.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— Часть первая.— СПб., 1863.— С. 91; Ахметзянов М. И. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах (по спискам XIX—XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук.— Казань, 1981.— С. 57.

Список информаторов*Город Касимов:*

Ахмад Муртазинович Ишимбаев
 Фатиха Муртазиновна Ишимбаева
 Сара Ишимбаева
 Фарханас Баширова
 Алима Баширова
 Хадый Баширов
 Амина Мусина
 Асия Вергазова
 Фатима Ахмедовна Тугеева (Шакулова)

Село Болотце:

Арифа Тухватуллина
 Найма Арифовна Муратова
 Алим Бекбулатов

Деревня Тебеньково:

Махузя Дуймакаева (Котлыбулатова)

Село Подлипки:

Абдрахман Зайнетдинов
 Азизулла Исабаев (1886)
 Махузя Исабаева
 Маршида Минеева (1902)
 Ариф Минеев (1896)

Село Торбаево:

Сафа Обузов
 Мадина Обузова
 Гани Алиевич Бекбулатов
 Маршида Биюшева

Село Ахматово:

Роз-Мухаммед Хафизович Агжитов (1923)
 Алим Хабибуллович Тугеев (1897)
 Махира Адхамовна Тугеева (1895)
 Якуб Хайруллович Танкачев (1909)
 Абдул Хасанович Будаев (1896)
 Махинур Изятулловна Будаева (1896)
 Нурия Абдулловна Баязитова (1922)
 Диялфруз Хасановна Танкачева (1910)
 Искандер Абдуллович Баязитов (1909)

Сафья Баязитова (1913)

Рабига Тугушева (1903)

Амина Алеевна Сапогова (1911)

Деревня Темгенево:

Зухра Шаховна Балтачеева (1896)

Захида Алеевна Тюменева (1900)

Садия Хасановна Бултачеева (1905)

Хасан Хафизович Шакулов (1917)

Айша Шакировна Шакурова (1918)

Деревня Кушниково:

Рабига Хафизовна Бикужева (1903)

Деревня Поляны:

Маршида Атаулловна Надюкова (1906)

Латифа Шарифовна Бекбулова (1890)

Деревня Кучуково:

Махинур Алеевна Бермилеева (1910)

Гирей Алеевич Агжитов (1902)

Афия Валеевна Агжитова (1908)

Деревня Собакино:

Фатиха (Алтынкай) Ахмедовна Брундукова (1895)

Шамсия Тугеева

Деревня Алишево:

Хусаин Хамзич Янбаев (1896)

Мафузя Хасановна Янбаева (1898)

Деревня Кадышево:

Амина Хабибулловна Кураева (1905)

Айша Абдулловна Кураева (1900)

Махинур Бекбулатова

Деревня Беркеево:

Шамсия Тугеева (1915)

Деревня Шегошаново:

Абдулла Аббасович Янгузов (1883)

Нафиса Хасановна Тугеева (1906)

Найма Хасановна Тугеева (1903)

Село Шилино:

Бибинур Валеевна Кашаева (1913)

Гани Кашаев (1893)
 Арифилла Кашаев (1910)
 Арифилла Курмашев (1906)
 Рабига Курмашева (1909)
 Ашраф Бибишева (1892)
 Нафиса Девишева
Село Мунтово:
 Хафиз Атауллович Бермилеев
 (1903)
 Махинур Афиатулловна Бермилеева
 (1892)
 Фатих Халилулович Бикеев (1903)
 Фазиля Абдулловна Колтышева
 (1898)
 Маршида Хасановна Девишева
 (1910)
 Хадича Рахматулловна Бикеева
 (1892)
Село Сеитово:
 Махузья Карамышева (1915)
Село Толстиково:
 Гайша Асайдулловна Канчурина
 (1904)
 Махузья Садековна Шакулова
 (1910)
 Зухра Хусаиновна Мусина
 Зиннур Ахмадеевич Аипов (1921)
 Сабира Ахмадеевна Канчурина
 (1909)
 Карим Канчурин
 Сабира Аипова (1910)
 Фатих Хайруллович Аипов (1910)
 Сафия Ганеевна Аипова (1920)
 Фатима Шакулова (1895)
 Карим Адильгиреевич Аипов (1898)
 Амина Хайбулловна Аипова (1899)
Деревня Башишево:
 Ахиджан Тембеков (1908)

Фатима Тембекова (1909)
 Алей Хасанович Тембеков (1886)
 Нафиса Тембекова (1893)
Деревня Сафоново:
 Мафузья Ялымова (1900)
 Абдрахман Ялымов (1893)
 Арифа Ялымова (1905)
 Махинур Ялымова (1911)
Деревня Колубердеево:
 Сафия Хасановна Адольшина (1911)
 Умяр Ганеевич Адольшин (1910)
 Айша Бибишева (1892)
 Махира Ибрагимова (1909)
Село Царицыно:
 Мэхфузья Муралеева
 Абдул-Азиз Муралеев (1913)
 Афила Турташева (1913)
 Фатима Давлеткамова (1900)
Город Санкт-Петербург:
 Зайнаб Таканаева (1910)
 Али Брундуков
 Айша Фатхулловна Балтачиева
Город Казань:
 Найма Газизулловна Ширинская
 (Байбекова) (1896) (из с. Подлипки)
 Гани Хабибуллович Байбеков
 (1902) (из с. Царицыно)
 Анвар Хусаинович Заюшев (из
 д. Барамыково)
 Сания Минеева (из с. Подлипки)
 Махинур Гиреевна Муратаева
 (1914) (из с. Царицыно)
 Алия Валеевна Бикуюева (из г. Касимова)
 Таиса Махмудовна Заломова (из
 г. Касимова)

Фамилии касимовских татар¹

- Абузовы (Обузовы), проживали в с. Подлипки.
- Апуевы, проживали в д. Шилино, с. Подлипки.
- Арслан, Арслановы (хан халкы), известны с XVII в.
- Акбулатовы, беки.
- Акмаевы.
- Абдюковы, с начала XIX в. муллы из Саратова.
- Агжитовы, муллы; улан Акжит Мустафа, известен в Касимове с 1557 г., проживали в д. Темгенево, Кучуково, Кадышево.
- Агеевы.
- Адольшины, из д. Колубердеево, по преданию, из Крыма.
- Азаматовы.
- Азаматовы, проживали в с. Подлипки.
- Азимхановы, из уйгур.
- Акалаевы (Кулаевы).
- Акбулатовы.
- Акчурины из Казани.
- Алтабаевы.
- Алышевы.
- Аляновы, купцы (тезики).
- Альбетковы, баи.
- Алькеевы, проживали в д. Ахматово.
- Асаковы.
- Аиповы, проживали в д. Толстиково, Ахматово.
- Ахматовы, князья.
- Ахмировы, учителя из Казани.
- Аюповы, проживали в с. Сеитово, д. Мунтово.
- Бадеевы.
- Байшевы.
- Байбазаровы, проживали в д. Мунтово.
- Байбековы, известны с XVII в., выходцы из Казани, проживали в с. Торбаево, Подлипки.
- Байбуровы (Бабурова), из с. Торбаево.
- Байкузины (Байгузины), проживали в д. Шилино, с. Подлипки.
- Байсуковы (Байсукины), из Крыма.
- Байрашевы (Баярашевы).
- Байчеевы, из д. Кушниково.
- Байчурины, проживали в с. Подлипки, Торбаево.
- Балбековы, проживали в д. Ахматово.
- Бакеевы, проживали в с. Подлипки, Болотце.
- Балтачевы, проживали в д. Темгенево, Шегошаново.
- Балыковы, проживали в с. Подлипки.
- Баранаевы, из с. Подлипки.
- Баранчевы, из с. Подлипки.
- Бастановы, нугай, выходцы из Астрахани с XVII в.
- Батеровы.
- Бахтеевы.
- Башировы (Фаттах Баширов), муллы, из мишарей.
- Баязитовы, проживали в д. Ахматово.
- Бегловы, из Сибири (табул халкы).
- Бекбулатовы (Бикбулатовы), князья, известны с XVII в., являются выходцами из киргизкайсацких степей, потомки хана Саин-Булата (в XIX—XX вв. были муллами в с. Тарбаево), проживали в д. Казаково, Поляны, Кадышево, с. Болотце.
- Беляевы.
- Бекмировы.
- Бергазовы (Вергазовы), потомки касимовского царевича Арслана Алеевича, внука сибирского хана Кучума.
- Бермилеевы (Бирмилеевы) из д. Мунтово, Кучуково.

¹ Часть списка фамилий была составлена Ибрагимом Арслановым в 1982 году, другая часть — Ф. Л. Шарифуллиной на основе материалов из хозяйственных книг сельсоветов 1970—1980 гг.

- Бибишевы, проживали в д. Колубердеево, Шилино, Поляны (тамга найман).
- Бигаевы, проживали в д. Шилино.
- Бигишевы, из подгруппы Черных зыбынов.
- Бикбулатовы (см. Бекбулатовы).
- Бикеевы, проживали в д. Темгенево, Ахматово, Мунтово.
- Биккановы, из с. Болотце.
- Биккуевы, из д. Кушниково.
- Биошеры, муллы, проживали в с. Торбаево.
- Бирмилеевы, из д. Мунтово, Кучуково.
- Биошеры.
- Богдановы, проживали в д. Шегошаново, Кушниково.
- Брундуковы, проживали в д. Собакино, Мунтово.
- Будаевы, проживали в д. Ахматово, Шегошаново.
- Булатовы, из Казани, учителя.
- Бултачевы, проживали в д. Темгенево, Шегошаново.
- Буртасовы, из мордвы (мокша).
- Бурнашевы, выходцы из Казани.
- Валеевы.
- Вергазовы (Бергазовы), потомки касимовского царевича Арслана Алеевича, внука сибирского хана Кучума.
- Гиреевы, выходцы из Крыма.
- Давлеткильдеевы (Девлеткильдеевы), выходцы из киргиз-кайсацких степей, потомки хана Саин-Булата.
- Даудовы (Давыдовы), из Казани.
- Девишевы (Дивишевы), проживали в д. Танкачево, Шилино, Шегошаново, Кучуково.
- Давлекамовы (Давлеткамовы, Девликамовы), из с. Царицыно, муллы, проживали в д. Шилино.
- Дуймакаевы, из с. Царицыно, муллы.
- Девятковы, из с. Бастаново.
- Дебердеевы.
- Делисовы, проживали в д. Мунтово, с. Подлипки, Торбаево, Болотце.
- Джадаевы, из с. Торбаево.
- Джангуловы, из д. Колубердеево, Баишево.
- Дивеевы, проживали в д. Шилино.
- Дубовы, проживали в д. Мунтово, Шегошаново.
- Еналеевы, из Астрахани, нугай.
- Ерзины, из мордвы (мокша).
- Зайнетдиновы, муллы, проживали в с. Подлипки, Торбаево.
- Заюшевы, из д. Барамыково.
- Исабаевы, проживали в с. Подлипки.
- Итакаевы, из села в Белом аймаке.
- Ишимбаевы, купцы I гильдии, известны с середины XVI в.
- Ишмуковы.
- Калеевы, из с. Болотце.
- Канчурины, из д. Толстиково.
- Канцеровы (Кансаровы).
- Карамышевы, мурзы, из с. Сеитово, позднее проживали в д. Ахматово.
- Кастровы (Костровы), купцы I гильдии, известны с середины XVI в., проживали в г. Касимове, выходцы из Казани.
- Касьяновы, проживали в д. Кучуково.
- Кашаевы (Какаевы), проживали в д. Ахматово, Шилино, Собакино.
- Кебутери, эмигрировали в Тифлис.
- Кондраковы.
- Кильдеевы, из с. Царицыно.
- Колтышовы, проживали в д. Мунтово.
- Котлобулатовы, проживали в с. Подлипки.
- Котломометовы, проживали в с. Подлипки.
- Кулаевы.
- Кураевы, из д. Кадышево.
- Курамакаевы, из с. Царицыно.
- Курмашовы, проживали в с. Подлипки, д. Мунтово, Шилино.
- Лапковы, мусульмане с русской фамилией.

Лаишевы, из Казани, известны с XIX в., проживали в д. Ахматово. Майсовы, проживали в с. Подлипки. Максutowы (Максудовы), беки, служилые татары с XVI в., выходцы из Казани или из казахов. Малеевы (Маулеевы.) Муратовы, из г. Касимова. Мамаевы, из Казани. Маматовы. Маминовы, из Казани, проживали в д. Шилино. Манасыповы, из с. Торбаево. Мимичевы, из Казани. Минеевы, из мордвы (мокши), проживали в д. Ахматово, с. Подлипки. Муртазины, из с. Торбаево. Муралеевы. Муратаевы, из с. Царицыно. Муратовы, из с. Болотце. Мурсалимовы, младшая ветвь Костровых. Мусаевы, из купцов. Мусины, проживали в д. Толстикovo, Кадышево. Нугаевы, выходцы из Астрахани с XVII в., нугаи. Нуралеевы, проживали в д. Ахматово, Шилино, Собакино. Надеевы, выехали из г. Касимова. Надюковы, из д. Поляны. Обузовы (Абузовы), проживали в с. Подлипки. Рахмаевы, из Казани. Рашидовы. Рамазановы. Сабаеты, из Черного аймака. Сабитовы, проживали в д. Ахматово, с. Болотце. Сабуровы (обрусели). Сакаевы, проживали в с. Подлипки, д. Мунтово, Ахматово. Сапаровы, из мордвы (мокша), проживали в с. Подлипки. Сапоговы, проживали в д. Ахматово. Сапуковы, проживали в с. Подлипки. Саркеевы, из с. Болотце.

Сеит-Шакуловы. Семинеевы, проживали в с. Торбаево. Сенчилеевы, мурзы, известны с XVII в., проживали в д. Шегошаново, Кучуково, Кушниково, с. Болотце. Синдюковы. Симаковы, из д. Тебеньково. Сулеймановы, проживали в д. Ахматово. Султанаевы, проживали в д. Толстикovo, с. Подлипки. Султановы по прозвищу Щабаровы. Сургузины, проживали в д. Шилино. Табеевы, из с. Азеево, мишари. Тавкелевы (Тевкелевы), выходцы из киргиз-кайсацких степей, потомки хана Саин-Булата. Таканаевы, коренные городские татары из г. Касимова, проживали в сс. Подлипки, Болотце, д. Сафоново, Мунтово, Шилино. Такмашевы, из с. Царицыно. Таминдаровы. Танкачевы, проживали в д. Танкачево, Ахматово. Танеевы, выехали из Касимова во время революции 1917 г. Татуковы, из Темникова (и, видимо, из Астрахани), проживали в д. Мунтово, с. Подлипки, Болотце. Тевкелевы (см. Тавкелевы). Тембековы, из д. Баишево. Терегуловы, из Темникова и, видимо, из Астрахани. Туртасовы, из с. Царицыно. Тубеевы, проживали в д. Шилино, Мунтово, происходят из сибирских татар, известны с XVII в., турали. Тугеевы, происходят из сибирских татар, известны с XVII в., турали, часть из них проживала в д. Ахматово, Шилино, с. Подлипки. Тубакаевы, из с. Болотце. Тугушевы, проживали в д. Ахматово. Тукузовы, из с. Торбаево.

- Тукузины, из с. Торбаево, Подлипки.
Тугушевы.
Тукмаковы.
Турташевы, из с. Царицыно.
Тюменевы, из мишарей, проживали в д. Байшево, Темгенево, Шегошаново.
Уразовы, проживали в д. Ахматово.
Урмановы.
Урманчеевы.
Усмановы, проживали в д. Подлипки.
Утюшевы.
Утекеевы, из с. Болотце, чуралар.
Утягановы.
Ушаковы, проживали в с. Торбаево.
Худайбердыевы, из сеитов-улемов, известны с XVII в.
Хасановы.
Хабибуллины, приехали из Казани в 1938 г.
Хайретдиновы, из Казани.
Хамбековы.
Ханбековы.
Хамитовы.
Хушбахтеевы, проживали в с. Подлипки.
Чанышевы, выходцы их киргиз-кайсацких степей, потомки хана Саин-Булата, проживали в д. Толстиково.
Чалдыкаевы, из с. Подлипки.
Шакуловы, сеиты, потомки Расул-Магомеда, в Касимове и Елатье с XVI в., часть людей из этого рода проживала в д. Темгенево.
Шакуровы, из мишарей.
Шакировы, проживали в д. Шилино.
Шалфутдиновы, проживали в с. Подлипки.
Шаяботдиновы (Шиябетдиновы), проживали в с. Подлипки.
Шелбетдиновы, проживали в д. Ахматово.
Ширинские, из крымских беков, потомки Бахмета Мещерского, проживали в с. Подлипки.
Шияфутдиновы, проживали в с. Подлипки.
Ялымовы, проживали в с. Толстиково, в д. Байшево, Колубердыево, Ахматово.
Якуповы.
Янбаевы, известны с XVII в., проживали в д. Ахматово.
Янгазитовы, проживали в с. Подлипки.
Янгузовы, проживали в д. Кадышево, Шегошаново.
Янсуповы, известны с XVII в.
Ямашевы.

Семья касимовских татар

Молодожены

Татарки из г. Касимова

Жилой дом. Конец XIX — начало XX в., с. Подлипки, Касимовский р-н

Соборная ханская мечеть и минарет (1467 г.) в г. Касимове

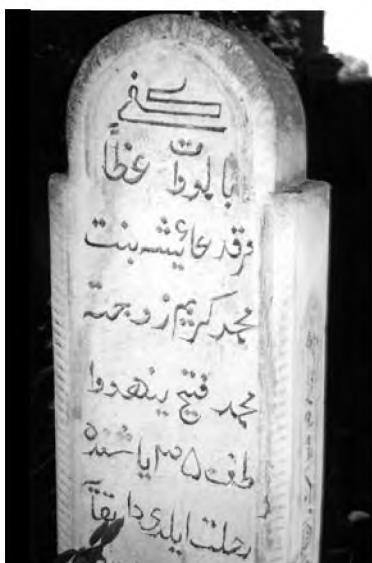
Новая мечеть в г. Касимове.
Реставрация 1999 г.

Мавзолей (текие) Авган-
Мухаммед-Султана (1648 г.),
на Старотатарском кладбище
г. Касимова

Мавзолей Шакуловых
(нач. XIX в.) на Новотатар-
ском кладбище г. Касимова

Часть Новотатарского кладбища г. Касимова

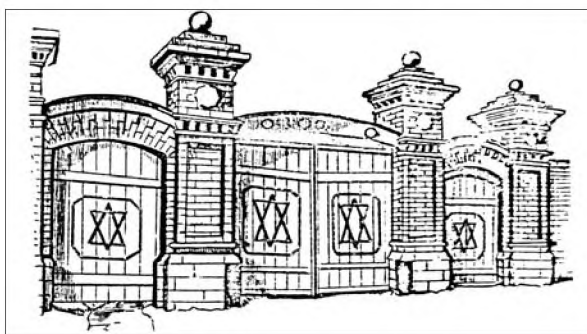
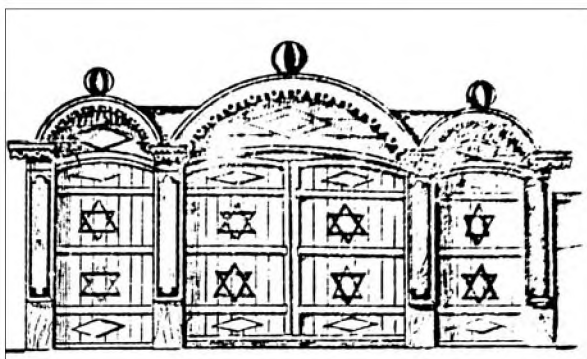
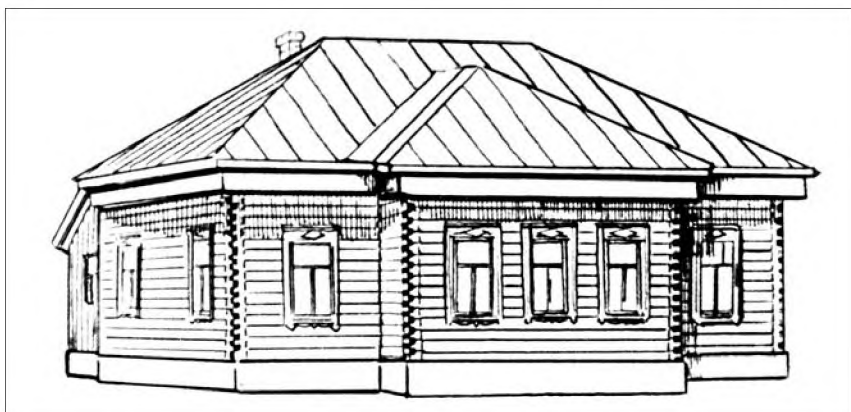
Могильная плита Гаиши, дочери Мухаммад-Карима, на Новотатарском кладбище г. Касимова

Эпитафийная плита Синдюкова Ш.В.

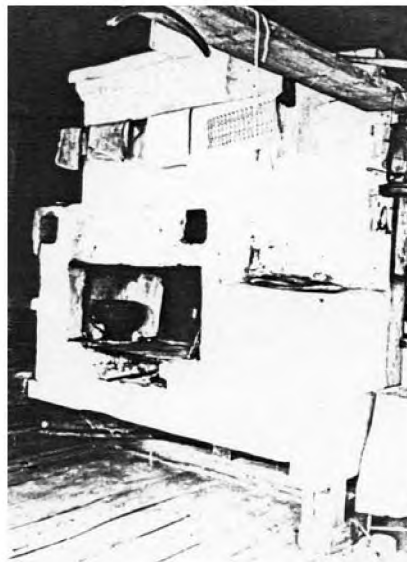
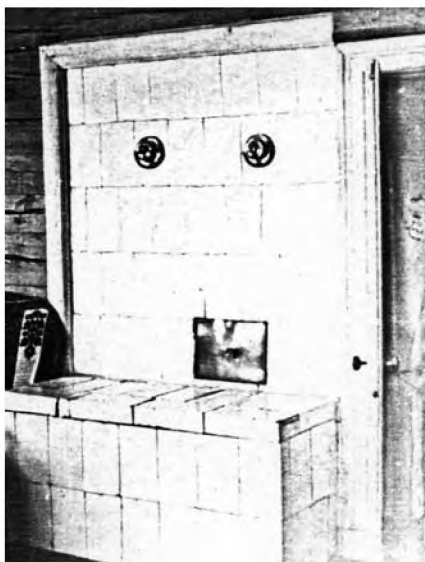
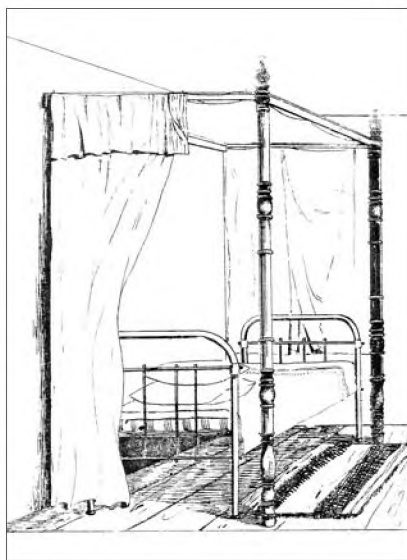
Мавзолей хана Шах-Гали (1555 г.) в центре г. Касимова

Эпитафийные плиты рубежа XIX-хХ вв. на Новотатарском кладбище г. Касимова

Жилой дом касимовских татар

Ворота жилых домов (кон. XIX — нач. XX в.), г. Касимов

Крыльцо «тамбур» (кон. XIX — нач. XX в.)

Кровать с пологом (кон. XIX — нач. XX в.)

Печь-голландка (кон. XIX — нач. XX в.)

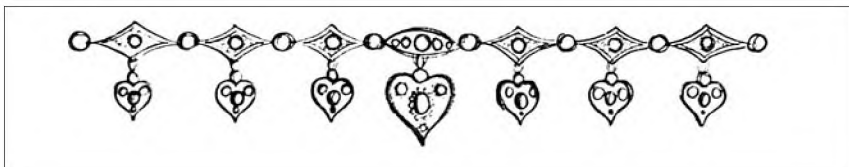
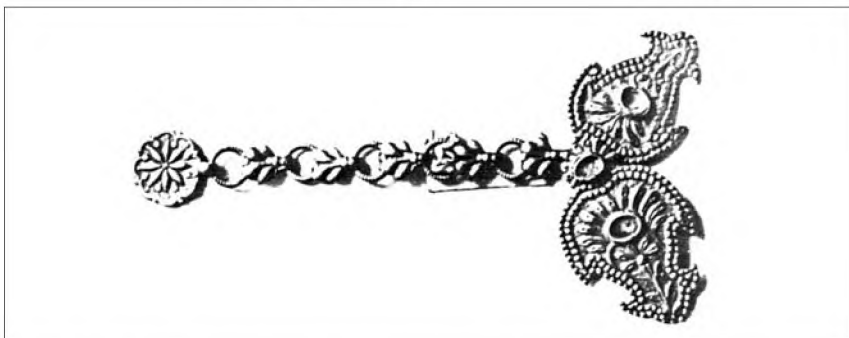
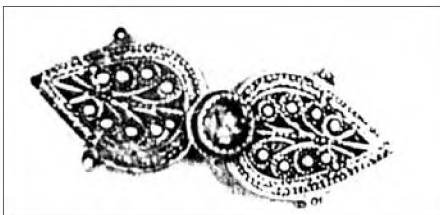
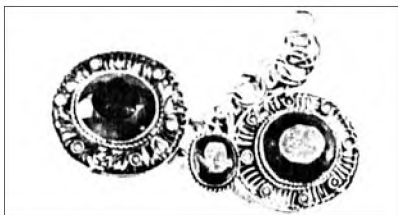
Хлебопечарная печь (кон. XIX — нач. XX в.)

Комплект одежды касимовской татарки
(сер. XIX — нач. XX в.)

Застежки (сер. XIX — нач. XX в.)

Ожерелье (сер. XIX — нач. XX в.)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
-----------------------	---

РОДОСЛОВНЫЕ КАСИМОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Родословная основателей Касимовского ханства	6
Родословная князей Максудовых	7
Родословная Алиша	11
Шеджере сеидов Шакуловых	15
Родословная татарского просветителя Каюма Насыри	25
Родословная родов с. Чертуши Новошешминского района Татар- стана	31
Родословная Хасана, сына Салиха, из с. Чертуши	33
Родословная Сулеймана Кирмани	41
Родословная Девлеткильдеевых	55
Родословная Байбековых	56
Родословная Дебердиевых	58
Из этнической истории татар села Азеево	60
Родословная Дэрдменда (Закира Рамиева)	64
Родословная мирзы Капкай (Капкай) Уразгильдиева	66
Родословная Туйгильди из села Энтуганово (Янтуган) Буин- ского р-на Республики Татарстан	69
Родословная Акчуриных	70
Родословная музр Ширинских	74
Родословная князей Кудашевых	76
Родословные выходцев из Касимовского края в генеалогиче- ском сборнике с. Ахуново Учалинского района Республики Башкортостан	78
Родословная Даушевых	78
Родословная рода Ибни-хана	90
Родословная рода Джантугар-бия	96

ЭПИТАФИЙНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАСИМОВСКИХ ТАТАР	100
--	-----

ВЫХОДЦЫ ИЗ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В КАСИМОВСКОМ ХАНСТВЕ

Династия ханов крымского происхождения в Касимове. Крат- кая родословная крымских ханов-чингизидов, правивших в Касимовском ханстве	120
---	-----

Родословная Гирей-мирзы	123
Родословная князей Апаковых (Сулешевых)	125
Род Крыма	128
Род Бебиша из Пензенской губернии	134

ВЫХОДЦЫ ИЗ АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА НА КАСИМОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Родословная астраханских ханов в г. Касимове	138
Потомки хана Шах-Гали в Заказанье	142
Шеджере князей Мустафиных	154
Родословная обрусевшей ветви князей Мустафиных	160
Родословная с. Красная Горка	161
Происхождение населения с. Бастаново	162
О родословной Ризаэддина бине Фахретдина	165
Родословная Чураша из с. Каргополь Алькеевского р-на Татарстана	168
Родословная сибирского царевича Ураз-Мухаммет-хана	169

НОГАЙСКО-КАСИМОВСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Представители аристократии Ногайской Орды в Касимовском ханстве	172
Род князей Урусовых	173
Род князей Юсуповых	174
Шеджере потомков Сююндюк-мирзы	177
Родословная Тюмень-бабы	192
Родословная Еникеевых, выходцев из Темниковского уезда... ..	195
Родословная муллы Тухфатуллы Сафарова из Костромы	196
Родословная Будалея	198
Родословная князей Еникеевых	201
Родословные предков с. Новые Тинчали Буинского района Республики Татарстан	202

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ КАСИМОВСКИХ ТАТАР СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

Историография и источники	211
Исторический очерк	220
Сельское хозяйство и промыслы	244
Поселения, жилища и хозяйственные постройки	263
Одежда и украшения	282
Пища и домашняя утварь	307
Обряды, праздники, доисламские верования	319

Заключение	350
Список сокращений	353
Приложение I	354
Приложение II	359

Научно-популярное издание

Ахметзянов Марсель Ибрагимович
Шарифуллина Фарида Лутфулловна

КАСИМОВСКИЕ ТАТАРЫ

(по генеалогическим и этнографическим материалам)

Редактор *Ч. И. Ялалова*

Художественное оформление *Л. С. Золондиновой*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Г. Г. Камаловой*

Компьютерная обработка иллюстраций *Э. Ф. Нурмухаметовой*

Корректор *А. Р. Шайдуллина*

Подписано в печать с оригинал макета 08.02.2010. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага
офсетная. Гарнитура «Антиква». Печать офсетная. Печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 22,38.
Тираж 300 экз.

Издательство «Магариф». 420059. Казань, Оренбургский тракт, 20а.

Тел./факс (843) 277-52-88; 2777-52-62.

E-mail: magarif@mail.ru

<http://www.magarif.com>

ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.